

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2015 • Том 208

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ
ЧАСТЬ 2**

VI Санкт-Петербургские социологические чтения

Международная научная конференция

17–18 апреля 2014 года, Санкт-Петербург

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского государственного института культуры
2015 • Том 208

Социология культуры: опыт и новые парадигмы. Часть 2
VI Санкт-Петербургские социологические чтения
Международная научная конференция
17–18 апреля 2014 года, Санкт-Петербург

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 208-го сборника научных трудов:
А. Ю. Русаков (отв. ред.), Т. В. Захарчук (зам. отв. ред.), А. С. Тургаев,
А. Е. Хренов, О. А. Бороноев, С. А. Владимирова (отв. секретарь)

Редакторы-составители:
д-р ист. наук, проф. А. С. Тургаев,
канд. филос. наук, доцент А. Е. Хренов,
д-р филос. наук, проф. А. О. Бороноев

Редактор: М. Е. Лисовская
Дизайн макета: С. А. Владимирова
Верстка: М. Е. Лисовская
Выпускающий редактор: С. А. Владимирова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 12.10.2015. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 21,5. Тир. 100. Зак.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ) 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У

ISSN 2308-0051

Сайт: http://www.spbgik.ru/structura_university/izdatel/trudy/
РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883
Киберленинка: <http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv>

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Раздел V. Историческая память как культурный феномен

- И. В. Кутыкова. Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации (Irina V. Kutykova. Historical memory of the new generations in conditions of socio-cultural transforms) 7
- И. В. Воробьева. Историческая память и историческое сознание россиян: современное состояние и тенденции (Irina V. Vorobyova. Historical memory and historical consciousness of Russians: contemporary state and trends) 16
- О. В. Халлисте. Роль исторической памяти в «защитном» этническом конфликте: актуализация травмы социальной идентичности (Olga V. Khalliste. The role of historical memory in «protective» ethnic conflict: updating the trauma of social identity) 22
- О. А. Максимова. Энтелехии поколений российского общества в контексте исторической памяти (Olga A. Maksimova. Entelechies of Russian society generations in the context of historical memory) 32
- А. В. Матецкая. Проблема архаизации постсоветской культуры (Anastasia V. Matetskaya. The problem of archaization post-Soviet culture) 38
- Н. А. Михеева. Всероссийская интерактивная выставка «Православная Русь. Романовы. Моя история» как инновационный проект (Natella A. Mikheeva. The all-Russia interactive exhibition «Orthodox Russia. Romanovs. My history» as the innovative project) 47

Раздел VI. Социокультурные изменения и экономическое развитие: анализ взаимовлияния

- Т. В. Шипунова. Культурное пространство потребительского общества и homo possible (Tatiana V. Shipunova. The cultural space of the consumer society and homo possible) 57
- Н. И. Боенко. Регулирование трудовой занятости как «провокация» современной культуры взаимодействия (Natalya I. Boenko. The regulation of labor employment as «provocation» of modern culture of interaction) 66

Я. С. Рочева, С. И. Бояркина. Сфера сервиса в социокультурном измерении (Yana S. Rocheva, Saniya I. Boyarkina. The service sector in the socio-cultural dimension)	76
Т. И. Самсонова. Социокультурная компетентность специалистов сферы сервиса (Tatiana I. Samsonova. Socio-cultural competence specialists in the field of service)	83
С. И. Бояркина. Инновационные предпринимательские технологии формирования экологической культуры горожан (Saniya I. Boyarkina. Innovative entrepreneur technologies for citizen's ecological culture formation)	90
М. В. Дубенкова. Брендинг как фактор социокультурных изменений в современном российском обществе: на примере индустрии товаров для детей (Marina V. Dubenkova. Branding as a factor of social and cultural changes in modern Russian society on the example of industry of goods for children)	98
Е. Ю. Мартынов. Корпоративная культура в социальном пространстве современного города (Egor J. Martynov. Corporate culture in social space of the modern city)	104
Л. Д. Михеева, С. С. Домбровская. Корпоративная культура и программы лояльности в ресторанном бизнесе Финляндии: на базе исследования в городах Хельсинки и Тампере (Ludmila D. Mikheeva, Svetlana S. Dombrovskaja. Corporate culture and programs of customers' loyalty in Finnish restaurant business: case of Helsinki and Tampere)	108
С. В. Рассказов. У истоков исламских корпораций и корпоративного управления: социокультурный контекст и этическая парадигма (Sergey V. Rasskazov. At the root of Islamic corporations and corporate governance: the sociocultural context and ethical paradigm)	119
К. С. Карасева, А. В. Петров. Социокультурные коммуникации и инновационный потенциал трудовых ресурсов в условиях экономической глобализации (Katarina S. Karaseva, Alexander V. Petrov. Socio-cultural communications and the innovative potential of human resources in the context of economic globalization)	130
Н. Н. Покровская, А. Л. Слободской. Социокультурная идентичность и экономическое поведение в современном российском обществе (Nadezhda N. Pokrovskaja, Alexandre L. Slobodskoi. Socio-cultural identity and economic behaviour in Russian companies)	139
Г. Ю. Чурин. Проблемы и перспективы устойчивого развития Санкт-Петербурга в рамках социокультурного пространства современного города (Gleb Yu. Churin. Problems and perspectives of sustainable development within the framework of sociocultural space of contemporaneous city)	151

Раздел VII. Роль доверия в структуре культуры

- О. Н. Козлова. Культуры доверия: опыт социологического анализа
(Oxana N. Kozlova. Cultures of trust: the experience of sociological analysis) 157
- Н. С. Скок. Влияние субъективного времени на социальное поведение
в контексте проблем доверия: украинская реальность
(Natalya S. Skok. Influence of subjective time on social behavior
in the context of concerns about trust: Ukrainian reality). 168
- О. В. Китайцева. Вызовы культурного разнообразия стран Восточной
Европы в контексте доверия (Olga V. Kitaitseva. Cultural diversity
of Eastern-european countries in the context of social trust) 176
- А. Е. Хренов. Роль доверия в конструировании социальных институтов
(Andrey E. Khrenov. The role of trust in the construction of social institutions) 183

Раздел VIII. Политическая и правовая культура

- В. А. Гуторов. Дихотомия Восток-Запад в структуре сравнительного анализа
политической культуры (Vladimir A. Gutorov. The West-East dichotomy
in the structure of comparative analysis of political culture). 193
- Н. А. Баранов. Политическая культура России: традиции и современность
(Nikolay A. Baranov. Political culture of Russia: traditions and modernity) 203
- А. М. Баженов, Т. М. Мартынова. Политический режим в контексте
социокультурной динамики современного российского общества
(Anatoly M. Bajenov, Taiana M. Martynova. Political regime in context
sociocultural dynamic contemporary Russian society) 214
- В. П. Милецкий. Правовая культура как фактор консолидации и стабильности
современного российского общества (Vladimir P. Miletski. Legal culture
is a factor of consolidation and stability of the modern Russian society) 222
- А. В. Шевцов. Понятие «электоральная культура» в отечественной
отраслевой социологии и политологии (Alexey V. Shevtsov. The concept of
«electoral culture» in the domestic industry of sociology and political science) . . . 229
- А. В. Солдатов, А. А. Солдатов. Политическая культура как фактор
формирования электорального поведения граждан России
(Alexander V. Soldatov, Andrey A. Soldatov. Political culture as
a factor of electoral behaviour formation of citizens in Russia) 239

Г. А. Меньшикова. Культура публичности как маркер демократичности современного общества и государства (Galina A. Menshikova. The culture of publicity as the attribute of democracy in modern states and societies)	246
П. М. Шишко. Формирование культуры государственной службы в Российской Федерации (Pavel M. Shishko. Creating a culture of public service in Russia)	258
Д. Н. Черезов. Социокультурные институты гражданского общества в структуре социальной политики современной России (Dmitry N. Tcherezov. Social and cultural civil institutions in the structure of the social policy of modern Russia)	268
П. И. Смирнов. Национальный интерес как фактор сохранения (формирования) национальной идентичности в периоды преобразований (Petr I. Smirnov. National interest as the factor of preservation (formation) of national identity during the periods of transformations)	277
Раздел IX. Образование как продукт и способ формирования культуры	
П. И. Рысакова. Статус теоретического знания в современном образовании: новые подходы в современной социологии образования (Polina I. Rysakova. Social meaning of theoretical knowledge in contemporary education: towards new approaches in sociology of education)	289
С. И. Росенко. Образовательная дифференциация современного российского общества (Svetlana I. Rosinko. Educational differentiation of modern Russian society)	298
М. А. Ласточкина. Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии (Maria A. Lastochkina. Socialization of modern youth: contrasts of the center and periphery)	303
Ю. М. Якимов. Миссия воспитания и интеграция российского общества (Yury M. Yakimov. Mission of education and integration of the Russian society)	314
Е. В. Строецкая. Идея университета в зеркале культурных трансформаций и социальных изменений (Elena V. Strogetskaia. Idea of a university in the mirror of cultural transformations and social change)	319
Н. К. Гуркина, А. Б. Гуркин. Город и городская культура в формировании личности народного учителя (Nina K. Gurkina, Andrey B. Gurkin. The city and urban culture in the formation of a national teacher).	329
Сведения об авторах	335

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

УДК 316.346.36:316.64(470)"1990..."

И. В. Кутыкова

Историческая память нового поколения в условиях социокультурной трансформации

Историческая память рассматривается как многоаспектный компонент исторического сознания, фундаментальное основание культурно-исторической идентичности. В центре внимания содержание исторической памяти нового поколения постсоветской России, поколения 1990-х гг., и проблемный аспект ее функционирования. Содержание исторической памяти раскрывается через хранимые в памяти молодого поколения образы исторического героя и воспоминания об исторических периодах и эпохах в отечественной и всемирной истории.

Ключевые слова: новое поколение, социокультурная трансформация, исторический герой, исторический период и эпоха, содержание и проблемы исторической памяти

Irina V. Kutykova

Historical memory of the new generations in conditions of socio-cultural transforms

The historical memory as many-sided part of historical consciousness and fundamental foundation of the cultural-historical accordance are considered. The article considers the maintenance of historical memory of the new ages post-soviet Russia and its problem aspect. The maintenance of historical memory is opened across image of historical hero and remembrance about historical periods, epoch in native and world history.

Keywords: new age, social and cultural transformation, historical hero, historical periods and epoch, maintenance and problems of historical consciousness

Нет исторической памяти – и нет исторического
глазомера.

В. О. Ключевский

Историческая память есть компонент исторического сознания, с которым связано, собственно, хранение исторических образов и понятий, их воспроизводство посредством трансляции, а также высвобождаемых воспоминаний об исторических событиях, фактах, лицах в условиях современной социальной и повседневной действительности. Историческая память представляет собой скрепу культурно-

исторической идентичности и основание исторической дальнорзости для субъектов исторической реальности. Историческая память – объект социогуманитарного познания. Основными эпистемологическими «гранями» исторической памяти являются ее содержание, функционирование, проблемы. Предмет исследования исторической памяти подвижен и разнообразен.

Внимание исследователей к исторической памяти в полной мере соответствует многогранности исторической памяти и сложности ее состояния в условиях трансформирующегося общества: память о советском прошлом, устойчивость исторической памяти и ее значение в воспитании патриота и гражданина, связь исторического знания, воспитания и исторической памяти, формы воплощения исторической памяти, историческая память в массовом сознании, связь исторической памяти и власти, функции исторической памяти в современной культуре, проблемы культуры памяти¹.

В условиях социокультурной трансформации гносеологический, онтологический и прогностический интерес представляет историческая память новых поколений, в частности первого поколения постсоветской России, т. е. рожденных в начале – второй половине 1990-х гг. Характеризуя положение современной молодежи в обществе, сами студенты отмечают его нестабильный и противоречивый характер². Студенты-технологи, принявшие участие в опросе в 2006–2010 гг., акцентируют внимание на конфликте исторического былого и настоящего, на индивидуалистических и прагматических ценностных ориентирах современников, выражают беспокойство кризисным состоянием духа; одновременно признают непреходящее значение исторического прошлого для восприятия и понимания исторического настоящего, а также представлений о должном и традиционном в жизни современника. История представляет собой духовную потребность первого постсоветского поколения. «Наше прошлое, наша история», как подчеркивает С. И. Муртузалиев, обращаясь к вопросу этногосударственной идентификации россиян, для 48% респондентов является основанием для этнической идентичности³.

Содержание исторической памяти новых поколений раскрывается через вопросы исторической личности (исторического героя), исторических событий, фактов, явлений. Для первого постсоветского поколения тема исторического героя актуальна. Согласно результатам исследования исторического сознания учащейся молодежи постсоветского поколения, у большинства респондентов существует свой герой в истории (78,6% – 2006 г.; 67,5% – 2010 г.; 56% – 2013 г.). Сохраняются предпочтения студентов во взгляде на «своего героя» в отечественной/мировой истории. Доминируют исторические лица отечественной истории.

Среди названных имен героев отечественной истории, по частоте упоминаний имен, лидируют политические деятели (58 – 2006 г.; 95 – 2010 г.; 25 – 2013 г.): 1) Петр I, Екатерина II, И. Сталин; 2) кн. Ольга, Владимир Красное Солнышко, Иван Грозный, Елизавета Петровна, Александр II, В. Путин; 3) Николай I, Николай II, В. Ле-

нин (по результатам исследования 2010 г. В. Ленин занимает второе место после Петра I). На втором месте оказываются полководцы, военачальники (11 – 2006 г.; 41 – 2010 г.; 22 – 2013 г.): 1) Г. Жуков; 2) А. Невский, А. Суворов; 3) Ф. Ушаков, М. Кутузов; 4) Д. Донской, М. Барклай-де-Толли, А. Колчак. Третье место занимают деятели отечественной культуры (10 – 2006 г.; 19 – 2010 г.; 15 – 2013 г.), главным образом, А. Пушкин, а также Е. Дашкова, М. Ломоносов, В. Жуковский, Н. Гоголь, Л. Толстой, В. Маяковский, З. Гиппиус, М. Кшесинская, Ф. Достоевский, П. Чайковский, А. Ахматова, А. Толстой, М. Складовская-Кюри, поэты военного времени, А. Солженицын (2006–2010 гг.).

В аналогичной последовательности (государственные деятели, полководцы, мыслители и деятели культуры) упоминают исторических лиц школьники в середине первого десятилетия XXI в., согласно результатам исследования Т. П. Путятиной. Сложности связаны с тем, что треть школьников не отвечает на вопросы о знании ими отечественных общественных, политических, религиозных деятелей, деятелей культуры и искусства русской истории и практически не знает героев советской истории⁴. Специфической чертой, как отмечает Д. Н. Косяков, выступает мифологизация истории, выражающаяся в том, что в сознании обывателя исторические деятели превращены «в персонажей большого постмодернистского шоу, наделенных минимумом индивидуалистических атрибутов и идеологических ярлыков»⁵.

Согласно результатам исследования автора, весьма малочисленно героями истории в 2006 г. студенты называют народ и представителей семьи и рода. В 2010 г. для 21 % первокурсников и 16 % второкурсников представление о «героях истории», главным образом, связано с Великой Отечественной войной. Для 56 % школьников в 2013 г. вопрос о наличии исторического героя не вызывает никакого сомнения. Большую уверенность в ответе на данный вопрос демонстрируют учащиеся 11-го (61%), чем 10-го (50%) класса. Названные респондентами исторические герои принадлежат, преимущественно, отечественной истории. Среди них первостепенное значение сохраняют политические деятели (Петр I; И. Сталин; Николай II и В. Ленин; Екатерина II, Николай I, П. Столыпин, Николай II, Л. Троцкий), а также полководцы, военачальники, космонавты (А. Суворов; К. Жуков; А. Невский, Кутузов, Ю. Гагарин; П. Нахимов, Л. Корнилов, А. Колчак, К. Рокоссовский). Замыкают ряд исторических героев деятели культуры (А. Пушкин; М. Ломоносов; М. Булгаков, Л. Толстой, А. Ахматова, С. Есенин, И. Павлов, А. Сахаров, И. Курчатов, Л. Ландау, С. Курехин, С. Бодров). Примечательная особенность результатов ответов на данный вопрос в 2013 г. в том, что школьники признают историческим героем народ, родственников, сражавшихся за Россию.

Аксиологическую константу отечественных исторических предпочтений современной учащейся молодежи образует эпоха и личность Петра I. Согласно результатам исследования М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, в середине 90-х гг. XX в. респонденты, в том числе молодежь в возрасте 18–26 лет, назвали исторических лиц

и исторические события, вызывающих наибольшую гордость. Данный перечень составляют личность и дела Петра Великого; золотой век Екатерины II; отмена крепостного права, революция, правление Сталина, «оттепель», «застой» и т. д. К 2007 г. петровский период в целом сохраняет центральное положение на ценностной шкале исторических образов, но, по сравнению с данными середины 1990-х гг., его привлекательность несколько снизилась. Применительно к молодежи – с 48 до 40%. Петровские преобразования ближе всего студенчеству, выпускникам вузов (47%), а в середине 90-х гг. прошлого века и для молодежи с высшим образованием (65%). В поиске достойных символов российской истории все поколения останавливают выбор на периоде 1945–1970 гг. Имеет место возрождение ответственности российской истории в связи с ее восприятием молодым поколением по аналогии со старшим. Наиболее выдающимися историческими событиями России выступают достижения в области космонавтики, победа в Великой Отечественной войне, восстановление страны после военной разрухи⁶. Исторические события, лица, периоды, закрепленные в сознании истории учащейся молодежью, современницей модернизации начала XXI в., преимущественно, соответствуют предпочтениям респондентов в условиях перестройки и постперестроечный период, как показывают результаты исследования массового исторического сознания: Петр I, Екатерина II, Александр II, Великая Отечественная война, Великая Октябрьская социалистическая революция, период застоя и «оттепели», перестройка и реформы 1990-х гг.⁷ Советское прошлое, согласно результатам опроса в Санкт-Петербурге, Казани и Ульяновске в 2003, 2007 гг., положительно влияет на нравственность современных россиян (44%) и положительно сказывается на развитии отечественной культуры (50%). В исторической памяти жителей данных городов удерживают свои позиции День Победы, В. Ленин, И. Сталин⁸. Представляется, что возрастающее внимание к советскому прошлому весьма предсказуемо в связи с активным самопознанием и самообретением в историческом контексте.

Личности всеобщей истории и культуры имеют второстепенное значение в ряду исторических героев (22 – 2006 г.; 46 – 2010 г.; 45 – 2013 г.), при этом историческая память студенческой и школьной молодежи многообразна на исторические имена, преимущественно, политических и общественных деятелей. В 2006, 2010 гг. лидируют такие исторические лица, как Клеопатра, Сократ, А. Македонский, Цезарь, Леонардо да Винчи, Ж. Д'Арк, король Генрих IV, Х. Колумб, Наполеон. Кроме того, историческими героями выступают фараоны, король Артур, Карл IX, Е. Медичи, И. Ньютон, Э. Че Гевара (первокурсники); Пифагор, Демосфен, Спартак, Шекспир, М. Лютер, Нострадамус, Вильгельм Телль, Робин Гуд, Гарибальди, Г. Галилей, А. Страдивари, Л. Бетховен, Вольтер, Бисмарк, М. Ганди, Т. Рузвельт, Э. Ремарк, Дж. Кеннеди, С. Дали, Диана, деятели учения дзэн, эпохи Возрождения и постимпрессионизма (второкурсники). Названные школьниками в 2013 г. исторические лица, указывают на то, что в исторической памяти удерживаются, главным образом, Эрнесто Че Ге-

варо, Леонардо да Винчи; А. Македонский, Цезарь. Кроме того, называются такие имена, как Генрих IV, Изабелла I, Дж. Мазарини, Т. Рузвельт, У. Черчилль, Елизавета Австрийская, Филипп Красивый, Б. Франклин, Отто фон Бисмарк, Дж. Кеннеди, Ганди, Мартин Лютер Кинг; С. Дали, З. Фрейд, Эйнштейн, Э. Ремарк, Ф. Меркьюри, О. Хепберн, Пуанкаре; Спартак, Цезарь, Колумб.

Исторические эпохи и периоды, страны, представляющие гносеологический и мировоззренческий интерес для молодых современников, являют собой показатель интенсивности и глубины исторических воспоминаний, их состояния. Особое значение для учащейся молодежи начала XXI в. приобретает Отечественная история. Первостепенное и возрастающее значение для студентов имеет история Отечества (42 упоминания – 2006 г.; 79 – 2010 г.), затем история стран Европы (Франции, Англии, Италии, Испании и др.) и всеобщая история (Древнего мира). Историческое сознание студентов-технологов к 2010 г. выдвигает на лидирующие позиции начало XX в. в истории Отечества, распад СССР и историю СССР в целом, время резких изменений. Пристальное внимание студенческой молодежи к концу первого десятилетия нового века, по количеству упоминаний в ответах на специальный вопрос, посвященный периодам и эпохам в отечественной истории, обращено на:

1. Российское государство периода московского княжества, Российскую империю, конец XIX – первую половину XX вв. (эпохи Петра I и дворцовых переворотов, «время Екатерины II», «начало XX в.», правление Романовых, в частности Николая II);
2. советское время (военную историю, в частности Великую Отечественную войну, II мировую войну; распад СССР; 70–90-е гг.);
3. «все/многое», в том числе периоды «резких изменений», новейшую историю (перестройку, петровскую Россию, время своего поколения, XXI в., «IX–XX вв.», «1980–2006 гг.»);
4. Древнюю Русь (принятие христианства, истоки Российского государства).

Школьники Санкт-Петербурга, принявших участие в опросе в 2013 г., преимущественно интересуют всеобщая история (102 упоминания), что, в общем, характерно для школьной молодежи. Как показали результаты исследования в 1996 г., Отечественная история вызывала интерес у 38% старшеклассников, принадлежащих поколению 1980-х, предпочтения 10-классников и 11-классников в данном вопросе разнились. К выпускному классу возрастает внимание учащихся к отечественной истории, главным образом, XX столетия. Для школьников привлекательные периоды и эпохи во всеобщей истории ранжируются следующим образом: Средневековье, Древний мир, XX в., все/многое, эпоха Возрождения и современность, Новое время. При этом предпочтения школьников также разнятся. Так, для 10-классников наибольший интерес во всеобщей истории вызывает средневековье и эпоха Возрождения, затем Древний мир; XX в.; Новое время; Новейшая история; все эпохи, или «многое». Для учащихся 11-класса интересна, во-первых, история Древнего мира и «все/многое» в истории, во-вторых, Средневековье, в-третьих, XX в., затем современность. Существенно расширяется круг названных респондентами стран,

историей которых интересуется новое поколение: США и Япония; Англия (Великобритания) и Германия; Франция; Испания; Дания, Ирландия, Италия, Турция, Норвегия, Дания, Швеция, Ямайка Индия, Китай.

Наиболее значимыми событиями в новейшей истории Отечества, как отмечает Т. П. Путятина, школьниками признаются победа СССР над фашистской Германией, Великая Октябрьская социалистическая революция, крах колониальной системы, образование двух супердержав, перестройка и распад СССР⁹. Обращаясь к теме памяти о советском, Г. М. Смышляева подчеркивает, «„советское прошлое“ генерирует историческую энергию, запускающую напряженную диалектику между памятью и забвением, травмой и формированием новых идентичностей». Память о советском является «неотъемлемой частью современного процесса социальной идентичности на постсоветском пространстве»¹⁰.

На исходе первого десятилетия XXI в. первостепенный интерес школьников Санкт-Петербурга вызывает отечественная история XX в., главным образом, СССР от начала возникновения до его распада. В истории СССР, кроме военной и политической истории, новое поколение интересуют культура и быт. История СССР, по признанию респондентов, привлекательна вследствие своей неоднозначности, необычности, непонятности для молодых современников. Во-вторых, интересна история России в XVIII в., преимущественно, время правления Петра I, затем дворцовые перевороты, в том числе правление Екатерины II, а также «все/многое», как, например, династия Романовых, XIX в., XVIII–XX столетия. Сохраняется интерес в истории Древней Руси, возникает интерес к истории постсоветской России, современной эпохе, как-то рубежу XX–XXI вв., «1990–2003 гг.»

Итак, невяную потребность нового поколения (78,6% – 2006 г.; 67,5% – 2010 г.; 56% – 2013 г.) в своем историческом герое, как и содержание исторической памяти в данном вопросе следует отнести к устойчивой тенденции исторического сознания поколения 1990-х. Историческая память удерживает, преимущественно, отечественных героев истории, при этом выражены политический и военно-политический аспекты, недостаточно развит ее культурологический аспект. Примечательно, что за период с 2006 по 2013 гг., согласно результатам исследования, произошли положительные изменения, связанные с признанием героями истории народа и представителей семьи и рода.

С 2006 по 2013 гг. наметилась тенденция преодоления категоричности позиции в вопросе следования примеру названных героев истории: от отрицания (2006 г.) и неопределенности (2010 г.) к готовности следовать примеру названных исторических героев (2013 г.). Данные изменения имеют характер индивидуалистический с тенденцией проявления желания утвердить устойчивое, упорядочивающее начало в своей жизни. Тема исторического героя, главным образом, принадлежащего отечественной истории, не только не утрачивает своей актуальности для нового поколения, но и закрепляется в его сознании. Имена лиц отечественной истории,

удерживаемые исторической памятью поколения 1990-х таковы: 1. Петр I, Екатерина II, Николай I, Николай II, В. И. Ленин, И. В. Сталин; 2. Г. К. Жуков, А. В. Суворов, А. Невский, М. И. Кутузов, А. Колчак; 3. А. С. Пушкин.

Ожидаемо возрастает первостепенное онтологическое и познавательное значение ближайшего прошлого в истории Отечества – истории СССР, истории XX в. Пристальное внимание рожденных в начале 1990-х, согласно результатам 2006, 2010 гг., обращено, главным образом, на историю российского государства периода московского княжества, российской империи, конца XIX – первой половины XX в. (эпохи Петра I и дворцовых переворотов, «время Екатерины II», «начало XX в.», правление Романовых, в частности Николая II). Относительно устойчивый характер носит интерес к истории Древней Руси (принятие христианства, истоки российского государства), возрастающий характер интереса студенческой молодежи связан с историей СССР (военная история, в частности Великая Отечественная война, II мировая война; распад СССР; 70–90-е гг.), а также «всех/многих» периодов, в том числе «резких изменений», новейшей историей (перестройки, петровской России, времени своего поколения, XXI в., «IX–XX вв.», «1980–2006 гг.»). К 2013 г. учащаяся молодежь акцентирует внимание на истории Отечества в XX в., главным образом, истории СССР от начала возникновения до распада, в том числе культуры и быта в СССР. Во-вторых, привлекает внимание история России в XVIII в., в частности правление Петра I, эпоха дворцовых переворотов, правление Екатерины II, и «все/многие» периоды, например, династия Романовых, XIX в., XIX–XX вв., в том числе военная история («1918–1945»); начало XVII в. («смута»), XVIII–XIX вв., XVIII–XX вв. История Древней Руси и постсоветской России замыкают ряд исторических периодов, интересующих новое поколение в отечественной истории.

Проблемный аспект состояния исторической памяти нового, первого постсоветского поколения выражен в хронологической неопределенности, ограниченности, редукции и однозначности оценки, в пробелах исторического знания. Для первокурсников-технологов и школьников характерна историческая неосведомленность, не аргументированность оценки исторического прошлого. Например, в ряду героев истории оказывается Гитлер, а избирая историческим героем В. Ленина, О. Бисмарка, респонденты отмечают их отрицательное и положительное значение соответственно. «В головах абитуриентов филфака, – подчеркивает Г. М. Шленская, – невероятная хронологическая мешанина, идущая от незнания истории». Особенно типична данная характеристика состояния знания отечественной истории советского времени¹¹.

Имена исторических героев, названные студентами и школьниками в 2006–2013 гг., ранжированы таким образом, что в отечественной и всемирной истории политики и общественные деятели, полководцы, военачальники занимают лидирующую позицию по сравнению с деятелями культуры, пребывающими на периферии исторической памяти.

Обращает на себя внимание возросший количественный показатель оставленного без ответа вопроса об историческом герое (3,4% – 2006 г.; 4% – 2010 г.; 23% – 2013 г.) и снижающийся показатель ответивших на него положительно. В период с 2006 по 2013 гг. произошло снижение количества респондентов (97% – 2006 г.; 58% – 2013 г.), способных назвать периоды и эпохи в отечественной истории.

Сосредоточивая внимание на решении существующих проблем исторической памяти, необходимо учитывать, что в студенческой гуманитарной среде имеет место и выраженная гражданская позиция, озабоченность судьбой страны, желание видеть Россию великой державой, как отмечает А. В. Святославский¹². Интерес и желание знать и понимать историю своей страны носит непреходящий характер в сознании студентов-технологов и школьников.

Новое, первое постсоветское поколение обладает исторической памятью, с присущими ей, как и историческому сознанию в целом, проблемами. Гносеологическое и мировоззренческое овладение историей, прежде всего, отечественной историей, в частности XX в., образуют потребность молодежи в наличии исторического глазомера. Развитие исторической памяти новых поколений в условиях трансформирующегося общества следует рассматривать в контексте формирования и развития исторического сознания и исторической культуры новых поколений России.

Примечания

¹ Проблемы исторической и культурной памяти в жизни современного общества: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярск. филиал НОУ ВПО «С.-Петерб. ун-т профсоюзов», 2011; Соколова М. В. Теоретические основы изучения исторической памяти: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008; Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011; Шеуджен Э. Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2012; Историческая память и формы ее воплощения: сб. ст. М.: Вост. лит., 2003; Социология власти: информ.-аналит. бюл. 2003. № 2: Историческая память в массовом сознании российского общества–2003; Историческая память, власть и дисциплинарная история: материалы междунар. науч. конф., Пятигорск, 23–25 апр. 2010 г. Пятигорск; Ставрополь; М.: ПГЛУ, 2010; Дубин Б. Н. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: Росспэн, 2011; Историческая память и диалог культур: сб. материалов Междунар. молодеж. науч. шк. Казань, 2012 г.: в 3 т. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. Т. 3; Сеницына Н. А. Историческая память как регулятив современной культуры: социол. анализ: автореф. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2008; Святославский А. В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013.

² Каймин С. Г. Проблема передачи традиций современной молодежи // Проблемы

исторической и культурной памяти в жизни современного общества: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярск. филиал НОУ ВПО «С.-Петерб. ун-т профсоюзов», 2011. С. 40.

³ Муртузалиев С. И. Советская историческая память и постсоветская идентичность россиян // Историческая память, власть и дисциплинарная история: материалы междунар. науч. конф., Пятигорск, 23–25 апр. 2010 г. Пятигорск; Ставрополь; М.: ПГЛУ, 2010. С. 426.

⁴ Путькина Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2007.

⁵ Косяков Д. Н. К проблеме мифологизации истории // Проблемы исторической и культурной памяти в жизни современного общества: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярск. филиал НОУ ВПО «С.-Петерб. ун-т профсоюзов», 2011. С. 52.

⁶ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Историческое сознание молодежи // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203.

⁷ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ соврем. состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14; Бойков В. Э. Десятилетие реформ в памяти российского населения // Социология власти–2001: Историческая память в массовом сознании населения Российской Федерации: информ.-аналит. бюл. М.: РАГС, 2002.

⁸ Соколова М. В. Теоретические основы изучения исторической памяти: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 85–86.

⁹ Путькина Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2007.

¹⁰ Смышляева Г. М. Память... память о советском // Проблемы исторической и культурной памяти в жизни современного общества: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярск. филиал НОУ ВПО «С.-Петерб. ун-т профсоюзов», 2011. С. 97.

¹¹ Шленская Г. М. Проблема манкуртизма в современной жизни и литературе // Проблемы исторической и культурной памяти в жизни современного общества: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск: Красноярск. филиал НОУ ВПО «С.-Петерб. ун-т профсоюзов», 2011. С. 108–109.

¹² Святославский А. В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. С. 529.

И. В. Воробьева

**Историческая память и историческое сознание россиян:
современное состояние и тенденции¹**

Историческое сознание является частью общественного сознания. Историческое сознание тесно связано с исторической памятью человека, группы людей, общества в целом. В современном российском обществе наблюдается существенное снижение интереса к истории страны. На формирование исторического сознания россиян существенное влияние оказывает искажение и противоречивый характер подачи исторической информации.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память

Irina V. Vorobyova

**Historical memory and historical consciousness of Russians:
contemporary state and trends**

Historical consciousness is part of the public consciousness. Historical consciousness is closely connected with the historical memory of a person, group of people, society as a whole. In modern Russian society there is a significant decline in interest in the country's history. The formation of historical consciousness of Russians substantially influenced distortion and contradictory nature of supply historical information.

Keywords: historical consciousness, historical memory

Определенным феноменом последних 20–30 лет стал усиливающийся интерес к осмыслению истории своей страны, как со стороны отдельных ученых, политиков, общественных деятелей, так и со стороны общества в целом. Как следствие, в СМИ появляется значительное число материалов, посвященных различным этапам и событиям истории нашей родины, в научной литературе и исследовательской практике увеличивается количество исследований и публикаций, направленных на осмысление различных исторических фактов и событий, их влияния на сегодняшнее фактическое положение страны. Одновременно с этим мы сталкиваемся и с попытками переосмысления отдельных исторических этапов, исторических персонажей, их роли и вклада в историю. На население в буквальном смысле вываливается многообразная и разноплановая историческая информация, носящая противоречивый, а иногда и откровенно неправдивый характер.

Такого рода тенденции не могут не вызвать интереса ученых к изменениям, происходящим в сознании широких общественных масс в части отношения к историческому прошлому своей страны. Все более актуальными становятся исследования, направленные на изучение исторической памяти и исторического сознания российского населения.

В современных научных источниках представлены различные точки зрения того, что представляет собой понятие «историческое сознание». Одной из первых фундаментальных работ в этой сфере стала статья Ю. Левады «Историческое сознание и научный метод». По мнению ученого, понятием «историческое сознание» «охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую данную эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практической» и «теоретической» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных»².

В толковом словаре обществоведческих терминов Н. Е. Яценко (1999 г.) «историческое сознание» трактуется как форма общественного сознания, представляющая собой сложную совокупность взаимосвязанных элементов: знание истории, осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков, социальное прогнозирование (исходя из понимания сущности настоящего, инвариантности прошлого и альтернативности будущего), осознание исторической ответственности за свою деятельность. Историческое сознание имеет индивидуальную, социально-групповую и историческую специфику. В свою очередь, Ж. Т. Тощенко рассматривает историческое сознание как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном, как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей»³. Представленные определения позволяют сделать вывод о том, что осмысление понятия «историческое сознание» невозможно без обращения к важнейшей составляющей «исторического сознания» – «исторической памяти».

Разумеется, существуют попытки не только научного теоретического осмысления данных понятий, но и множественные устремления эмпирически рассмотреть, осмыслить, оценить особенности исторического сознания населения на разных временных этапах. Например, какие исторические факты и исторические личности в большей степени сохранились в сознании людей, какие исторические события считаются наиболее значимыми, какова ретроспективная оценка различных исторических событий и т. п. Так, в своем исследовании «Историческое сознание молодежи» М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги прямо говорят о том, что повседневные события, факты и перемены оказывают непосредственное влияние на историческое сознание людей: «Многие аспекты исторического пути России за последние полтора десятилетия неоднократно пересматривались, причем оценки некоторых событий и явлений прошлого в средствах массовой информации, школьных учебниках и выступлениях ведущих государственных деятелей страны меняли свой знак с отрицательного на положительный и обратно»⁴.

Данные множества эмпирических исследований свидетельствуют о том, что интерес населения России к истории в целом, и историческому прошлому своей страны имеет негативную динамику. Например, результаты научно-исследовательского проекта проведенного Институтом социальных исследований и социологическим факультетом РГУ «Политическое сознание 25 лет спустя»⁵ свидетельствуют о том, что история нашей страны не вызывает у значительной части респондентов большого интереса. При этом только 43,3% от общего числа опрошенных дают однозначно утвердительный ответ, 36,7% говорят о том, что хотели бы знать и интересуются только отдельными вопросами истории страны, 4,2% затруднились с ответом на вопрос, а 15,7% респондентов высказали мнение о том, что им это не нужно и не интересно.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Хотели бы Вы знать больше об истории нашей страны,
о ее прошлом, о значительных исторических событиях?»**

	Возрастные группы, лет					Всего
	18–24	25–29	30–39	40–49	50 и старше	
Да	36,3	34,4	43,1	48,5	45,7	43,3
Да, но только по отдельным вопросам	41,1	49,4	36,5	31,2	34,1	36,8
Это мне не нужно	17,7	13,8	17,1	16,6	13,6	15,7
Затруднились ответить	4,8	2,5	3,3	3,7	6,6	4,2

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольший интерес к истории своей страны проявляют люди старшей возрастной группы (50 лет и старше). В возрастных группах 18–24 и 25–29 лет больше всего тех, кто считает для себя важным интересоваться только отдельными вопросами истории России.

Среди респондентов, интересующихся историей своей страны, больше людей с высоким уровнем материального положения. Для сравнения, среди тех, кто имеет высокий уровень материального положения 48,5% (больше, чем среднее значение), говорят об интересе к истории страны, и только 10,1% отвечают на этот вопрос отрицательно. В то время как у респондентов с низким уровнем материального положения 38,6% высказали интерес к истории страны, а 25,6% ответили «мне это не нужно». Таким образом, среди тех, кто проявляет к предложенной теме интерес, преобладают респонденты старшей и средней возрастной категории, проживающие в крупных городах, имеющие высшее образование и имеющие высокий материальный достаток.

Сравнительный анализ результатов исследования политического сознания населения проведенного в 1987 г. с данными 2013 г. (опрос 2013 г. проводился на том же инструментарии с незначительной корректировкой на сегодняшние реалии) показывает, что наблюдается существенное снижение интереса к истории своей страны. В 1987 г. только 2,1% опрошенных высказали мнение, что не испытывают интереса к изучению истории страны против 15,7% в настоящий момент, а 72,9% высказывают однозначный интерес к изучению истории страны, ее прошлого, значительных исторических событий против 43,3%, высказавших такое желание в настоящий момент. Таким образом, данные свидетельствуют о том, что за последние 25 лет интерес к изучению своей страны существенно снизился.

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Хотели бы Вы знать больше об истории нашей страны,
о ее прошлом, о значительных исторических событиях?»**

	1987 г.	2013 г.
Да, хотел (а) бы	72,9	43,3
Хотел (а) бы, но только по отдельным вопросам	18,9	36,8
Это мне не нужно	2,1	15,7
Затрудняюсь ответить	2,7	4,2
Не ответили	0,6	–

Похожие данные были получены в результате исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения. По данным этого исследования, историей своей страны интересуется большинство россиян (59%, в 2007 г. – 39%): 16% – постоянно, 43% – время от времени. Увлечение историей страны характерно прежде всего для высокообразованных респондентов (69%), столичных жителей (66%) и жителей средних городов (63%), а также тех, у кого в школе по истории была оценка «отлично» (76%). 39% опрошенных сообщили, что не проявляют интереса к истории: 28% отметили, что перестали интересоваться ею после школы (ВУЗа), а 11% признались, что никогда не увлекались историей.

Что касается того, каким темам необходимо уделять повышенное внимание при изучении истории России сегодня, то большинство опрошенных полагают, что все события должны рассматриваться в равной степени (58%). Остальные респонденты чаще всего указывают на важность более детального изучения темы Великой отечественной войны (10%). По 3% упоминают темы становления российского государства, военной истории и побед, по 2% предлагают уделять повышенное внимание изучению Древней Руси, выдающихся деятелей государства, культуры

и духовных ценностей, а также советского периода и новейшей истории страны и т. д.⁶ При изучении результатов исследования складывается некоторое ощущение, что информированность в отношении исторических событий страны происходит (у значительной части) только в результате изучения курса истории в школе или ином учебном заведении, а часть россиян, вообще мало интересуется историческими и политическими событиями и имеет очень короткую память. Так, например, отвечая на вопрос исследования проведенного фондом «Общественное мнение» «Какое из событий, произошедших в мире в 2013 г., вы назвали бы событием года?» (Открытый вопрос)⁷, 58% затруднились с ответом. Остальные 14% отметили события в Сирии, 6% – приостановку ассоциации Украины с Евросоюзом, массовые акции протеста на Украине, 8% – отметили в качестве важнейших событий различные стихийные бедствия.

Таким образом, можно говорить о том, что определенные сдвиги, происходящие в общественном сознании, не обошли и такую его часть, как историческое сознание и историческая память. Ряд ученых, например Ж. Т. Тощенко, говорят даже о так называемом феномене «манкрутизма», характерном для современного российского общества. Этот феномен знаменует историческое беспамятство, различные формы фальсификации прошлого, игнорирование ранее накопленного духовного богатства, препарирование исторических событий и процессов, претензии на трактовку истории в угоду шовинистическим, ксенофобским взглядам⁸. К огромному сожалению, в сегодняшних реалиях мы наблюдаем ситуацию, при которой, с одной стороны, люди утрачивают знания об истории своей страны, своего народа, своей семьи, утрачивают не только сами знания, но и интерес к познанию этой стороны жизни. И одновременно с этим, существуют политические силы стремящиеся поддерживать это забвение, прикладывая много сил для того, чтобы перечеркнуть определенные моменты истории, исказить их, придать иную окраску. Это характерно, как для самой России, так и для многих постсоветских стран.

Между тем, формирование гражданственности, патриотизма невозможно без знания истории своей страны, понимания этой истории и уважительного к ней отношения. Существенную роль в становлении исторического сознания подрастающего поколения могут и должны сыграть такие традиционные социальные институты, как семья, образование, культура, СМИ, государство и общество в целом.

Примечания

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14–18–02016.

² Левада Ю. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 191.

³ Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3.

⁴ См. подробнее: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Историческое сознание молодежи // Вестн. РАН. 2010. Т. 80, № 3. С. 195–203. URL: <http://civisbook.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁵ Опрошены 1200 человек в возрасте 18 лет и старше в 15 субъектах РФ по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности. Опрос проведен с 18 по 25 октября 2013 г. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от общего количества опрошенных. Опрос проведен в Краснодарском, Ставропольском краях, Амурской, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областях, в Москве и Санкт-Петербурге.

⁶ См. подробнее: Омнибус ВЦИОМ: еженед. опрос: инициат. всерос. опрос ВЦИОМ: проведен 20–21 июля 2013 г.; опрошено 1600 человек; 130 населенных пунктов, 42 областях, краях и республиках России; стат. погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁷ См. подробнее: ФОМнибус: опрос граждан РФ от 18 лет и старше: 8 дек. 2013 г.; 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов; интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁸ См. подробнее: Тощенко Ж. Т. Манкрутизм как форма исторического беспамятства // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. 2010. Т. 1. С. 224. URL: <http://lihachev.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

О. В. Халлисте

**Роль исторической памяти в «защитном» этническом конфликте:
актуализация травмы социальной идентичности**

Историческая память является одним из важнейших факторов формирования защитного этнического конфликта вследствие непрожитых этнической группой исторических обид, обусловленных ощущением беспомощности. Данный тип конфликта вызывается так называемой дилеммой безопасности, основным «спусковым крючком» которой является страх этногруппы или, по крайней мере, неопределенность в отношении намерений группы. Источником страха чаще всего выступает историческое прошлое, сформированное в четких верованиях и убеждениях социальной группы о бывших разногласиях и насилии. В результате происходит актуализация избирательной травмы, которая побуждает этногруппу к действиям в целях «защиты».

Ключевые слова: историческая память, этнический конфликт, защитный конфликт, образ врага, дилемма безопасности, актуализация прошлого, страхи, травма, историческая обида, этногруппа

Olga V. Khalliste

**The role of historical memory in «protective» ethnic conflict:
updating the trauma of social identity**

Historical memory is one of the most important factors of formation of protective ethnic conflict due un-lived ethnic group's historical grievances, caused a feeling of helplessness. This type of conflict is caused by the so-called security dilemma, which the main «trigger» is the fear of ethnic group or at least the uncertainty over the intentions of external groups. Historical past formed in social groups' beliefs in past disputes and violence is often a source of fear. In the result, the updating of the electoral injury that causes ethnic group to action in order to «protect» themselves.

Keywords: historical memory, ethnic conflict, protective conflict, image of an enemy, security dilemma, actualization of the past, fears, trauma, historical resentment, ethnic group

Историческая память определенной общности существует наряду с индивидуальной памятью и выступает механизмом трансляции социального опыта. Индивидуальная память опирается на историческую в силу своей ограниченности достаточно узкими пространственными и временными рамками. Человек не может помнить что было до его рождения, не может быть свидетелем всех событий, касающихся его этноса или нации, посему заимствует память национальную. Для того чтобы историческая память могла укрепить и дополнить индивидуальную память человека, необходимо, чтобы воспоминания, которые она несет, не были лишены связи с теми событиями, которые составляют прошлое индивида. Далее эти воспо-

минания отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из личного опыта, представлений, ценностей и установок.

В структуру исторической памяти входят: общественное сознание, которое представляется собой неовещественную, духовную культуру (язык, самосознание, нормы поведения, традиции, обычаи и т. д.), памятники культуры, воплощающие культуру материальную (документы, артефакты), а также бессознательное, куда включаются архетипы и этнический генофонд, где формируются те особенности, позволяющие нам говорить о национальном характере.

Учет фактора исторической памяти чрезвычайно важен для преодоления межэтнической напряженности и предотвращения перерастания ее в этнический конфликт в силу свойства анализируемого феномена особенно глубоко фиксировать национальные обиды. Данный феномен необходимо изучать междисциплинарно, учитывая опыт как социологов, так и политологов, конфликтологов и психологов. В аспекте заявленной темы интересен подход известного психоаналитика и политолога Вамика Волкана, который в своих работах говорит о передаче травмы из поколения в поколения или о трансгенерационной передаче травмы. Вот как автор описывает механизм вложения: «Некоторые взрослые могут активно, но преимущественно бессознательно, вкладывать их собственную травматизированную самость и травматизированные объектные образы, неважно, связаны ли они с конкретной потерей или нет, в развитие самоидентификации их детей. Хотя ребенок, который становится резервуаром, не является полностью пассивным партнером, тем не менее, ребенок не иницирует этот перенос образов; это «другой» (взрослый) иницирует этот процесс». Т. е. в некоторых случаях, когда психика человека не способна справиться с пережитой травмой или как-то переработать ее, эта травма бессознательно передается потомкам, при этом дети становятся резервуаром для невыносимых чувств своих родителей или других близких людей.

Распространяя данный феномен на этническую общность, психоаналитик приходит к выводу о том, что «когда члены преследуемой или пострадавшей в конфликте группы не могут справиться со стыдом, унижением, беспомощностью, и не имеют возможность оплакать свои потери, они принуждают последующие поколения, посредством того, что известно как трансгенерационная передача травмы, завершить эти неоконченные психологические процессы»¹. В результате возникает такое явление как «травма предков», которая может быть актуализирована спустя сотни и даже тысячи лет спустя (так называемый «коллапс времен»).

Однако в данной статье все же будет сделан акцент на социологическом анализе изучаемого феномена, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом. Ведь в самом общем виде психологи обычно определяют память как отражение сознанием того, что было в прошлом опыте, путем запоминания, воспроизведения и узнавания. Но, как справедливо отмечают социологи, когда речь идет о социологическом анализе,

это ментальное явление, превращается в социально-ментальное или социокультурное².

Историческая память нередко в современном мире становится предметом манипуляций политических элит в своих интересах (особенно это проявляется в этнократических обществах) и мобилизации этничности. Основными интересами элиты здесь могут выступать: политический (перераспределение власти, доступ к власти или ее укрепление, очернение политического противника) и экономический (подрыв или налаживание экономических отношений с другими государствами). Историческая память здесь становится **избирательной**, чему способствуют такие действия, как переписывание учебников истории, пропаганда исторических событий, освещенных в выгодном ракурсе, закрепление «новых» фактов на государственном уровне (государственные премии, награды, памятники «новым» или хорошо забытым героям).

Спекулирование на исторической памяти воспринимается большей частью людей, на которых оно направлено, по той причине, что сконструированный «образ врага» дает возможность оправдать свои поступки, негативный исторический опыт этноса, а также найти внешнего исторического врага, виноватого в сегодняшнем положении народа. Прошлое здесь начинает восприниматься через призму настоящего. Так, довольно показателен здесь пример Эстонии, где исторически обуславливается сегодняшнее неприятие частью эстонского населения всего, что связано с Советским Союзом, чествование и героизация ветеранов 20-й эстонской дивизии СС (Waffen-Grenadier-Division der SS (estnische Nr. 1))³, фальсификация исторических событий, их ложных толкований с применением така называемых «смягченных оценок фашизма».

В связи с вышеизложенным представляется интересным рассмотреть роль исторической памяти на примере так называемой целевой типологии этнических конфликтов, в соответствии с которой можно выделить защитные, статусные и гегемонистские этнические конфликты. **Статусные** конфликты возникают по причине предъявления претензий к существующему политическому положению этногруппы в данном обществе и требованию его изменить. Подобные требования связываются с территориальными практиками урегулирования конфликтов, а именно: формированием политической автономии, либо полным отделением и созданием нового независимого национального государства. Некоторые исследователи называют статусный конфликт сепаратизмом⁴, понимая под ним групповое стремление к отделению. **Гегемонистский** конфликт связан с требованием доминирующего политического положения этногруппы по отношению к другим этническим общностям (права так называемого титульного этноса). Сюда относятся требования привилегий определенной доминирующей этногруппы и ограничений другой или других групп в различных сферах жизни общества, начиная от участия в политических событиях, заканчивая возможностью открыто позиционировать себя

как представитель того или иного этноса и сохранять свою культурную самобытность. По мнению У. Альтерматта, подобные претензии могут быть обозначены как «этнизация» государства и общества, и могут реализовываться насильственными методами этнической политики на самых различных уровнях. Таким образом, здесь может быть использована и насильственная ассимиляция, и депортации, и геноцид⁵. И, наконец, **защитный конфликт** определяется как «межэтническая насильственная борьба, мотивированная потребностью в физическом выживании членов этногруппы»⁶. Представляется, что именно в данном типе этнического конфликта роль исторической памяти и проявление так называемых «культурных травм» проявляется в наибольшей степени. Защитный конфликт характерен в условиях либо полного отсутствия либо малоэффективного и разрушающегося централизованного правительственного контроля. Тогда для гарантии собственной безопасности и доступа к ограниченным материальным ресурсам этногруппы прибегают к вооруженной самопомощи.

В защитном конфликте основным фактором прибегания к этническому насилию, по мнению современных исследователей, является «дилемма безопасности» группы, проявляющая себя в случае, когда правительство оказывается неспособным контролировать правопорядок или выступает инициатором этнических репрессий. Страх насилия побуждает членов этногруппы к самозащите, и в итоге группы, конкурирующие между собой и естественным образом стремящиеся к выживанию в условиях отсутствия сильного правительства, начинают вооружаться с целью защиты собственной безопасности. Стремление к безопасности имеет определенные рамки, связанные с внешними группами, которые реагируют на угрозу ответной мобилизацией и вооружением. Дилемма безопасности заключается таким образом в следующих возможных вариантах: либо положиться на поддержку слабого правительства, либо увеличить свою безопасность комплексом ответных действий⁷.

Дилемма безопасности – проблема стратегического взаимодействия конфликтующих сторон, состоящая в том, что, стороны, относясь друг к другу с настойчивостью и опаской, и не имея внешней защиты своего физического существования, принимают активные меры по обеспечению своей безопасности с помощью мобилизации и милитаризации, тем самым создавая угрозу существования друг друга, что является мощным конфликтогеном в эскалации конфликта.

По мнению Б. Позена, дилемма безопасности характерна для обществ со слабым центральным правительством, таких, например, как традиционные монархии стран Ближнего Востока и Африки в доколониальный период⁸.

Дилемма безопасности специфична в своем сохранении воинствующего этноцентризма групп-участников, и отсутствии доверия к ненасильственным способам урегулирования конфликта. Как отмечается многими исследователями, дилемма безопасности проявляется не только лишь в случае слабого правительства, но

и перед конкретной этнической группой в случае односторонней поддержки правительством антагониста. В подобной ситуации этническая группа теряет доверие правительству и оказывается вынужденной искать собственные меры самозащиты, даже в случае риска поражения.

Интересно здесь отметить связь дилеммы безопасности с такой характеристикой этнического конфликта, как синергизм. Синергетическая составляющая этнического конфликта предполагает такое состояние конфликтующих сторон, при котором при возбуждении, усилении активности одной стороны, происходит возбуждение и усиление активности второй, равным образом как при торможении (ослаблении активности) одной стороны конфликта происходит торможение второй. Термин «синергетика» в переводе означает «совместный», «согласованный», «действующий». Что же касается термина «синергизм», то он трактуется как особый тип связи, при котором возникает симметричное усиление или ослабление активности обеих систем. Таким образом, **синергизм этнического конфликта** – это такое состояние конфликтующих сторон, при котором при возбуждении, усилении активности одной стороны, происходит возбуждение и усиление активности второй, равным образом как при торможении (ослаблении активности) одной стороны конфликта происходит торможение второй.

Защитные этнические конфликты могут стать предтечей затяжной насильственной фазы этноконфликта. Ситуации дилеммы безопасности чаще возникают под влиянием стремительных социальных изменений, которые нарушают баланс в отношениях между государством и этногруппами. Данный баланс поддерживается с одной стороны, с помощью лояльности этногрупп конституционному порядку, а с другой, с помощью государственного обеспечения безопасности существования всех членов общества.

В научном дискурсе сегодня существует две основные объяснительные модели ситуации защитного конфликта – структурная и перцептивная. В первом случае дилемма безопасности неизбежна в силу того, что обусловлена внешними обстоятельствами и ведет к самовооружению как средству противостояния угрозе физического потенциального или реального насилия (как, например, в ситуации Югославии). Так, с позиции С. ван Эвера (S. Van Evera), защитный конфликт будет нейтрализован, если участники спора сохраняют способность к добрососедству, а средства массовой информации не будут разжигать межнациональную рознь⁹. Во втором же случае возникновение дилеммы безопасности обуславливается манипуляциями национальным самосознанием с помощью информации.

Однако эти две объяснительные модели скорее дополняют, а не исключают друг друга, так как перцептивная ситуация может привести к структурной проблеме. Так, например, угроза собственной безопасности этногруппы может выявить неспособность к сохранению баланса, наличия этноцентризма, слабость правительства, уязвимость государственных структур и т. д.

Изначальной причиной возникновения дилеммы безопасности, которая является истоком защитного этнического конфликта, является беспокойство, обусловленное отсутствием стабильности и определенности в отношении намерений противника (в данном случае конкурирующей этногруппы). В результате чего может даже возникнуть страх, источником которого чаще всего как раз выступает историческая память о негативных событиях прошлого, так называемые «исторические обиды». Здесь проявляется закономерность, что если негативное событие, связанное с другой этнической группой, вызывает ассоциации с насилием, то акторы с большей очевидностью отдадут предпочтение самозащите в ситуации дилеммы безопасности. Следует отметить, что каждое новое поколение обращается к прошлому не только с целью осознания связей с минувшим и опоры на него, но и исходя из своих нынешних интересов. Представление об историческом прошлом является первым из компонентов национального самосознания и национальной политической культуры. Актуализированная политическая память, которая и есть историческое самосознание народа, предполагает ответы на вопросы: «Кто мы? Откуда пришли? Зачем существуем?». Культурные, исторические события осознаются людьми не просто как часть своего прошлого – по отношению к ним возникает субъективное ощущение связи, преемственность традиций. Историческая память не только социально дифференцирована, она подвергается изменениям. История самых разных культурно-исторических общностей знает множество примеров «актуализации прошлого», обращения к прошлому опыту с целью его переосмысления. Интерес к прошлому составляет часть общественного сознания, а крупные события и перемены в социальных условиях, накопление и осмысление нового опыта порождают изменение этого сознания и переоценку прошлого. В сети интерактивных коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, подвергаются переосмыслению и превращаются в символы групповой идентичности. Исторический опыт общества включает события, которые наложили отпечаток на «коллективную память» людей. К ним относятся войны, экономические и политические кризисы, оставившие яркие следы в обществе, имеющие значение для политического поведения.

Другие источники страха так же связаны с фактором исторической памяти, скорее даже с результатом манипулирования ею. Целью здесь может быть как легитимация существующего порядка с функцией позитивной социальной ориентации, так и, наоборот, противопоставление ему идеала утраченного «былого величия», формируя негативное восприятие происходящего, конструируя образ врага. Так, вторая причина беспокойства или страха связывается с потенциальной статусной депривацией этногруппы, т. е. с возможным лишением занимаемого положения и ограничением доступа к ресурсам, что может представлять угрозу дальнейшего существования всей группы. Отсюда представляется несостоятельным современ-

ное определение толерантности через понятие «терпимость». Однако сам процесс «терпения» не может быть долгим, он априори должен быть краткосрочным: терпеть иную культуру, иные традиции и обычаи человек может в качестве туриста, посещающего другие страны, в качестве студента вуза другого города и т. д. Таким образом, человек понимает, что он гость в данном месте, это не его территория, и он должен «потерпеть» даже если ему что-то не нравится. Однако, в настоящий момент программы, посвященные повышению уровня толерантности, подразумевают нечто совсем иное, что становится уже конфликтогенным фактором для разжигания межэтнических конфликтов, вплоть до возникновения ксенофобии. В под-сознании человека всегда существует определенное противостояние «Мы» – «Они», еще К. Юнг писал о «коллективном бессознательном». Следовательно, человеку необходимо четко идентифицировать себя с «Мы». Я – гражданин своей страны, житель этого города, Санкт-петербуржец, москвич и т. д. В результате складывается целый ряд характеристик, описывающих данную группу «Мы». Сюда может входить и язык, используемый данной группой, и определенные традиции, обычаи, нация, раса, конфессия и т. д. Одной из функций исторической памяти также является поддержание этой коллективной идентичности. Соответственно, если человек каждый день слышит непонятную для него речь, видит чуждые его культуре обычаи и т. д. – он воспринимает это как вторжение на свою территорию. Это своего рода форма самозащиты, потому что все, что остается непонятым, составляет группу «Они», по отношению к которой толерантность безусловно присутствует, но лишь в краткосрочной перспективе.

Еще в октябре 2010 г. канцлер Германии А. Меркель признала провал немецкой интеграционной программы, в феврале 2011 г. такое же заявление сделал Н. Саркози, бывший на тот момент президентом Франции. Данные примеры не исключение, а скорее закономерность в опыте построения мультикультурного общества в европейских странах. Зачастую понятие интеграции подменяется ассимиляцией, т. е. политикой полного растворения культуры одного этноса в культуре другого (титального), что, как мы наблюдаем, встречает активное сопротивление со стороны представителей этнических меньшинств. Основная проблема здесь заключается в том, что акцент делается на изучении языка титульного населения, в то время как мигрантами и представителями этнических меньшинств особую значимость представляют социально-экономические аспекты жизни в стране, в городе. Так, например, в прибалтийских странах, по мнению властей, ограничение русского населения только собственным языком может вызвать его политическую сепаратизацию. В то же время проблемам социально-экономической интеграции практически не уделяется никакого внимания. Что же касается языково-коммуникативного направления, то на практике оно концентрируется на уменьшении доли образования на русском языке. Система образования здесь рассматривается как один из ключевых факторов процесса интеграции. С одной стороны, улучшается знание языка участ-

ников процесса интеграции, с другой же – через обучение языку регулируется социализация и создается привычка к сосуществованию двух культур.

Таким образом, как показал опыт стран европейского пространства, интеграция, основанная лишь на изучении языка, не оказалась успешной. Рассматривать «национальный вопрос» без учета национальной идентичности представляется невозможным.

Безусловно, Россия испокон веков была полиэтнического государством, и на данный момент в РФ насчитывается более 180 национальностей. И ни в коем случае не говорится о поиске путей формирования моноэтнического государства, это противоречит всей нашей тысячелетней истории. Россия изначально возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Однако, вследствие непродуманной миграционной политики, избирательности применения закона со стороны властных структур, неуважения приезжих к обычаям, традициям порождает неприязнь среди местного населения вплоть до полного отторжения иных культур.

Ответная реакция на такую модель поведения – рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага – от «чужеродных конкурентов». Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность. Примеров здесь может быть множество: от празднования Ураза-байрам в Санкт-Петербурге в обстановке, близкой к хаосу и массовым погромам, шокирующего местного население, до недавнего случая в Москве, когда дагестанский свадебный кортеж проехал по улицам со стрельбой из оружия. Агрессивное, вызывающее, неуважительное поведение должно встречать соответствующий законный, но жесткий ответ, и в первую очередь со стороны органов власти, которые сегодня часто просто бездействуют.

Третий источник страха – межнациональное положение этногруппы, члены, которые проживают и пограничных государствах. Группа может опасаться, что внешнее правительство будет поддерживать другую группу по причине близких этнических связей. Так, например, возвращение Крыма в состав Российской Федерации вызвало истеричную реакцию в средствах массовой информации в Прибалтике, спекулируя на образе милитаризированного соседа, жаждущего присвоить себе все приграничные территории, на некоторых из которых русскоязычное население достигает более 90% (по официальным данным на март 2013 г. эстонцев в Нарве было 3,8%). В этом случае события примут циклический характер с обратной связью: этническое напряжение в государстве будет поводом для вмешательства внешних сил под националистическим предлогом. Угроза внешнего вмешательства приведет к этническому расколу общества. Наконец, конкурирующие за власть и влияние элиты способны манипулировать этническим сознанием и внушать ложную внеш-

ную угрозу, о чем уже говорилось выше. В качестве примеров информационного манипулирования сознанием населения с целью конструирования образа врага можно привести, например, распространение стереотипов в качестве достоверной информации (имперские амбиции россиян), фальсификации истории в ущерб интересам противника (на изданных в Японии картах и в учебниках Южные Курилы обозначены как японские), применение политики «двойных стандартов» в дипломатических отношениях («перезагрузка» отношений США и России), и др.

Таким образом, основной причиной, обуславливающей возникновение дилеммы безопасности (и, как следствие, защитного конфликта) является неполнота или искажение информации о намерениях этногруппы. Перманентная открытая межгрупповая коммуникация снизит взаимную настороженность и страхи, и предотвратит потенциальный насильственный конфликт. Причем необходимо подчеркнуть перманентность вследствие того, что информация имеет свойство постоянно обновляться и искажаться. Также нужно учитывать и тот факт, что этногруппы, которые выступали акторами насильственного этнического конфликта ранее, чаще находятся в ситуации дилеммы безопасности в настоящем времени.

Что же касается поведенческого аспекта участников защитного этнического конфликта, то здесь так же стоит обратить внимание на доступ этногрупп к ограниченным ресурсам. Можно выделить такие поведенческие практики, актуализирующие дилемму безопасности, как милитаризация образа жизни, что объясняется необходимостью защиты от насилия; конструирование образа врага, что приводит к так называемой дегуманизации этногруппы или даже ее «демонизации»; попадание в ловушку, когда насилие рассматривается как единственно возможная поведенческая практика доступа к ресурсам; и фатализм, усталость от борьбы за ресурсы и отчуждение, когда смыслом жизни становится лишь физическое выживание, и где характерен выход на передний план этнических элит. Такие практики наблюдались в странах, где имели место затяжные войны. Если рассматривать пространство Российской Федерации, то здесь в качестве примера может выступать Чечня. В качестве одного из видов поведенческих тактик в защитном конфликте следует также обозначить криминализацию этногрупп. Вследствие попытки предотвратить потенциальное ограничение доступа к ресурсам, группа может вступить во взаимодействие с организованной преступностью с целью материальных выгод либо каких-либо гарантий социальной защиты и помощи.

Таким образом, защитный этнонациональный конфликт основан на дилемме безопасности, мотивирован страхом за физическое выживание членов этногруппы в условиях отсутствия сильного правительства и сохранения оппозиционного этноцентризма в межгрупповых отношениях, где противники стремятся предотвратить ответную мобилизацию за счет:

- милитаризации этнических групп, их самовооружения;
- криминализации этнических групп;

– расширения этнической гомогенной территории, распространение насилия (этнические чистки)¹⁰.

Историческая память имеет особое значение в защитном механизме, становясь основным фактором конструирования «образа врага» и формирования страхов, обуславливающих возникновение дилеммы безопасности, приводящей к защитному этническому конфликту.

Примечания

¹ Volkan V. D. Large-group psychology in its own right. URL: <http://vamikvolkan.com> (дата обращения: 14.09.2015).

² Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 3–37.

³ Вручение орденов и медалей, приемы на правительственном уровне. В 2008 г. был выпущен украшенный агитплакатами Эстонского легиона СС календарь, который продавался во всех книжных магазинах Эстонии.

⁴ См.: Сепаратизм // Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1999. С. 620.

⁵ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / пер. с нем. С. В. Базарновой. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 145–147.

⁶ См.: Чернобровкин И. П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов н / Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 192 с.

⁷ Posen B. R. The security dilemma and conflict // *Survival*. 1993. Vol. 35, № 2. P. 27–47.

⁸ *Ibid.* P. 30–31.

⁹ Evera Van S. Primed for Peace after the Cold War // *International Security*. 1999. Vol. 15, № 3. P. 5–57.

¹⁰ Об этнических чистках в бывшей Югославии см.: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / пер. с нем. С. В. Базарновой. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. С. 3–17.

О. А. Максимова

**Энтелехии поколений российского общества
в контексте исторической памяти**

На основе материалов исследования, проведенного в форме массового опроса населения Республики Татарстан, автором осуществлен анализ субъективно определяемых границ и самооценок, даваемых респондентами представителям различных поколений российского общества. Данные самооценки могут быть охарактеризованы как субъективированный элемент исторической памяти поколений

Ключевые слова: поколение, энтелехия поколения, поколенческий анализ, историческая память поколений

Olga A. Maksimova

Entelechies of Russian society generations in the context of historical memory

According on the materials of a mass survey in the Republic of Tatarstan, the author analysed subjectively defined borders and self-evaluations by the respondents to the various generations of Russian society. This self-evaluations may be described as subjective element of the generations' historical memory

Keywords: generation, cohort, entelechy of generation, generational analysis, generations' historical memory

В исследовании феномена исторической памяти важную роль играет поколенческий анализ, который предполагает дифференциацию возрастных когорт, проживающих в определенный исторический период, не только по годам рождения, но и на основе общности определенного социального, культурного, политического опыта. Согласно поколенческому подходу, поколение – это не только совокупность рожденных в определенный период индивидов, но и специфическая общность, объединенная некоторыми едиными историческими свойствами и характеристиками. Не случайно П. Нора характеризует поколение как «место памяти»¹, подчеркивая тем самым тот факт, что близкие по периоду рождения когорты, с одной стороны, являются результатом воздействия на них исторических событий, а с другой стороны, сами становятся носителями коллективной памяти об этих событиях.

В качестве методологической основы исследования мы используем подход К. Манхейма, изложенный им в работе «Проблема поколений» (1928). По Манхейму, феномен поколений представляет собой «не что иное, как особое единство общественного положения, распространяющееся на возрастные группы, вовлеченные в социально-исторический процесс»². Таким образом, поколение характеризуется определенным положением в обществе, специфической взаимосвязью и единым социальным опытом. При этом у каждого поколения существует собственное

временное измерение и историко-культурное пространство. В поколении, выделенном на основе возрастного фактора, формируются подгруппы, зачастую разделяющие альтернативные ценности и установки. Связи внутри таких подгрупп гораздо более консолидированные, чем внутри поколения в целом; тем не менее, представители различных подгрупп образуют единое поколение, поскольку являются «формами интеллектуальных и социальных реакций на определенные исторические стимулы», воздействующие на всех представителей одной возрастной когорты в равной степени³.

К. Манхейм одним из первых обосновал необходимость переориентации позитивистского подхода в исследовании исторической памяти поколений на гуманитаристскую стратегию исследования, центральными категориями которой является понятие «жизненного опыта» и «жизненного курса» поколения. Как отмечают Дж. З. Гайел и Г. Х. Элдер⁴, в отличие от более ранних исследований, оперировавших заимствованным из антропологии и психологии понятием «жизненного цикла», исследования второй половины XX в. сконцентрировались на анализе социально обусловленных событий и ролей, проживаемых индивидом, которые в совокупности образуют коллективное представление о биографическом времени своего поколения. Отметим, что это биографическое время отражается в исторической памяти каждого поколения, преломляясь в субъективных оценках воспоминаний о прошлом представителей этих поколений.

Для характеристики качественной сущности поколений, чей социокультурный опыт формировался в определенный исторический период, мы обращаемся к категории **«энтелехия поколения»** (впервые использованной применительно к поколениям немецким философом В. Пиндером и конкретизированной К. Манхеймом), которая представляет собой ясно различимый новый импульс, новый центр конфигурации поколения. Энтелехия – это выражение общности внутреннего предназначения поколения, врожденного способа восприятия жизни и окружающего мира. Энтелехия является тем, что отличает одно поколение от другого, каждое поколение создает свою собственную «энтелехию» и лишь с ее помощью оно может приобрести качественное единство⁵.

Поколенческий анализ общества на основе выделения энтелехии поколений позволяет перейти от математического, количественного подхода в исследовании проблемы поколений к качественному анализу, предполагающему концентрацию исследователя «на понятии некоторой сущности, которую нельзя измерить, которую можно постичь лишь через призму личного опыта»⁶. Возникновение энтелехии у того или иного поколения, формируемого на основе возрастной стратификации, Манхейм связывает с активностью социальных трансформаций: ускорение темпа социальных и культурных изменений требует изменения базовых установок индивидов, при этом различные аспекты нового опыта комбинируются таким образом, что на их основе формируется новый мощный импульс, образуется центр новых

структур мировосприятия. «В таких случаях мы говорим о появлении нового поколенческого стиля, о новой **энтелехии поколения**»⁷.

Учитывая тот факт, что на протяжении последнего столетия российское общество подвергается значительным социокультурным и политическим трансформациям (Октябрьская революция 1917 г., Великая Отечественная война, «хрущевская оттепель», перестройка, постсоветские трансформации и т. п.), затрагивающим социум в целом и отдельные возрастные когорты, в частности, нами была выдвинута исследовательская гипотеза, что различные поколения россиян выступают носителями специфических энтелехий, формируемых в контексте коллективной исторической памяти. Данное положение использовано в качестве методологической основы при характеристике поколений российского общества, условно дифференцированных на основе возрастных параметров. В ходе исследования выделялись группы информантов в возрасте: 16–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–54 года и старше 55 лет. Мы исходили из того, что несмотря на различия в социальном статусе, уровне образования, месте проживания и т. д., все информанты одной возрастной когорты обладают некоторым общим социальным опытом, являющимся реакцией на социокультурную реальность того или иного периода развития общества.

В рамках массового опроса, проведенного нами по репрезентативной выборке в Республике Татарстан в 2013 г. (N=1450 чел.), была в адаптированном виде применена методика самоидентификации поколений, предложенная В. В. Семеновой⁸: респондентам задавался открытый вопрос о том, людей какого возраста они относят к своему поколению, и как бы они могли в нескольких словах охарактеризовать представителей этого поколения. На основе дискурсивного анализа самооценок, полученных в результате ответов на данный вопрос представителей разных возрастных когорт, предпринята попытка выделения специфических энтелехий поколений российского общества, а также энтелехий подгрупп внутри каждого поколения.

Сопоставление результатов нашего исследования, проведенного в конце 2012–начале 2013 г. с данными В. В. Семеновой, полученными десятью годами ранее, в 2002 г., позволило выявить следующую тенденцию, характерную для поколений российского общества. Если в начале 2000-х гг. все поколения в той или иной степени позиционировали свое положение в обществе как состояние «жертвы социальных процессов», что было характерно не только для старших и средних, но и младших возрастных когорт⁹, то по истечении десяти лет в значительно большей степени в ответах преобладают индивидуальные характеристики личностей. Респонденты значительно реже сопоставляли в самооценках свои поколения с теми или иными историческими или государственно-идеологическими семантическими единицами, нежели оценивали личные качества своих сверстников. Данный факт, на наш взгляд, отражает общую тенденцию, характерную для постиндустриально-

го, информационного общества, в соответствии с которой на смену коллективным идентичностям приходит индивидуализм. Данная тенденция, преломляясь в коллективной памяти поколений продуцирует и соответствующие индивидуалистические характеристики своего поколения, даваемые респондентами.

Обобщая самооценки респондентами своих поколений, представим их по нескольким «тематическим» блокам для каждой когорты.

Поколение 16–24-летних чаще всего характеризовало своих сверстников с позиций физических и психологических особенностей – как молодых, активных, энергичных, целеустремленных, мобильных, умных, легко адаптирующихся ко всему новому. Достаточно часто встречались и ответы, дающие негативную оценку: «эгоистичные», «наглые», «без воспитания и моральных ценностей», «избалованные», «ленивые», «испорченные», «поколение неправильных ценностей» и т. п. Сопоставление своего поколения с какими-либо историческими событиями в данной группе представлено в виде единичных ответов – «постперестроечное поколение», «поколение новой эпохи, постперестройки, с новыми взглядами и амбициями», что, на наш взгляд, обусловлено пока еще незначительным запасом исторической памяти у молодого поколения. Принципиально новой чертой, которая, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве энтелехии данного поколения, является самоидентификация его представителями с развитием цифровых технологий: «компьютеризированные», «поколение новых технологий» «лучше разбираемся в новейших технологиях, в новинках»; при этом встречались и негативно окрашенные семантические единицы: «IT-зависимые», «не могут обойтись без компьютеров и сотовых телефонов».

Поколение 25–34-летних демонстрирует большой объем коллективной памяти и чаще самоидентифицируется с историческими событиями. Данная когорта проходила стадию активной социализации в период постсоветских трансформаций, поэтому закономерно, что среди респондентов данной группы высказывались такие характеристики, как «дети времен перемен», «дети перестройки», «поколение переходного периода от старых устоев к новым стандартам жизни». Вместе с тем, также, как и в более молодом сегменте, в этой группе доминировали личностно-ориентированные оценки своего поколения с преобладанием позитивных: «трудолюбивые», «активные», «целеустремленные», «общительные», «коммуникабельные», «веселые», «оптимистичные» и т. п. Существенный акцент представители поколения делают на деловых качествах, необходимых для достижения жизненного успеха в условиях рыночной экономики: «карьеристы», «деловые», «настойчивые», «работоспособные», «расчетливые», «ищущие свою нишу в жизни, способ самореализации и возможность заработать как можно больше денег». Именно деловая активность, предприимчивость, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве энтелехии данного поколения, которое стало социальной базой постсоветских трансформаций, в условиях перехода от плановой социалистической модели

экономики к рыночной капиталистической. Этот исторический факт превалирует в коллективной памяти поколения. Стоит отметить, что в данной возрастной группе встречались и единичные негативно окрашенные высказывания, авторы которых полагают, что их поколение «отбортованное», «заброшенное», «потерянное».

Обобщая характеристики двух рассмотренных когорт, можно констатировать, что молодое поколение 16–34-летних демонстрирует высокий уровень индивидуализма, идентифицируя себя как часть поколения не столько с крупными социальными сообществами и историческими событиями, сколько с локальными общностями – ближайшим окружением, кругом друзей.

Средние поколения российского общества в большей степени ориентированы на коллективистские установки, хотя и среди них идентификация с историческими событиями и государственной идеологией уже не столь сильная, как это фиксировалось в исследованиях десятилетней давности. Среди респондентов 35–44 лет высказывались такие оценки своего поколения, как «воспитанные на патриотизме», «воспитаны на комсомольских и пионерских традициях», «воспитаны советским временем с четко выстроенной системой с моральными и материальными ценностями», «дети социализма». Данная когорта в период 1990-х гг. была в возрасте 16–25 лет, поэтому она в наибольшей степени ощутила на себе проблемы ресоциализации в условиях трансформации социально-экономической системы, когда ранее усвоенные нормы и ценности уже не соответствовали требованиям меняющейся социальной среды. И именно эта особенность, основанная на амбивалентности социализационных процессов, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве этнелегии данного поколения, что в исторической памяти поколения характеризуется следующим образом: «последние пионеры, испорченные добычей денег», «пожившие и при социализме, и при капитализме», «поколение, пережившее 90-е», «люди „старой“ и „новой“ страны», «сильные люди, которые стали свидетелями больших перемен». Трансформационные условия перехода к взрослой жизни, а также тот факт, что представители данной когорты находятся на пике периода экономической активности, обусловили значительную долю таких самооценок, как «работоспособные», «трудоголики», «умеющие работать», «добившиеся успеха». Среди негативных характеристик своего поколения встречались «неполноценные», «безнравственные», «испорченные алкоголем», «завистливые», «жадные», что отражает последствия социальной аномии, пережитой данной когортой в период активной социализации.

Старшие поколения, в отличие от молодежи и средних поколений, в значительной большей степени продемонстрировали в своей исторической памяти идентификацию с государственно-идеологическим дискурсом. В когорте 45–54-летних, в отличие от более молодых респондентов, появляются такие характеристики, как «патриоты», «воспитанные в духе патриотизма», «более патриотичные». Существенный акцент придается лексическим выражениям, характеризующим советский

период, на который пришлась стадия активной социализации данного поколения: «родившиеся при советском режиме», «советское поколение», «молодежь советского времени», «люди советской закалки». Именно идентификация с советским периодом может рассматриваться в качестве энтелехии поколения 45–54-летних россиян, отличая их не только от младших, но и от более старших респондентов, среди которых значительно реже встречались лексические аллегории «советского».

У поколений респондентов старше 55 лет преобладающей доминантой исторической памяти поколения является ностальгия. Это лексические характеристики и ушедшей молодости («в молодости были обеспечены работой и были уверены в завтрашнем дне, сейчас немного растерявшиеся», «пенсионеры», «постаревшие»), и накопленного опыта («опытные», «мудрые», «много повидавшие»), и позитивное сравнение себя с более молодыми поколениями («более открытые», «более позитивные», «более дружелюбные», «более спокойные и терпимые», «более нравственные», «проще в общении, чем молодые»). В обобщенном виде данное настроение выразил один из респондентов, дав характеристику своему поколению как «вечной ностальгии». Интересно, что в данной когорте опрошенных практически не встречались лексические единицы, напрямую апеллирующие к категории «советское», однако при характеристике личностных качеств своих сверстников они солидарно выделяли именно те ценности, которые рассматривались как наиболее значимые в советский период: «трудолюбивые», «честные», «порядочные», «воспитанные», «коллективисты», «в нас есть что-то святое и человеческое», «в нас меньше хамства, эгоизма, черствости». В обобщенном виде характеристику этого поколения в самооценках его представителей, которая, на наш взгляд, и может рассматриваться в качестве его энтелехии, выразил респондент, отметивший: «Мы – духовно богатое поколение». Действительно, как показало наше исследование, в исторической памяти россиян, рожденных в военный и послевоенный периоды, в наибольшей степени выражена идеологическая составляющая, в противовес сугубо материалистическим ценностям.

Примечания

¹ Нора П. Поколение как место памяти // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 48.

² Мангейм К. Проблема поколений // Там же. С. 20.

³ Там же. С. 26.

⁴ Methods of life course research: qualitative and quantitative approaches / ed. Janet Z. Giele, Glen H. Elder, Jr. Thousand Oaks: Sage Publ., 1998. С. 22.

⁵ Мангейм К. Указ. соч. С. 13.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Нора П. Указ. соч.

⁹ Мангейм К. Указ. соч. С. 110.

А. В. Матецкая

Проблема архаизации постсоветской культуры

Архаизация постсоветской культуры рассматривается как результат распада специфической советской модели рациональности, которая способствовала консервации мифологического мышления.

Ключевые слова: архаизация, постсоветская культура, модернизация, рациональность, традиция, идеология

Anastasia V. Matetskaya

The problem of archaization post-Soviet culture

The author focuses on the role that decay of soviet model of rationality played in archaization post-soviet culture.

Keywords: archaization, post-Soviet culture, modernization, rationality, tradition, ideology

Проблема архаизации привлекает к себе все больше внимания отечественных исследователей, что свидетельствует о растущей ее актуальности, об устойчивом тренде отечественной культурной динамики, который невозможно не заметить. В ходе исследований делаются попытки дать размытому термину «архаизация» точное определение, отделить архаизацию от близких, но не идентичных феноменов – традиционализма и неотрадиционализма, выявить, в чем именно проявляется архаизация в обществе и культуре, каковы закономерности этого процесса.

В данной статье проблема архаизации постсоветской культуры рассматривается в связи с особенностями советского проекта модернизации и созданной в его рамках специфической модели рациональности. Всем обществам присуща своя специфическая рациональность, и разные модели рациональности могут быть непрозрачными друг для друга. Однако успешная модернизация общества предполагает совмещение «своей» модели рациональности с западным рационализмом – единственной моделью рациональности, породившей современность как уникальный феномен. Различные формы синтеза порождают множественность путей модернизации, которые на деле представляют собой различные варианты одного базового проекта. Слишком специфический путь модернизации означает ее провал. Модернизацию российского общества нельзя считать полностью неудавшейся, однако ее противоречивый и «самопрерывающийся» (термин Л. Д. Гудкова) характер, усиление в последние годы консервативных, реставрационных тенденций, заставляет задуматься о причинах сбоя модернизационного процесса.

Запаздывающая российская модернизация создала ситуацию, когда не сосуществование «разновременных» институтов определяет характер общества, а сра-

чение в рамках одних и тех же институций и культурных форм элементов архаики, традиции и современности: рациональная бюрократия сохраняет черты патримонной, за рыночными институтами скрываются архаичные формы обмена, за научными теориями – мифы, формальные нормы и правила служат лишь прикрытием для обширной сети неформальных взаимодействий. Все это создает специфическую «непрозрачность» российского общества, отмечаемую многими исследователями.

Советское общество и советская культура представляли собой грандиозную попытку совместить ускоренную модернизацию и контрмодернизационные устремления. Индустриализация сочеталась с принудительным насаждением общинного уклада и коллективизма, формальное расширение демократии и политических прав – с конструированием подобия древней деспотии, научно-технический прогресс – с насаждением мощной политической религии, ориентированная на служение и идеализм этика – со вполне утилитаристским и материалистическим мировоззрением. В конечном итоге, советский проект представлял собой искусственно сконструированное индустриализированное и технизированное псевдотрадиционное общество – «псевдо», потому что реальные традиции планомерно уничтожались.

На ранней стадии существования советского общества элементы архаики наряду с экспериментированием и новаторством заметны больше, чем в позднесоветский период. Это связано с разрушением прежних институтов – в период институционального вакуума, крушения прежней социальной структуры элементы архаики – как наиболее естественные и стихийные механизмы социальной и культурной регуляции неизбежно оказывались востребованными.

Но становление советского социально-культурного порядка с присущими ему элементами рационализма, формализма и технократизма вело к постепенному усмирению и маргинализации архаики, однако при этом некоторые ее элементы были «встроены» в сам новый порядок. Это относится и к советской культуре с присущей ей особой моделью рациональности, объединившей элементы западной рациональной традиции с социальной мифологией и политической религией, сохраняющимися чертами архаики и традиционалистскими установками. Парадоксальный синтез современного, архаичного и традиционного влиял на качество советской современности, определял ее специфику. «Коммунистическая революция стала новой альтернативой: ускоренная техноцентричная сверхрациональная модернизация, соединенная с радикальным коммуитаристским, эгалитаристским и универсалистским этосом. Это была иная модель Современности. <...> Эта новая модель воспринималась как радикальный разрыв как с европейской Современностью, так и с идеей «русской цивилизации», хотя, по существу, она была ненамеренной (и неожиданной) комбинацией элементов того и другого. Есть несомненное и, на первый взгляд, парадоксальное созвучие между марксистским пост-капитализмом (и пост-демократией) и традиционным не-капитализмом (и не-демократией). В советскую эпоху, особенно к ее концу, напряжение между этими

культурными/политическими стратегиями – передовой рационалистической Современностью и антизападным традиционным культурализмом – чувствовалось довольно отчетливо, хотя и под сенью официально господствовавшей третьей модели – коммунистической»¹.

Архаичной (и традиционной, поскольку данная черта присуща и архаичным, и традиционным культурам), была целостность советской культуры, достигавшаяся за счет монополии тотальной государственной идеологии, задающей общие мировоззренческие ориентиры всем культурным подсистемам – от науки до экономики и бытовой морали. В этом плане тотальная идеология была функционально тождественна религии в средневековых обществах. Мировоззренческая монополия подразумевает наличие четкой иерархии культурных экспертов и репрессивный характер культуры, неприятие «инаковости», четкое определение нормы и жесткие негативные санкции за попытки отклонения. Мировоззренческий монополизм подразумевал и ограничение рефлексивности, критического анализа. Однако на периферии культурного пространства, за пределами догматизированного ядра господствующей официальной идеологии, возможны были ограниченные проявления разномыслия – особенно в последние десятилетия существования советского режима.

Несмотря на архаичную «форму», позднесоветская культура тяготела к рационализму и была враждебна разнообразным иррационалистическим тенденциям даже в большей степени, чем западная культура. Однако «советская рациональность» представляла собой ограниченное инструментальное использование западных рациональных практик (бюрократического управления, дисциплинарной власти, научного познания и др.) без подлинной рационализации мировоззрения и духа культуры. Ограниченность советской рациональности дала о себе знать после разрушения советского социокультурного порядка, когда в общественном сознании стали постепенно нарастать иррационалистические тенденции, тяга к мифологическому объяснению реальности.

Падение советского строя разрушило и целостность советской культуры. Тотальная идеология, претендующая на то, чтобы быть единственно верным мировоззрением, перестала существовать. Возник культурный плюрализм, на деле имевший характер беспорядочного смешения самых разных идей и ценностей. Разрушение или ослабление советских институтов дезорганизовало общество. Государство отказалось от культивирования ограниченной рациональности, которая была важным элементом утраченной идеологии. Ответом на мировоззренческий кризис стал рост иррационализма и актуализация элементов архаики. Уже в начале 90-х гг. в программе конференции «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе. Проблемы возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах» отмечалось: «В то время как отечественные мыслители и публицисты продолжают биться над проблемой – «как обустроить новую Россию» – культурный ландшафт страны приобретает «чуждей-

ственные», а то и совершенно фантастические черты. Оставленные официальной идеологией бастионы массовой культуры захватываются парапсихологией, оккультизмом, восточной магией, вплоть до явлений шаманизма и веры в переселение душ. Волна иррационализма быстро нарастает и захватывает уже не только нижние (массовые) этажи культуры, но сферы собственно интеллектуальной деятельности². В дальнейшем отмеченные процессы только нарастали. В качестве примера рассмотрим лишь некоторые проявления архаизации, поскольку анализу конкретных проявлений архаизации в российском обществе посвящена уже довольно обширная литература.

Оживление религиозных исканий в постсоветском обществе, переживающем глубочайший мировоззренческий кризис, было закономерным. Однако характер исканий и результат, которым, в конечном итоге, они завершились, продемонстрировали преимущественно архаический характер российской религиозности – причем не только массовой религиозности, но и религиозности значительной части духовенства.

Религию часто рассматривают как иррациональный феномен. Однако это далеко не всегда так. Религии, особенно исторические (в терминологии Р. Беллы) и мировые религии, содержат значительный рациональный компонент, имеют собственные традиции рационального толкования священных текстов, рационального обсуждения этической и моральной проблематики. Процесс «расколдовывания» мира, очищения картины мира от архаической магической составляющей был начат именно в рамках мировых религий. В секулярных современных обществах религиозные конфессии участвуют в социальной коммуникации наряду с другими общественными организациями, имеют свою позицию по тем или иным общественно значимым вопросам и отстаивают ее, используя рациональную аргументацию. Религиозные организации (за исключением фундаменталистов) пытаются вести диалог с наукой, учитывать, насколько это возможно, радикальные изменения, произошедшие с человеком и обществом в эпоху модерна. Существование в условиях секуляризации и религиозного рынка сформировало у религиозных организаций способность вести рациональный диалог не только со своей паствой, но с верующими иных конфессий и вовсе неверующими, приспосабливаться к меняющимся условиям и культурному многообразию.

В российском обществе оживление религиозной жизни не сопровождалось и не сопровождается сколько-нибудь значимой рациональной рефлексией. Массовое сознание демонстрирует приверженность иррациональным компонентам религии – обряду и магии. Регулярные социологические опросы показывают незнание значительной частью православных верующих даже базовых положений собственного вероучения. Обсуждения религиозной проблематики в СМИ, особенно по телевидению, чаще всего приобретает характер пререканий между верующими и неверующими, демонстрируют стремление сторон агрессивно навязать свою позицию

оппонентам, а не понять и убедить. Официальные представители РПЦ в публичных заявлениях позволяют себе негативные высказывания о российской интеллигенции, пытающейся задавать Церкви «неудобные» вопросы. Эти попытки трактуются как «нападки», что свидетельствует об отторжении сознательного, рационального подхода к религиозной вере и деятельности религиозных организаций. Напряженные отношения между интеллигенцией и Церковью – следствие нежелания последней учитывать изменившиеся запросы современных образованных людей. При этом именно интеллигенция в последние десятилетия существования советской власти проявляла заметный интерес к православию и искала путь в церковь. Но опорой РПЦ сегодня служат слои общества, для которых главной остается наиболее близкая архаике обрядовая сторона религиозной жизни, именно к мнению этих верующих апеллируют представители церкви, когда критикуют излишние «умствования», идеи прав и свобод человека, трактуемые как проявления эгоизма и греховности, сложный и противоречивый современный мир в целом. Другой значимой опорой Церкви служит власть, и сближение государства и Церкви может рассматриваться в контексте актуализации архаичной модели отношений между религией и властью. Встречное движение Российской православной церкви и государства обусловлено слабостью позиций церкви в гражданском обществе (активные прихожане составляют незначительное меньшинство тех, кто называет себя «православными») и потребностью власти в легитимации. Оно свидетельствует о частичном восстановлении традиционного для России феномена слабой, подчиненной государству церкви, и, если не об отказе от принципов светского государства, то о явном ослаблении этих принципов. При этом о реальной клерикализации российского общества едва ли можно говорить. Речь идет скорее о символической демонстрации влияния РПЦ, но не о реальном заметном влиянии на общественную жизнь, поскольку общий уровень православной религиозности российского общества остается низким, среди населения широко распространены примитивные суеверия, о чем свидетельствует популярность деятельности колдунов и экстрасенсов, представителей разных областей лженауки. Как ни странно, современное российское телевидение явно поощряет интерес аудитории к архаичным и оккультным верованиям, продукция соответствующего содержания составляет заметный сегмент постсоветской массовой культуры. Слабые позиции христианства и популярность оккультизма – также проявление архаизации культуры и массового сознания. В церковных и околоцерковных кругах бытуют те же суеверия, что и среди невоцерковленных россиян, но есть и специфическая православная мифология, связанная с идеями православной державности, почитанием Сталина как восстановителя Церкви (почитание Сталина является пока маргинальным явлением) и др.

Симптомом архаизации, как отметил К. Н. Костюк³, является внимание, которое уделяется в публичных выступлениях официальных представителей РПЦ проблемам семьи и сексуальных отношений. Дело не только в том, что Церковь отставива-

ет патриархальные ценности – это было бы естественно. Но данная проблематика практически оттесняет на задний план иные этические и смысложизненные вопросы и предстает в весьма усеченном варианте, поскольку не включает и не учитывает современные аспекты семейных и гендерных отношений. Идеи, имеющие хотя бы отдаленное отношение к феминистскому дискурсу, безоговорочно отвергаются. Именно для архаических культур характерна строгая и детальная регламентация сексуальных и родственных отношений, играющая доминирующую роль в организации общества. Эта архаичная установка проявляется и в политике, в попытках правовой регуляции телесности, в специфической лексике, используемой политическими деятелями даже самого высокого уровня.

Недавние события, связанные с неоднозначным выступлением панк-группы «Pussy Riot», продемонстрировали неготовность общества рационально обсуждать и анализировать этические проблемы и вызовы, связанные с религиозными вопросами. «Обсуждение» события свелось к нагнетанию ненависти в обществе и шельмованию «кошунниц», в чем основную роль играли СМИ. Смысл, вкладываемый участницами акции в их действие, не вызвал значительного общественного интереса – внимание было привлечено осквернением святынь и нарушением табу (скорее вымышленными, чем реальными), причем табу не только религиозных, но и гендерных. СМИ усиленно навязывали аудитории предельно простой образ «кошунницы» – «падшей женщины» и «плохой матери». Попытки решать вопросы религии и морали, используя государственную машину насилия, демонстрируют сохранение в массовом сознании архаичной установки на целостное мировоззрение, недифференцированную картину мира. Религиозные нормы не отделяются от правовых, сфера религии – от сферы искусства. Об этом же феномене свидетельствуют более ранние события, связанные с преследованием организаторов и участников выставки «Осторожно, религия!».

Процесс архаизации и традиционализации заметен в политике и массовом политическом сознании и отмечен многими исследователями. О «феодализации», «словности», «патримониальности», «клиентелизме» в политических и социально-экономических отношениях писали В. Шляпентох, С. Кордонский, М. Масловский, О. Крыштановская и целый ряд других авторов. Но нас здесь более интересуют культурные, а не социально-структурные проявления архаизации. Политическая культура эпохи позднего СССР, при всей ее идеологизированности и латентной мифологичности, подразумевала рационализированное видение политики как сферы действия объективных сил и процессов, подчиненных определенным закономерностям. Советская идеология претендовала на научность и предполагала рациональный анализ политических отношений – рациональный хотя бы по форме.

В постсоветский период восприятие политики становится персонализированным и мифологизированным. Огромное значение в массовом сознании приобретает фигура лидера – и это стихийный, а не навязанный сверху процесс.

Почитание лидера может показаться традиционным для отечественной политической культуры. Однако лидеры позднего СССР, при всей своей значимости, были лишь персонификацией стоящей за ними партии, их руководящая роль легитимировалась позицией внутри организации, официально считавшейся «руководящей и направляющей силой» советского общества. Руководящая роль партии, в свою очередь, определялась идеологией, имела внешне рациональное обоснование. Лидеры позднего СССР не претендовали на личную харизму и роль спасителей, в этом плане поздний СССР отличался от СССР сталинского периода, хотя и харизма Сталина была не столько стихийной, сколько созданной умелой пропагандой⁴.

Лидеры постсоветской России – носители исключительно личной харизмы, что означает радикальное упрощение и архаизацию восприятия политики. Президент – практически единственный значимый для массового сознания политический субъект. Иные политические институты и организации не имеют большого значения, не пользуются доверием, что регулярно демонстрируют социологические опросы. Работа государственной машины остается в тени – на виду лишь лидер, принимающий судьбоносные решения. Реальный механизм принятия этих решений также находится за гранью интереса и понимания массового сознания. Показательно, что представители государственной бюрократии и управленческих структур попадают в сферу общественного внимания (при помощи СМИ) чаще всего в том случае, если провинились в чем-то или стали авторами какой-нибудь одиозной инициативы. Такая практика способствует еще большему снижению символического капитала государственной бюрократии и политических деятелей – всех, кроме харизматического лидера. Но бюрократия, при всех ее недостатках, – это носитель рационального начала в управлении. Ослабление престижа бюрократии – дополнительный фактор ослабления позиций рациональности в управлении вообще.

Политические отношения как внутри страны, так и в международном масштабе, видятся как противоборство различных персонажей и группировок, при этом единственным мотивирующим фактором политических субъектов признается корысть, а единственным реальным инструментом – сила. «Объективное» измерение политики, все многообразие сил и факторов, влияющих на принятие тех или иных политических решений, находится за пределами интереса массового сознания. С другой стороны, огромное значение приобретает разделение на «своих» и «чужих», поиск «врагов», что неоднократно отмечали российские социологи. Например, Л. Гудков пишет: «Актуализация образа врага означает, что само общество начинает испытывать сильные социальные напряжения, источники которых с трудом опознаются и рационализируются. <...> При появлении врага не работают или отходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия – признание общих ценностей, индивидуальных удач и групповых достижений, подчеркивание общих благ и символов. В такой тревожной и неясной ситуации общих страхов, унижения и пр. начинают оживать архаические интегра-

тивные механизмы, заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей⁵. Примитивное деление на «своих» и «чужих», отторжение «чужого» – одна из наиболее архаичных форм социальности, актуализирующаяся, когда более сложные формы структурирования социальной реальности теряют значение.

В этом контексте показательно и растущее увлечение различными конспирологическими теориями, объясняющими нынешние и прошлые проблемы России кознями враждебных сил, при этом враждебные силы нередко предстают как агенты метафизического мирового зла. Приверженность конспирологическим теориям – удел не только маргиналов. Нередко их озвучивают СМИ, а также представители управленческой и интеллектуальной элиты. Сами же по себе эти теории являются очередной рецепцией мифа современным массовым сознанием.

Архаичной чертой постсоветской культуры на нынешнем этапе ее существования является фактический отказ от инновационного развития, утрата видения будущего. Прогрессистские ценности были заложены в фундамент советской идеологической картины мира, что объединяло ее с западным просвещенческим видением исторического процесса. Однако эволюция постсоветской культуры достаточно быстро привела к возрождению архаичных ценностей самодостаточности и культурной замкнутости, широкое распространение получила идея «особого пути», при этом «особый путь» видится теперь как отторжение современных западных ценностей при отсутствии четко сформулированного содержания собственной цивилизационной специфики. Анализ же этой специфики часто подменяется созданием идеологических конструкций, базирующихся на привычных мифологемах державности, соборности и особой миссии России в мире. Характерно, что сторонники идеи особого русского пути часто ссылаются на заимствованные цивилизационные концепции, сохраняя привычную позицию реципиента по отношению к западной культуре. Цивилизационные концепции выступают в качестве очередного «инструмента», используемого не столько для научного анализа, сколько для обоснования собственной идеологической позиции, и этому не мешает их чуждое происхождение.

Краткий период всплеска интереса к модернизационной тематике, инспирированный властью, прошел практически незамеченным. Доминирование в массовом сознании и официальной риторике власти установки на «стабильность» и «традиционные ценности», отторжение внешних влияний, способных навредить этой стабильности, идеализация советского прошлого, выступающего в качестве «золотого века» и времени действия мифологических героев – все это говорит о желании отгородиться от непрерывно изменяющейся современности, уклониться от решения проблем, которые она порождает. Если советский проект строился на желании превзойти западный проект современности, то постсоветское общество все более стремится замкнуться и застыть в своем нынешнем состоянии, которое мыслится как более совершенное, чем «морально разлагающийся» Запад. Идеальная модель

общественного устройства располагается не в будущем, а в советском прошлом, возврат символов которого встречает неизменное одобрение значительной части населения. Отсутствие внятной модели будущего развития и снятие проблематики развития с повестки дня вообще говорит о кризисе смыслов постсоветской культуры. Вместо создания новых смыслов происходит бесконечное обсуждение прежних. В начале XXI в. российское общество все еще отвечает на вопросы, поставленные западниками и славянофилами.

Ограниченная советская модель рациональности сыграла в развитии российского общества двойственную роль. Выступая практически как инструмент конструирования общества нового типа, как инструмент внешнего дисциплинирования масс, привыкших к традиционным и архаичным формам социальной регуляции, она обеспечила решение сложной задачи построения индустриального общества. Но рационализация советского общественного сознания была не столько просвещением и выработкой навыков рационального критического мышления у широких слоев населения, сколько привитием в императивном порядке догматизированной упрощенной картины мира, пусть и рационализированной. Негативные последствия подобной рационализации особенно заметны в области гуманитарного и социального знания, поскольку именно эти области были идеологизированы в наибольшей степени.

«Рационализм» был частью советской вероучительной системы. Падение этой системы привело к крушению встроенной в нее рационализированной картины мира. Общественное сознание оказалось беззащитным перед вызовами усложнившейся реальности, вызванной разрушением привычного порядка. На место искусственно сконструированной рационализированной мифологии пришли стихийные процессы мифологизации, поскольку мифологическое мышление, в отличие от рационального, является естественным для человека. Модель советской рациональности парадоксальным образом оказалась инструментом консервации мифологического мышления.

Примечания

¹ Агаджанян А. С. «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и неизбежность секулярного Модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 87–88.

² Цит. по: Банников К. Л. Архаический синдром: о современности вневременного // Отеч. зап. 2013. № 1.

³ Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Полис. 2000. № 5.

⁴ Плампер Я. Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое лит. обозрение, 2010.

⁵ Гудков Л. Д. Идеологема «врага» // Гудков Л. Н. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 558–559.

Н. А. Михеева

**Всероссийская интерактивная выставка
«Православная Русь. Романовы. Моя история» как инновационный проект**

В социальных науках есть давно сложившиеся представления о сущности инноваций и инновационных проектах, классификациях инноваций, их видах. Очевидно, что данное понятие – инновационный проект – имеет прямое отношение и к различным формам социально-культурной деятельности, включая и выставочные мероприятия. В статье исследуется вопрос возможности использования инноваций на примере успешно проведенной в 2013–2014 гг. в Москве и Санкт-Петербурге Всероссийской выставки «Православная Русь. Романовы. Моя история».

Ключевые слова: инновация, инновационный проект, виды инноваций, историческая и художественно-познавательная выставка, дом Романовых, интерактивные технологии, посетители выставки

Natella A. Mikheeva

**The all-Russia interactive exhibition
«Orthodox Russia. Romanovs. My history» as the innovative project**

In social sciences there are for a long time developed concepts about essence of innovations and innovative projects, classifications of innovations, their types. Apparently, that the given concept – the innovative project – has direct relationship and to various forms of welfare activity, including and exhibition actions. In article the question of a possibility of use of innovations on an example with advantage lead in 2013–2014 in Moscow and St.-Petersburg to the All-Russia exhibition «Orthodox Russia. Romanovs. My history».

Keywords: innovation, innovative project, types of innovations, historical and art-cognitive exhibition, Romanov's house, interactive technologies, visitors of exhibition

Австрийский ученый Йозеф Аллоиз Шумпетер, определяя в своей работе «Теория экономического развития» (1912 г.) сущность инновации как «использование новых комбинаций существующих производительных сил для решения коммерческих задач», выделил четыре ее вида:

- применение новых материалов, новых продуктов,
- внедрение новых процессов, новых технологий,
- введение новых форм организации,
- открытие новых рынков.

В современных условиях эти положения сохранили свою силу, хотя постоянно дополняются новыми видами инноваций в зависимости от предмета практической деятельности и ее изучения.

Социальные инновации имеют прямое отношение и к различным формам социально-культурной деятельности, практикуемым в настоящее время. Существующая общественная потребность в обновлении этих форм, технологий их реализации, создании возможностей для активного приобщения большого количества людей к ценностям культуры – как материального, так и анимационного характера – постоянно рождает не только собственные новации в этой сфере, но и заимствование новых технологий из других отраслей практики – информационных, технических, маркетинговых и т. д.

Все сказанное может иметь прямое отношение и к выставочной деятельности.

В современной социокультурной ситуации выставочная деятельность может рассматриваться в качестве системообразующего и конструктивного компонента, оказывающего влияние на формирование социокультурной среды региона.

Художественная или историческая выставка в музее, галерее, выставочном зале порой становится значительным событием местного, регионального, но даже в ряде случаев – международного масштаба. Она переходит границы экспонирования и, органично сочетая концептуальные идеи, художественные инновации, социально-значимые акции, образовательные и развлекательные мероприятия, предстает как современный инновационный социокультурный проект.

Но противоречие заключается в том, что выставочная деятельность в нашей стране воспринимается как мало поддающееся регулированию явление. Традиционные методы экспонирования и управления данным процессом в основном являются малоэффективными по части актуализации содержания, привлечения большего числа посетителей и их активного вовлечения в процесс освоения тех духовных ценностей, которые заложены в содержании выставочной экспозиции.

Как правило, организаторы почти не используют те или технологические инновации. Они, организуя подобные выставки, идут по пути сложившихся традиций. Свидетельством тому служит выставочная деятельность известных музеев, галерей, ЦВЗ Манеж в Санкт-Петербурге или ЦВЗ Манеж в Москве.

Тем более становится особо ценным опыт организации выставок, в которых используются все современные технологические возможности эффективного экспонирования предметов художественного или исторического значения. В таком случае можно говорить об успешном внедрении социальных инноваций в систему выставочной деятельности, а состоявшиеся выставки представлять как инновационные проекты.

Успешное проведение Всероссийской интерактивной выставки «Православная Русь. Романовы. Моя история» в российских городах в 2013–2014 гг. как раз и может служить хорошим примером широких возможностей внедрения инновационных проектов в эту практику с использованием почти всех видов инноваций, обозначенных Й. А. Шумпетером.

Тема данной выставки и ее содержание – это дань культурной традиции празднования очередного юбилея, 400-летия императорского дома Романовых. Поэтому выставка стала главным культурным событием и центральным мероприятием юбилейного года Дома Романовых.

За время правления царской династии в России произошло множество великих географических открытий, расцвет «Золотого века» русской культуры, победа над Наполеоном и промышленная революция.

Как сказано в буклете выставки, «за 300 лет правления династии наша страна пережила великие события: освоение Сибири и Дальнего Востока, воссоединении Руси и Украины, основание новой столицы – Петербурга, победу над Наполеоном, вхождение в состав России южных регионов, отмену крепостного права, небывалый культурный, научно-технический и индустриальный подъем и многое другое»¹.

Эти грандиозные свершения, так же, как и трагические события этого периода отечественной истории, зрители увидели осенью 2013 г. в московском ЦВЗ Манеж – на 4 тысячах квадратных метров главной выставочной площадки, и в феврале 2014 г. – в двадцати залах выставочного комплекса «Ленэкспо» в Санкт-Петербурге.

Грандиозному успеху выставки предшествовала длительная (более шести месяцев) подготовительная работа, в которой приняли участие около тысячи человек – историков, дизайнеров, креативной группы, специалистов по компьютерной графике, звуку, свету, видео, кинематографистов, монтажников.

Все заявленные четыре позиции Й. А. Шумпетера по видам инноваций при организации данной выставки имеют место, но в разной степени.

1. Применение новых материалов, использование новых продуктов

Несмотря на общую положительную оценку представленной истории Дома Романовых в данной экспозиции, вопрос инновационности ее содержания остается в некоторой мере спорным, тем более, если это касается «обновленной» трактовки различных исторических событий и фактов.

Общезвестно, что в те или иные эпохи события истории трактуются по-разному и, нередко, в зависимости от сложившейся на настоящий момент общественной политической ориентации по отношению к этим событиям.

Здесь это замечание имеет некоторое отношение к тексту исторических комментариев, сопровождающих визуальные образы (например, ранее укоренившееся словосочетание «восстание декабристов» трактуется как «заговор декабристов»), но в большей степени – к содержанию экскурсий, в которых порой проявляется индивидуальное отношение к разным событиям (к сожалению, без ссылок на документы). Например, преподаватель истории и организатор выставки А. И. Мясников говорит в своей экскурсии по выставке в Манеже в Москве, что «Е. Пугачев – это негодяй и разбойник, а Крым – это территория рабовладельческого рынка в 17–18 вв.», что выражение «Мороз Красный нос» пошло от поздравлений нетрезвого

Ф. Ю. Ромодановского, наряженного Дедом Морозом, жителей Санкт-Петербурга на Новый 1700 г. и т. п.²

В то же время, следует положительно оценить размещение в экспозициях каждой эпохи правления царей и императоров портретов знаменитых деятелей техники и культуры, военных полководцев, исторические материалы о важных событиях тех времен, о развитии православия на Руси.

Также можно считать инновационным подход к включению в экспозиции исторических фактов улучшения жизни россиян путем распространения новых видов цветов, растений, сельскохозяйственных культур и новых технологий изготовления продуктов питания.

Но в Интернете по отношению к содержанию есть не только положительные отзывы, но и отрицательные. Например, у некоторых посетителей осталось впечатление от выставки как от очередной агитки, пропагандистского МОЛОХА, масскульта в его современном понимании.

Поэтому очень спорный вопрос инновационности в содержания экспозиции оставим пока за пределами нашего анализа.

Само расположение визуального материала на выставке по отдельным залам с исторической точки зрения сделано вполне традиционно, с учетом использования в каждом зале дополнительных сенсорных экранов для более развернутого изложения информации.

Но остальные три инновации по типологии Й. А. Шумпетера здесь использованы в полной мере.

2. Внедрение новых процессов, новых технологий

Пожалуй, именно эта инновация стала наиболее ярко представленной, что позволило в полной мере раскрыть содержание выставки для большого количества людей и, особенно, детей.

Смысл этой инновации уже звучит в самом названии выставки – **интерактивная**. Что это значит?

В самом сердце экспозиции был расположен гигантский плазменный экран, где перед глазами посетителей предстал весь царский род Романовых. Размер экрана в два раза превосходил Гром-камень, служащий основой для «Медного всадника», и в четыре раза – циферблат Кремлевских курантов.

Повествование о великой истории одной из самых известных в мире династий было представлено с помощью 3D-технологий, анимированных коллажей, лайтбоксов, 350 мультимедийных носителей, в том числе сенсорных столов и экранов, 50-дюймовых плазм, планшетных компьютеров с интерактивными викторинами и познавательными приложениями, разработанными специально для выставки, качественного саунда, а также коротких и увлекательных фильмов, рассказывающих об основных вехах жизни Российского государства.

С помощью этих технологий посетители выставки совершали путешествие сквозь века, наглядно представляли всю историю правления династии Романовых.

Среди новинок экспозиции, специально подготовленных для петербуржцев, мультимедийная инсталляция на тему знаменитой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник», а также возможность использования многофункционального устройства медиагида – персонального экскурсовода по выставке. Это устройство предназначено для воспроизведения фонограммы, используемой для самостоятельного знакомства с экспозицией музея или выставки с обязательным приложением в виде красочного буклета³.

Выставка предоставляла посетителям уникальные возможности для погружения в историю – например, здесь можно было лично полистать дневник Николая II, ранее доступный только музейным сотрудникам.

Зрители всех возрастов смогли принять участие в викторинах на планшетах, понаблюдать за ходом легендарных морских сражений на специальных экранах и узнать другие интересные исторические факты.

Использование этих инновационных технологий позволило вместить максимум информации на ограниченной площади экспозиции территории, а умение использовать эти технологии молодым населением, особенно детьми и подростками, позволило сделать их путешествие по выставке увлекательным и информативно насыщенным.

3. Введение новых форм организации

Чтобы доказать инновационность формы организации, следовало уточнить, в первую очередь, перечень организаторов и их роль в организации выставки. Но в разных источниках информации можно было отметить некоторые несовпадения по указанию организаторов. Это:

- Московская патриархия и Министерство культуры РФ⁴.
- Администрация Президента РФ и Министерство культуры РФ (при их поддержке)⁵.
- Патриарший совет по культуре при содействии Администрации Президента РФ и Министерства культуры⁶.

Кроме того, в других источниках информации в числе организаторов называются – Правительство Санкт-Петербурга, Фонд гуманитарных проектов, ООО «СМАРТ-ГРУП», при поддержке Газпрома, Экспофорума, ЛСП ГРУП, города-спутника «Южный».

На сайте Троице-Сергиевой Александро-Невской лавры указано, что Выставка «Православная Русь. Романовы. Моя история» создана Патриаршим советом по культуре и организована при содействии Администрации Президента РФ, Министерства культуры РФ, Администрации Санкт-Петербурга, компании «Экспофорум». Генеральный спонсор – компания «Газпром межрегионгаз»⁷.

Таким образом, на первом месте в числе организаторов все же значится религиозная православная организация – Московская Патриархия и Патриарший совет по культуре. Именно поэтому в названии выставки и стоит на первом месте – «Православная Русь. Романовы. Моя история».

Еще никогда религиозные организации не выступали в качестве инициаторов столь масштабных выставок. Очевидно, что Патриарший совет по культуре не только вложил определенные средства в проведение данной выставки, но и стал ее инициатором.

Содержание выставки глубоко проникнуто темой православия. Параллельно с историей дома Романовых освещается и история развития православия в России, отношение к патриаршеству со стороны правителей России.

Особую атмосферу духовности создал факт присутствия в начале экспозиции уникальной Феодоровской иконы Божьей Матери. Она является современной точной копией (списком) с Феодоровской иконы из Костромского Ипатьевского монастыря, которая является семейной святыней Романовых.

Важно отметить, что в качестве экскурсоводов на выставке активно выступили молодые семинаристы разных курсов Сретенской духовной семинарии в Москве и семинаристы из Санкт-Петербургской Духовной Семинарии, что тоже можно признать как инновацию по обслуживанию посетителей выставки.

4. Открытие новых рынков

В отношении этой инновации можно сказать следующее: во-первых, выставка должна быть развернута во многих городах России. Кроме проведения выставки в Москве и Санкт-Петербурге, где число посетителей перевалило за 416 тыс. человек, ожидается, что ее смогут увидеть жители Владивостока, Казани, Волгограда, Самары, Сочи, Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Тюмени и Ханты-Мансийска.

Столь длительного путешествия одной выставки по территории России пока не осуществлялось. Действительно, открываются новые рынки. Но здесь надо уточнить это понятие и акцентировать внимание на понятии «потребительские рынки».

Этот термин из маркетинга здесь вполне уместен, так как он дает нам представление не только о территориальных рынках, но о социально-демографических характеристиках посетителей выставки в разных городах России.

Социологический анализ посетителей, который можно сделать с помощью просмотра размещенных в Интернете многочисленных видеofilьмов на youtube, позволяет судить о том, что значительная часть посетителей – это дети и молодежь. Были организованы групповые посещения выставки школьниками, учащимися ссузов и студентами вузов. Свои впечатления о выставке высказывают молодые преподаватели, предприниматели, студенты, кадеты, школьники т. д. Все они проявляют живой интерес к выставке, высказывают свое мнение о ней, об отечественной

истории, пеняют на учебники истории, где не все им понятно, а порой и скучно изложено. Восхищаются современными возможностями электронной реконструкции исторических событий, военных сражений⁸.

Возможность бесплатного посещения выставки сделала ее доступной для посещения именно этими категориями молодого населения. На выставке были даже молодые родители с малыми детьми на руках и в детских колясках, но в меньшей степени – пенсионеры и инвалиды.

И, конечно, нельзя здесь не учитывать огромную аудиторию Интернета. На разных сайтах выложено большое количество фотографий, видеofilьмов, откликов, отчетов и мнений о выставке, и даже экскурсий⁹.

Следует отметить, что время проведения данной выставки оказалось как нельзя кстати, имея в виду прошедшие осенью 2013 и в 2014 гг. события на территории Украины и, в частности, Крыма.

Подробное изложение истории освоения Россией южных территорий, строительства новых городов, участия российских войск в сражениях за эти уже освоенные территории – о такой инновации в деле воспитания патриотизма у молодежи можно только мечтать. Хотя совпадение этих событий – Юбилея Дома Романовых и событий на Украине – внешне было никак не связано.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно сказать, что в выставочной деятельности намечаются очевидные технологические сдвиги в отношении использования интерактивных средств в процессе обслуживания посетителей, и состоявшаяся выставка «Православная Русь. Романовы. Моя история» служит тому хорошим примером.

В заключение хотелось бы проиллюстрировать инновационную и содержательную значимость этой выставки со слов ее главных организаторов и консультантов – Павла Кузенкова и Александра Мясникова. По их мнению:

Главная цель выставки

Приблизить историю к человеку, восстановить и сохранить благодарную память о каждом из восемнадцати государей. Смысл этой выставки заключается в том, чтобы восстановить то, что когда-то было вычеркнуто из истории.

Главная задача выставки

Александр Мясников: Нашу историю, к сожалению, не раз пытались переписывать. Это было не только во времена советской власти, но и до нее.

– Востребованным оказалось развенчивание абсурдных штампов. Нас всех учили, что Степан Разин и Емельян Пугачев – это благородные борцы за свободу угнетенного народа. Но факты показывают иное. Хваленые «борцы» оказались банальными разбойниками, которые занимались откровенным грабежом и насилием, не брезгуя продавать плененных ими людей на невольничьих рынках. В бандитских

отрядах Разина и Пугачева состояли в основном беглые преступники и уголовники, лишь прикрывавшиеся демагогией о борьбе с несправедливостью. На выставке мы не говорим, что Разин или Пугачев – негодяи; мы просто приводим факты, которые говорят сами за себя.

– Мы попытались создать обширную информативную выставку, которая была бы интересна людям всех возрастов. Но никто не мог себе представить, что будет проявлен такой огромный интерес со стороны москвичей и гостей столицы.

– Одна из причин успеха в том, что выставка была во многом необычной: большинство экспонатов можно было потрогать, покрутить, повертеть. Кроме того, мы постарались превратить черно-белую историю, знакомую всем по скучным учебникам, в цветную и увлекательную. Мы показали историю правления каждого из восемнадцати правителей династии Романовых: причем, не только те события, которые происходили в то или иное время, но, прежде всего то, что осталось до сегодняшнего дня. Вот, например, садовые розы: они появились в России при Михаиле Федоровиче; а всем знакомая садовая клубника – при Алексее Михайловиче. Гости выставки были потрясены, когда узнавали, что подсолнечное масло впервые появилось во времена Николая I, а картошка – только при Екатерине II.

В общем, нет ни одного правителя, чье пребывание у власти прошло бесследно. При такой подаче материала история становится понятна и близка каждому, начиная от маленьких детей и заканчивая пожилыми людьми

Павел Кузенков: Обычно между человеком и историей существует некоторая пропасть. Перед нами стояла задача приблизить историю к человеку с помощью каких-то бытовых фактов. Например, появлению сахара мы обязаны Павлу I. Он захотел, чтобы в России получали сахар из свеклы. Цены на сахар упали во много раз, он стал доступен всем.

Современные люди рады увидеть в истории то, что касается их непосредственно. Это очень важно, потому что человек испытывает потребность в том, чтобы ощущать себя частью какого-то великого общего дела, чувствовать свою вовлеченность в историю своей страны.

Характеристика династии Романовых

Александр Мясников: Романовская династия – феноменальный пример верности государя народу. Это очень важно, потому что в идее государства лежит идея священности власти как системы... Разрушение системы власти как таковой, сознательное ниспровержение государственных институтов приводит к страшной катастрофе. Россия через это проходила неоднократно.

Здесь мы задаемся вопросом: почему Россия не смогла пройти более или менее безболезненно тот путь, который проделал западный мир, перейдя от абсолютной монархии к буржуазной республике. Почему не влилась в стройные ряды западной цивилизации с примкнувшими к ней Японией, Кореей и т. д. Россия могла это

сделать, если бы Николай II последовал настоятельной рекомендации английского посла Бьюкенена в феврале 1917 г., за несколько недель до революции. Фактически это означало, что император устраняется от власти и передает управление страной парламенту. Но Николай II сказал: «Я поставлен Богом во главе России и несу за нее ответственность перед Богом. Как же я могу передать власть людям, на которых не смогу повлиять? Что я скажу на Страшном Суде, когда эти министры ввергнут страну в хаос?». Государева служба воспринималась как служение. Это была другая система координат, в которой правитель нес ответственность за государство перед Богом.

Павел Кузенков: Чем больше мы узнаем про того или иного правителя, тем больше выявляется всякого рода дезинформации... То, от чего нас долго отучали, – видеть в истории не просто какой-то социальный процесс (по определению безличностный и безликий), но поступки и свершения живых людей – вот что позволяет вернуть истории смысл.

Возвращается идея личности в истории. Мы видим, что людям эта идея очень близка. Они хотят видеть в истории лица, на которые можно посмотреть. Одна из изюминок выставки – портреты. Они могут сказать больше, чем сотни страниц текста. Смотришь на портрет государя, и он тебе становится близок, тебе уже небезразлична его жизнь, его дела. А если у тебя проявляется интерес, ты с удовольствием получаешь знания.

Мы должны понимать, что сейчас происходит выздоровление нашего общества. На такие выставки приходит много молодых людей. Значит, они не окончательно погрузились в океан «постмодерна» и не превратились в «атомы», отчужденные от своей Родины и своей истории.

В свое время Суворов сказал, что каждый должен иметь в жизни пример для подражания: нужно избрать какого-то великого человека и стремиться превзойти его. И мы показываем на выставке не только правителей, но и тех знаменитых людей, которые жили в их время и составляли славу их царствования.

Главный завет Романовых

Павел Кузенков: Я бы ответил так: любовь к стране до полной самоотверженности... Наемник, как известно из Писания, не радеет о своих подопечных и предаст их в случае опасности. Ни один из Романовых этого не допускал¹⁰.

Данные комментарии как нельзя лучше подтверждают общие выводы доклада, которые касаются не только вопроса инновационности выставки, но и ее большой содержательной значимости для истории и культуры России.

Примечания

¹ Православная Русь. Романовы. Моя история: аудиоэкскурсия по выставке: буклет. М.: Ivo A Peterson, 2013.

² См.: Романовы: экскурсия по выставке. URL: [http:// youtube.com](http://youtube.com) (дата обращения: 14.09.2015).

³ URL: [http:// otpusk.stejka.com](http://otpusk.stejka.com) (дата обращения: 14.09.2015).

⁴ URL: [http:// romanovi-expo.ru](http://romanovi-expo.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

⁵ URL: [http:// gov.spb.ru](http://gov.spb.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

⁶ URL: [http:// pravoslavie.ru](http://pravoslavie.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

⁷ URL: [http:// lavra.spb.ru](http://lavra.spb.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

⁸ URL: [http:// pravoslavie.ru](http://pravoslavie.ru) (дата обращения: 14.09.2015); URL: [http:// youtube.com](http://youtube.com) (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ Романовы: экскурсия по выст. URL: [http:// youtube.com](http://youtube.com) (дата обращения: 14.09.2015); Романовы: моя история: фильм о выст. URL: [http:// youtube.com](http://youtube.com) (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁰ URL: [http:// pravoslavie.ru](http://pravoslavie.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

РАЗДЕЛ VI. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: АНАЛИЗ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

УДК 304.4(470)"20"

Т. В. Шипунова

Культурное пространство потребительского общества и *homo possible*

Культурное пространство потребительского общества создает новые ценности и нормы, которые порождают сверхконкуренцию и существенно изменяют поведение и жизненные стратегии человека. Распространение потребительских ценностей вызывает к жизни «ассоциативную индивидуальность», поведения и деятельность которой характеризуются карьеризмом, потерей нравственных ориентиров, самозванством и др. Для того чтобы адаптироваться к условиям современного общества, требуется новый тип человека – *homopossible* («человека возможный»), который сможет принять принципиальную неустойчивость, нестабильность реальности.

Ключевые слова: модели развития, потребительское общество, культурное пространство, общество спектакля, самозванство, деперсонализация

Tatiana V. Shipunova

The cultural space of the consumer society and *homo possible*

The Cultural Space of the consumer society creates new values and norms which generate fierce competition and significantly alter the behavior and human life strategies. Dissemination of consumer values brings to life the «associative individuality». Its conduct and activities are characterized by careerism, loss of moral guidelines, imposture, etc. In order to adapt to the conditions of modern society require a new type of human being – *homo possible* («human potential»), which will be able to take a principled instability of reality.

Keywords: model development, consumer society, cultural space, society of the spectacle, imposture, depersonalization, *homo possible*

Введение: две модели развития общества

По мнению М. Эпштейна, XX в. продемонстрировал две модели развития: 1) «реализация возможностей» как сужения их до одной, желательной и обязательной реальности, следствием чего является отсечение других альтернатив, принесение их в жертву одной, реализуемой и требующей осмысления, – модель, осуществленная в Восточной Европе и Азии; 2) развитие не от возможного к реальному, а от реального к возможному – не случайно в Западной Европе и Северной Америке,

где эта модель была реализована, так часто применяется его квалификация как «общества возможностей»¹.

В первой модели был востребован тип человека, умеющего произвести рациональный расчет своих ресурсов (материальных, финансовых, личностных, временных, информационных) для того, чтобы реализовать одну из возможностей. Для объяснения поведения человека этой модели наиболее подходила теория рационального выбора: от правильности расчетов homo rationalis зависели жизненный успех и перспективы в будущем. Другой отличительной чертой было понимание свободы, которая определялась как познанная необходимость. И хотя данное определение полностью уничтожает свободу, но, будучи вписанным в контекст теории рационального выбора, оправдывает себя через предписание рационального самоограничения и необходимость следования, прежде всего, нормам права. Объяснением этому является, по мнению некоторых авторов, то, что «мир европейского рационализма – это механизм, принципиально чуждый свободе, бездушно и внелично противостоящий человеку, который в своем бытии должен подчиняться действию всеобщих законов этого механизма»². Рациональный расчет в поведении и деятельности превращает свободу в **необходимость** действовать в соответствии с навязанными извне целями и ценностями цивилизованного общества. Однако «следствием абсолютизации такой рациональности является имморализм, негативные аспекты научно-технического прогресса, питающего мизологию... и тоталитаризм». Она ведет «к крайностям абстрактного рационализма, чреватого самозванством, самодурством разума и насилием»³.

Вторая модель, соответствующая современному потребительскому (постмодернистскому) обществу, предполагает иную тактику поведения и деятельности человека. Человеку для актуализации одной из предлагаемых ему возможностей необходимо создать или изыскать ресурсы, обеспечивающие успех реализации возможности, которая, однако, через некоторое время может утратить свою актуальность и привлекательность и будет заменена стремлением к реализации другой (следующей) возможности. Свобода при этом понимается как возможность выбора или же происходит полный отказ от права человека на свободу. Что же происходит с человеком в обществе потребления? Какие тактики адаптации к быстро меняющимся условиям он выбирает? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на основные характеристики культурного пространства потребительского общества.

Потребительское общество и его культурное пространство

Для культурного пространства и реальности потребительского общества, прежде всего, характерно следующее:

– Изменение представлений о «хорошем»/«плохом», «нормальном»/ «девиантном» в разных дискурсах, среди которых наиболее значим, с нашей точки зрения,

обыденный дискурс, поскольку он в большей степени, нежели другие, свидетельствует об изменении реальности (как конструкте «само собой разумеющегося»⁴), где и действует субъект. Это ведет к расширению интервала действия норм, позволяющему включать в «нормальное» те образцы поведения и деятельности, которые раньше вызывали если не применение санкций со стороны институтов формального контроля, то, по крайней мере, моральное осуждение и неприятие, или же рассматривались как «странные».

– Тотальная и неизбежная включенность всех граждан в потребительскую культуру (в силу проживания в данном обществе и воздействия на них средств коммуникации), которая одновременно создает условия для исключенности: по возможности покупать; по возможности приобретать модели, а не пользоваться серийными вещами; по предоставляемым шансам; по наличию других, кроме финансовых, ресурсов. Избежать давления ценностей потребительского общества сложно, поскольку потребление превращается в «виртуальную целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс»⁵. Счастливое исключение составляет лишь группа людей, добровольно отказавшихся от членства в обществе потребления и переносящих меньшее давление со стороны потребительской культуры.

– Протекание процесса потребления как «культурализованного» (Ж. Бодрийяр) феномена, культура которого включает в себя, наряду с прочим, «новый гуманизм», который предполагает самоосуществление личности через управление его мотивацией, оправдание потребления и права пользования всем в жизни, обоснование нравственности доставления себе разного рода удовольствий и т. д. Причем «доставление себе удовольствия» касается преимущественно физического наслаждения. Рекламы, мягко сказать, на перегружены слоганами, в которых продвигались бы удовольствия интеллектуального или культурного характера. По сути дела, благодаря этой управляемости мотивацией, люди живут в эпоху, когда реклама становится доминантой социальной коммуникации. Она берет на себя «моральную ответственность за все общество в целом, заменяя пуританскую мораль гедонистической моралью чистого удовлетворения, создавая в лоне сверхцивилизованного общества как бы новую природность»⁶.

– Исключение человека из процесса созидания своей жизни, самореализации, самотворения. Оно осуществляется не только благодаря особым механизмам, действующим в сфере культуры, политики, морали, экономики, но и на уровне повседневной жизни посредством порождения и постоянного усиления отчуждения и лишения традиционных условий бытия человека. Один из классиков постмодернизма, Г. Дебор, хорошо представил этот феномен. По его мнению, исключение человека из собственной жизни проходит благодаря⁷: постоянному увеличению изоциренности в разделении труда, когда человек, теряя целостность, становится придатком машины; созиданию не своей жизни, а независимой от человека мощи – Произ-

водства; отрицанию человека «товарным гуманизмом», для которого человек нужен только в качестве потребителя; движению банализации поведения, в котором «развитое потребление товаров внешне приумножило выбор ролей и объектов»⁸ (завуалировав тем самым главную навязываемую роль – быть потребителем); избыточному потреблению, затмевающему любую другую цель кроме приобретения товара; культуре, ставшей всецело товаром зрелищного общества и т. д.

Г. Дебор приходит к выводу: «Спектакль есть дурной сон закабаленного современного общества, который, в конечном счете, выражает лишь только его желание спать. И спектакль страж этого сна»⁹.

Потерянный человек и потери человека в потребительском обществе

3. Бауман считает, что история потребительского общества развивалась по линии «удовлетворение потребностей – удовлетворение мечтаний – удовлетворение желаний». При этом пик расцвета общества потребления достигается при удовлетворение желаний, который «завершает освобождение принципа удовольствия, очищая и избавляя его от последних помех со стороны „принципа реальности“»¹⁰. Реализация принципа удовольствия вызывает необходимость формирования «компетентности опытного и неутомимого покупателя», включенного в непрерывный забег, который становится истинным пристрастием и отменяет как ненужное все другие цели и устремления человека. Таким образом, потребление изменяют не только человека, но и этику.

Изменение человека и человеческой этики в современном обществе связывают, прежде всего, с тем, что прежняя этика перестает соответствовать логике потребительского общества, которой чужды «внимание и осторожность, умеренность и аскетизм»¹¹. На сцену выходит «эпоха очарования» (Х. Фергюсон¹²), культура которой порождает «ассоциативную индивидуальность», характеризующуюся «постоянной утратой связи между внутренней душой и внешней формой социальных отношений»¹³. Преодоление этого разрыва связано с поиском новой идентичности, приобретаемой в процессе самоидентификации. Но поскольку «задача, разделяемая всеми, должна выполняться каждым в совершенно разных условиях», то «она разделяет человеческие ситуации и стимулирует жестокую конкуренцию»¹⁴.

В стремлении к победе в конкуренции все средства хороши. Это может быть количественное увеличение потребления или статусное потребление, когда вещи несут в себе культурный код, указывающий на принадлежность человека к определенному классу, группе или на его социальный статус. Здесь вещи выполняют задачу самопрезентации человека или, иначе, управления впечатлениями (И. Гоффман¹⁵). Это может быть, например, стремление к карьере любыми способами. В этой борьбе побеждают те, кто умеет сохранять свои действия не связанными обязательствами, «свободными от норм и поэтому непредсказуемыми при нормативном регулировании. Люди, чьи руки развязаны, правят людьми со связанными

руками; свобода первых – главная причина несвободы вторых, тогда как несвобода вторых – основной смысл свободы первых»¹⁶.

Еще одной техникой в конкурентной борьбе выступает самозванство, т. е. приписывание себе статусных ролей, заслуг, оправдание своего поведения необходимостью и/или высшими целями, «выдавание себя за»¹⁷. В условиях потребительского общества, когда человек становится товаром, проблема любой личности состоит в том, чтобы реализоваться как некоему индивидуальному проекту или бренду, для чего необходимо стать человеком вне культуры, способным «к мобильному переключению на адекватный культурный код, освоение различных многообразных способов жизни и жизненной компетентности». Победителем становится «„человек без свойств“, еще не реализованный, не идентифицированный, не явленный»¹⁸.

Самопрезентация, самозванство, стремление продать себя как можно выгоднее на рынке, в свою очередь, заставляет людей «воспринимать мир как контейнер, полный объектов для одноразового использования; весь мир, – включая других людей»¹⁹ и применять особые техники фрагментации межличностных связей, сосредоточивая внимание на функциональной стороне отношений и потенциальных или реальных выгодах от них. Связи и партнерство в потребительском обществе «имеют тенденцию рассматриваться как вещи, которые нужно использовать, а не создавать, и с ними обращаются соответствующим образом; их оценивают по тем же критериям, что и все другие объекты потребления»²⁰. В этом случае не идут на жертвы или не трудятся над сохранением отношений, напротив «это становится вопросом получения удовлетворения от готового к употреблению продукта»²¹.

Однако человек некоторыми своими сторонами «не входит в общество как элемент», он еще нечто²². Это нечто есть «для-себя-бытие», которое подразумевает стремление к трансцендентному опыту деперсонализации. Деперсонализация – это «опыт лиминальности как метафизический опыт свободы»²³ (лиминальность: от liminality – переход системы из одного состояния в другое). Трансцендентный опыт заключается в приобщении к чему-то большому, «придающему высокий и глубокий смысл твоему существованию»²⁴, он лежит в основе широчайшего спектра человеческой жизни: дружба, любовь, забота, познание, религиозный опыт, озарение, ритуалы, праздники как приобщения к знаменательным датам и событиям и т. д.²⁵

В стремлении обрести трансцендентный опыт приобщения к чему-то, находящемуся над реальностью, вопреки реальности, больше, чем реальность, реализуется та часть человеческого «Я», которая не включена в социум, которая и есть «для-себя-бытие». Не может в полной мере препятствовать этому и потребительская культура. Как показывают некоторые исследования, у человека имеются индивидуальные устойчивые диспозиции, находящиеся в своих существенных проявлениях вне культуры. С этой точки зрения исследование культуры больше не является документированием того, как культура формирует личность. Вместо этого задается вопрос о том, «как взаимодействие культуры и личностных черт формирует пове-

дение индивидов и социальных групп. На уровне индивида этот подход предполагает, что установки, ценности, привычки и навыки – полный набор **адаптационных свойств**, развиваемых людьми, – вероятно, отражает вклад как индивида, так и культурного контекста»²⁶.

Конечно, приобщение к добродетели – не единственная возможность испытания состояния трансцендентного сознания. Этот путь не самый легкий и его, видимо, выбирают те, кто имеет определенные склонности (индивидуальные диспозиции). Не является он и обязанностью, так как «принудительное служение добродетели, сознательное распоряжение актом принятия оказывается несвободой, поскольку нельзя „сделать“ совесть, нельзя без веры, руководствуясь лишь волевым решением, совершить добродетельный поступок»²⁷. Другая часть людей может избрать в качестве объекта такого опыта принадлежность к большой корпорации, или прикосновение к безграничной власти, или путь вхождения в трансцендентальное состояние сознания при помощи определенных средств.

Homo possible: модели и характеристики

Современная реальность становится все более ускользающей от человека, приобретая черты поппулизма, она может быть, а может и не быть, в ней «все скользит на грани „если бы“, где одна возможность приоткрывает другую, а вся реальность состоит из чередования возможностей, которые сами по себе редко реализуются»²⁸. Возможностный мир, с одной стороны, размывает идентичность, а с другой – принуждает искать новую, которая будет заменена следующей и т. д. Эта игра со своей идентичностью не может быть полностью реализована в повседневных отношениях, она лабильнее реальности, созданной и поддерживаемой в обществе в виде рутинных (и более или менее устойчивых во временных отрезках) практик, поэтому она находит новое пространство для своей реализации – виртуальность Интернета. Именно там формируются современные субкультуры, становящиеся материалом для идентичности. Именно там возможность предстает «не просто как еще нереализованный потенциал, а, скорее, как невозможность полной реализации, неизбежная открытость изменению»²⁹.

Для того чтобы адаптироваться к условиям современного общества, требуется новый тип человека – *homo possible* («человека возможный»), который сможет принять принципиальную неустойчивость, нестабильность реальности. Такой человек должен быть готов к принятию на себя различных ролей, использованию разных способов достижения целей, быстрому реагированию на изменяющуюся ситуацию, ироничному отношению к себе, своим успехам и проигрышам и в конечном итоге – к абсурдному миру.

В адаптивно-конструктивном (самосохранительном) варианте *homo possible* должен приобрести черты свободного человека. Его свобода должна быть тесно связана с ответственностью, поскольку «свобода от мира не что иное, как ответ-

ственность за него. Чем шире зона моего автономного поведения, тем шире зона ответственности. И наоборот: та сфера, которую я беру на себя, за которую ответствен, – и есть сфера моей свободы, а человек тем этичнее (свободнее-ответственнее), чем шире эта сфера»³⁰. Человек ответственен, а потому свободен, а не наоборот. Мера ответственности определяет меру свободы. Это одновременно должно означать, что навязывание культурных ценностей общества потребления, зомбирование людей на потребительство вовсе не фатально. Человек может принимать, а может не принимать культуру потребительского общества, главное – чтобы он сумел определиться с ответственностью (примером непринятия потребительских ценностей может служить движение дауншифтинга). В необходимости определения ответственности *homo possible* включает в себя и *homo rationalis*, поскольку ответственность – это мера принятия моральных обязательств за свои поступки перед собой, окружающими людьми и обществом в целом, а также просчитывание негативных последствий своих поступков для названных субъектов с целью непричинения или минимизации возможного вреда. (Не случайно на Западе при работе с разного рода неблагополучием все большее распространение получает концепция эмпауэрмента (от *empowerment*, букв. – придание внутренней силы), направленная на предоставление клиентам полномочий самостоятельно выбирать пути решения проблем и нести ответственность за принятые решения).

Разумеется, адаптивно-конструктивная (самосохранительная) модель *homo possible* представляет собой идеальный тип. Реализация этой модели требует наличия достаточных ресурсов, которые, с одной стороны, должны постоянно обновляться и пополняться, с другой, не могут пополняться сами собой, поскольку «пряников на всех не хватает». Модусами данного типа будут модели, ограниченные в возможностях, шансах использования возможностей (по времени, полноте и завершенности), а также той или иной степенью развитости стремления к свободе и ответственности. И все они имеют риски совершения девиаций (разной степени деструктивности и дезадаптивности). Кроме того, одно из важнейших отличий общества потребления и спектакля – это порожденная им потребность (или желание) быть включенным в процесс реализации возможностей, потребность поиска себя в этом процессе, развоплощения индивидуальности в вариативной реальности, которая к тому же должна быть увидена всеми (процесс «шоуизации жизни»). Отсюда популярность разного рода реалити-шоу, написания мемуаров, в том числе, и не лучшими представителями рода человеческого, психологический эксгибиционизм авторов дневников в Интернете, нарастание числа скандальных историй с участием разных «героев» в СМИ и т. д. и т. п. Человек в таком обществе боится одиночества, ему нужна толпа, события. Для того чтобы почувствовать себя полноценным в возможностном мире, человек должен все время изменяться (любимыми средствами), в его жизни постоянно должно что-то происходить, что давало бы ему ощущение проявленной индивидуальности, продемонстрированной другим, увиденной

другими и оцененной ими. И если это требование не представляется возможным реализовать в легитимной сфере, то человек начинает реализовываться в нелегитимной, или выбирает «социальное небытие» (дезадаптивно-деструктивные или саморазрушительные модели *homo possible*). Так, например, трансцендентный опыт свободы, будучи эмоционально чрезвычайно привлекательным, может вызвать к жизни попытки его легкого достижения с помощью алкоголя, наркотиков, психоделиков³¹. Другой пример – самозванство как поиск идентичности в цивилизации возможного. Самозванческая самопрезентация, нацеленная в конечном счете, на самоидентификацию, может распространяться от принятия на себя вымышленной роли в Интернете до поиска идентичности на материале агрессивной субкультуры, которые предоставляют пользователям Интернета богатый материал для оправдания насилия, нарушений норм морали и потребительского отношения к жизни.

Заключение

В потребительской культуре России при помощи брендинга, маркетинга, шоуизации предлагается все больше возможностей в разных и вполне легитимных сферах жизнедеятельности. Однако большинство населения не имеет достаточных ресурсов для реализации этих возможностей, что означает невозможность (исключение) проживания, актуализации собственной жизни, потенцированной самим человеком, вернее, той его частью, которой он «для-себя-бытие» (Г. Зиммель). Жизнь превращается в скучную, монотонную, однообразную рутину, усугубленную неустроенностью, неблагополучием, несправедливостью, бесперспективностью существования и т. д. Этот недостаток с успехом устраняется за счет тех же брендинга, маркетинга, шоуизации, предлагающих шансы и возможности воплощения себя в нелегитимной реальности. Более того, нелегитимные социальные институты (наркобизнес, преступные банды, различные субкультуры, владельцы сомнительных интернет-сайтов, форумов и т. д.) имеют и – главное – тратят на продвижение своих предложений гораздо больше денег, чем легитимные социальные институты. И обработанный различными завлекалками человек принимает предлагаемый ему шанс почувствовать себя участником жизни. Судя по тому, с какой скоростью в России происходит «банализация социального поведения», следует лишь надеяться, что зарождающийся *homo possible* продолжит искать пути творческого самовыражения, не разрушая основ общечеловеческой культуры и преодолевая прогноз постмодернистов на самоуничтожение человечества.

Примечания

¹ Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология: новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. С. 93

² Тульчинский Г. Л. Самозванство: феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 115.

- ³ Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. С. 70–71.
- ⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
- ⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. С. 213.
- ⁶ Там же. С. 200.
- ⁷ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Радек, 2000. С. 17–58.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Там же. С. 15–16.
- ¹⁰ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 83.
- ¹¹ Там же. С. 89
- ¹² Ferguson Н. Glamour and the end of irony // The Hedgehog rev. 1999. Fall.
- ¹³ Бауман З. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁴ Там же. С. 99.
- ¹⁵ Гоффман И. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- ¹⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁷ Тульчинский Г. Л. Новая антропология: персонология: самозванство или личность как автопроект? // Нева. 2010. № 6.
- ¹⁸ Там же. С. 147
- ¹⁹ Бауман З. Указ. соч. С. 175.
- ²⁰ Там же. С. 176.
- ²¹ Там же. С. 176.
- ²² Зиммель Г. Как возможно общество? Человек как враг // Социол. журн. 1994. № 2. С. 107–108.
- ²³ Тульчинский Г. Л. Деперсонализация // Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. С. 89.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 95.
- ²⁶ Хофстеде Г., МакКрэй Р. Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социол. журн. 2010. № 4. С. 13.
- ²⁷ Кришталева Л. Г. Философия и этика поступка: структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах: опыт реконструкции. М.: ИФРАН, 2010. С. 91.
- ²⁸ Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. С. 93.
- ²⁹ Там же. С. 94.
- ³⁰ Тульчинский Г. Л. Инорациональность // Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. С. 140.
- ³¹ Тульчинский Г. Л. Деперсонализация. С. 96.

Н. И. Боенко

**Регулирование трудовой занятости
как «провокация» современной культуры взаимодействия**

В статье анализируются качественные изменения в организации бизнеса в современных фирмах. Неизбежное объединение глобальной экономики с инновационным предпринимательством детерминирует изменения в регулировании занятости.

Ключевые слова: регулирование трудовой занятости, культура взаимодействия, сетевая структура, интеграция, конкуренция, корпорация, сотрудничество

Natalya I. Boenko

**The regulation of labor employment
as «provocation» of modern culture of interaction**

This article presents qualitative changes in the business organizations of the time. Inevitable unification global economics and innovational business determined changes in control of employment.

Keywords: regulation of employment, culture of interaction, netting structure, integration, competition, corporation, collaboration

Основной характеристикой современного мира становится глобализация, проявляющаяся во взаимодействии разного рода явлений, структур, процессов, субъектов деятельности, как социального, так и техногенного порядка. Одновременно и неизбежно происходит и своего рода размывание указанных компонентов, их характеристик. Как сформулировал Н. Покровский, зав. кафедрой социологии НИУ ВШЭ, глобализацию «надо воспринимать как данность. Данность, которая подразумевает регулирование»¹. Понятие «регулирование» представляется нам ключевым, предполагающим не раз и навсегда взятый курс на движение в одну сторону, но чутко реагирующим на неизбежные изменения, возникающие под влиянием сложных взаимодействий. Их направленность и составляющие могут иметь глобальный, а также федеративный, региональный и локальный характер.

Что же нужно регулировать в России и каковы цели регулирования? В условиях неизбежной конкуренции на мировом и нижележащих уровнях таким объектом является экономика страны, а целью – эффективность управления ею как основа обеспечения конкурентоспособности.

Развитие любого общества определяется спецификой взаимодействия субъектов не только управления ею, но и спецификой **деятельности** (как более широкого понятия) и поведения на макро-, мезо- и микроуровнях (социальных институтов, социальных групп, предприятий, индивидов), а устойчивость общества – и, соот-

ответственно. безопасность – степень согласованности данного взаимодействия. Не случайно С. Н. Булгаков, известный русский философ начала XX в., утверждал, что «хозяйство» есть «психологический феномен» и «явление духовной жизни в такой же мере, в какой «всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух, и, в свою очередь, является порождением этого духа»².

Любые изменения, даже прогрессивные инновации, могут повлечь за собой повышение неупорядоченности, материальных, финансовых и социальных издержек, если экономическая, политическая, социальная и социокультурная подсистемы, имеющие собственные циклы, ритмы и цели развития, находятся на разных стадиях их жизненных циклов.

Набор возможных путей развития определяется бифуркацией – точкой разветвления эволюционной линии системы, возникающей в результате качественного скачка при достижении критического количественного значения параметров, характеризующих фундаментальные свойства диссипативной (открытой) системы. В результате происходит «как бы разветвление исходного качества на новые качества. Число ветвей, исходящих из данной бифуркационной точки, определяет дискретный набор новых возможных диссипативных структур, в любую из которых (скачком) может перейти данная (актуально существующая) структура»³.

Бифуркационный скачок не случаен. Он детерминирован внутренним взаимодействием между элементами системы, которое играет роль детектора (того, кто определяет отбор) и «представляет собой столкновение противоборствующих причин, часть из которых находится в отношении конкуренции, а другая – кооперации». Конечный результат отбора обусловлен равнодействующей всех причин, которая определяется «соотношением сил» между противодействующими причинами, в свою очередь зависящим от распределения кооперативных тенденций. Внутренним взаимодействием в рамках нашей концепции будет взаимодействие между субъектами и институтами социальных изменений.

В качестве одного из наиболее значимых следствий синергетической теории развития В. П. Бранский выделяет тенденцию открытых систем «к объединению при определенных условиях взаимодействия с внешней средой (интеграции)»⁴. Такое объединение повышает устойчивость системы благодаря замене конкуренции кооперацией. Принцип же максимальной устойчивости требует воспроизведения интеграции на более высоком уровне. Это определяет тенденцию к повышению сложности систем в процессе развития.

Используя положения синергетического подхода, можно считать, что социальный прогресс это высшая цель развития, а развитие процесс социального отбора, факторами которого выступают разного рода взаимодействия. Степень реализации общезначимого идеала зависит от активности и «качества» социальных субъектов и от устойчивости системы, которая обеспечивается согласованностью деятельности и поведения социальных макросубъектов (государства, элит и массовых

социальных субъектов). Согласованность же во многом обусловлена сходством ценностей и социальных норм. С нашей точки зрения можно на новом уровне подойти к методологии совместного изучения современных субъектов и институтов, а именно с позиций согласованности сознания и поведения представителей элиты, среднего класса и остальных слоев населения.

Динамику изменений, происходящих в России, обуславливают три группы факторов: 1) объективные перемены, происходящие внутри страны; 2) социокультурные факторы, т. е. тенденции и инерция сложившейся национальной и цивилизационной культур; 3) зависимость от контекста общемирового развития. Третья группа факторов именно сегодня играет особую роль. Нынешний период становления глобального информационного общества в общепланетарном масштабе кардинально отличается от предыдущих сменой самого механизма социальной трансформации. Феномен глобализации выступает как следствие информационно-технологической революции, начавшейся в 1970-х гг., активизировавшейся в 1980-х гг. и принесшей гораздо более неоднозначные и сложные социальные изменения, чем предполагалось в те годы. Действие всех вышеуказанных факторов осуществляется не параллельно, а опосредованно и взаимоувязано, поэтому выделить наиболее значимые из них не всегда возможно. В этой связи целесообразно анализировать движение обществ и социальных трансформаций по двум осям: способу хозяйствования и способу развития.

Понятие «способ хозяйствования», или «способ хозяйственной деятельности», на наш взгляд, шире понятия «способ производства», поскольку экономика включает в себя как технико-технологическую сторону, основанную на способе взаимодействия человека с природой и со средствами производства (здесь можно выделить общества, находящиеся на доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных, или информационных стадиях), так и социокультурную, прежде всего ее ценностный аспект, определяющий цели производства, т. е. что и ради чего производить. В этом случае важно, чьи интересы обеспечивает способ хозяйствования – общества, корпораций, отдельных производств и индивидов или их сочетание. Поэтому он определяет особенности не только способа производства, но и способов распределения, обмена и потребления, т. е. включает социально-политический аспект. Примечательно, что экономисты все в большей степени понимают социальную природу экономики. В качестве институционального аспекта экономики принимается механизм социального упорядочивания экономических действий⁵.

Понятие «способ развития» широко используется в известной книге М. Кастельса, наряду с понятием «способ производства»⁶. В понимании Кастельса способы развития – это технологические схемы, через которые труд воздействует на материал, чтобы создать продукт. Способы развития обуславливают социальные отношения в производстве, определяющие правила присвоения, распределения

и использования экономического излишка. Данные правила, согласно М. Кастельсу, и составляют способы производства. Таким образом, возможный на конкретный исторический момент в конкретном обществе способ повышения производительности труда конструирует и производственные и социальные отношения. Хотя более корректным, на наш взгляд, является понятие не «способ производства», а «способ хозяйствования». Анализ способа развития в отличие от способа хозяйствования предполагает также охват социальных институтов и отношений, касающихся не только хозяйствования, но и других сторон жизнедеятельности общества. По мнению М. Кастельса, следует ожидать возникновения исторически новых форм социального взаимодействия, социального контроля и социальных изменений⁷.

Об этом же писал и российский ученый А. Неклесса: «XX столетие, по сути дела, явилось веком системного кризиса прежних институтов политики и экономики и одновременно эпохой грандиозной социально-культурной трансформации»⁸. Особый интерес вызывают два его положения: о некоем «четвертом состоянии общества» и о новом механизме социализации личности. Проводя аналогию «четвертого состояния» общества с четвертым состоянием физического вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), он говорит о новой социальной среде, обладающей одновременно чертами цивилизации, варварства и архаики. По сути дела, он говорит о новом способе организации разнопорядковых элементов общества – не синхронном соотношении одного элемента с другими, а о диахронном, т. е. о частичной, сетевой, или «клиповой» взаимосвязи структур, находящихся в разных стадиях жизненного цикла и развивающихся по своим, не во всем совместимым закономерностям.

Таким образом, кардинальность процесса глобализации заключается в реструктурировании системы и процесса организации политических, экономических и социокультурных связей. Преимущества новых информационных и коммуникационных технологий позволяют отдельным экономическим субъектам и их альянсам выйти не только на макроуровень стран, но и непосредственно на общемировой уровень, что меняет механизм социальных трансформаций и роль государств в его функционировании. Эти преимущества заключаются в способности, как отмечает М. Кастельс, «работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты». В результате повышения возможностей информационных и коммуникационных технологий возрастает степень децентрализации всех видов деятельности при одновременной необходимости их интеграции для получения интегративного эффекта. Сетевые формы организации в наибольшей мере отвечают таким требованиям, охватывая не только экономические, но и политические и социокультурные взаимодействия. Это меняет геополитическую ситуацию в мире и в отдельных регионах. Таким образом, на наш взгляд, происходит уже на социальном уровне очередная смена основного объекта эволюции: им реально становится не отдельный индивид или общество, а социум в целом. Механизмы со-

циальной трансформаций приобретает следующие характеристики: а) основной целью функционирования и развития системы становится конкурентоспособность, которая не в каждом случае обеспечивается за счет качества и стабильности, но всегда предполагает гибкость и готовность к новым изменениям; б) основным способом достижения цели выступает не только создание «сильного звена», но в первую очередь предотвращение возникновения «слабого звена», за счет достижения сбалансированности элементов и процессов, протекающих в системе; в) основным способом сбалансированности, соединения элементов в систему выступает не иерархическое соподчинение, а сетевой принцип, при этом решающее значение приобретает интеграция элементов и функций, г) основной целью трансформаций становится не столько совершенствование системы, сколько обеспечение гарантий ее устойчивости против разрушения.

Даже самый краткий анализ позволяет увидеть, что современное информационное общество – несравненно более сложная система, чем индустриальное, не говоря уже о традиционном. Оно характеризуется всеобщей взаимозависимостью элементов и новым механизмом трансформации, в котором взаимодействие социальных институтов и акторов дополняется (и одновременно ограничивается) системными характеристиками новым, создаваемым инновационными процессами, качеством общественной жизни и критическими состояниями устойчивости принципиально традиционных подсистем экологии, психики личности, социального взаимодействия. Новое качество жизни и критические состояния устойчивости (критерии безопасности) образуют тандем, по отношению к которому можно говорить как о пределах экономического роста, так и о пределах воздействия (критерии безопасности) на природную среду, человеческую психику, физическое и социальное здоровье. В силу сказанного особое значение получают факторы развития экономики и общества, называемые «человеческим капиталом» и «социальным капиталом», которые можно рассматривать как пути преодоления «вызовов» глобализации.

Понятие «человеческий капитал» первоначально включало в себя совокупность знаний и квалификации, понимаемых как ресурс. Согласно теории человеческого капитала накопление его может осуществляться в различных формах. «Наиболее очевидными из них являются накопление капитала (развитие способностей и навыков) во время школьного и после школьного обучения, а также приобретение знаний и умений в ходе профессиональной деятельности. В этот ряд обычно ставится также предшествующее и сопутствующее им семейное воспитание. Есть и другие формы: забота (инвестиции в здоровье), приобретение информации о функционировании экономики, рынка труда и другие формы, обеспечивающие развитие интеллектуальных и физических способностей человека и возможности их реализации, повышение эффективности его труда»⁹.

Концепция человеческого капитала способствовала формированию нового видения общественного развития – переходу от концепции экономического роста к концепции человеческого развития. Суть последней заключается в «человеческом измерении экономического развития», в разработке подходов, способствующих развитию человеческого потенциала. Соответствующие методики и показатели измерения развития предложены Программой развития ООН (ПРООН), которая с 1990 г. издает специальные всемирные доклады о человеческом развитии, позволяющие произвести сравнительный анализ социально-экономического прогресса по странам и группам стран.

Развитие коммуникаций объективно повышает потребность в устойчивых нормах взаимодействия, в порядочности и честности партнеров, во взаимном доверии. В этой связи в дополнение к известному экономическому понятию транзакционных издержек (т. е. издержек взаимодействия), можно выдвинуть его социальный аспект. В этом случае в качестве издержек можно рассматривать такие социальные явления, как социальная напряженность, социальный пессимизм, девиантное поведение, низкая степень социальной адаптации, доверия, социальной сплоченности и т. п. все то, что возникает при взаимодействии людей с разными ценностями и этическими установками, а также находящихся в неравных жизненных условиях. В соответствии с этим к составляющим человеческого капитала можно отнести все то, что «работает» на элиминирование издержек: ценности и социальные нормы; нормы управления персоналом, степень социальной адаптации населения; активные стратегии экономического поведения; отношение к труду и образованию как к самореализации. Особенно важно формирование человеческого капитала для молодежи, обеспечивающей сохранение и одновременное обновление ценностей и социальных норм культуры, в том числе экономической.

Исходя из необходимости минимизации социальных издержек, можно говорить о феномене социального капитала, проявляющемся на уровне какого-либо сообщества или общества в целом как неформальная норма, повышающая степень согласованности деятельности и поведения. Джеймс Коулман, американский экономист и социолог, считает, что «социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них», «он существует только во взаимодействии индивидов» и «его ценность зависит от социальной организации»¹⁰. Социальный капитал практически выражает степень интеграции, целостности и устойчивости общества (сообщества, корпорации), обеспечивая надежность социальных структур на основе повышения доверия, расширения обязательств и ожиданий, внутренней мотивации к самореализации.

Эффект современного этапа глобализации во многом изменил социальные и культурные ценности и качества российского населения. В этой связи снова обратимся к точке зрения Н. Покровского, который считает, что современное население России – «качественно новая общность», для которой характерны «ориенти-

рованность на материальное потребление, сужение поля социального интереса, подчиненность влиянию СМИ, преклонение перед любой властью, культурная не востребованность»¹¹.

Для того, чтобы получить интеграционный эффект в условиях присоединения к ВТО и вызовов глобализации, следует как можно менее противоречиво объединить экономические, управленческие, организационные, культурные, социальные, трудовые, финансовые, человеческие и политические ресурсы. По нашему мнению, особую роль здесь может сыграть регулирование трудовой занятости с учетом анализа опыта советского, перестроечного и современного периодов, а также зарубежного опыта. Понятие занятости определяется в Законе РФ «О занятости населения в Российской Федерации». Она трактуется как «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход». Она включает в себя ряд элементов, связанных с поиском гражданами работы, содержанием, условиями и оплатой труда, профессиональным обучением и т. п.

В советское время и даже в перестроечный период занятость как элемент макроэкономической системы была затронута реформами недостаточно. В то время как в глобализирующемся мире наблюдались социальные и экономические инновации, реализовалась модель социально ориентированной экономики, в России в условиях перехода к рыночной экономике нерационально использовались ресурсы, неадекватно оплачивался труд, значительно различались условия в центральных и периферийных регионах. Занятость не включалась активно в социально-экономические программы развития страны, отсутствовала долговременная стратегия решения актуальных проблем занятости как элемента социально-экономического развития общества. Развитие личности работника не увязывалось с определяющей ролью занятости в формировании достойного уровня жизни. Преобладал физический труд, причем на 1/3 неквалифицированный. К 90-м гг. информационным трудом были заняты всего 15% работающих, преимущественно бухгалтеры и машинистки.

Стране предстояло решить проблему занятости, т. е. выстроить систему регулирования трудовой занятости исходя из социально-экономических потребностей страны, обеспечения конкурентоспособности ее экономики, профессиональных возможностей и потребностей кадров, повышения их жизненного уровня, мотиваций, конкурентоспособности на цивилизованно построенном рынке труда. В то же время понятие занятости в Законе РФ «О занятости населения в Российской Федерации», появившемся в 1990 г., трактуется скорее как юридическая, а не социально-экономическая категория: «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход».

Следовало определить занятость как социально-экономическую категорию и на практике построить политику занятости исходя из ее сущности, целей и воздействующих на нее факторов.

С экономической точки зрения занятость определяется как объединение труда и капитала и это правомерно. Реформы 90-х гг. начались с преобразований собственности (приватизация) и создания финансовой инфраструктуры. Социальный смысл, сущность и возможности полноценной политики занятости, интегрированной с макро- и микроэкономикой, были недопоняты, рассматривались как второстепенные. Проблемы занятости долгое время не включались в макроэкономические инновационные модели, что существенно задержало общее развитие страны. В то же время за рубежом в развитых странах в это время развивались и воплощались в жизнь концепции человеческого и социального капиталов, а знания и информационные технологии стали одним из наиболее значимых факторов производства.

Создание мощного финансового капитала финансовых групп в развитых странах привело к слиянию банковского капитала и промышленных активов и на этой основе – к образованию транснациональных мегакорпораций. «Финансовые ресурсы западных мегакорпораций, – отмечает П. А. Кохно, д. э. н., Директор Института нечетких систем, – не только в десятки, но и в сотни раз превосходят ВВП подавляющего большинства стран мира»¹².

В своей статье П. А. Кохно отметил попытки развития двух вариантов возможного в современном мире развития экономики и, соответственно, связанных с ней политики и практики трудовой занятости.

Первый вариант он охарактеризовал как тенденции, теряющие рыночные характер и ориентированные на индивидуальный успех, конкуренцию, «войну всех против всех» и признал их неэффективными. Если же значительное число предприятий предпочитают сотрудничество и интеграцию, то «устойчивый, инновационный экономический рост объективно вызывает дальнейшее обобществление и переход к коллективным формам хозяйствования, в рамках модели гармоничной экономики труда»¹³. В этой связи он приводит мнение ряда западных специалистов о том, что происходит революция в менеджменте, приводящая к реализации «интеграционного эффекта на основе коллективизма, сотрудничества и централизации». Помимо указанных особенностей, как считает ученый, интеграционные процессы на уровне микро-, макро- и мегаэкономики объективно снижают число субъектов хозяйствования, способных и уполномоченных принимать значимые экономические решения. А это «равносильно централизации управления национальной, а в современных условиях – и мировой экономикой»¹⁴.

Второй (провокационный) вариант возникает, когда экономически развитые страны заинтересованы, чтоб «переходные» страны вступили на ложный путь децентрализации. А. П. Кохно предупреждает об опасности для этих стран перехо-

да на формирование конкурентно-рыночной среды и приводит мнение ведущих ученые ЦЭМИ о том, что в России и целом ряде других переходных стран такого перехода не произошло. Тем не менее, по мнению Кохно, отсутствие мезоэкономических институтов способствовало потере рядом стран бывшего СССР конкурентоспособности их экономик. Лидеры же мировой экономики используют принцип интеграции на уровне мегаэкономики. Они обмениваются между собой высокими технологиями (результатами исследований и разработок) по своеобразному бартеру, что называется «хайтеграцией», и поставляют развивающимся странам «отстающее» оборудование¹⁵.

Переходя к проблемам собственно трудовой занятости, следует отметить, что с ростом вооруженности труда изменился подход к использованию дорогостоящего оборудования. Чтобы окупить их приобретение, требуется их постоянное использование и переход от временного к постоянному найму работников. Это, в свою очередь, потребовало изменения трудовых отношений. В трудовом договоре постепенно увеличился набор позиций, охватывающих аспекты социальной защиты: (социальное страхование, получившее законодательную защиту, оплата потери трудоспособности по вине работодателя). В настоящее время остро встают вопросы демографического характера: сокращение численности работников старшего трудоспособного поколения, оплаты трудовых пенсий. Возникают трудовые взаимоотношения работников не только с работодателями, но и с государством. Более того, меняется их социальный характер – усиливается тенденция учета, с одной стороны, биологических свойств людей, а с другой стороны, социальных взаимоотношений человека в сообществе себе подобных. Складывается культура взаимодействий на мезоуровне с ценностным сдвигом в сторону социальных отношений.

Примечания

¹ Покровский Н. Е. Глобализация в тех или иных формах «осваивает» все, попадающее на ее пути, в том числе и депрессивную российскую деревню // Человек и труд. 2012. № 12. С. 8.

² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. URL: <http://magister.msk.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

³ Бранский В. П. Искусство и философия. М.: Янтар. сказ, 1999. С. 502.

⁴ Там же. С. 516.

⁵ Институциональная экономика / под рук. Д. С. Львова. М.: Инфра-М, 2001. С. 44.

⁶ Капель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 36- 45.

⁷ Там же. С. 39–40.

⁸ Неклесса А. И. Глобальная трансформация: сущность, генезис и прогноз. URL: <http://intelros.org> (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ Человеческое развитие: новое измерение социал.-эконом. прогресса. Нью-Йорк, 2000. С. 10.

¹⁰ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Обществ. науки и современность. 2001. № 3. С. 124–126.

¹¹ Патриотизм как системообразующая социокультурная ценность в постсоветской России. URL: <http://superinf.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

¹² Кохно П. А. России нужна инновационная экономика труда // Человек и труд. 2013. № 5/6. С. 47.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Там же. С. 49.

Я. С. Рочева, С. И. Бояркина

Сфера сервиса в социокультурном измерении

Современная сфера сервиса представляет собой специфическое социокультурное пространство, взаимодействия в котором осуществляются в связи с потреблением услуг. В результате этого взаимодействия возникает новая сервисная культура, новое качество жизни населения. Поэтому крайне важным представляется изучение структуры потребления услуг, перспективных направлений сервисной деятельности.

Ключевые слова: сервис, потребление услуг, качество жизни населения

Yana S. Rocheva, Saniya I. Boyarkina

The service sector in the socio-cultural dimension

The modern sphere of service is a specific socio-cultural field, the interactions in it are associated with services consumption. As the result of this action new service culture, new quality of life appears. Therefore it's extremely important to study the services consumption structure and the perspective trends in service activities.

Keywords: service, services consumption, the population's quality of life

В последние десятилетия сфера услуг занимает устойчивые позиции в мировой экономике. Для большинства развитых стран характерны увеличение объемов производства услуг, возрастание доходов от сервисной деятельности, повышение занятости в этой сфере, расширение экспорта и импорта услуг. Изменения, происходящие в сервисном секторе, столь существенны в мировом масштабе, что современная экономика удостоилась определения «сервисная», или «экономика услуг»¹.

На данный момент в научном сообществе отсутствует общепринятое понимание сервиса, а социология сферы сервиса, возникающая как результат поиска собственно социологического подхода к процессам, сопутствующим построению коммуникативного пространства и специфического взаимодействия между сервисменом (сервисной организацией) и потребителем, только начинает свое становление. Поэтому детального изучения требуют те новые черты, которые обретает социокультурное пространство, понимаемое как система социальных полей, возникающих во взаимодействии «индивид-производство-общественная среда», в частности, сервисных социокультурных практик, характеристик сервиса как одного из путей развития культуры (цивилизации) в современном мире и т. д.

По мнению Родионовой В. И. в постиндустриальном обществе сервис, имеет огромное значение, проникает из традиционных сфер в чуждые ему ранее области и пространства, изменяет их и оказывает влияние на формирование сознания современного человека, облик современного общества. Социогуманитарные науки

делают объектом осмысления все культурные проявления общественного бытия. Феномен сервиса, как объективно существующее, органически вошедшее в жизнь современного человека условие функционирования постиндустриального общества имеет право, по мнению автора, быть включенным в объектное поле культурологии, стать предметом специального изучения в теории культуры².

Социокультурный подход предполагает выявление культурной специфики функционирования сферы сервиса, того, как происходило формирование института сервиса в обществах, с различным уровнем и содержанием культуры. Сервис раскрывается как социокультурный механизм, способный выполнить задачу упорядочивания связей между людьми. Он формирует социальное поле сервисного взаимодействия. Стабильность их связей проявляется в ритуальности сервисного поведения. Их постоянство сообщает о том, что общество нуждается в сервисных отношениях, стремится их воспроизводить, в то же время он, развивая потребности, искусно провоцирует человека менять свои социальные «метки» или «знаки», что свидетельствует о вариативности сервисных отношений³.

В рамках социокультурного анализа сервис рассматривается как явление цивилизации (причина ускоренного технологического и социального развития) и как явление культуры (ценностно-ориентационный, знаниевый аспекты). Данный подход позволяет изучить воздействие услуг на формирование образа жизни человека, его стиль поведения, предпочтения, вкусы, присущие определенным социальным группам. На основе этого целесообразно выделять различные типы потребителей сервисной деятельности с точки зрения личностных особенностей, социокультурных потребностей, стиля потребления и востребованности тех или иных сервисных услуг⁴.

Заявленные социокультурные проявления сферы сервиса требуют с описания и осмысления процессов институционализации, профессионализации, разработки подходов к классификации, а также анализа понятий «потребление» и «общество потребления», исследованием социальной природы потребностей в услугах⁵.

Существующая теория и практика свидетельствуют о широком перечне услуг, поэтому одной из актуальных практических задач является изучение рынка спроса на услуги, а также осмысление роли сервисного взаимодействия, определяющего количество и качество потребляемых услуг, влияние деятельности сервисных организаций на качество жизни населения.

Обозначенные тенденции послужили основаниями для социологического исследования на тему: «Оценка потребления различных видов услуг гражданами Санкт-Петербурга», проведенного исследовательским коллективом с участием авторов настоящей статьи на базе социологической лаборатории Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики в сентябре 2013 г. Целью исследования явился анализ потребления услуг в Санкт-Петербурге. Метод иссле-

дования – анкетный опрос. Основу выборочной совокупности составили жители Санкт-Петербурга, достигшие полных 18 лет.

Одной из задач исследования, был анализ частоты обращения граждан к различного рода услугам, предоставляемым государственными и частными компаниями города. Так, респондентам было предложено отметить, какими услугами они пользуются в своей повседневной жизни. На первом месте оказались жилищно-коммунальные услуги, к которым прибегают 94,0% опрошенных. На втором – услуги связи (91,4%). Третьи по частоте обращения – медицинские услуги (87,4%). Далее, по нисходящей, расположились банковские услуги (83,8%), услуги торговли (80,7%), пассажирского транспорта (80,7%), общественного питания (68,3%) и прочие. Полный перечень услуг и частота обращения к ним представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частота обращения граждан к услугам⁶, N = 429

№	Виды услуг	% наблюдений
1	жилищно-коммунальные услуги	94,0
2	услуги связи	91,4
3	медицинские услуги	87,4
4	услуги банков	83,8
5	услуги пассажирского транспорта	80,7
6	услуги торговли	80,7
7	услуги общественного питания	68,3
8	услуги учреждений культуры	57,8
9	хозяйственно-бытовые	53,7
10	услуги в системе образования	45,1
11	туристские и экскурсионные услуги	44,2
12.	услуги социально-культурного сервиса	41,3
13	услуги, связанные с личными нуждами	37,9
14	услуги физической культуры и спорта	37,0
15	ветеринарные услуги	34,1
16	услуги правового характера	27,0
17	санаторно-оздоровительные услуги	22,0
18	затрудняюсь ответить	2,1
19	другое	1,2

Согласно представленным результатам наиболее высокий рейтинг (до 80 % потребления среди опрошенных) у услуг, связанных с повседневными потребностями людей: жилищно-коммунальные услуги, услуги связи, медицинские услуги, услуги банков, услуги пассажирского транспорта, услуги торговли. Использование социокультурных услуг характеризуется менее значимыми данными: к услугам учреждений культуры прибегают 57,8 % опрошенных. Услуги системы образования актуальны для 45,1 % опрошенных. Такое среднее значение потребления данной услуги связано с отсутствием необходимости в обучении у некоторых возрастных групп населения. Менее половины опрошенных отметили использование туристских и экскурсионных услуг (44,2 %) и непосредственно услуги социально-культурного сервиса (41,3 %). То есть возможности в рекреации в различных ее формах почти у 60 % опрошенных практически отсутствуют. Еще меньше (почти каждый третий) пользуются услугами физической культуры и спорта (37 %). Действительно данный вид услуг чаще всего характеризуется как «престижный» и недоступный для отдельных групп населения. Услуги правового характера необходимы для каждого четвертого опрошенного (27,0 %). И на последнем месте санаторно-оздоровительные услуги – ими пользуется почти каждый пятый опрошенный (22,0 %).

Другой задачей проведенного исследования явилось более детальное раскрытие содержания анализируемых услуг и оценка уровня удовлетворенности.

Так, например, услугами **учреждений культуры** пользуются 57,8 % опрошенных, посещают выставочные комплексы 40,1 %. Среди услуг **физической культуры** относительно часто обращаются к помощи тренера в профессиональном спортивном клубе 23,1 %. Услугами тренера в тренажерном зале пользуются 16,8 % респондентов, тренера по плаванию – 8,6 %, услугами диетолога, спортивного врача в фитнес клубе – только 8,8 %. Посещают SPA-салон в фитнес клубе 24,8 %.

Уровень удовлетворенности различными видами услуг данной группы достаточно высок. Так, совокупная положительная оценка была выбрана 56,2 % ответивших, «в равной степени удовлетворены и не удовлетворены» оказанием услуг в учреждениях культуры 21,3 %. Учреждения физической культуры и спорта также преимущественно удовлетворяют потребителей качеством оказания услуг. Так, полностью удовлетворены и скорее удовлетворены 43,6 %.

В целом услуги учреждений культуры и физической культуры оказываются среди отраслей, набравших по результатам опроса наибольшее количество положительных оценок.

Социально-культурный комплекс представлен услугами туристических агентств, переводческих контор, развлекательных центров. Наиболее популярны развлекательные центры, которые посещают «довольно часто» и «время от времени» 71,6 %. В туристические бюро и агентства обращаются 52,0 % участников опроса, из которых варианты «постоянно» и «довольно часто» выбрали только 5,3 %

и 46,8% – «время от времени». К услугам переводческих контор прибегают только 6,3% респондентов.

Услуги в **правовой сфере** востребованы незначительно. Обращаются в юридические конторы 43,4% респондентов, причем, 39,6% – «время от времени», вариант «не пользуюсь» выбрали 52,5% опрошенных, этот же вариант ответа на вопрос об использовании услуг частных адвокатов был выбран в 79,8% случаев.

Дальнейший анализ данных позволил выявить ряд особенностей использования услуг в социокультурной сфере. Так, например, было отмечено, что чем моложе респондент, тем чаще выбор падает на услуги учреждений культуры, туристские и экскурсионные услуги, услуги физической культуры и спорта, услуги в системе образования, услуги общественного питания, услуги социально-культурного сервиса, услуги, связанные с личными нуждами.

Похожие тенденции были отмечены в связи с **уровнем образования**, удалось выяснить, что с повышением уровня образования возрастает потребление услуг учреждений культуры, физической культуры и спорта, туристических и экскурсионных услуг, услуг правового характера, банков.

Так опрошенные с полным средним образованием (41,2%) и начальным профессиональным образованием (40,9%), пользуются услугами учреждений культуры реже, чем представители со средним профессиональным образованием (63%) и высшим (60,9%). Та же зависимость обнаруживается и в отношении туристских и экскурсионных услуг: опрошенные с полным средним образованием их используют в 32,4% случаев, с начальным профессиональным образованием – в 18,2%, респонденты со средним профессиональным образованием – в 53,5% и высшим образованием – в 50,5% случаев.

Показатели потребления услуг физической культуры и спорта, правового характера и банков вдвое выше в группах с высшим и незаконченным образованием, чем в группах со средним специальным и начальным профессиональным образованием.

Различия в использовании услуг отмечаются и в зависимости от **рода занятий опрошенных**. Различия опять отмечены в обращении к услугам учреждений культуры, физической культуры и спорта, туристским и экскурсионным услугам, санаторно-оздоровительным, услугам правового характера, услугам в системе образования, общественного питания, социально-культурного сервиса, услугам, связанными с личными нуждами

Так, например, среди пенсионеров особенно малоиспользуемыми являются услуги физической культуры и спорта (2,7%), услуги в системе образования (5,4%), услуги социально-культурного сервиса (21,6%), услуги общественного питания (25,1%). Среди опрошенных специалистов разного профиля с высшим образованием и руководителей чаще, чем среди работников сферы обслуживания, технического персонала со средним образованием пользуются спросом услуги учреж-

дений культуры (60–70%), туристские и экскурсионные (около 50%), физической культуры и спорта (48,8–62,2%), санаторно-оздоровительные (24,2–33,8%), социально-культурного сервиса (44,2–56,8%) и др.

Очевидно, что уровень образования и род занятости влияют на качественно-количественные характеристики объектов и форм потребления, однако более подробное объяснение требует дальнейшего исследования с привлечением не только количественных, но и качественных методов.

Существенные различия выявлены в использовании услуг в зависимости от **материального положения респондентов**. Например, в группе, у которой «на продукты денег хватает, но на всем другом приходится экономить» могут позволить воспользоваться туристскими и экскурсионными услугами около трети респондентов (32,8%). Тогда как в группе тех, кто «может позволить себе взять в кредит дорогостоящие вещи (квартиру, дом, дачу)» таких вдвое больше (68,8%).

Примерно такое же соотношение в данных группах и в отношении услуг физической культуры и спорта. Они востребованы среди 25,9% респондентов первой группы (те, у кого «на продукты денег хватает, но на всем другом приходится экономить») и у 52,1% тех, кто «можем позволить себе взять в кредит дорогостоящие вещи (квартиру, дом, дачу)».

С ростом материального благополучия возрастает и спрос на услуги правового характера. Они требуются для четверти опрошенных (25,9%), у которых «на продукты денег хватает, но на всем другом приходится экономить» и почти в два раза (41,7%) возрастает потребность в них в группе тех, кто «может позволить себе взять в кредит дорогостоящие вещи (квартиру, дом, дачу)».

Услуги образования (особенно платного) оказываются менее востребованными в группе респондентов, у которых «на продукты денег хватает, но на всем другом приходится экономить» (32,8%). И почти половина (47,9%) отмечает их использование среди тех, кто «может позволить себе взять в кредит дорогостоящие вещи (квартиру, дом, дачу)».

Таким образом, с ростом уровня материального благополучия опрошенных повышается спрос на услуги учреждений культуры, туристские и экскурсионные услуги, услуги правового характера, услуги в системе образования.

В целом, по результатам исследования наиболее существенно на потребление услуг оказывают влияние следующие факторы: материальное положение, возраст, образование, род занятий.

Общие тенденции, выявленные проведенным анкетированием, позволяют охарактеризовать среднего респондента как рационального потребителя, обращающегося к различным услугам по мере необходимости, готового платить за то, что ему действительно нужно и решать многие вопросы самостоятельно, не прибегая к помощи организаций сферы услуг.

При этом респонденты различают понятия «услуги» и «сервиса». Так, 29,6% определили услугу как покупку чего-либо, 64,8% ответили, что сервис – это не только покупка товара или работы специалиста, но и то отношение, которое демонстрируют продавцы услуги. Пятая часть опрошенных (20,0%) сказали, что не понимают разницы, это одно и то же. Этому соответствует и распределение ответов на следующий вопрос, влияет ли сопутствующий сервис на выбор продавца, 75,3% ответили, что сопутствующий сервис влияет на выбор продавца и 24,2% сказали, что важно получить то, за чем обращаешься, а отношение продавца совершенно не важно.

В целом, проведенное исследование позволило выявить основные направления деятельности петербургских организаций, сервисизация которых может повлиять на качество жизни населения петербуржцев.

Примечания

¹ Балаева О. Н., Предводителя М. Д. Управление организациями сферы услуг: учеб. пособие. М.: Высш. шк. экономики, 2010. С. 6.

² Родионова В. И. Сервис в контексте теории культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Ростов н/Д, 2001. 147 с.

³ Там же.

⁴ Голоколенкова М. А. Институт сервиса в современной России как объект социологического исследования // Вестн. Север. (Аркт.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и социал. науки. 2008. № 2. С. 23.

⁵ Горбунова М. Ю. Эмоционально-коммуникативный сервис в процессе производства и потребления услуг // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: IV очеред. всерос. социол. конгресс. 2012. С. 8445–8451. URL: <http://ssa-rss.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁶ Сумма ответов опрошенных больше 100%, так как респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов.

Т. И. Самсонова

Социокультурная компетентность специалистов сферы сервиса

Уровень развития сферы сервиса во многом определяется качеством работы сервисных предприятий и организаций, одним из значимых аспектов которого является профессионализм персонала, предполагающий наличие как профессионально-технологических знаний и умений, так и социально-культурной компетентности. Повышение социокультурной компетентности – необходимое условие улучшения качества профессиональной деятельности персонала, а, значит, и качества работы предприятий и организаций сферы сервиса.

Ключевые слова: социокультурная компетентность специалиста, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, сфера сервиса

Tatiana I. Samsonova

Socio-cultural competence specialists in the field of service

The level of development of the sphere of service is largely determined by the quality of the service enterprises and organizations, one of the most significant aspect of which is the professional staff that involves both professional-technological knowledge and skills and socio-cultural competence. Improvement of social and cultural competence is a necessary condition for improving the quality of professional activity of the personnel, and, hence, the quality of work of enterprises and organizations of the sphere of service.

Keywords: socio-cultural competence of a specialist, professional competence, communicative competence, sphere of service

Социокультурная компетентность – необходимая и обязательная составляющая профессиональной компетентности специалиста в любой сфере деятельности, и, особенно, в сфере сервиса.

Сфера сервиса сегодня активно развивается как в нашей стране, так во всем мире. В экономике современных развитых стран именно в секторе услуг создается до двух третей и более совокупного ВВП и сосредоточивается подавляющая доля занятых.

В процессе реформирования российской экономики доля сектора услуг также постоянно растет. Согласно статистическим данным, вклад сферы услуг в ВВП России составляет в последние годы около 60%. Хотя это и ниже, чем в большинстве развитых стран, где она варьирует в пределах 70–75%¹.

Именно сфера сервиса в нынешних рыночных условиях обеспечивает создание основной части новых рабочих мест и устойчивое сохранение существующих. Уровень развития сферы сервиса становится определяющим фактором конкурентоспособности национальной экономики на глобальных рынках.

Уровень развития сферы сервиса во многом определяется качеством работы предприятий и организаций сферы сервиса, одним из значимых аспектов которого является профессионализм персонала и качество его профессиональной деятельности.

К сфере сервиса относится довольно большое количество профессий. Это и продавец, и экскурсовод, и менеджер туристической фирмы, и работник гостиничного бизнеса, и официант в системе общественного питания, и автомеханик на станции техобслуживания. Деятельность каждого из них специфична и требует определенного, отличного от других, набора технологических навыков и качеств.

Профессионализм работника сферы сервиса определяется, прежде всего, теми качествами, которые непосредственно отвечают за выполнение соответствующей профессиональной деятельности – ремонт автомобилей, приготовление и подача блюд клиенту, пошив изделий, проведение экскурсий, уборка номеров в отеле, продажа товаров и услуг и т. д.

Однако, учитывая специфику работы в сфере сервиса, характеризваемой формулой «работник – клиент», т. е. «человек – человек», можно утверждать, что профессионально важные качества специалиста сервисной сферы будут дополнены особым перечнем качеств, которые также являются профессионально важными. Человек, чья профессиональная деятельность относится к профессии типа «человек-человек», должен обладать своеобразной «клиенториентированной» направленностью ума и всей деятельности, особой чувствительностью к проявлениям душевной деятельности другого человека, его ума и характера.

Действительно, профессиональная деятельность специалистов сферы сервиса во многом построена на общении, взаимодействии с клиентом, а значит, профессионально важными будут качества, определяющие эффективность взаимодействия с другими людьми.

Специалист сферы сервиса должен обладать многими личностными качествами, которые являются профессионально важными. Это умение слушать и слышать другого человека, доброжелательность, открытость, вежливость, неконфликтность, эмоциональная устойчивость. Это также хорошие манеры, умение держать себя, подать себя, быть вежливым. Хорошие манеры помогают быстро адаптироваться в любой обстановке, упрощают налаживание контактов, расширяют возможности оказывать влияние на людей.

Очевидно, что все эти качества можно объединить в одно интегративное качество – коммуникативную компетентность. В данном виде деятельности коммуникативная компетентность относится к числу абсолютных профессионально-важных качеств. Коммуникативная компетентность – важнейшая часть социокультурной компетентности личности.

В научной литературе в целом под социокультурной компетентностью понимается владение совокупностью знаний, умений и качеств, необходимых для ком-

муникации в конкретных социальных условиях, с учетом культурных и социальных норм коммуникативного поведения. Так, А. Н. Сафонов, изучая социокультурную компетентность молодых специалистов в системе послевузовского образования, утверждает, что социокультурная компетентность – это возможность и готовность молодых специалистов к взаимодействию с людьми на основе сформированных у них социальных и культурных ценностей².

Ж. Ю. Мишанина в своей работе говорит о том, что социокультурная компетентность входит в общую культурную компетентность личности и является специфическим интегративным качеством личности, представляющим собой синтез различных социокультурных компетенций (прежде всего, умение осуществлять коммуникацию в конкретных социальных условиях, с учетом культурных и социальных норм поведения)³.

Она исследует в своей работе процесс профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе в высшем образовательном учреждении и указывает, что социокультурная компетентность специалиста по социальной работе с семьей может быть представлена как интегральное качество личности специалиста, которое представляет собой целостную систему взаимосвязанных и взаимодополняемых социокультурных компетенций. Эти компетенции необходимы ему для эффективного взаимодействия и выполнения конкретных видов социальной работы с семьей, исходя из ее социокультурных особенностей.

Социокультурная компетентность специалиста по социальной работе с семьей, по мнению Ж. Ю. Мишаниной, состоит из четырех основных компонентов – когнитивного, коммуникативного, аксиологического и деятельностного. При этом когнитивный компонент включает сумму знаний профессионально значимых для социальной работы с семьями с различными социокультурными особенностями. Коммуникативный компонент представлен умениями эффективно использовать различные средства коммуникации во взаимодействии с различными типами семей. Аксиологический компонент предполагает сформированность системы ценностных ориентаций и высокий уровень социокультурной толерантности. Деятельностный компонент отражает умения находить и использовать культуросообразные стратегии вмешательства в социальной работе с различными типами семей.

Социокультурная компетентность специалиста таможенных служб, по мнению Р. И. Женжерухи – это сложное индивидуально-психологическое образование, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о различных культурах (национальной и общечеловеческой). Она реализуется через практические умения и навыки, позволяющие успешно выполнять задачи таможенной профессиональной деятельности и включает готовность специалиста к осуществлению коммуникации с субъектами внешнеэкономической деятельности в конкретных социокультурных условиях, в соответствии с культурными и социальными нормами коммуникативного поведения⁴.

Таким образом, качество профессиональной деятельности работников сферы сервиса определяется уровнем развития не только их профессионально-технологических знаний и умений, но и уровнем их социально-культурной компетентности, ядро которой – коммуникативная компетентность.

Социокультурная компетентность специалиста сферы сервиса активно изучается сегодня в социологии, психологии, педагогике и других социогуманитарных науках.

Так, исследуя систему профессиональных качеств будущих специалистов железнодорожного транспорта, Н. В. Повесьма отмечает, что для реализации профессиональных задач им недостаточно только знаний трудовой деятельности. Важными здесь являются навыки социального взаимодействия специалиста с коллегами, подчиненными, партнерами, и, особенно, с клиентами железной дороги⁵.

Для определения профессиональной компетентности специалистов она предполагает интегративную характеристику личности, отражающую уровень адаптивных способностей к жизни в обществе. В нее включаются достижения в установлении и развитии социальных контактов, степень понимания возникающих ситуаций, готовность корректировать свое поведение в соответствии с принятыми в социуме и профессиональном сообществе нормами и правилами. Очевидно, речь идет о социокультурной компетентности личности – важнейшей составляющей профессиональной компетентности.

Т. А. Павлова в ходе исследования выделила основные профессионально важные качества проводников пассажирских вагонов, дополняя эталонный профиль проводника пассажирского вагона особым интегральным качеством, определенным как готовность проводника к корректному взаимодействию с пассажирами, которое успешно развивается в ходе тренинга и определяет качество деятельности проводников.

Оно связано с профессиональной установкой на корректный сервис, а также с характерными стилевыми приемами профессиональной работы проводников, которые в целом определены как «официально-вежливый» и «комфортно-вежливый» сервис⁶. А это не что иное, как социокультурная компетентность профессионала – интегративная способность к социальному взаимодействию с клиентами при оказании услуг.

В ходе исследования, проведенного во Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС), преподаватели вуза, рекрутеры и менеджеры по персоналу различных компаний Владивостока разработали модель «идеальный выпускник вуза».

Они определили набор профессионально значимых качеств, определяющих профессиональную компетентность специалиста, которыми должен обладать идеальный выпускник вуза. Это высокая образованность и способность легко обучаться, отличные знания по своей специальности, коммуникабельность, личностная

зрелость, наличие практического опыта, реальные цели, креативность⁷. Очевидно, что в данный перечень качеств также входит коммуникативная компетентность – коммуникабельность, она занимает третье место после образованности личности и профессиональных знаний.

Студенты Саратовского государственного социально-экономического университета СГСЭУ, будущие специалисты сферы сервиса и туризма, обучающиеся на кафедре гостинично-туристического бизнеса и сервиса, также составили профессиональный портрет специалиста сферы сервиса⁸.

Составленный студентами СГСЭУ портрет специалиста во многом соответствует профессиональным стандартам и совпадает по многим пунктам с ожиданиями работодателей. В качестве основных профессиональных качеств специалиста в сфере сервиса и туризма 71,8% студентов отметили «умение работать с людьми», 50,7% указали «коммуникабельность».

В ходе социологического мониторинга трудоустройства выпускников Санкт-Петербургского университета сервиса и экономики (2009–2011) было выявлено, что коммуникативные способности – одно из самых важных требований, которые, по мнению выпускников, предъявляют работодатели к выпускникам вузов сервиса при найме на работу. Доли выпускников, указавших его, во всех трех исследованиях велики – более половины. В 2009 г. доля выпускников, считающих, что для работодателей важны коммуникативные способности соискателей – вчерашних выпускников – 64,8%; в 2010 г. эта доля составляет 60,7%, в 2011 г. – 63,4% опрошенных.

При этом, по мнению выпускников, работодатели становятся менее требовательными к стажу и опыту работы выпускников при трудоустройстве. Так, в исследованиях 2009 и 2010 гг. доли выпускников, считающих, что для работодателя общий стаж работы выпускника и опыт работы в выбранной сфере обязательны, превышают 40%, и существенно (например, по стажу – 52,7% (2010)). В исследовании 2011 г. общий стаж работы выпускника важен для работодателей по мнению 33,2% выпускников, а опыт работы в выбранной сфере важен по мнению 38,9% опрошенных.

Опыт работы по специальности выпускника также становится менее важным для работодателей при приеме выпускников на работу. Если в исследовании 2009 г. доля выпускников, указавших его как обязательное требование работодателя – 37,4%, в 2010 г. – 40,6%, то в 2011 – не превышает и трети (29,0%)⁹.

Таким образом, социокультурная компетентность молодого специалиста признается работодателями, по мнению выпускников, даже более важной, чем собственно профессиональные знания, умения, навыки.

И по признанию самих выпускников сервисного вуза – СПбГУСЭ, в первую группу наиболее важных для их профессиональной деятельности качеств вошли коммуникативные способности – 84,2% опрошенных в исследовании 2011 г. отме-

тили эти способности как важные и очень важные; в 2010 – 82,0%; в 2009 – 81,5% опрошенных¹⁰.

По мнению же самих работодателей, востребованными качествами работников сферы сервиса являются не только профессиональные знания по специальности, полученные в вузе, но и коммуникативные навыки, наряду с навыками владения информационными технологиями и навыками аналитической работы¹¹.

Т. В. Ротарь, изучив профессионально важные качества сотрудников предприятий сервиса Белгородской области, выявила, что профиль профессионально важных качеств работников сферы сервиса характеризуется довольно высоким уровнем развития технологических качеств у большей части работников. Но в соответствии со степенью выраженности других профессиональных качеств персонал можно разделить на три группы¹².

Первую группу составляют «технологи», обладающие преимущественно профессионально-технологическими и лишь частично социально-психологическими качествами. Ко второй относятся «карьеристы», характеризующиеся развитыми мотивационными и перцептивными качествами. В третью группу входят «инноваторы», для которых типичны зрелые когнитивные, коммуникационные и организационные качества.

Наиболее многочисленная часть сотрудников предприятий сервиса Белгородской области относится, в настоящее время по результатам исследования, к группе «технологов» и обладает лишь необходимыми профессионально-технологическими качествами, но, как правило, не владеет в необходимой степени перцептивными, социальными и организационными навыками, т. е. необходимым уровнем социокультурной компетентности.

Таким образом, социокультурная компетентность специалиста сферы сервиса, предполагающая наличие коммуникативных знаний, умений и навыков в определенном социокультурном контексте – обязательное условие его профессиональной компетентности.

Социокультурная компетентность специалиста является базовой составляющей его профессиональной компетентности. Однако в последнее время все чаще выявляются серьезные недостатки в развитии социокультурной компетентности специалистов сферы сервиса.

Это объясняется снижением общего уровня культуры населения, речевых умений, способностей к конструктивному диалогу и в целом низким уровнем сформированности индивидуально-личностных свойств для социокультурной компетентности.

Следствие – низкая профессиональная компетентность персонала сервисных предприятий, при этом страдает качество предоставляемых населению услуг. Как показывают результаты социологических исследований и публикации в периодической печати, а также каждодневные наблюдения и опыт потребителей различ-

ных услуг, отечественный сервис, несмотря на некоторые положительные сдвиги, оставляет желать лучшего. «Болезнь» многих сервисных организаций – низкое качество профессиональной деятельности персонала.

Следовательно, повышение уровня социокультурной компетентности специалистов сферы сервиса в процессе их профессиональной подготовки и дальнейшей профессиональной и трудовой адаптации и социализации является важнейшей задачей вузов и производств в сфере сервиса. Высокая социокультурная компетентность специалиста сферы сервиса – необходимое условие повышения качества профессиональной деятельности персонала, его профессионализма, а, значит, и улучшения качества работы предприятий и организаций сферы обслуживания.

Примечания

¹ Дудакова И. А., Гладкова Ю. В. Инновационное развитие сферы услуг России как основа построения сервисной экономики // Вестн. ДГТУ. 2010. Т. 10, № 6 (49).

² Сафонов А. Н. Развитие социокультурной компетентности молодых специалистов в системе послевузовского образования: автореф. ... канд. пед. наук. М., 2006.

³ Мишанина Ж. Ю. Формирование социокультурной компетентности будущих специалистов по социальной работе с семьей: автореф. ... канд. пед. наук. Калининград, 2010.

⁴ Женжеруха Р. И. Формирование социокультурной компетентности специалистов таможенных служб средствами социально-психологического тренинга: автореф. ... канд. пед. наук. М., 2011.

⁵ Повесьма Н. В. Развитие социальной компетентности будущих специалистов железнодорожного транспорта в вузе: автореф. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2011.

⁶ Павлова Т. А. Формирование профессионально важных качеств проводников пассажирских вагонов в процессе их деятельности: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2011.

⁷ Макарова С. Н. Коммуникативная культура в структуре профессиональных качеств специалистов сферы сервиса и туризма // Культура народов Причерноморья. 2012. № 232. С. 123–126.

⁸ Там же.

⁹ Социологический мониторинг трудоустройства выпускников Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики: коллектив. моногр. / под ред. Р. А. Костина, Е. В. Шишкиной. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. С. 82–83.

¹⁰ Там же. С. 84–85.

¹¹ Там же. С. 59.

¹² Ротарь Т. В. Социальные технологии управления качеством персонала в сфере сервиса: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2008. 215 с.

С. И. Бояркина

Иновационные предпринимательские технологии формирования экологической культуры горожан

Социальное предпринимательство – это инновационный экономический инструмент регулирования социальных проблем. В условиях мегаполиса его функционирование способствует формированию экологической культуры горожан, отчасти решает проблему перепотребления и предоставляет возможности для участия в благотворительности.

Ключевые слова: экологическая культура, инновация, социальное предпринимательство, благотворительный магазин

Saniya I. Boyarkina

Innovative entrepreneur technologies for citizen's ecological culture formation

Social entrepreneurship is an innovative economic tool of social problems regulation. This kind of activity in megapolis helps to generate citizen's ecological culture, it could solve overconsumption problem and offer opportunity to take a part in charity.

Keywords: ecological culture, innovation, social entrepreneurship, charity shop.

Условия жизни в мегаполисе и определяемые ими потребительские стратегии горожан стали объектом изучения ряда научно-исследовательских направлений, в том числе, социологических, социально-экологических. На микроуровне в центре внимания оказываются проблемы индивидуального перепотребления, на макроуровне – глобальные последствия жизнедеятельности общества.

Многие исследователи сходятся во мнении, что в экологической культуре современного российского общества доминируют индивидуалистические утилитарные установки, что культура общего обустройства среды обитания вытесняется культурой потребительской, формируя негативные тенденции в общем контексте развития социума. Этот процесс негативно воздействует на качество жизни российского населения, увеличивает социальную дистанцию между образом жизни бедных и богатых слоев населения, воспроизводя и углубляя социальную напряженность¹. В первую очередь это касается жителей густо населенных городов, где обозначенные проблемы особенно актуальны. В крупных, экономически активных районах рыночные модели построения социальных отношений изменяют баланс производства и его социальных последствий. Социальные риски, связанные с деградацией основных систем жизнеобеспечения, возникшие из-за экономической либерализации, порождают обширные зоны социально-экологического бедствия в различных регионах России².

Гирусов Э. В. пишет: «Появление глобальных проблем общественного развития отражает в предельно ощутимой и наиболее зримой форме настоятельную, критическую необходимость качественной перестройки прежних форм человеческой жизнедеятельности, характера общественных отношений»³.

Уровень развития современного города и его социального, культурного и экономического пространства позволяет реализовать эту необходимость не только политическими, но и экономическими инструментами, не только силами государственной политики, но и частных экономических субъектов. Сложившаяся ситуация подвигает общество, его наиболее инновационных личностей к поиску решений, способных сформировать новые культурные практики, предложить инновационные методы освоения социального пространства, удовлетворяющие казались бы разнонаправленным интересам.

Одним из таких решений стало социальное предпринимательство, которое интегрирует получение экономической и социальной выгоды. Одно из наиболее полных его описаний приведено западными исследователями, практическими деятелями: членом совета директоров Фонда Сколла Р. Д. Мартином и президентом и исполнительным директором Фонда Сколла С. Осбергом, которые полагают, что социальное предпринимательство в своей деятельности содержит следующие три компонента:

1. Выявление устойчивого, но несправедливого равновесия, обуславливающего социальную исключенность, маргинализацию или страдание у части общества (которой не достает финансовых средств, либо политических рычагов для достижения социального блага путем трансформации);

2. Выявление внутри несправедливого равновесия возможности для производства социального блага – посредством вдохновения, творческой смекалки, прямого действия и смелости предпринимателя;

3. Постепенное достижение нового равновесия, высвобождающего скрытый потенциал, либо облегчающего страдания целевой группы через «создание стабильной экосистемы вокруг нового равновесия». Последнее призвано обеспечить лучшее будущее целевой группе и обществу в целом⁴.

Таким образом, общей характеристикой как предпринимательства (с позиций классиков – И. Шумпетера, П. Друкера и др.), так и социального предпринимательства является свойство предлагать новую ценность (благо), преодолевая устоявшееся равновесие⁵.

Что касается различий, то большинство авторов полагают, что деление происходит не в плоскости мотивации (деятельность ради прибыли либо деятельность из альтруизма), а в сфере характеристик «предвосхищаемой и производимой ценности» (блага)⁶.

Таким образом, говоря о классической предпринимательской деятельности, акцент ставится на рыночную ценность, которая может быть выражена в категории

дохода и прибыли, а в случае социального предпринимательства ценностью будет являться преимущество, получаемое значимой частью общества либо обществом в целом от произведенной социальным предпринимателем «крупномасштабной трансформации».

При этом целевыми группами, которым предназначена «ценность», являются наименее защищенные и наименее благополучные слои населения, не обладающие финансовыми или политическими ресурсами и потому неспособные получить настоящую «ценность» собственными силами.

В качестве примеров первых социальных предприятий можно привести такие как: Гильдия манчестерских ремесленников, основанная Биллом Стриклендом в 1968 г. и использующая возможности изобразительного и исполнительского искусства для развития городских сообществ, или банк «Грамин», основанный в 1976 г. профессором Мухаммадом Юнусом для искоренения бедности и поддержки бедных женщин в Бангладеш. За свою деятельность М. Юнус стал в 2006 г. лауреатом Нобелевской премии мира. Типичным представителем глобальной организации, поддерживающей социально-предпринимательские инициативы по всему миру, является фонд «Ашока», основанный Б. Драйтоном в 1981 г. При этом, как указывают многие исследователи, образцы такой деятельности были известны и ранее.

В целом, внимание социальных предпринимателей сосредоточено на регулировании социальных проблем, выполнении социальной миссии. Некоторые из них включают в свою непосредственную деятельность и экологические приоритеты, как, например, организация «Эль Нафеза», созданная в Египте в 2007 г. Ее цель – возрождение традиционного искусства ручного изготовления бумаги, создание рабочих мест для безработных граждан, экономическое развитие местных сообществ в отсталых сельскохозяйственных регионах страны, снижение загрязнения окружающей среды.

Создатель компании Мохамед Абуль эль Нага среди основных целей организации называет предоставление возможности получения новой профессии социально уязвимым группам населения, а также решение проблем местных сообществ, связанных с экологическим загрязнением окружающей среды и обнищанием населения сельскохозяйственных территорий. Свой официальный статус эта организация, основанная в 2002 г., получила в 2007 г., и с тех пор ее деятельность идет по трем основным проблемным направлениям:

1. Сокращение безработицы в сельскохозяйственных районах Египта;
2. Восстановление традиционного народного творчества из бумаги и бумажных декоративных изделий ручной работы;
3. Предотвращение (путем переработки) сжигания сельскохозяйственного мусора, влекущего за собой негативные последствия, ежегодный урон от которого становится все более ощутимым.

Целевой группой для обучения в организации в настоящее время являются люди с ограниченными физическими возможностями, а также молодежь, не имеющая профессии, в особенности девушки.

«Эль Нафеза» активно занимается просветительской работой с фермерами и профилактикой неблагоприятных экологических ситуаций, вызываемых сжиганием сельскохозяйственных отходов⁷.

Помимо организаций, выносящих в свои непосредственные цели воздействие на экологическую культуру, знания и поведение, одной из форм социального предпринимательства, латентно способствующих формированию экологической культуры, является благотворительный магазин. Понятие «благотворительный магазин» пришло из английского языка и является переводом словосочетания «charity shop», которое также можно в транслитерации встретить в публикациях, посвященных этому виду предпринимательской деятельности. По своей сути подобные магазины являются разновидностью торговых точек «секонд хэнд», реализующих подержанные вещи. Основным отличием благотворительных магазинов является их обязательная ориентация на решение социальных проблем. То есть, благотворительный магазин – это розничный магазин, управляемый благотворительной организацией или группой активистов с целью сбора средств на конкретную цель. Как правило, благотворительные магазины реализуют пожертвованные населением вещи по низким ценам, что позволяет привлечь к проекту множество заинтересованных групп.

Обычно магазины находятся на самообеспечении, и, после того как статьи расходов (оборудование, зарплаты и аренда) закрыты, прибыль направляется на благотворительность.

Схема, по которой работают благотворительные магазины, позволяет приносить пользу сразу нескольким категориям участников, основными среди которых являются непосредственно благополучатели магазина, а также граждане с низким доходом, получающие возможность приобрести необходимые вещи по стоимости от 3 до 20 раз ниже рыночной.

Любой человек может принять участие в решении социальных проблем, отдав ненужные ему вещи либо приобретя необходимые по значительной более выгодной цене, что создает дополнительную мотивацию и при этом исключает прямой призыв жертвовать деньги.

Таким образом, благотворительные магазины содействуют экологическому движению, своей деятельностью пропагандируя идею повторного использования вещей, сокращения перепотребления с последующей экономией ресурсов путем использования бывших в употреблении предметов, и, соответственно, сокращения производства.

Безусловным лидером по распространенности благотворительных магазинов является Великобритания, где на сегодняшний день функционирует около 9000

благотворительных магазинов, собирающих средства для бездомных детей, больных раком, брошенных животных, бедных. Они так же успешно работают в США и Австралии.

Один из первых благотворительных магазинов Креста был открыт «Красным Крестом» на 17-й Олд Бонд стрит, в Лондоне уже в 1941 г. Более чем двести постоянных и приблизительно 150 временных (на время войны) благотворительных магазинов были открыты Красным Крестом в 1941–1945-е гг. Условие торговой лицензии магазина, выданной Министерством торговли, заключалось в том, что все товары, предлагаемые для продажи, должны были быть подарками. Покупка для перепродажи была строго запрещена. Все доходы от продаж нужно было передать в Красный Крест и Фонд Святого Джона. Большинство помещений были освобождены от арендной платы, но в некоторых случаях владельцы покрывали затраты на отопление и освещение.

Некоторые из первых благотворительных магазинов открыл Оксфордский комитет («ОКСФАМ»), созданный в 1942 г. К. Милфордом, проявившим инициативу в отношении жителей блокадной Греции и призвавшим британское правительство оказать им поддержку. На данный момент – это международная конфедерация, насчитывающая 17 организаций в разных странах мира, в том числе, и в России⁸. Основными целями этой международной организации являются: помощь голодающим, повышение уровня жизни нуждающихся (поддержание здоровья, повышение образовательного уровня), привлечение внимания к экологическим проблемам, в том числе, изменения климата, потребления природных ресурсов и ряд других не менее актуальных целей⁹.

На сегодняшний день у Оксфордского комитета более 700 благотворительных магазинов в Великобритании, торгующих одеждой, книгами, музыкальными товарами, товарами для дома и проч¹⁰. и около 20 000 сотрудников-волонтеров¹¹.

По данным Forbes на 2010 г., когда в России был открыт первый благотворительный магазин «Спасибо!», в Великобритании общий доход всех 9000 английских благотворительных магазинов составил £670 млн, а их выручка выросла на 12%, когда обычная розничная торговля показала прирост лишь в 0,3%. По данным Ассоциации благотворительного ритейла, в 2010 г. благотворительные магазины посетили от 77% до 84% всех британских покупателей¹².

Российский проект был создан по образу британских Ю. Титовой в Санкт-Петербурге. Основными его целями являются помощь нуждающимся, вовлечение населения не только в процесс помощи, но и в социальные программы, в том числе, экологической направленности, организация и проведение различных мероприятий: концертов, кинопоказов, лекций и семинаров, в том числе, образовательной направленности.

Принцип работы «Спасибо!» следующий: горожане приносят любые вещи в хорошем состоянии, после вещи сортируются и распределяются по магазинам и бла-

гтоворительным фондам. Команда проекта определила для себя соотношение такого «распределения» – 90 % вещей отправляются в городские благотворительные организации разного профиля, и только 10 % вещей поступают в магазин, где продаются. Оставшаяся после покрытия всех статей расходов прибыль перечисляется на благотворительность¹³. Вырученные деньги покрывают административные расходы, а «чистая» прибыль перечисляется в благотворительные организации («Адвита» – помощь онкобольным, «Ночлежка» – помощь бездомным и другие). Также в магазине продаются сувениры благотворительных организаций, деньги, с продаж которых переводятся на их проекты¹⁴.

В России в настоящее время социальное предпринимательство как социальная практика находится на начальном этапе своего развития. Несмотря на общий интерес к этому феномену, практическое внедрение социального предпринимательства пока ограничено, и зачастую сами социальные предприниматели не воспринимают себя в таком качестве. Данное движение пока никак официально не регламентируется, не контролируется и не поддерживается ни государством, ни обществом.

Отчасти причины этого обусловлены историей нашей страны – социальная сфера в СССР была полностью монополизирована государством и любая предпринимательская деятельность являлась наказуемой независимо от ее целей. В настоящий момент специфической особенностью социального предпринимательства в России является то, что оно не институционализировано – в федеральном законодательстве нет такого понятия, в классификаторах отсутствует такой вид экономической деятельности.

Несмотря на то, что социальные предприятия функционируют в нашей стране с 2007 г., только в 2012 г. в России был сформирован Координационный совет по вопросам развития социального бизнеса и предпринимательства, а затем – Экспертный совет по развитию социального предпринимательства при Комитете по политике, инновационному развитию и предпринимательству Государственной думы РФ, где активно обсуждалось внесение термина в российское законодательство.

В сентябре 2013 г. комитет Совета Федерации по социальной политике подготовил поправки ко второму чтению законопроекта «Об основах социального обслуживания населения в РФ», вводящие в федеральное законодательство термины «социальный предприниматель» и «социальное предпринимательство». Таким образом, в случае принятия настоящих поправок, будет сделан шаг для перспективного развития социального предпринимательства в нашей стране и присвоения ему легитимного статуса наравне с малым бизнесом и некоммерческими организациями¹⁵.

Несмотря на свое нынешнее положение в нашей стране, социальное предпринимательство в целом и благотворительные магазины в частности, представляют собой мощный инструмент, способный влиять на формирование экологической

культуры. Как пишут сами создатели «Спасибо!»: «Мы хотим, чтобы наше общество пришло к новой ступени восприятия благотворительности: это не только прямая финансовая помощь в критической ситуации, а комплексный подход ко всему окружающему, начинающийся от самых маленьких повседневных действий»¹⁶.

Направленность на преобразование экологической культуры горожан (в широком смысле слова, когда понимание экологии не сводится к взаимодействию в системе «природа-человек», а понимается в системе взаимоотношений «человек-общество-природа») делают социальное предпринимательство социально-экономической альтернативой, способной внести вклад в процесс регулирования воздействий человека на природу, общество, самого себя.

История человечества знает много примеров, когда в какой-либо сфере человеческой деятельности или в обществе в целом нарастают новые качества, требующие революционного преобразования. Для науки, например, – это кризис физики начала века, для производства – научно-техническая революция, для общественно-экономической формации – необходимость преобразования социальных отношений, если они становятся тормозом общественного развития¹⁷.

Поэтому на современном этапе развития общества и социальные, и природные аспекты жизни должны рассматриваться в качестве необходимой смены парадигмы развития общества на экологический императив путем революции в мировоззрении и духовной жизни всего общества; на качественно иной уровень должна быть переведена вся система мировых экономических и политических отношений¹⁸. И в этом отношении социальное предпринимательство может стать одним из инструментов инновационного воздействия на экологическую культуру горожан, культуру общества в целом.

Примечания

¹ Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: автореф. ... д-ра социол. наук. М., 2012.

² Там же.

³ Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4 (56). С. 76.

⁴ Martin R. L., Osberg S. Social entrepreneurship: the case for definition // Stanford social innovation rev. 2007. Spring. С. 35.

⁵ См.: Баталина М. Л., Московская А. А., Тарадина Л. Д. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России // Препринты НИУ ВШЭ. Сер. WP1. Институциональные проблемы российской экономики. 2008. № 2. С. 24.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ El Nafeza. Foundation for contemporary art and development. URL: <http://elnafeza.com> (дата обращения: 14.09.2015).

⁸ Об Оксфам: Оксфам в России. URL: <http://oxfamblogs.org> (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ We're very ambitious but we have a reason – the more than one billion people living in poverty. Oxfam international. URL: <http://oxfam.org> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁰ Oxfam and Transfer Wise to help British Indians escape £35 m in bank fees this Diwali. Oxfam international. 2013. November 1. URL: <http://oxfam.org> (дата обращения: 14.09.2015).

¹¹ Об Оксфам. Оксфам в России.

¹² Там же.

¹³ Воропай Е. Благотворительный магазин «Спасибо!» – это проект, сочетающий в себе новый для России формат «charity shop» и социальные программы, связанные с экологией, образованием и культурой // Теплица социальных технологий. URL: <http://te-st.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁴ Спасибо!: первый благотворительный магазин в России: о нас. URL: <http://spasiboshop.org> (дата обращения: 14.09.2015)

¹⁵ См.: Социальным предпринимателям нашли место в законе // Наше будущее: фонд регион. программ. URL: <http://nb-fund.ru> (дата обращения: 14.09.2015)

¹⁶ Спасибо! Первый благотворительный магазин в России: миссия «Спасибо!». URL: <http://spasiboshop.org> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁷ Гирусов Э. В. Указ. соч. С. 76.

¹⁸ Разенкова Д. Ф. Экологическая культура: социал.-филос. аспекты формирования: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М., 2001. 162 с.

М. В. Дубенкова

Брендинг как фактор социокультурных изменений в современном российском обществе: на примере индустрии товаров для детей

Брендинг представляет собой процесс превращения торговой марки в бренд. При этом используются инструменты маркетинговых коммуникаций и различные каналы коммуникации. В настоящее время брендинг является не только экономической, но и социокультурной категорией. В статье рассматривается влияние брендинга индустрии товаров для детей на трансформацию жизненных ценностей и появление новых стандартов поведения.

Ключевые слова: брендинг, рынок детских товаров, индустрия моды, маркетинговые коммуникации, ценности

Marina V. Dubenkova

Branding as a factor of social and cultural changes in modern Russian society on the example of industry of goods for children

Branding is the process of turning of a trademark into a well-known brand. During this process the tools of marketing communications and various communication channels are being used. In the modern world, branding is considered to be an economic, as well as socio-cultural, category. This article deals with the impact that branding of products for children has for creating of the new common values and norms of behavior.

Keywords: branding, children product market, fashion industry, marketing communications and values

Предметом изложения в данной статье является брендинг товаров для детей и подростков, а также влияние рекламных образов на социализацию личности. Объектом изложения выступают процессы: появление рынка товаров для детей, брендинг и маркетинг потребительских товаров, и их влияние на трансформацию жизненных ценностей.

На сегодняшний день определение бренда, которое дал гуру маркетинга Д. Аакер. «Бренд – это отличительное имя или символ, цель которого – идентифицировать товары и услуги одного производителя от товаров и услуг его конкурентов», не удовлетворяет маркетологов, и в результате размышлений и исследований последних лет они пришли к следующему выводу: «Бренд – это представление о вас, которое живет в голове у людей». Бренд заставляет покупателей принимать или отвергать товар, наличие брендовых товаров для некоторых сообществ является показателем статуса и идентификации. Кто же сегодня является «авторами» бренда? Это кампании, которые создают коммуникации: (статьи в СМИ, вежливость сотрудников, организация связей с общественностью); группы влияния – эксперты, celebrities; потребители, у которых создается свое представление о продукте; поп-

культура, через призму которой фильтруются представления людей. Из этого следует, что маркетинг, брендинг происходит в социальном окружении. По определению С. Д. Ханта, «маркетинг – это наука о поведении, которая стремится объяснить отношения, возникающие в процессе обмена»¹.

Кампании постоянно расширяют свое влияние. Сегодня рынок чрезвычайно сегментирован. Одним из самых динамичных сегментов является рынок детских товаров. Дети – особая группа потребителей. У них свое представление о мире, свои нужды и потребности. Сегодня дети активно участвуют в расширении потребительской корзины семьи. Растущий рынок детских товаров, безусловно, влечет за собой активный «промоушн» товаров, В повседневной жизни «промоушн», реклама часто атакует потребителей в любое время и в любом месте. Особенное воздействие испытывают дети, поскольку не имеют достаточного жизненного опыта и стремятся получить его извне. Каким будет этот опыт, часто зависит от источника и интерпретации увиденного и услышанного.

В брендинге существенную роль играет продвижение товаров и компаний. Любая информация, в том числе и маркетинговая, распространяется через каналы коммуникации: СМИ, модераторов, ньюсмейкеров, события (фестивали, конкурсы, дефиле и т. д.). Все эти каналы можно считать социальными (способствующие общению и обмену информацией в обществе) и массовыми. Планируя коммуникации, производители стремятся к установлению эмоциональных связей с потребителем. Если такая связь состоится, то не только дети, но и их родители будут и в дальнейшем «вознаграждать» бренды, покупая их товар.

Существует ли «детский маркетинг»? Существуют ли его закономерности и особенности? Принято считать, что в 50-х гг. прошлого века рынок «обнаружил» новый сегмент для своего развития (сначала это были подростки, затем – дети). Сегодня специалисты считают, что подобный интерес к этим сегментам вызван рядом причин:

– у детей появились карманные деньги. (В исследовании Teenager Research Unlimited, проведенном TNS Россия, говорится, что в 2012 г. российские подростки потратили 191 млрд руб., или более \$6 млрд²);

- дети легче, чем взрослые тратят свои деньги;
- дети стали участвовать в принятии решений о покупке;
- под влиянием ребенка взрослые расстаются с крупными суммами денег;
- дети быстрее воспринимают новую информацию.

В 2009 г. в России создана Ассоциация предприятий индустрии детских товаров АИДТ. По определению АИДТ «Индустрия детских товаров и услуг (лат. Industria – деятельность, усердие) – сфера деятельности, сектор экономики, включая производство, сбыт товаров сферы материнства и детства (в том числе и услуг как товара), сопряженные секторы и потребительская аудитория³. Осенью 2013 г. на Неделе моды Mercedes-Benz Fashion Week Russia в Москве

заместитель Министра промышленности и торговли В. Евтухов сказал «Важно развивать индустрию детской моды, потому что те вещи, которые окружают детей, с которыми они соприкасаются с первых дней своей жизни – предметы, книги, игрушки, одежда, – оказывают огромное влияние на развитие ребенка и на его становление как личности»⁴.

Как уже было сказано выше, сегодня в поисках нишевых рынков многие компании обратили внимание на рынок детских товаров. Прежде всего, это сделали бренды индустрии моды. По мнению социолога Э. Уилсон «Уже в 1950 г. чары молодежной и подростковой моды сразили американское «общество тотального изобилия», что открыло новые перспективы для развития рынка»⁵. Сращивание моды как культурной институции с модной индустрией как рыночной институцией окончательно произошло во второй половине XX в. Начало этому положило промышленное производство одежды, начавшееся в середине XIX в. и послужившее становлению моды частью массовой культуры. Кроме того, несомненное влияние на формирование представлений о стиле и моде в XX в. оказали спорт, популярная музыка, кинематограф и телевидение. «А журналистика, реклама и фотография подчас играли в массовой коммуникации роль булавок, надежно «пришпиливающих» эти новые представления о моде к полотну массового сознания»⁶.

В наше время концепция создания детской моды мало чем отличается от взрослой. Во-первых, потому что вся цепочка по производству детской одежды, начиная с сырья и заканчивая конечным продуктом и дистрибуцией, является частью модной индустрии. Ткани, фурнитура производятся на одних и тех же фабриках. Рынок детской одежды растет почти на 10% ежегодно, и потому является притягательным для брендов модной индустрии. Во-вторых, довольно серьезным изменением в детской моде является отказ от формального «детского» стиля. Граница между взрослой и детской модой становится все более условной. В пресс-релизе Pitti Vimbo сказано о трендах в мире детской моды на 2012 г. «Элегантность и традиции преподнесены в современном, и в тоже время в детском «ключе», с оглядкой на взрослую моду. Это путешествие по значимым именам мира моды к новому стилю роскоши в детской одежде».

«Сегодня дети становятся все более «продвинутыми» потребителями. Они сами выбирают себе одежду и влияют на выбор одежды своих родителей», – говорит шеф-редактор издания «Теория моды» Людмила Алябьева⁷. Если совсем недавно одежда в семье переходила от старшим к младшим, то сегодня не редко одежду за детьми – подростками донашивают родители. Маркетологи уже обратили внимание на тенденцию совместного ношения вещей и сближения гардеробов. Мир в котором заранее определены правила, нормы роли и ценности каждой группы, выделяемой на основании характеристик пола, возраста, образования, изменился. Он стал размытым, неопределенным, но при этом дающим человеку новые возможности выбора и развития»⁸.

Продвижение модных детских образов происходит по стандартным маркетинговым технологиям. Глобализация экономики, информационный бум разрушили старые культурные границы. Сегодня стандарты красоты и моды диктуются не высшими классами, а индустрией развлечений, телевидением, глянцевыми журналами, которые предлагают новые потребительские возможности, определенный образ жизни (life style), поведение и стандарты. Прежде всего, это касается отношения нынешних детей к своему телу. «Мы научим тебя правильно двигаться, улыбаться, ты станешь абсолютно другим человеком», – читаем мы в рекламных объявлениях о наборе в школу моделей. Начинается подготовка к постоянно проходящим конкурсам красоты. Тратятся огромные суммы на платья, взрослый профессиональный макияж, наращивание волос и искусственный загар – родители вводят ребенка во взрослый мир. За последние годы в России открылись сотни детских парикмахерских, спа – салонов и парфюмерных отделов. Индустрия красоты постоянно выбрасывает на рынок новые продукты: лаки для ногтей, губную помаду, парфюмерию, которые позиционируются как детские. Открываются салоны красоты, театры моды, студии, где предлагаются курсы основ макияжа, пользы маникюра, использованию парфюмерии.

Российские исследователи Л. А. Окольская и М. В. Комогорцева провели анализ глянцевого журнала для подростков (журналы «Oops!», «Yes!» и «Yes! Звезды» за период 2007–2009 г.). Они считают, что отличительной чертой глянцевого журнала как учебников жизни является то, что они востребованы младшим поколением, особенно его женской половиной. В таких журналах, а также в массовой беллетристике для девочек появился особый жанр «потребительская сказка». Термин «потребительская сказка» (commodity tale) был впервые предложен американской исследовательницей Амандой К. Аллен при анализе текстов для девочек-подростков⁹. В таких изданиях красота становится важнейшим элементом достижения цели. «Нарциссизм является безусловной ценностью этого проекта: несмотря на то, что журналы предлагают читательницам полюбоваться на образцовых красавиц, они учат скрупулезно анализировать и корректировать собственный облик»¹⁰. Журналы создают некое доверительное пространство, в котором читательницы всегда могут получить добрый совет знатоков: одежду каких брендов стоит покупать, как накладывать макияж, как выстраивать имидж, как произвести хорошее впечатление (прежде всего на мальчиков). Создается «потребительская сказка», что нет ничего невозможного, стоит только создать модный «look» и стать «распринцессочной принцессой»¹¹. Получается, что искомая цель достигается главным образом через потребление. «Привычка манипулировать внешностью при помощи одежды и макияжа открывает дверь в мир потребления, поскольку красота требует постоянного обновления в соответствии с новейшими модными трендами»¹². Создание модных образов оказывает влияние на поведение и здоровье детей и подростков. Серьезную проблему вызывают, например, стандарты фигуры, навязываемые

модной индустрией и последствия такой тенденции. Результаты исследований, проводившихся медицинским факультетом Гарвардского Университета и больницей BRIGHAM and womens hospital показали, что неудовлетворенность девушек образом своего тела связано с чтением глянцевого журналов, заполненных рекламой с изображением моделей¹³.

Не только журналы являются каналом коммуникации бренда с детьми и их родителями. Потребители вовлекаются в покупательский процесс яркими упаковками, указаниями на упаковках о натуральности, экологичности, безопасности. Рекламодатели выделяют рациональные преимущества продукта (продукт «Растишка» – это кальций для роста, «продукт без добавок» и т. д.). Крупные бренды – Nestle, Danone, Frito Lay – превращают упаковку в игровое поле с ребусами, головоломками, играми. Сегодня фильм для детей выпускается сразу с выпуском игрушек, комиксов, наклеек, одежды, продуктов питания. Один из самых популярных российских брендов «Маша и медведь» одним из критериев позиционирования отмечают такой как «универсальный юмор для всей семьи». В 2012 г. «Маша и медведь» стало самым популярным видео на YOUTUBE в России.

Еще одним каналом коммуникации при продвижении товаров становятся учебные заведения, в том числе и школы. Впервые об этом серьезно заговорила канадская журналистка Наоми Кляйн, автор нашумевшей книги «NO LOGO». В Соединенных штатах в 90-е гг. школы столкнулись с серьезным сокращением бюджета. Поэтому руководители были вынуждены прибегнуть к альтернативным поискам финансирования. Всеобщая компьютеризация повлекла за собой необходимость создания компьютерных классов, закупки программ и т. д. На помощь пришли производители техники, Став спонсорами, они разместили логотипы своих компаний в школах. Следуя маркетинговым технологиям продвижения, кампании предложили ученикам включиться в конкурсы на создание рекламных продуктов для бренда: роликов, плакатов, макетов. Работы участников размещались на сайтах, в журналах, в транспорте. Реклама сопровождала уроки, экскурсии, спортивные залы и библиотеки.

Как считал социолог К. Манхейм «молодежь не прогрессивна, не консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию»¹⁴. Необходимо помочь детям воспринимать современный мир, который пронизан брендами, где образы накладываются друг на друга. Ничего нет плохого в том, чтобы иметь хорошие вещи, только не надо принимать это за счастье.

Примечания

¹ Определения маркетинга. URL: <http://ipnpu.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

² Тенденции рынка детского маркетинга: эксперт. оценка. 2013. 11 июня. URL: <http://adindex.ru> (дата обращения: 14.06.2015).

³ Ассоциация предприятий индустрии детских товаров. 2013. URL: <http://acgi.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁴ Фестиваль детской моды на Mercedes-Benzfashion Week Russia. URL: <http://the-look.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁵ Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М.: НЛО, 2012. С. 163.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ Алябьева Л. Щеголи с детской площадки // Ведомости: газ. 2013. № 14 (346). URL: <http://vedomosti.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁸ Соловьева А. Н. Детская субкультура в национальном образовательном пространстве: диалог традиц. и соврем. знания о мире детства // Свеча–2005: истоки: религия и личность в прошлом и настоящем: материалы междунар. конф. / под. ред. Е. И. Аринина. Владимир; М., 2005. Т. 12. С. 356–371.

⁹ Рудова Л. Девочки, красота и женственность: постсовет. «потребительские сказки» // Теория моды: журн. 2012. № 23. С. 37.

¹⁰ Окольцева Л. А., Комогорцева М. В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских глянцевого журналов // Социол. журн. 2010. № 2. С. 71.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Рудова Л. Указ. соч. С. 44.

¹³ Сьюзен Л. Проданное детство. М.: Добрая кн., 2006. С. 168.

¹⁴ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 445–446.

Е. Ю. Мартынов

Корпоративная культура в социальном пространстве современного города

На сегодняшний день корпоративная культура имеет значение для развития любой организации. Это как определенная атмосфера, которую необходимо создавать, развивать и поддерживать. Но корпоративной культурой нужно еще и управлять, что является крайне актуально для компаний современных мегаполисов.

Ключевые слова: корпоративная культура, ценности, компания, вовлеченность, сотрудники

Egor J. Martynov

Corporate culture in social space of the modern city

Today's corporate culture is important for the development of any organization. It's like a certain atmosphere you want to create, develop and maintain. But corporate culture is necessary also to control what is extremely important for companies of modern cities.

Keywords: corporate culture, values, company involvement, staff

На сегодняшний день корпоративная культура имеет значение для развития любой организации. Она сплачивает коллектив, способствует его единству и цельности, организационной идентичности, но при этом ни в коей мере не утрачивается идентичность каждого входящего в него человека, не нивелируются его способности и талантливость. Именно корпоративная культура дает всем членам коллектива внутригрупповое представление об учреждении, вызывает патриотические чувства и чувства ответственности, способствует стабильности и преемственности¹. Корпоративная культура – это атмосфера, которую необходимо создавать, развивать, поддерживать, а также управлять ею².

Термин «корпоративная культура» появился в XIX в. и был сформулирован немецким фельдмаршалом Мольтке, который использовал его, характеризуя взаимоотношения в офицерской среде. Со временем это понятие распространилось и на другие сферы.

На данный момент не существует одного единственного точного определения корпоративной культуры.

Во-первых, в отечественной традиции употребляются различные понятия: «организационная культура» и «корпоративная культура». Она отмечается в трудах представителей советской, а затем и российской школы. Здесь встречаются различия в понимании. Часть отечественных авторов отождествляют эти понятия, другие – находят смысловое различие. Так, в монографии О. Г. Тихомировой, отмечается: «под корпоративной культурой понимают ценности, нормы, убеждения и отно-

шения в корпорации как в некотором профессиональном сообществе, а культуру, свойственную сообществу, ограниченному рамками компании, называют организационной»³.

Во-вторых, в работах западных авторов, применяющих единый термин – «корпоративная культура» нет единства в его наполнении. Существует около двадцати зарубежных трактовок понятия. Все они объединены одним – наиболее значимыми элементами корпоративной культуры признаются ценности, нормы поведения. Ценности и другие элементы культуры не требуют доказательства, принимаются на веру, формируют корпоративный дух компании.

Современная корпоративная культура, не смотря на неоднозначность суждения, определяет смысл существования организации, и ее отношение к сотрудникам и клиентам; моральный и социальный климат, проявляющийся во внутренней атмосфере организации, взаимодействии с внешней средой; преобладающие ориентиры, лежащие в основе формирования целей организации и путей их достижения, систему взаимодействия персонала в организации. Без корпоративной культуры невозможно пространство организации, компании, предприятия современного города.

На сегодняшний день основными ключевыми компонентами корпоративной культуры по праву можно назвать⁴:

1. Стандарты поведения и система ценностей

Ценности организации – основное ядро существующей организационной культуры, на основе которых разрабатываются и формируются формы поведения и нормы в организации. Такие ценности, которые разделяются и декларируются основателями и самыми авторитетными членами организации, обычно становятся тем ключевым звеном, от которого фактически зависит сплоченность сотрудников, а также формируется единство действий и взглядов. Следовательно, это позволяет гарантировать достижение целей.

Очень трудно провести любой обобщенный перечень основных корпоративных ценностей. Социолог С. С. Фролов относит к ним: богатство (владение некими материальными благами, а также услугами), благополучие (обычно включает в себя безопасность и здоровье), образованность (информационный потенциал, знания и сформированные культурные связи), мастерство (некий профессионализм, который добыт в определенных видах трудовой деятельности), уважение (включает престиж, статус и репутацию). Также следует добавить справедливость, доброту, добродетель и иные нравственные качества⁵.

Все основополагающие ценности функционирующих компаний обычно воспринимаются с помощью их воплощения в виде рассказов, символов, девизов и церемоний.

2. Лозунги, девизы и символы

Главные ценности и убеждения обычно находят свое выражение не только в имеющихся и разработанных программных документах, сводах законов, книгах о внутрифирменных стандартах по принципам ведения и развития бизнеса, но и лозунгах, девизах и символах.

3. Легенды, мифы и их герои

Все современные развитые корпоративные культуры обычно вырабатывают достаточно разнообразную мифологию. Подобная мифология организаций существует в виде метаморфических историй и анекдотов, которые регулярно циркулируют. Связаны такие тексточки с основателем фирмы и призваны в живой, наглядной и образной форме довести до служащих сформированные ценности компании.

4. Традиции, ритуалы и мероприятия

Мероприятия, традиции и ритуалы обычно служат основным средством для наглядной демонстрации главных ценностей ориентаций организаций. Они также призваны напоминать сотрудникам о стандартах поведения, нормах взаимоотношений в коллективе, которые от них ожидаются.

5. Firmenный стиль

Корпоративный стиль компании – набор определенных графических принципов и форм для построения некой визуальной коммуникации. Все они объединены одной идеей и несут такую задачу: выделить организацию и создать узнаваемый образ. Очень часто – это определенный набор визуальных и словесных устойчивых сочетаний, которые гарантируют единство восприятия услуг, товаров и информации, которая исходит от компании или торговой марки непосредственно к конечному пользователю (потребителю)⁶.

Подводя итог, можно сказать, что корпоративная культура может играть мобилизующую роль для персонала, но иногда она является препятствием на пути перемен. Несомненно, что в ней имеются огромные преимущества, которые ни в коем случае нельзя терять. Сильная и влиятельная корпоративная культура способствует приобретению и сохранению конкурентного преимущества. Поэтому необходимо стремиться превратить постоянное самообновление в отличительную черту своей корпоративной культуры.

Так, корпоративная культура становится источником коммуникации между производителем и потребителем на рынке, становясь необходимым элементом в социальном пространстве современного города.

Во многих современных передовых российских компаниях все больше внимания уделяется проблемам формирования корпоративной культуры, внедрения ее ценностей, норм, образцов в сознание и поведение всех сотрудников. Это соответ-

ствует и мировой хозяйственной практике, в которой компании не жалеют средств на поддержание и развитие корпоративной культуры, на конкретные программы внедрения корпоративных ценностей и норм, на изменение способа мышления и стереотипов поведения персонала. Поэтому изучение корпоративной культуры является весьма перспективным направлением социальных исследований.

В российских условиях наиболее перспективными в этой области являются следующие вопросы:

1) Преодоление значительных остатков административно-командных и патерналистских отношений, которые были характерны в советских трудовых коллективах. При этом важно на новом уровне сохранить характерные для отечественной хозяйственной культуры нормы и традиции коллективизма.

2) В последние десятилетия становится все более очевидным, что национальная социально-экономическая культура – очень важный фактор мышления и поведения людей, а также современной хозяйственной жизни общества в целом. В разных странах социально-экономическое поведение людей, характер предпринимательства, организационные структуры бизнеса могут сильно отличаться. Поэтому необходимо развивать социально-философское изучение национальных особенностей культуры хозяйственных организаций, создавать обобщенный социальный портрет российского работника.

Можно сделать вывод, что формирование и последующее управление культурой – процесс сложный, многогранный, требующий больших затрат человеческих и материальных ресурсов; ведь культура транслируется не только внутри компании, но и во внешнюю среду, оказывая воздействие на развитие мегаполисов.

Примечания

¹ Капитонов Э. А. Корпоративная культура: стратег. направления развития социал.-труд. отношений // Социс. 2010. № 9. С. 39.

² Баренбойм П. Глобализация в сфере корпоративного управления: возможные негативные последствия // Актуальные проблемы корпоративного управления: сб. ст. М.: Юстицинформ, 2010. С. 25.

³ Тихомирова О. Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка. М.: Инфра-М, 2011. С. 38.

⁴ Капитонов Э. А. Указ. соч. С. 48–56.

⁵ Баренбойм П. Указ. соч. С. 25.

⁶ Погребняк В. А. Культура организации как объект регулярного управления // Вопр. управления предприятием. 2012. № 1 (13). С. 59.

Л. Д. Михеева, С. С. Домбровская

Корпоративная культура и программы лояльности в ресторанном бизнесе Финляндии: на базе исследования в городах Хельсинки и Тампере

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты корпоративной культуры и корпоративного имиджа как ее части, и основные программы лояльности в ресторанном бизнесе. Статья основана на исследовании, проведенном одним из авторов в некоторых организациях Финляндии.

Ключевые слова: корпоративная культура; корпоративный имидж; программы лояльности; ценности и нормы; внутренний дизайн; дополнительные услуги в ресторанном бизнесе

Ludmila D. Mikheeva, Svetlana S. Dombrovskaia

Corporate culture and programs of customers' loyalty in Finnish restaurant business: case of Helsinki and Tampere

The article is about some points of corporate culture and corporate image as a part of it and main programs of customers' loyalty in restaurant business. The article is based on a research which was taken by one of the author of the article in some organizations in Finland.

Keywords: corporate culture; corporate image; programs of customer's loyalty; values and norms; interior design; extra services in restaurant business

Теория организации изучается уже давно, достаточно хорошо исследованы структура и функционирование организаций, поведение индивидов и стратегии взаимодействия внутриорганизационных групп. Упоминания же о корпоративной или, как ее еще называют, организационной культуре, в научной литературе до 70-х гг. XX в. встречались спорадически, и организационная культура упоминалась лишь косвенно, вскользь. В 1970-е гг. интерес к данному аспекту возрос. Было замечено, что подобная культура реально существует и оказывает серьезное влияние на деловую успешность компаний.

Большинство авторов считает, что организационная культура не просто некое нематериальное искусственно созданное явление, а реальная объединяющая сила, существующая внутри любой организации, при этом эта культура имеет некое определенное (в том числе – и материальное) выражение. Руководство организации может осознать эту культуру, выделить ее основные компоненты и управлять ею в процессе всего цикла жизнедеятельности организации для достижения более высоких результатов в работе организации, в улучшении конкурентоспособности фирмы, для ее укрепления на рынке и получения большей прибыли. Некоторые авторы считают, что возможно достичь положительного результата в деятельности организации лишь путем признания и усвоения единых корпоративных ценностей

(например, Т. Петерс и Р. Уотерман, а также Т. Дил и А. Кеннеди). Все теоретики организационной культуры сходятся в одном: культура – это объединяющее понятие, отражающее, с одной стороны, социальное единство и сплоченность организации, а с другой – эффективность ее деятельности¹.

Ряд исследований предоставляет достаточно подтверждений неопровержимой связи между высокими производственными показателями в компании и ее корпоративной культурой. Нельзя, конечно же, утверждать, что культура организации для компании может быть единственной составляющей коммерческого успеха. Очевидно, что нельзя пренебрегать такими вещами, как стратегия компании, ее производственная структура, технологии и организация производственных процессов, система оплаты труда и расчетов с партнерами, рыночная конъюнктура и многое другое. Но в наше время никто не отрицает тот факт, что корпоративная культура – это один из основных компонентов на пути к рыночному успеху.

Проблема формирования образа организации (корпорации, фирмы) особо важна в наши дни из-за обострившейся конкуренции на товарных рынках, рынке услуг, на общественном поприще. Для успешной конкуренции на рынке, для продвижения своих товаров, фирма или иной общественный институт вынуждены создавать положительный имидж. Он необходим для любого социально-экономического института.

Сформированный положительный имидж организации часто служит своеобразной страховкой от неприятностей в ведении бизнеса. Если имидж организации в целом является положительным в глазах клиента или партнера, то незначительные промахи и недочеты могут быть ими прощены, особенно если они случаются редко². Положительный имидж значительно замедляет негативные изменения в отношении клиента к компании, нейтрализует ложные слухи и помогает четко выделить положительные сообщения об организации; он формирует прочную основу для всей деятельности компании. Это обеспечивает основу для бизнес-коммуникации и сохранения лояльности клиентов.

Понятие «лояльность клиента» (от англ. «loyalty» – преданность, верность) подразумевает положительное отношение к бренду или продукту. Однако лояльность – это не просто доверие, но и позитивные эмоции, которые вызывают бренд или продукт. Это можно проследить и на примере ресторанного бизнеса. Действительно лояльный клиент будет верен определенному ресторану и не променяет его на конкурента, предложившего даже более дешевый аналог.

Программа лояльности – это совокупность инструментов маркетинга, направленных на развитие длительных и постоянных отношений с клиентом. Цель подобной программы в сфере ресторанного бизнеса – сделать каждого нового посетителя ресторана постоянным. Повышение лояльности позволит также сделать постоянных клиентов наиболее активными. Формирование лояльности является значимым фактором успеха деятельности индустрии питания. При разработке про-

грамм не стоит заострять внимание и использовать один-единственный элемент, а продумать следует всю совокупность методик. Тогда их периодическое чередование (скидок и бонусов, акций или подарков) позволит избежать привыкания и потери интереса клиентов.

Важно помнить, что любая программа лояльности должна учитывать потребности клиентов. Именно поэтому необходимо делать выборку и иметь максимальную информацию о посетителях, примеряя внедряемый метод к каждому конкретному клиенту, с учетом его личных потребностей.

Вопросы исследования имиджа и программ лояльности как части корпоративной культуры изучались на примере ряда организаций в сфере ресторанного бизнеса в городах Хельсинки и Тампере (Финляндия) в период с января по апрель 2012 г.³

Было исследовано 5 организаций в обоих городах. Проведены, соответственно, 10 экспертных интервью с менеджерами среднего и высшего звена, анкетирование затронуло 35 рядовых сотрудников, проведено включенное наблюдение.

Для первоначального знакомства с обследованными организациями прежде всего следует, с нашей точки зрения, описать интерьеры и общую атмосферу этих ресторанов на основе личного наблюдения.

Хотелось бы отметить, что интерьеры всех пяти организаций не очень схожи между собой. Помимо этого, разнятся и здания, в которых они находятся. Так, например, Klubi (г. Тампере) находится в здании старинной постройки, с богатой историей, сотрудники этого ресторана искренне гордятся этим фактом, который обязательно упоминается в рекламных проспектах, на интернет-сайте ресторана. Для ресторана Jack the Rooster (г. Тампере) было специально выстроено отдельно стоящее здание в живописном месте на берегу реки, даже внешне отвечающее их фирменному стилю, выкрашенное в фирменные цвета, с фирменным узором. Amadeus (г. Тампере), On the Rocks и Tavastia (оба – г. Хельсинки) находятся на первых этажах обычных домов, их выделяет только внешняя реклама, вывески и плакаты.

Общим в их интерьерах, пожалуй, является только приглушенное освещение (даже днем яркий свет – «персона нон грата») и наличие экранов-дисплеев на стенах. Эти экраны во время шоу транслируют происходящее на сцене, чтобы все посетители, даже занявшие не самые удобные места, могли это видеть. Днем же и в перерывах между выступлениями при помощи этих экранов можно или посмотреть какой-либо интересный фильм, или там транслируют музыкальные клипы, подходящие по своей музыкальной направленности к общему музыкальному направлению ресторанов. По величине они также разнятся. Площади Jack the Rooster, Klubi и On the Rocks значительны, три эти клуба-ресторана имеют по два зала, как правило, подобное деление связано с тем, что один из залов предназначен преимущественно для приема пищи и лишь частично – для людей, желающих послушать музыку, а второй – это бар и непосредственно «музыкальная площадка», сцена, туда

приходят отдохнуть и послушать музыку. В противоположность вышеупомянутым заведениям Amadeus в Тампере и Tavastia в Хельсинки относительно невелики (особенно первый из них), там все оказываемые услуги совмещены, в одном зале и ресторан, и бар, и клуб. В Tavastia деление на две зоны весьма условно – небольшая перегородка.

Итак, клуб-ресторан Jack the Rooster встречает своих клиентов еще до того, как они заходят в зал. Во-первых, видимый из нескольких точек города даже на достаточном расстоянии, он сразу привлекает своеобразной круглой формой здания и фирменной «раскраской». При подходе к зданию в летнее время посетитель видит открытую террасу и чувствует завлекательные запахи еды, готовящейся на открытом воздухе. Внутри его встречают сотрудники клуба (охранники, гардеробщики), одетые в привлекательную униформу. Дальше – выбор за клиентом. Он может повернуть направо и попасть в музыкально-барную зону, а может и пройти налево в достаточно просторный, но не кажущийся пустым ресторанный зал. Интересно, что даже в часы вечерне-ночных шоу, когда народ приходит, в основном, послушать музыку в исполнении своих любимых исполнителей и отдохнуть, много народа и в ресторанной зоне. Они общаются, танцуют и смотрят клубное шоу на настенных экранах. Даже если вы пришли в ресторан-клуб днем, когда никаких шоу нет, вам не будет скучно. Интерьерное решение действительно необычно. Зал украшен музыкальными инструментами и личными вещами популярных музыкантов, посередине зала – красивые колонны в слегка «гаражном» стиле, декорированные пустыми бутылками из-под различных напитков, которые удачно вписываются в интерьер. Мощные дубовые столы и такого же плана барная стойка удивительно гармонично смотрятся и выглядят (да и являются на деле) надежными и солидными. Обслуживающий персонал одет в фирменные футболки. Посуда, вилки, ложки и т. д., как принято практически повсюду в Финляндии (кроме, пожалуй, ресторанов самого высокого класса), очень простого дизайна. В целом, даже при первом посещении этого заведения складывается очень благоприятное с первой же минуты впечатление. Посетитель, возможно, не может оценить коммерческий успех данной компании, но совершенно очевидно, что это – не фирма-однодневка, а надежное и солидное заведение. Несмотря на четко выраженное пристрастие данного заведения к достаточно тяжелой музыке, там можно повстречать людей, предпочитающих разные музыкальные стили. Хорошая кухня, интересный интерьер и приветливый персонал располагают к посещению если не музыкальной, то хотя бы ресторанной зоны.

Klubi занимает первый этаж красивого кирпичного здания, построенного в начале XX в. Вывеску заведения невозможно не заметить при проходе от вокзала или к нему со стороны двух крупных районов Тампере. Здесь посетителя в теплое время года также встречает открытая терраса, на которой так хочется отдохнуть жарким летом. Там можно просто посидеть с чашечкой потрясающе вкусного кофе и поговорить с друзьями или насладиться отдыхом в одиночестве. Внутри клиента встре-

тят работники клуба-ресторана, которые одеты в фирменную одежду. Интерьер достаточно простой, не так много удобных столов в клубной зоне, но она и предназначена, прежде всего, для концертов и музыкальных фестивалей. Однако даже здесь вы сможете найти удобные мягкие диванчики и кресла, на которых удобно и комфортно сидеть. Барная зона комфортна и привлекает внимание яркими стульями, интересными светильниками. Зона ресторана оформлена в схожем с ней стиле, там значительно светлее, удобные светлые деревянные столы и комфортные стулья заранее обещают возможность не только вкусно поесть, но и хорошо и с комфортом отдохнуть. Первое впечатление, которое, скорее всего, в дальнейшем у клиента только укрепляется, – это комфорт и приятное времяпрепровождение. Поздно вечером, особенно в конце недели, обязательно проводятся концерты популярных местных (иногда – зарубежных) исполнителей. В зале неплохая акустика и любители музыки вряд ли останутся недовольными из-за плохого звучания. Музыка не «бьет по ушам», но и не приходится напрягать слух, чтобы услышать ее. Скорее всего, приходит ли клиент для того, чтобы перекусить, выпить кофе или послушать музыку, ему тут понравится, и он хотя бы пару раз точно вернется в Klubi.

Amadeus – более специфичное заведение, там, конечно, можно поесть, но в основном туда приходят постоянные клиенты, которые хотят послушать музыку и пообщаться. Зал ресторана (хотя, с нашей точки зрения, это, скорее, кафе) очень небольшой, хотя, как правило, он заполнен до отказа. В помещении может разместиться от силы несколько десятков человек. В принципе, для тех, кто ходит по клубам лишь ради музыки и общения с единомышленниками это заведение вполне подходит. От остальных его также отличает отсутствие фирменного стиля в одежде работников, небольшое количество обслуживающего персонала, простейшие столы и стулья в зале. С другой стороны, персонал практически всех своих клиентов знает даже по именам, так что для тех, кто не хочет проводить время в окружении большого количества незнакомых людей, это вполне подходящее заведение.

Хельсинкский ресторан-клуб On the Rocks также имеет открытую уличную террасу. Внутри него два зала, один расположен на первом этаже жилого дома, а второй – ниже, в подвальном помещении. Интерьер клуба вполне соответствует названию, в помещении стены декорированы в виде скал, в том же стиле выполнена и барная стойка, есть даже рукотворная «пещера». Все это сделано немного даже нарочито, подчеркнуто, акцентированно. Возможно, не всем нравятся серые тона, но то, что посетитель вряд ли не обратит свое внимание на продуманный и тщательно спланированный интерьер, сложно себе даже представить. С первого взгляда видно, что это заведение создавалось увлеченными людьми, которые, скорей всего, сразу хотели сделать его привлекательным и успешным.

Знаменитый, почти что культовый, рок-клуб-ресторан Tavastia находится в самом центре города Хельсинки, буквально в паре минут ходьбы от железнодорожного вокзала, рядом с крупными торговыми центрами и станцией метро. В этом зда-

нии клуб располагается уже почти 70 лет, он считается одним из лучших в Финляндии. Несмотря на это, внутренняя обстановка довольно аскетична, сразу сложно выделить для себя какие-либо нюансы в оформлении интерьера. Преобладающие цвета – серый, черный и темно-красный, возможно это связано с тем, что дизайнерам изначально не хотелось отвлекать людей от проводимых в клубе мероприятий. Деление на зоны – музыкальную и ресторанныю – весьма условно, да и размеры помещения не позволяют это сделать. Барная стойка и выход на кухню располагаются практически рядом со сценой, они отделены от нее перегородкой с двумя арками. Интересно то, что мало кто знает, что Tavastia – не только клуб, но и своеобразный ресторан. Нельзя сказать, что у них разнообразное меню, скорее, туда входят меню сэндвич-бара и самые простые горячие блюда (например, картошка-фри и так далее). Что касается оформления музыкальной зоны, то и оно не отличается особыми изысками, основной интерьер можно описать как гаражный, простой, стулья и столы также самые простые. Приятное впечатление, однако, производит отношение обслуживающего персонала как к клиентам (создается впечатление индивидуального обслуживания), так и друг к другу (например, более опытные сотрудники охотно и искренне дружелюбно помогали новенькой барменше справиться со сложным заказом, объясняя ей рецептуру коктейля). Бесспорно, подобная теплая атмосфера в клубе даже на фоне простого интерьера подкупает.

И еще одно важное замечание. Вероятно, что это характерно для всех заведений подобного рода в данной стране, что соответствует контексту национальной культуры, но сильное и очень приятное впечатление в ходе исследования произвел следующий факт: абсолютно во всех заведениях, попавших в зону внимания, первое же впечатление от клуба создавалось людьми, встречающими посетителей. Это были охранники и работники гардероба. Везде без исключения – это крайне приветливые люди, профессионалы, умеющие расположить к себе и ненавязчиво и очень тактично помочь клиенту. С нашей точки зрения, одно это свидетельствует о наличии сформированной корпоративной культуры, о грамотном управлении персоналом и о стремлении сформировать положительный имидж своего заведения с самой первой встречи клиента с обслуживающим персоналом.

В качестве базы для построения имиджа компании можно назвать, прежде всего, создание особой корпоративной культуры и философии, присущей данной организации. Следует обратить особое внимание на создание и разработку специфических средств и приемов, которые позволят соотнести организацию или предприятие с заявленными ими ценностями. Среди таких средств можно назвать, например: организационную культуру, являющуюся системой взаимодействий и отношений внутри компании, способствующую достижению коммерческого успеха и помогающую продвижению товаров и услуг на рынке; систему маркетинга и рекламную стратегию; корпоративный дизайн, включающий в себя особый фирменный стиль, присущий лишь данной компании; организацию связей с общественно-

стью (PR), преследующую цель формирования позитивного имиджа организации в сознании потенциальных потребителей товаров или услуг.

Каждая компания стремится к тому, чтобы закрепиться в определенном сегменте рынка, утвердив предлагаемый ею товар или услугу. Имидж, разработанный и выстроенный на этапе становления новой компании, может значительно определить ее дальнейшую репутацию; создание узнаваемого и адекватного имиджа помогает клиенту лучше воспринять товар/услугу, осознавая их как товар/услугу, отличающиеся от аналогичных в лучшую сторону.

План по созданию имиджа состоит из 4 основных частей:

- создания фундамента имиджа;
- внешнего имиджа;
- неосязаемого имиджа;
- внутреннего имиджа.

Все наши респонденты сошлись во мнении, что базу, **фундамент** закладывали основатели организации, они определяли как основные положения корпоративной культуры, которые сейчас уже во многих случаях действуют как некий «встроенный механизм», который воспринимается как нечто естественное.

Осязаемый имидж по сути дела представляет собой собственно товар или продукцию компании, т. е. это то, что клиент может увидеть, услышать, попробовать. Вряд ли стоит говорить, что это очень важная составная часть имиджа, ведь без качественного товара нет и нормального образа.

Данные анкетирования подтверждают, что организации стараются найти что-то особенное в сфере основных услуг (ресторанное обслуживание, кафе). Так, около 60% опрошенных отметили, что их организация имеет особенности, отличающие ее по качеству, количеству или ассортименту основных услуг от других организаций подобного рода (22,9% выбрали ответ «да» и 31,7% – «скорее да»).

Неосязаемый имидж – это отношение клиентов к компании, сформированное на основе обслуживания и отношения к ним со стороны сотрудников компании, отношение к сервису; он также признан важным в общем положительном восприятии.

Об усиленном внимании к сервису и обслуживанию говорят и рядовые сотрудники всех организаций, хотя здесь мнения разделились, «скорее да» на вопрос «Имеются ли какие-либо особенности в сервисе и обслуживании, отличающие Вашу организацию от остальных организаций подобного рода?» ответили лишь 40%, а ответ «да» не выбрал никто. Это, кстати, подтверждает утверждение, что на первом месте в данном вопросе стоит все же основное производство, то есть качество и ассортимент еды, предлагаемые в их фирмах. Единственный производственный фактор, влияющий на репутацию бизнеса, – качество продукции. Для большинства потребителей важность качества продукции очевидна. При плохих потребительских свойствах товара не спасут ни прекрасные связи с общественностью, ни безукоризненное обслуживание покупателя. Реклама может привлечь покупателя, но

если он будет недоволен товаром или качеством услуг, то положительный имидж фирмы долго не просуществует. Никакие серьезные затраты на имидж не помогут, если продукция не оправдывает ожиданий покупателя. Для достижения долгосрочного успеха необходимо качество продукта.

Воздействие этих трех факторов плюс общественное мнение о компании, формируемое рекламной кампанией, связями со средствами массовой информации и общественной работой составляет внешний имидж.

Внутренний имидж – это атмосфера внутри компании, позитивное или негативное отношение сотрудников к руководителям и политике компании, которая выражается, в конечном итоге, в степени преданности сотрудников своей фирме, в степени их идентификации с ней. Многие информанты говорят об отношениях внутри коллектива, о правилах общения с коллегами.

О наличии правил внутреннего общения, «кодексов» говорят и опрошенные рядовые сотрудники, анализ анкет подтверждает важность этого фактора, хотя в большинстве случаев это, скорее, соблюдение неписанных норм, чем жестко закреплённые документально правила (66,5% опрошенных говорят о наличии правил взаимоотношений между сотрудниками, но эти правила не жестко закреплены, лишь 22,9% говорят о жестко фиксированных, закреплённых в документах, правилах. А о том, что такие правила соблюдать не надо, сказали лишь 11,4%).

Некоторые из элементов плана по формированию имиджа, казалось бы, достаточно очевидны – например, осязаемый имидж компании или товара: название, девиз и знак. Однако не менее важны другие факторы, которые часто упускаются из вида. Многие считают, что политика и культура фирмы формируются сами собой по прошествии времени, но данное утверждение вряд ли подходит к современным условиям. Более того, это необходимо делать не только потому, что имидж фирмы вытекает из принципов внутриорганизационной культуры, но и потому что от нее зависят такие жизненно важные процессы развития компании как стратегия, направления развития и совершенствования.

Выше уже упоминалось, что в ходе интервью неоднократно подчеркивалась осмысленная деятельность по формированию имиджа, его направленное создание не просто с первого дня работы фирмы, а с первого дня ее основания, еще до того, как кафе/клуб/ресторан открывали свои двери. Надо отметить, что и рядовые сотрудники исследованных организаций признают важную роль положительного имиджа. Они же отмечают определенное влияние некоторых элементов корпоративной культуры на него. Так, 65,7% принявших участие в анкетировании отметили, что проводимые организациями, а которых они работают, корпоративные мероприятия влияют на имидж их фирм, при этом надо отметить, что подобные мероприятия проводятся повсеместно, о них говорят 100% опрошенных, а в ходе интервью выясняется, что это не «корпоративчики» в их обыденном понимании, которые зачастую превращаются в обыкновенную пьянку.

К другим важным частям плана по имиджу, которыми часто пренебрегают, относятся элементы внутреннего имиджа, и прежде всего поведение персонала и его отношение к работе. Выполнение этой части плана по созданию имиджа должно предусматривать повышение настроения сотрудников, формирование доброжелательного, «мирного», по словам одной из интервьюируемых, климата в коллективе. При создании внутреннего имиджа компании нет мелочей, существенно важно все, начиная от возможностей карьерного роста сотрудников и заканчивая программами их поощрения. Немаловажным, однако, является и соблюдение иерархии, системы подчинения, это отмечалось даже в таком, казалось бы, «камерном» заведении, как «Amadeus» в Тампере.

Эффективность имиджа организации определяется обобщенными критериями, которые проявляются на уровне любой организации, независимо от ее специфики, а также частными критериями, основаниями для которых служит уникальность, специфика организации.

Наши информанты говорили и об общих положениях, и о том, что важно именно для их сектора ресторанно-клубного бизнеса. Особенностью финского ресторанного бизнеса, пожалуй, можно считать тот факт, что далеко не все подобные заведения специализируются просто на приготовлении пищи. Как правило, помимо таких фирм, существует множество ресторанов/кафе, продвигающих на рынок дополнительные услуги. Где-то вы можете посмотреть трансляции спортивных соревнований, встретиться с известными спортсменами, кто-то специализируется на караоке, где-то организуют танцы, различные соревнования (настольный теннис или хоккей, например).

Нами была выбрана группа заведений, специализирующихся на организации концертов популярных финских и зарубежных (гораздо, правда, реже) музыкальных коллективов и исполнителей. Для Финляндии, где «каждый поет или на каком-нибудь инструменте играет», это, пожалуй, одна из самых насыщенных и «сложных» в плане конкуренции ниш. Для нее, конечно, характерна своя специфика. Ведь для того, чтобы преуспеть в конкуренции в этом секторе, имидж надо формировать как в направлении «еды», так и в направлении музыкальном.

Надо также отметить, что выбранные нами организации довольно успешны, поэтому, с нашей точки зрения, их вполне можно рассматривать как источник достоверной информации об имидже и организационной культуре. Об успешности говорят и личные наблюдения (рекомендации знакомых на тему «куда можно сходить, чтобы и поесть, и отдохнуть; официальные рейтинги в печатных и интернет-изданиях, рекомендации персонала отелей, просто количество посетителей), и ответы респондентов. Так, по результатам обработки анкет выяснилось, что 68,6% респондентов при ответе на вопрос «Как Вы считаете, какое место Ваша организация занимает в ряду ей подобных?» ответили «одно из ведущих мест».

С учетом специфики данных фирм информанты неоднократно подчеркива-

ли, что именно музыкальные пристрастия их клиентов определяли фирменный стиль, особенности интерьера, даже некоторые особенности меню, дополнительные услуги.

Тони, администратор клуба On the Rocks в Хельсинки: «Работает система смс-сообщений, клиенты заполняют анкеты, где есть пункт об их музыкальных предпочтениях, когда кто-то из их любимых исполнителей у нас выступает – мы сообщаем. А раз человек пришел послушать музыку, то он и за вход платит, и за напитки».

На ярко выраженный стиль в оформлении интерьера указали и 65,7% анкетруемых. 25,7% отрицают наличие такового. Детальный анализ анкет дал понять, что речь идет о клубе Tavastia в Хельсинки. Однако, интерьер в стиле «гараж/ангар/нарочитая простота бетонных стен» скорее соответствует исполняемой музыке («металл»), тем более, что данный клуб появился в 1970 г., когда подобная музыка и была музыкой протестной, исполняемой далеко не в лучших залах страны.

Следует выделить некоторые усредненные критерии, указывающие на привлекательность имиджа организации:

– Позитивные оценки деятельности организации, получаемые от вышестоящих руководителей или собственников, потребителей, партнеров, сторонних предприятий и организаций, непосредственно не связанных с данной организацией, а также от персонала самой организации.

– Например, в глазах потребителей имидж создается при помощи специальных программ, акций, дополнительных бонусных карт (Jack the Rooster, On the Rocks, Klubi).

– Конкурентоспособность организации выражается через высокое качество продукции, товара или услуг, через сохранение контингента потребителей и персонала организации. (Все респонденты отмечают важность этих пунктов, о чем говорилось выше).

– Авторитет организации проявляется в доверии к ней со стороны потребителей и партнеров, в узнавании организации разными социальными группами, в том числе и теми, которые не входят в число ее потребителей.

– Положительные оценки деятельности организации со стороны СМИ достигаются за счет демонстрации признания социально одобряемых норм деятельности: благотворительность, помощь культуре, образованию, и т. д.

– Развитие профессиональной компетентности персонала организации, обеспечение его психологической готовности к деятельности, к изменениям. Такие аспекты организационной культуры персонала, как высокий уровень организации и самоорганизации, способность сотрудников продуктивно выполнять профессиональные функции, низкая зависимость от внешних факторов.

Это косвенно подтверждается и результатами анкетирования. Так, 82,9% опрошенных порекомендовали бы или скорей порекомендовали бы своим родственникам, друзьям или знакомым пойти на работу в их организацию. Нельзя не согла-

ситься, что это говорит о том, что их самих работа там устраивает по ряду показателей. Кстати, при ответе на вопрос «Что Вас удерживает на данном месте работы?» 31,4% опрошенных ответили, что престиж работы в данной организации.

Исследования показывают, что в основном человек принимает решения, основываясь на визуальной информации. Составление продуманного плана по внешнему имиджу базируется на анализе всех деталей, которые в первую очередь могут быть заметны потенциальным клиентом и конкретным покупателем. Существует прямая зависимость между внешним видом и коммерческим успехом.

Месторасположение бизнеса также является очень важной составляющей имиджа компании. Все исследованные нами организации (напоминаем, что они коммерчески успешны) расположены крайне удачно. Так, клубы-рестораны Tavastia и On the Rocks в Хельсинки находятся в пределах шаговой доступности от железнодорожного вокзала и в непосредственной близости от скопления высококлассных отелей, то же самое можно сказать и про Klubi в Тампере (стоит отметить, что для Финляндии это весьма немаловажно, так как отели там достаточно дороги для среднестатистического жителя Финляндии, а поезда после полуночи и до утра не отправляются, поэтому любители музыки из других городов, приехавшие в эти клубы специально ради выступлений любимых исполнителей, успевают уехать домой после концертов). Jack the Rooster в Тампере расположен в живописном и удобном месте на берегу реки, возле одной из оживленных улиц города, до него удобно и быстро добираться практически из всех районов, а Amadeus также находится недалеко от вокзала и на центральной улице одного из лучших районов города. Включение номера факса, веб-страницы в Интернет и адреса электронной почты в визитную карточку или фирменный бланк тоже становится составляющей имиджа. Все описанные фирмы делают это. Их web-сайты достаточно информативны как в области ресторанных услуг, так и в области «услуг» музыкальных.

Внешний имидж изменить гораздо проще, чем внутренний, который же, напротив, гораздо труднее корректируется; внутренний имидж организации значительно более важен для ее репутации и успешной коммерческой деятельности. В основе внутреннего имиджа компании лежат преданность сотрудников своей компании и энтузиазм по отношению к обслуживанию покупателей.

Примечания

¹ См.: Саратовцев Ю. И. К вопросу о социально-экономической сущности и содержании культуры организации // Проблемы соврем. экономики. 2006. № 1/2 (17/18).

² Ylikoski P. Understanding interests and causal explanation: PhD thesis / Univ. of Helsinki, Department of moral and social philosophy. Helsinki, 2001. P. 137.

³ Полевое исследование проводилось С. С. Домбровской.

С. В. Рассказов

У истоков исламских корпораций и корпоративного управления: социокультурный контекст и этическая парадигма

В исторической ретроспективе раскрываются социокультурные факторы, под влиянием которых коммерческая корпорация европейского типа появилась в исламских странах значительно позже, чем в Европе. Сетевая метафора исламского общества, как альтернатива иерархии, переносится на организацию бизнеса. Этические исламские установки в современном корпоративном управлении проявляются в особой структуре корпоративного управления, в которую включен шариатский наблюдательный совет. Оценка результативности управления компаниями, деятельность которых согласуется с требованиями исламской веры, выполняется на основе данных исламского индекса Доу-Джонса, российских паевых фондов и других материалов.

Ключевые слова: исламская корпорация, сетевая метафора исламского общества, исламское корпоративное управление, результативность деятельности

Sergey V. Rasskazov

At the root of Islamic corporations and corporate governance: the sociocultural context and ethical paradigm

In historical retrospective revealed sociocultural factors under the influence of which European-style commercial corporation appeared in Islamic countries much later than in Europe. Network metaphor of Islamic society is adapted to the business organization. Islamic ethical settings in modern corporate governance are manifested in special structure of corporate governance, which includes the Sharia supervisory board. On the basis of Islamic Dow Jones Index, Russian mutual funds and other materials is carried out assessment of the performance of the companies whose activities are consistent with the requirements of the Islamic faith.

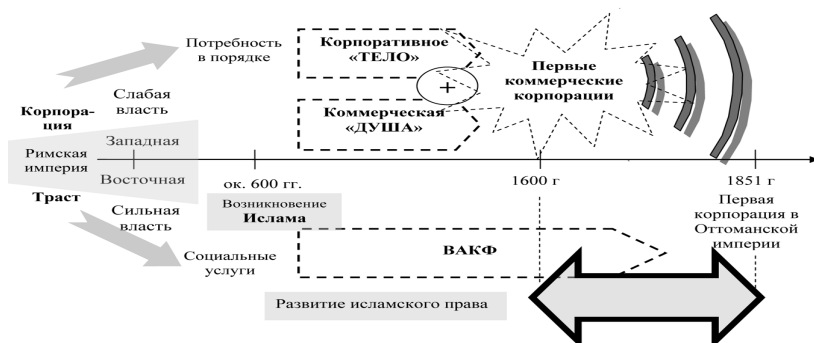
Keywords: Islamic corporation, the network metaphor of Islamic society, Islamic corporate governance, performance activities

Религия является одним из важнейших социальных институтов. Реализуя свои функции, институты «поощряют действия входящих в них лиц, согласующиеся с соответствующими стандартами поведения, и подавляют отклонения в поведении от требований этих стандартов, т. е. контролируют, упорядочивают поведение индивидов»¹. Воздействие религии осуществляется как через верования, включающие «представления об общем порядке бытия и формирующие устойчивые настроения и мотивации», так и с помощью дисциплинарных мер². В ярко выраженном виде оно проявилось в развитии исламских компаний. Цель нашей статьи состоит в том, чтобы на их примере раскрыть социокультурные механизмы формирования инноваций в организационных формах, структуре и стратегии корпоративного

управления, а также оценить их результативность. Для этого мы выбрали «кейсы», раскрывающие тему в исторической ретроспективе и на разных организационных масштабах.

Крупное индустриальное производство трудно представить без корпоративной формы организации и соответствующего ей управления. Макс Вебер отмечал, что они «должны быть «изобретены», подобно техническим продуктам»³. Более двух тысячелетий «слой за слоем» совершенствовалась модель некоммерческой корпорации и «открывались» механизмы адаптации организации к изменяющимся условиям коммерческой деятельности. Сравнение, как происходило формирование корпорации в западноевропейских и исламских странах, дает один из наиболее показательных исторических примеров социокультурного влияния на организационное развитие. Процесс в целом показан на рис. 1. Его верхняя часть относится к западноевропейским странам, нижняя – к исламским. Содержание иллюстрации поясняется далее в тексте.

Привычные нам акционерные компании образовались в Европе около 1600 г. как соединение «корпоративного тела» с «коммерческой душой». Первое направление обуславливалось необходимостью коллективной защиты людей от жизненных невзгод, продвижения и отстаивания их общих, включая профессиональные, интересов, а на макроуровне – поиском таких общественных институтов, которые способствовали бы социальной стабильности в обществе. Сказанное было особенно важно в условиях слабого государства, сложившегося в западной части распавшейся Римской империи.

Рис. 1. Формирование коммерческой корпорации в европейских и исламских странах⁴

В западноевропейских странах основные знания о корпоративной организации (в общих чертах известной, кстати, еще в Римской империи) и управлении ею дали христианская церковь, города, ремесленные и торговые гильдии. В среде духовенства формировалось коллективное самосознание, развивалась автономия от светской жизни, активы церкви отделялись от собственности ее членов. В стенах

монастырей был накоплен многовековой опыт о практиках согласования интересов различных участников религиозной корпорации. Городские сообщества, обладая чертами «осознанного корпоративного единства», приобретали статус корпорации, то есть «совокупности людей, осуществляющих общие правовые функции и действующих как юридическое лицо»⁵. Значительную роль в жизни средневековых городов играли ремесленные и торговые корпорации, членство в которых помогало «создавать и сохранять ощущение стабильности в мире, который стремительно менялся у них на глазах»⁶.

«Коммерческую душу» порождали новые формы ведения бизнеса. В различные периоды активизировались, доминировали и позже дополняли друг друга морской кредит, простое и коммандитное товарищество, семейная фирма, холдинг, публичная и закрытая акционерные компании⁷. Эти инновационные решения по сцеплению отношений между участниками бизнеса и управлению ими были нацелены на снижение рисков и привлечение требуемого количества частного капитала. Вершиной эволюционного развития стала корпорация. Невиданный прежде общественный заказ на корпоративную акционерную организацию возник в эпоху Великих географических открытий с началом заокеанской торговли. Осуществив апробацию на единичных образцах и получив на них практический опыт, идея корпорации была адаптирована к массовому крупномасштабному применению в «индустриальной» цивилизационной волне. Крупные промышленные акционерные корпорации стали одним из символов и необходимых элементов индустриального общества.

Если в западноевропейских странах первые коммерческие корпорации появились около 1600 г., то в исламских – только в середине XIX в. («Попутная компания» в Османской империи, 1850 г.; иногда называются 1849 и 1851 гг.). Объяснение этого факта, основанное, прежде всего, на учете религиозных ограничений⁸, в нашей статье дополняется анализом социокультурного и политического контекстов.

По сравнению с Западной частью, сильная власть в Восточной Римской империи создавала меньше стимулов к развитию в обществе корпоративной организации как элемента локальной социальной стабильности. Предупреждая создание множества центров влияния, государство плотно опекало деятельность профессиональных гильдий и ассоциаций – организаций с корпоративными началами. Тем самым, выделялись и подчеркивались такие организационные формы, которые не создавали конкурирующей с властью политической силы. Процесс движения в сторону от корпорации совпал с возникновением Ислама и получил дополнительный импульс в исламском праве.

Благодаря новой вере, «все племена Аравии прониклись религиозным и национальным единством. Так как исключительно религия содействовала этому слиянию, то ей же и следует приписать дальнейшие успехи покорения арабами полумира... весь патриотизм арабов можно, собственно, рассматривать как дальнейшее

развитие приверженности их к исламу»⁹. В нестабильные периоды важно добиться сплочения общества, когда «и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти – счастливы»¹⁰. Необходимый акцент на объединении и общих ценностях отодвигал на второй план подгруппы общества, без которых впоследствии не могло родиться «корпоративное тело».

Как показал европейский опыт, важным шагом на пути к появлению в корпорации «коммерческой души» стало развитие концепции юридического лица. Анализируя принципы исламского права, специалисты продолжают спорить о том, допускается ли она в Исламе¹¹. Указывая, например, на такую безусловно признанную организационную форму, как вакф, а также приводя другие аргументы, одна группа юристов утвердительно отвечает на этот вопрос. Они также отмечают, что на практике юридическое лицо признается почти всеми современными ближневосточными исламскими странами. Правда, делается оговорка, что этот термин в явном виде не упоминается классическими мусульманскими правоведами. Представители другой группы, наоборот, утверждают, что «исламское право не признает юридических лиц; даже когда государственное казначейство (*bayt al-māl*) толкуется как институт, его собственником считается мусульманское сообщество, то есть совокупная сумма отдельных мусульман»¹². Сохранившаяся до наших дней концептуальная неопределенность в отношении к юридическому лицу свидетельствует о том, что этот вопрос не нашел однозначного толкования и в период формирования исламского права.

Примерно с XIII в. основной формой организации коммерческой деятельности, как в европейских, так и исламских государствах, было товарищество (часто оно известно как коммента). Один из вариантов ее реализации предполагал объединение пассивного и активного участников: первый предоставлял капитал, второй – свои услуги. Принципиальным недостатком товарищества было то, что оно формально прекращало свое существование в случае смерти кого-либо из партнеров. Можно было продолжить действие соглашения о совместном ведении бизнеса, но требовалось согласие всех родственников. Сложность достижения компромисса усиливала исламская система наследования и семьи, которая, в отличие от европейских традиций того времени, предполагала множество обязательных наследников и несколько жен. Эти социокультурные особенности ограничивали размер бизнеса и способствовали воспроизводству краткосрочных товариществ. Необходимо было отделить «жизнь» организации от ее «смертных» владельцев.

В основу решения в исламских странах легла идея траста, реализованная в виде вакф (рис. 2). Материальную основу вакф составляло переданное учредителем имущество, который также формулировал цели и способы расходования средств¹³. «Взамен» учредитель, его дети или родственники, как правило, становились распорядителями фондов организации (*мутавалли*) и получали за выполне-

ние управленческих функций вознаграждение. Верховный надзор за их деятельностью в части строгого следования вакф заявленным целям и требованиям Ислама осуществляли назир (попечитель) или кади (духовное лицо у мусульман, несущее обязанности судьи). Имущество вакф считалось (мы рассматриваем события в прошлом) священным и не подлежащим конфискации, что позволяло защитить собственность в политически нестабильное время, пусть даже через ее отчуждение от первоначального владельца. Длительность существования вакф не зависела от жизни или желаний создавших организацию людей. Эта особенность делала вакф альтернативой корпоративной форме организации.

Рис. 2. Участники вакф и их функции¹⁴

Основное направление деятельности вакф, поддерживаемое государством, заключалось в реализации социальных проектов типа содержания общественной инфраструктуры, учебных заведений, караван-сарая и т. п. Действуя подобным образом, власти снимали с себя часть социальных обязательств перед обществом. Благотворительная направленность, как и жесткий надзор, сильно ограничивала сферы вложения средств и уровень риска принимаемых при этом решений, а трастовая основа – массовость участников и развитие самоуправления. Одновременно сдерживалось формирование таких вспомогательных институтов, как фондовая биржа.

Средневековые общества Запада и Востока нередко противопоставлялись друг другу. При этом отмечался «контраст между самоуправляющимися купеческими городами – республиками и мусульманскими городами, полностью подчиненными государству и не имеющими никакого правового оформления»¹⁵. Различие между христианским и исламским обществами состояло в том, что «в первом развились все формы корпоративных институтов, а во втором – они полностью отсут-

ствуют»¹⁶. Как постепенно выяснялось, «„институциональная“ история... исламских городских сообществ не может быть понята в терминах формальных политических, правовых и социальных структур» и надо принимать во внимание «неформальные отношения среди индивидуумов, классов и групп»¹⁷.

Социальная структура мусульманских городов (египетских и сирийских) накануне встречи исламского Ближнего Востока с коммерческой корпорацией Европы, состояла из правящей малюкской элиты¹⁸, местной знати (нотаблей), основных налогоплательщиков – горожан, а также люмпенизированных слоев населения. В указанный период преобладали негативный взгляд на ассоциации ремесленников и торговцев и стремление «подавить такие тенденции, коль скоро они бы существовали». В целом, условия не способствовали «прорастанию» идей о корпоративной коммерческой организации европейского типа в средневековом исламском обществе. Говоря о его характерных особенностях, нередко указывается на «коалиции, альянсы и социальную кооперацию, мотивируемые общими интересами и поддержанные религиозными и иногда политическими нормами». Отражающие их сети стали «историческим образом исламской цивилизации», а имидж общества представлялся через «сеть отношений между составляющими их группами» участников¹⁹. Во многом по сетевой схеме более трех столетий успешно функционировала могущественная ассоциация мусульманских купцов-каремитов. В середине второго тысячелетия процесс генезиса организационных форм в средневековом мире подошел к своеобразной точке бифуркации. В Европе он готов был пойти – и пошел – по направлению к корпорации как «юридическому лицу», в исламских странах – как «реальной» компании²⁰. Сетевая неформальная организация является частным случаем «реальной» компании. Условия для появления первой коммерческой корпорации европейского типа сформировались в Порте к середине XIX в.²¹, когда в ходе реформ (Танзимата) были заложены основы институтов «безопасности относительно их [подданных и иностранцев] жизни, чести и имущества»²², судопроизводства и коммерческого права европейского образца.

Вопрос о корпорациях и корпоративном управлении, учитывающих исламскую специфику, приобрел актуальность в конце XX в. Связано это с финансовой и экономической глобализацией, а также потоком нефтедолларов арабских стран. Рассмотрим на примерах, в чем проявляется эта специфика. В Исламе осуждается неоправданный чрезмерный риск (гарар) и получение дохода, возникшего «из случайного стечения обстоятельств, незаработанного, полученного не в результате производительного приложения ресурсов» (мейсир)²³. Практическим следствием этих этических установок является специфический выбор объектов инвестирования и слабое использование исламскими компаниями и банками новейших производных финансовых инструментов. Чрезмерное увлечение этими продуктами фактически привело к банкротству в 2007–2008 гг. крупнейшие американские инвестиционные компании.

Для современных компаний, функционирующих с учетом требований Ислама, характерна особенная структура корпоративного управления. В частности, в нее включен шариатский наблюдательный совет (или есть его аналог в виде сторонней контролирующей организации), призванный следить за соблюдением менеджментом норм мусульманского права при принятии решений, в механизмах развития бизнеса, а также при взаимодействии с финансовыми организациями. Заметим, что подобный подход, только на основе другой религии, во многом напоминает практику русских староверов почти два столетия назад.

Для количественной оценки результативности компаний, выбирающих деятельность, согласующуюся с требованиями исламской веры, воспользуемся данными о глобальном «светском» (Dow Jones Global Index) и исламском (Dow Jones Islamic Market World Index) индексах Доу-Джонса. Их доходность (ее расчет учитывал только изменение значений индекса) за 3, 5, 7, 10 лет и в среднем с 31.12.1995 составляла соответственно (по данным на 31.07.2012²⁴):

- для исламского индекса: 7,8%, – 1,1%, 3,3%, 5,9%, 5,8%;
- для «светского» индекса: 6,2%, – 4,1%, 1,4%, 5,1%, 3,7%.

Отношение значений общепромышленного и исламского индексов Доу Джонса в период острой фазы финансового кризиса показано на рис. 3. С начала 2007 г. соотношение вело себя в пользу исламского менее спекулятивного взгляда на финансы. Некоторое оживление фондовых рынков и спекуляций на них примерно с начала 2009 г. постепенно вновь обусловили перевес «светского» индекса. Еще ранее было показано, что исламские банки показали большую стабильность в момент обвала глобального рынка капиталов²⁵.

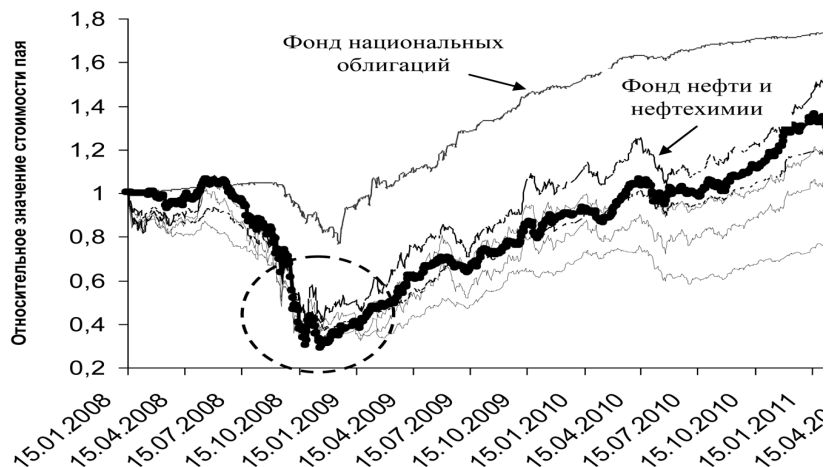
Рис. 3. Нормированное отношение индексов Доу Джонса (общепромышленного к исламскому)²⁶

Тем самым, бизнес, содержание которого не противоречит требованиям Ислама, показывал в долгосрочном периоде в среднем более высокую доходность и меньший спад в период обрушения финансовых рынков. Мы связываем это с тем, что в современном мире «финансовых мыльных пузырей» не допускающая их исламская этика способствует более устойчивому развитию компаний.

Большой интерес представляет анализ подобных данных применительно к российскому рынку. Такую возможность дает сравнение на рис. 4 котировок ценных бумаг (паев) нескольких паевых инвестиционных фондов (ПИФ), менеджмент которых осуществляется одной из ведущих отечественных управляющих компаний. Каждый фонд действует в соответствии с заданной стратегией, например, осуществляя вложения преимущественно в акции лидеров рынка – «голубые фишки», или – в корпоративные, федеральные и субфедеральные облигации эмитентов с высокой надежностью, или – в бумаги нефтегазового, химического и нефтехимического секторов, или – металлургического комплекса и компаний смежных отраслей. Всего клиентам предлагается 10 различных вариантов и один из них (далее – Фонд), представляющий ценность для нашей статьи, – для инвесторов – мусульман. В нем их сбережения направляются только в такие ценные бумаги, которые согласованы для инвестирования в соответствии с принципами Ислама.

В рассматриваемой группе ПИФов интересующий нас Фонд за трехлетний период (по состоянию на 29.12.2012) показал третье по величине значение изменения стоимости пая (14,3%). Он пропустил вперед два фонда, активами которых являются только облигации (36,9%) или ценные бумаги предприятий преимущественно топливной сферы (30,6%). В первом случае процентный доход фиксирован, а потому выплачивался независимо от рыночной турбулентности. На высоких результатах второго сказалась очень благоприятная международная рыночная конъюнктура. Заметим, что по мере того, как экономика выходила из шокового состояния, в краткосрочной перспективе место Фонда в тройке лидеров становилось не столь очевидным.

Теперь заглянем «внутрь» компаний, где обратим внимание на вопросы управления персоналом. В качестве «case study» (показательного примера) воспользуемся материалами²⁷, полученными З. Халиловой под нашим руководством. В проведенном ею в марте 2011 г. пилотном социологическом исследовании были опрошены 58 работников двух малых торговых предприятия и одного образовательного учреждения, функционирующих соответственно с середины 1990-х гг. и с 2009 г. Важно, что опрошенные их руководители регулярно практиковали Ислам. Распределение респондентов по религиозной принадлежности в целом соответствовало общероссийскому, то есть компании нельзя назвать чисто «исламскими». Основная задача исследования состояла в анализе влияния религиозной веры на социальные отношения внутри организаций.

Рис. 4. Графики стоимости пая ПИФов, следующих различным инвестиционным стратегиям²⁸

Вкратце, основные полученные результаты следующие. Почти 2/3 работников полагали, что религиозная принадлежность их руководителя оказывала положительное влияние на социальные отношения в коллективе, их работу и психологическое состояние. Абсолютное большинство сотрудников полностью доверяли своим руководителям. Автор исследования обратила внимание на то, что длительность работы персонала в «ее» малых предприятиях, как и существования самих фирм, заметно превышала среднее количество отработанных лет в аналогичных компаниях в целом по рынку. Она объяснила это благоприятным моральным климатом. Все три руководителя в своей деятельности предпочитали не рисковать и полагали, что их религиозная практика оказывает непосредственное влияние на управление организацией. Характеризуя свой стиль управления как «директивный», в отношении к подчиненным они отмечали «искренность и постоянство», «ответственность и поддержку», «вежливость и заботу». Результаты исследования не являются репрезентативными, но согласуются с выводами работ других авторов в том, что ориентация на этические принципы в управлении положительно сказывается на социальных взаимодействиях и взаимоотношениях в организации, способствуя формированию и воспроизводству доверия в коллективе и к ее руководителю. Сказанное относится, прежде всего, к небольшим коллективам. С ростом масштаба бизнеса может возникнуть агентская проблема между собственником и его родственниками или близкими знакомыми, которых он назначил своими помощниками.

Итак, в данной работе на примере исламской веры мы проследили ее влияние на появление корпорации в мусульманских странах и организационных инноваций. В течение нескольких столетий в конкретных исторических условиях она «поощряла действия», «подавляла отклонения» и формировала «устойчивые настроения и мотивации» таким образом, что коммерческая корпорация в исламских странах появилась значительно позже, чем в европейских. Ее длительное время заменяла другая, можно сказать, более социально ориентированная, но менее «склонная» к риску, организационная форма (вакф). Одновременно развивался прообраз сетевого общества и компании.

Современные финансы и экономика – это во многом мир «мыльных пузырей» и рациональной бездуховности. Запрет на торговлю «воздухом», который продают и покупают в виде практически ничем не обеспеченных производных финансовых инструментов, и другие подобные ограничения делают исламскую хозяйственную этику востребованной в XXI в. Неслучайно, встроившие этические ценности в структуру и стратегию корпоративного управления компании – в своем роде инновации – показывали более устойчивое долгосрочное развитие, а трудовые коллективы, где руководителем являлся искренне верующий человек, – отличались моральным здоровьем и рыночным долголетием. В некотором смысле «светским» подтверждением сказанному является развитие в западных странах ценностно-ориентированного управления. Возможно, наши выводы можно распространить на другие религии и деловые организации, менеджмент которых осуществляется на основе общечеловеческих ценностей.

Примечания

¹ Осипов Г. В. Социология. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 237.

² Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2007. С. 10.

³ Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology* / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: Univ. of California Press, 1978. P. 200.

⁴ Рисунок автора. 2013 г.

⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 368.

⁶ Кириллова Е. Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 2007. С. 318.

⁷ Рассказов С. В. Социологическая теория фирмы // *Экономическая социология: теория и практика* / под ред. Ю. В. Веселова, А. Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 323–350.

⁸ Kuran T. The absence of the corporation in Islamic law: origins and persistence // *The Amer. j. of comparative law*. 2005. Vol. 53, № 4. P. 785–834.

⁹ Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895. Т. 1, кн. 1: Арабы и ислам. С. 205.

¹⁰ Коран / пер. И. Ю. Крачковского. 9-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 52.

¹¹ Zahid A. Considering corporate personality from Islamic perspective // 2nd International conference on business and economic research: proceeding. Langkawi, 2011. P. 2320–2329; Zuryati Z. A. Separate legal entity under Syariah law and its application on Islamic banking in Malaysia: a note // Intern. j. of banking and finance. 2009. Vol. 6, № 2. P. 145–148.

¹² Schacht J. An introduction to Islamic law. New York: Oxford Univ. Press, 1982. P. 125.

¹³ Ислам: энцикл. слов. М.: Наука, 1991. С. 45.

¹⁴ Рисунок автора. 2013 г.

¹⁵ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока, VII – середина XIII в.: социал.-экон. отношения. М.: Наука, 1984. С. 272.

¹⁶ Stern S. M. The constitution of the Islamic city // The Islamic city: a colloquium: held at All Souls College, June 28 – July 2, 1965 / ed. by A. H. Hourani, S. M. Stern. Oxford: Near East Centre: Univ. of Pennsylvania: Cassirer, 1970. P. 47.

¹⁷ Lapidus I. M. Muslim cities in the Later Middle ages. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. XIV.

¹⁸ Мамлюки – бывшие рабы, захватившие власть в средневековом Египте.

¹⁹ Lapidus I. M. Hierarchies and networks: a comparison of Chinese and Islamic societies // Conflict and control in Late Imperial China / ed. by F. E. Wakeman, C. Grant. Berkeley: Univ. of California Press, 1975. P. 34, 40.

²⁰ Chassagnon V. The network firm as a single real entity: beyond the aggregate of distinct legal entities // J. of economic issues. 2011. Vol. 45, № 1. P. 113–136.

²¹ Новичев А. Д. История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. Т. 3: Новое время, ч. 2: 1839–1853. С. 160.

²² Юзефович Т. Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869. С. 171.

²³ Журавлев А. И. Концептуальные начала исламской экономики // Исламские финансы в современном мире: экон. и прав. аспекты / ред. Р. И. Беккин. М.: УММА, 2004. С. 15–21.

²⁴ Dow Jones indices analytics: S & P. 2013. URL: <http://djindexes.com> (дата обращения: 14.09.2015).

²⁵ Суркова А. И. Анализ стабильности исламских банков в период современного финансового кризиса: выпуск. квалиф. работа / рук. С. В. Рассказов. СПб.: НИУ ВШЭ в СПб., 2010.

²⁶ Источник данных: URL: <http://finance.yahoo.com> (дата обращения: 02.03.2013); нормирование на значение отношения на начало 2007 г. График автора. 2013 г.

²⁷ Халилова З. Социокультурные факторы в управлении организацией: диплом. работа специалиста / рук. С. В. Рассказов; С.-Петерб. гос. ун-т, фак. социологии. СПб., 2011.

²⁸ Источник данных: URL: <http://bcs.ru> (дата обращения: 02.03.2013). График автора. 2013 г.

К. С. Карасева, А. В. Петров

**Социокультурные коммуникации и инновационный потенциал
трудовых ресурсов в условиях экономической глобализации**

В статье рассматриваются особенности трансформации социокультурных коммуникаций в условиях экономической глобализации. Особое внимание уделяется исследованиям культуры труда и инновационного потенциала трудовых ресурсов предприятий и национальных производственных систем в контексте глобальных экономических трансформаций.

Ключевые слова: социокультурные коммуникации, культура труда, трудовые ресурсы, человеческий капитал, конкурентоспособность, экономическая глобализация, экономическая социология

Katarina S. Karaseva, Alexander V. Petrov

**Socio-cultural communications and the innovative potential of human
resources in the context of economic globalization**

The article discusses the features of the transformation of social and cultural communications in the context of economic globalization. Particular attention is given to research labour culture and innovative potential workforce of the enterprises and national production systems in the context of global economic transformations.

Keywords: social and cultural communications, labour culture, labour resources, human capital, competitiveness, economic globalization, economic sociology

Изучение взаимодействия, взаимосвязи, взаимовлияния экономики и культуры – традиционное направление исследований в рамках социологии, которое активно развивается со времен институционализации социологии, как науки об обществе. Современные исследования экономики и культуры в рамках социологии ориентированы традиционно на изучение влияния этики на мотивацию экономической деятельности в разных обществах. Правда, интерес к изучению этики существенным образом дополняется проблематикой связанной с исследованиями так называемой «культурной экономики» или «этической экономики», а также суждениями об особенностях экономической культуры обществ постмодерна¹. Большое внимание уделяется изучению нематериальных аспектов хозяйственной деятельности, в частности возможностей, которые предоставляет манипуляции с ценностями и символами не только для развития сбыта, но и для организации производства, более эффективного использования трудовых ресурсов современными предприятиями и национальными производственными системами. На наш взгляд, особое внимание важно обратить на трансформацию трудовой культуры.

Одним из наименее изученных аспектов в рамках современных исследований социальных коммуникаций, не смотря на увеличивающееся за последние 20–30

лет число статей и монографий на эту тему, по-прежнему является исследование взаимовлияния глобальных экономических трансформационных процессов и изменений происходящих в сфере глобальных и локальных социокультурных коммуникаций. Почему этот аспект глобальных трансформаций так важен для современных исследований социальных коммуникаций? И в чем, собственно, суть этого взаимовлияния?

Очевидно, что практически все глобальные экономические процессы, изучению которых вот уже несколько десятилетий уделяют самое пристальное внимание экономисты, социологи, политологи – интенсификация глобальных финансовых потоков и инвестиционной активности, транснационализация, глобальная информатизация, увеличение объемов межгосударственного товарооборота и либерализация мировой торговли, глобальная стандартизация и унификация мирохозяйственных отношений, расширение влияния СМИ и становление глобального «общества потребления» – связаны с весьма сложными процессами трансформации социокультурных коммуникаций как на уровне национальных культур, так и на уровне глобальных социокультурных изменений, которые ряд исследователей предпочитают рассматривать как глобальное распространение «массовой культуры» или, вернее, глобальной «индустрии культуры и развлечений». Для всех этих весьма сложных, противоречивых процессов был изобретен термин «глобализация», который довольно быстро, в течение 1990-х гг., был превращен многими исследователями в универсальный всеобъясняющий конструкт, призванный показать как принципиальную «новизну» указанных процессов, так и их якобы эпохальное значение для всего человечества. Его использование направлено на то, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть квазиуниверсальность и тотальность так называемого «процесса глобальной интеграции», к которому однозначно были отнесены все выше перечисленные процессы, а с другой – до некоторой степени сгладить их противоречивость, имманентную конфликтность и существенную дифференциацию выгод для разных государств, обществ, социальных групп от участия в этих процессах. Тем самым стремительно превращая «глобализацию» из узкопрофессионального термина (точнее, элемента профессионального сленга экономистов изначально используемого лишь для обозначения феномена слияния рынков отдельных товаров) в политически эффективное слово и основной лозунг некоей «новой» идеологии призванной обосновать особенности центростремительных тенденций в структуре современных мирохозяйственных коммуникаций². Однако, к началу второго десятилетия XXI в. противоречивость глобальных интеграционных процессов стала слишком явной, чтобы ее можно было просто игнорировать ссылаясь на объективность и неотвратимость глобализации. Развертывание глобальных трансформационных процессов, особенно в сфере экономических отношений, демонстрирует существенное несоответствие реальности популярных и модных объяснительных конструкций и прогнозных моделей, построенных исключительно на

безапелляционной уверенности исследователей в объективности существования процесса унификации именуемого глобализацией. Пожалуй, ярче всего это несоответствие проявляется при анализе взаимовлияния современных социально-трудовых отношений и социокультурных коммуникаций.

Как правило, когда исследователи пытаются анализировать влияние глобальных экономических процессов (вроде транснационализации или либерализации торговли) на культуру (прежде всего культуру национальную) все рассуждения сводятся к необходимости признания факта развертывания процесса так называемой «культурной глобализации» объявляемого одним из базовых процессов глобальной унификации под эгидой развитых стран Запада. И этим фактом большинство исследователей экономики и культуры пытаются объяснить все особенности, проблемы и радикальные перемены в жизни миллиардов людей в мире, к которым им предлагается привыкнуть и с которыми им предлагается смириться ввиду объективности процесса культурной глобализации. Ну а основными проявлениями культурной глобализации считаются существенный рост интенсивности международных, межгосударственных, межкультурных контактов в последние десятилетия осуществляющийся благодаря глобальной информатизации якобы изменившей практически в одночасье и радикально структуру социальных коммуникаций во всем мире и человечество в современную эпоху стремительно погружается в «глобальное информационное общество» и глобальное распространение ценностей, символов и стилей (стратегий поведения потребителей), составляющих сущность «общества потребления».

Однако, насколько объективен процесс культурной глобализации, развертывающийся на основе глобальной информатизации и становлении глобального «общества потребления»? Насколько эти процессы служат глобальной либерализации и исчезновению экономических и политических барьеров между народами, странами, обществами и социальными группами? Априори глобальную информатизацию принято считать процессом объединяющим людей, однако имеющиеся статистические данные пока говорят нам скорее об обратном. Исследователям, заявляющим о становлении «глобального информационного общества» следует обратить внимание на то, что в начале XXI в. около 1,6 млрд человек вообще не имели доступа к электросетям, в развивающихся странах (по данным на 2005 г.) лишь 132 человека на 1 тысячу имели доступ к магистральным телефонным линиям, 229 – к сотовой связи, а в наименее развитых лишь 9 человек на 1 тысячу имели доступ к магистральным телефонным линиям, а 48 – к сотовой связи. Не говоря уж о глобальном доступе к сети Интернет. Если в развивающихся странах лишь 86 человек на 1 тысячу могли себя считать пользователями сети Интернет, то в наименее развитых и того меньше – лишь 12³. Не лучше обстоит дело и с уровнем элементарной грамотности. В начале XXI в. в развивающихся странах (по данным на 2004 г.) только 78,9% людей в возрасте от 15 лет и старше считались грамотными,

в наименее развитых и того меньше – лишь 63,7% (например, в странах к югу от Сахары – 63,3%)⁴. К началу нового десятилетия, особенно на фоне современных кризисных процессов второй половины 2000-х – начала 2010-х гг. в мировой экономике, ситуация к лучшему не изменилась. О каком же глобальном единении на основе подключения большинства людей к телекоммуникационным системам обмена информацией можно говорить на основе таких данных? Современные телекоммуникационные системы преимущественно, как и сто лет назад, обслуживают небольшое число развитых стран, где проживает около миллиарда человек, а за их пределами в огромном мире бедных государств глобальной информатизацией охвачено незначительное число людей, как правило, в той или иной мере, обслуживающих экономические и политические интересы развитых стран (формирование рынков сбыта для транснациональных корпораций, распространение достижений западной индустрии культуры и развлечений, информационная сопровождение экономической и политической активности развитых стран и т. п.). Глобальная информатизация провоцирует процесс глобальной маргинализации, поскольку для эффективного участия в «новой информационной экономике» необходимы такие социоинституциональные условия, которыми большинство стран в мире не располагают. В этой связи следует обратить внимание на доступ к качественному образованию (речь не идет об элементарной грамотности!), прежде всего, высшему. Образование во всех обществах является одной из основных ценностей культуры. Но многие ли страны могут позволить себе содержать эффективную, современную, конкурентоспособную систему образования? К сожалению, следует констатировать, что в сложившейся к началу XXI в. глобальной экономической ситуации такую систему могут позволить себе немногие. У сотен миллионов молодых людей нет никакой возможности адаптироваться к «глобальной информационной экономике», приобщиться к ее достижениям и предоставляемым возможностям для реализации своих стратегий самореализации в трудовой деятельности, просто вследствие отсутствия должного образования. Те же, кому посчастливилось получить необходимое образование, либо, за редким исключением, стремятся использовать свой высокий трудовой потенциал в филиалах транснациональных корпораций, либо включаются в процесс, именуемый некоторыми специалистами «утечкой умов». Остальным остается лишь роль наблюдателей или «продвинутых пользователей», пополняющих ряды неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы, а также «образцовых потребителей» всего того, что приходит извне, в том числе посредством «глобальной информатизации». Так получается еще и вследствие развертывания долгосрочных глобальных негативных процессов, связанных с трансформацией условий труда: долговременное увеличение низкооплачиваемого труда, отставание роста реальной заработной платы от темпов экономического роста, глобальное сохранение дифференциации в оплате труда (например, гендерное неравенство), усугубление негативных тенденций в сфере занятости

молодежи. Например, в среднем за весь период с 1995 по 2007 гг. ежегодное увеличение ВВП на душу населения на 1% сопровождалось лишь 0,75% увеличением ежегодного роста заработной платы, а в около трех четвертей стран доля заработной платы в ВВП вообще сократилась. И это при том, что в период с 2001 по 2007 гг. уровень инфляции в мировой экономике был низким, а ежегодные темпы экономического роста составляли 4%. В подобных сравнительно благоприятных экономических условиях реальная заработная плата выросла всего лишь на 1,9%. Причем, подчеркивают эксперты МОТ, эта явно негативная тенденция наблюдалась на фоне увеличения миграционных потоков, движения товаров, услуг и капитала⁵. По имеющимся данным в период с 2000 по 2011 гг. уровень участия молодежи в составе глобальной рабочей силы в целом снизился с 52,9 до 48,7%, при том, что доля занятой молодежи от общей численности молодого населения также уменьшилась с 46,2 до 42,6%⁶.

К концу первого десятилетия XXI в. эксперты вынуждены были констатировать тот факт, что в мире устойчиво существует огромная масса людей, которые оказались «на обочине глобализации» и их жизнь протекает как бы вне современных глобальных трансформационных процессов – это почти половина человечества. В итоге всех трансформаций один миллиард людей остаются в тисках развивающихся стран, другой миллиард проживает в отсталых и нестабильных регионах, а еще один – находится на нижней ступени глобальной геосоциальной иерархии и «именно с существованием этих частично пересекающихся групп связаны крупнейшие вызовы развитию»⁷. Таким образом, так называемая «глобальная информатизация» вряд ли может служить основой для глобальной унификации социокультурных коммуникаций и стимул для повышения инновационности трудовых ресурсов, являясь лишь одним из важных факторов глобального управления потреблением.

Часто представляя культурную глобализацию исключительно как процесс тотальной глобальной унификации социокультурных коммуникаций, то есть как процесс стирания различий между обществами посредством исчезновения традиционных культур и замещения устойчиво существовавших, столетиями воспроизводившихся ценностей локальных культур (наций, этносов, социальных групп) ценностями глобально-универсальной или массовой культуры, сторонники концепции глобализации не учитывают главную социальную функцию культуры – формирование основ для воспроизводства социальной идентичности личности. Исследователи культурной глобализации игнорируют тот факт, что существовавшие и складывавшиеся веками национальные, этнические, внутригрупповые системы норм и ценностей, регулирующие поведение людей, в том числе и в сфере трудовых отношений, обладают значительно большей прочностью и важностью, чем крайне притягательные, но эфемерные ценности массовой культуры и «общества потребления», ведь именно на основе «вечных ценностей» преимущественно фор-

мируется социальная идентичность. Основой же распространения и воспроизводства массовой культуры является лишь стремление к подражанию, причем в основном в сфере потребления, поскольку сама массовая культура – феномен «общества потребления». Массовая культура изначально возникла и развивалась как особый вид индустрии, представляя собой один из процессов формирования промышленной системы развитых индустриальных стран. Как и любой вид промышленного производства индустрия массовой культуры не формирует «вечных ценностей». В рамках массовой культуры осуществляется процесс производства товаров и услуг, разумеется, обладающих определенной спецификой по сравнению с товарами и услугами традиционных отраслей индустриального производства. Их специфика определяется как местом ее появления – государства Западной Европы и Северной Америки, так и структурой – индустрия развлечений, моды, и ее целями, которые преследуют производители ценностей и символов массовой культуры (а точнее, товаров и услуг продаваемых и покупаемых на рынках культуры). Главная цель, как и у любого вида индустриального бизнеса, – постоянное увеличение объемов и поддержание по возможности высокой интенсивности продаж. Быстро и с высокой прибылью продается лишь то, что актуально, то, что модно, то, что привлекает к себе внимание потребителей во всем мире хотя бы на миг. Следовательно, товары и услуги индустрии массовой культуры исчезают также быстро, как и появляются на рынке. Иначе этот вид индустрии просто перестанет существовать, прекратив приносить прибыль всем, кто принимает участие в этом бизнесе.

Безусловно, локальные культуры не могут не испытывать на себе мощного, подавляющего воздействия массовой культуры. Однако говорить о полном замещении локальных культур глобальной, массовой не приходится. Локальные культуры подвержены воздействию как минимум двух противоречивых процессов – маркизации (или товаризации, т. е. превращения в товар тех ценностей и символов, которые изначально не были предназначены «для продажи») и вытеснения (из ряда ранее привычно регулируемых ими сфер социальной жизни)⁸. Но испытывая воздействие этих процессов, трансформируясь и адаптируясь к давлению индустрии массовой культуры, локальные культуры продолжают воспроизводиться прежде всего потому, что людям необходима основа для формирования собственной идентичности. Тем не менее, влияние массовой культуры все же сказывается на современных социокультурных коммуникациях. Одним из существенных следствий, как и в случае с глобальной информатизацией, является формирование предпосылок для маргинализации, особенно молодежи развивающихся стран. Массовая культура, подавляя локальные культуры, заставляя ориентироваться на ее эфемерные ценности и символы, провозглашая потребление главным видом социальной и экономической деятельности людей, активным модусом отношения ко всему, что окружает человека, уничтожает привычную, традиционную систему социальных координат, определявшую ранее любую социальную деятельность, порождая

у многих людей острое чувство неуверенности в избранной жизненной стратегии, если она никак не связана (или, что чаще, в недостаточной мере связана) со стремлением стать «образцовым потребителем». Маргинализация, вызванная, в том числе, и глобальным распространением массовой культуры, имеет своим следствием хорошо известные, но по-прежнему недостаточно изученные глобальные миграционные процессы. Речь идет прежде всего о международной и межрегиональной миграции – переселение значительных групп людей из бедных стран в развитые (легальная, полулегальная и нелегальная миграция), а также о внутрискановой миграции – переселение сельских жителей бедных стран в города, особенно в крупные мегаполисы. Оба процесса хорошо изучены с экономической и политической точки зрения (экономические и политические мотивы), однако, социокультурные мотивы миграции, влияние на миграцию, прежде всего, трудовую, массовой культуры, по-прежнему слабо изученный аспект современных миграционных процессов.

Можем ли мы предположить, что в описанных выше весьма сложных и противоречивых условиях глобализации труд остается основой благосостояния народов? Да, можем. Тем не менее, основой богатства обществ в современных условиях становится не просто труд, а культура труда и этика трудовых отношений. Культура труда является важным элементом производственных отношений. Но, в то же самое время, культура труда также является и важной частью социальной культуры и процесса общественного воспроизводства. Ведь социальная идентичность основывается также и на трудовой культуре и этике производственных отношений. Кроме того, культура труда зависит и от особенностей национальных (локальных) культур. Таким образом, культура труда это не только универсальная структура норм и ценностей, определяющая качество трудовых ресурсов, трудовых коммуникаций и производственного процесса. Культура труда влияет не только на его производительность. Культура труда также создает специфические культурные и эстетические условия для социальной адаптации, социализации и самореализации в любом обществе. Таким образом, мы можем говорить о специфических качествах европейских, американских, китайских, российских, индийских и других работников. Эта специфика определяет особенности и качество трудовых ресурсов современных предприятий и национальных экономик, тем самым оказывая существенное влияние на их конкурентоспособность в условиях глобальных псевдоунификационных и псевдоинтеграционных процессов. Социальные и культурные различия определяют мотивацию труда в условиях, когда другие (более привычные экономистам) формы мотивации не являются эффективными. Современная мировая промышленная система все чаще пытается использовать культуру труда как важный новый и до сих пор не полностью задействованный ресурс для развития производства. Процесс самореализации в трудовой деятельности проявляется в трудовой этике. Трудовая этика является одним из проявлений культуры труда. Трудовая этика является результатом осмысления трудового процесса. Воспроизводство трудовой

этики – это процесс осмысления роль человека в системе современной занятости, рынков труда и трудовых отношений. Трудовая этика является также частью процесса воспроизводства человеческого капитала. Эффективное управление культурой труда, как известно, является одной из задач управления современным предприятием и корпоративными социально-трудовыми отношениями⁹. Но этика трудовой деятельности это не только формирование комфортной производственной среды и условий труда. Трудовая этика является элементом структуры общественного сознания. Эта структура определяет возможности и перспективы развития современной промышленности в негативном контексте глобальных экономических трансформаций. Трудящиеся оценивают не только негативные и позитивные условия труда, они в состоянии преобразовывать эти условия в структуре общественного сознания. Это позволяет им дистанцироваться в сознании от неблагоприятных социально-экономических условий самореализации в трудовой деятельности. Ведь по-прежнему многие наемные работники во всем мире, особенно в развивающихся странах, вынуждены искать способы самореализации в труде в далеко не самых благоприятных экономических условиях. И именно их постоянное стремление к эстетизации труда (причем, независимо от уровня его квалификации), к формированию новых этических принципов осуществления трудовой деятельности формирует возможности для развития современной глобальной производственной системы. В данном случае эстетизация труда предполагает не только стремление к освобождению от ужесточающихся формальных правил регулирования социально-трудовых отношений (на что делает ставку большинство транснациональных корпораций, а за ними и национальных фирм и компаний), но и стремление к проявлению творчества в труде, даже если условий для этого мало или нет вообще. Именно подобное стремление к проявлению творчества в трудовой деятельности (независимо от условий труда) и становится во многом основой для развития инновационного потенциала современных компаний и национальных экономик¹⁰.

Таким образом, то, что принято называть экономической глобализацией, можно также рассматривать как процесс эстетизации труда и расширения эксплуатации конкретных форм трудовой этики. Дальнейшее развитие глобальной производственной системы зависит от обеспечения благоприятных условий для воспроизводства культуры труда в качестве одного из важнейших ресурсов экономического развития в современных условиях.

Примечания

¹ Веселов Ю. В., Петров А. В. Экономическая социология: учеб. пособие. СПб.: Астерион, 2005. С. 98–100; Экономическая социология: теория и история / под ред. Ю. В. Веселова, А. Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 736–746.

² Петров А. В. «Глобализация» экономики: социал. и полит. аспекты. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 5–21.

³ Доклад о развитии человека 2007 2008: борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире: пер. с англ. М.: Весь Мир, 2007. С. 276.

⁴ Human development report–2006: beyond scarcity: power, poverty and the global water crisis. New York: The United Nations, 2006. P. 323–326.

⁵ Global wage report–2008/09: minimum wages and collective bargaining: towards policy coherence. Geneva: ILO, 2008. P. 14, 19, 59.

⁶ Международная конференция труда, 101-я сессия, 2012 г. Доклад 5. Кризис в сфере занятости молодежи: время действовать. Женева: Междунар. бюро труда, 2012. С. 1, 12–13.

⁷ World development report–2009: reshaping economic geography. Washington: The World Bank, 2009. P. 5.

⁸ Петров А. В. Национальные культуры в контексте становления «глобального общества потребления» // Общество потребления и современные проблемы сферы услуг: материалы междунар. науч. конф. II С.-Петербур. социол. чтений, 15–16 апр. 2010 г. / отв. ред. А. О. Бороноев, Р. А. Костин. СПб.: СПбГУСЭ, 2010. С. 190–191.

⁹ Карасева К. С., Петров А. В. Исследования корпоративной культуры труда в современной экономической социологии // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 4. С. 80–83.

¹⁰ Petrov A. V. Labour culture in the trap of economic globalization: view of contemporary economic sociology // J.of economic sociology. 2013. № 1 (1). P. 116–129. URL: [http:// du. lv](http://du.lv) (дата обращения: 14.09.2015).

Н. Н. Покровская, А. Л. Слободской

**Социокультурная идентичность
и экономическое поведение в современном российском обществе**

Идентичность формируется на основе базовых социокультурных регуляторов, таких как репрезентативная интерпретационная схема, ценностно-нормативная шкала и статусно-ролевая структура социального пространства. Попытка замены трудовой идентичности советского человека потребительской идентичностью рыночной социально-экономической модели оказалась неудачной. Глобализация и пост-модернизация ставят вопрос о принципиальной возможности идентичности и о влиянии социокультурного фундамента на механизмы и на содержание идентичности человека в современном российском обществе.

Ключевые слова: идентичность, социокультурная регуляция, ценностно-нормативная карта, статусно-ролевая структура, экономическое поведение

Nadezhda N. Pokrovskaia, Alexandre L. Slobodskoi

Socio-cultural identity and economic behaviour in Russian companies

Identity is built on the foundation of basic sociocultural regulators, such as representative interpretation scheme, value-normative scale, status and role structure of social space. An attempt to replace Soviet human labour identity with consumer identity of market socio-economic model, was unsuccessful. Globalisation and post-modernisation raise the question on the principle of identity and on the impact on the socio-cultural foundations to the mechanisms for the maintenance of human identity in contemporary Russian society.

Keywords: identity, socio-cultural regulation, scale of values and norms, status-roles structure, economic behaviour

Российская управленческая практика сегодня сталкивается с рядом специфических проблем, связанных с самоопределением, самоидентификацией участников бизнес-процессов. Прежде всего, это проблема новой оценки своего статуса и закрепления ролевых ожиданий в отношении других участников: взаимодействие между участниками опирается, в первую очередь, на понимание субъектами своих позиций и интересов.

Целеполагание и самоактуализация личности формируются на основе осознания действующим субъектом самого себя в окружающем мире. Выбор траектории личностного, карьерного и профессионального роста, ведение переговоров и участие в бизнес-процессах опираются на понимание субъектом самого себя, определение себя, осмысление (придание смысла) реальности через осознание собственной целостности как источника целей и изменений. Для выявления социокультурных оснований экономического поведения можно предложить опе-

рациональное определение идентичности как целостной системы представлений субъекта о его ключевых свойствах, позволяющих субъекту закреплять свою принадлежность к группам на основе тождества с категориальными качествами других участников групп, и одновременно выявлять различия с участниками других групп.

С этой точки зрения, социокультурная идентичность современных участников организационных процессов в российском социально-экономическом пространстве опирается на ряд коренных изменений, происходящих одновременно на разных уровнях и пластах социальной жизни:

- эволюция общества на глобальном уровне, переход от общества модернити к постмодернизации, формирование постиндустриального информационного общества, основанного на знаниях;
- транзитивный период развития российской социально-экономической среды, прохождение специфических фаз застоя, перестройки, постперестроечной депрессивной коррумпирующей траектории и стабилизации на основе адаптации рыночной модели к глубинным российским социокультурным особенностям;
- переход от постфигуративной к префигуративной модели культурной трансмиссии в связи с инновационным типом роста экономики знаний;
- изменения репродуктивного поведения, которые повлекли за собой переопределение гендерных и возрастных поведенческих паттернов.

Сегодня организационные практики сталкиваются с проблематикой легитимации управленческих решений в субъект-субъектных регуляционных отношениях, планирования развития предприятия, мотивации деятельности участников бизнес-процессов, активных субъектов с новыми типами идентичности. Таким образом, необходимость переоценки статусно-ролевых моделей в российском социально-экономическом пространстве связана со следующими факторами:

- эволюция социально-экономической модели от советской командно-административной плановой экономики к рыночным либеральным принципам, которая сопровождалась достаточно быстрым осознанием как социологами, так и рядовыми управленцами невозможности прямого заимствования и переноса на российскую социокультурную почву западных моделей, укорененных в западноевропейских цивилизационных регуляторах и институтах;
- пост-модернизация и формирование информационного общества с насыщенным рынком материальных товаров и с переносом акцента на потребности нематериального (эмоционального и интеллектуального) характера, т. е. перевод внимания производства от удовлетворения биологических потребностей к аффективным, социальным, бытийным (по А. Маслоу) потребностям. Отчасти с этим связана проблематика поколений X и Y, которые сегодня уже работают на предприятиях, а также ожидаемая проблема управления представителями поколения

Z, которые уже «родились с планшетом в руке» и начнут выходить на рынок труда в течение ближайших 2–7 лет, по мере окончания ими учебных заведений;

– эволюция гендерных моделей, которая привела к тому, что если ранее карьерным планированием приходилось заниматься на основании мужской, как правило, непрерывной трудовой траектории, то сегодня не менее (а иногда более) эффективными и успешными участниками организационных процессов становятся женщины, планировать карьерный рост которых затруднительно в связи с изменением возрастных характеристик и ценностных предпочтений, проявляемых в репродуктивном и социофессиональном поведении.

Действие этих факторов привело к переосмыслению социокультурной идентичности и определяемого ею социально-экономического поведения участников бизнес-процессов в современном российском экономическом пространстве. Так, в советский период все участники организационных процессов являлись представителями народа, который выступал «хозяином» предприятия как общенародной собственности. От неквалифицированного рабочего и до директора завода все руководствовались обращением «товарищ» и принципом «от каждого по способностям, каждому по труду». Сегодня, лишь недра страны принадлежат народу, но распределение доходов от эксплуатации земли и недр не подчиняется принципам равенства или справедливости, а определяется фиксацией права собственности на предприятие и позицией в управленческой иерархии.

Таким образом, одним из факторов идентичности участников экономических отношений сегодня является позиция с точки зрения собственности и доступа к распределению ресурсов. Таким образом, сегодня основными статусно-ролевыми позициями в организациях являются:

- владелец, собственник организации («хозяин») или собственники, акционеры, нередко эти же люди ранее выступили в качестве учредителей;
- руководители, топ-менеджмент, директорат, администрация организации, т. е. люди, осуществляющие управление;
- наемные работники, выступающие фактором производства, ресурсом в экономической деятельности организации.

Кроме того, наемный работник, достигая высокого уровня квалификации и обладая необходимыми коммуникативными и управленческими компетенциями, может принять решение перейти в категорию фри-ланса, которая позволяет продавать высококвалифицированный труд без жесткой фиксации связи с одной организацией, на основе значительного накопленного опыта и собранного портфолио уже выполненных работ.

С социологической точки зрения собственность отражает «пучок полномочий»¹, которые отражают нормативно-институциональные регуляторы поведенческих паттернов, возникающие между людьми в связи с использованием благ², ресурсов, вещей, правила «игры», нормы и социальные практики выстраивания

отношений, которые возникают при ограниченном доступе к редким³ ресурсам. «Эти отношения определяют нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми или же нести издержки из-за их несоблюдения. Термин «благо» отражает придание смысла в соответствии с интенциональной моделью человека, обозначая все, что приносит человеку пользу или удовлетворение. Таким образом, понятие прав собственности в контексте институционального подхода распространяется на все редкие блага. Оно охватывает полномочия, как над материальными объектами, так и над «правами человека» (право голосовать, печатать и т. д.). Господствующая в обществе система прав собственности есть в таком случае сумма экономических и социальных отношений по поводу редких ресурсов, вступив в которые отдельные члены общества противостоят друг другу»⁴. При этом понятие права собственности расширяется на значительный круг ситуаций, в которых употребление такого термина представляется сомнительным. Тем не менее, концепция права собственности обладает определенными объяснительными возможностями.

Права собственности представляют собой формализованные нормы выстраивания и изменения отношений между индивидами «по поводу использования редких вещей»⁵, нормативно и, как правило, документально закрепленные формы «корректного экономического поведения, касающиеся имущественных отношений, которые пронизывают все сферы экономической жизни»⁶. Некоторые исследователи считают, тем не менее, возможным включать в группу прав собственности и неформальные правила, которые образуются в ходе практического взаимодействия экономических агентов⁷. Интерпретация прав собственности как неформальных отношений носит функциональный характер и представляет собой эффективную объяснительную концепцию для осмысления, например, отношения работников, воспитанных в советский период (сейчас это возрастная группа работников старше 40–45 лет на предприятиях) и прошедших трудовую социализацию в советской идеологической модели. Для этой категории работников предприятие является «своим», хотя уже с начала 1990-х гг. для всех предприятий определен собственник – государство (учреждение, предприятие) или частное лицо (частные предприятия, акционерные общества и т. п.).

Статус владельца предприятия закрепляет возможность определять цели функционирования компании, миссию, стратегические и тактические задачи, достижение которых фиксируется на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу. В рамках рыночной экономики, как правило, деятельность собственников в организации ограничивается постановкой целей и регулярным периодическим контролем их достижения, оценкой извлечения дохода и распределением полученного дохода между владельцами и между инвестированием в развитие организации.

Однако в российской социально-экономической среде роль собственника предприятия в большинстве случаев значительно шире – она включает элементы управления, а нередко даже всю его полноту. Этому есть ряд причин:

- относительная «молодость» большей части современных российских организаций – большинство из них были созданы после 1989–1990 гг., что означает, что их создатели, учредители, их «отцы-основатели» еще живы и работоспособны, им хватает энергии для того, чтобы активно участвовать в жизнедеятельности своего «детища»;

- нестабильность российской правовой среды, которой свойственны высокие риски, беспокойство по поводу судьбы своей собственности заставляет собственника постоянно «быть рядом»;

- нестабильность и высокая криминализация социально-экономической среды также создает дополнительные риски, такие как «черное трейдерство» и пр., заставляя собственника с повышенной частотой контролировать происходящее в организации, для того чтобы избежать или организовать противостояние нападению (экономическому или даже физическому).

Теоретически, ролевое поведение собственника может ограничиваться осуществлением всего комплекса права собственности и участием в выработке целей и задач на Собрании Акционеров (или единолично) и в распределении результатов деятельности. Распределение прибыли является, как правило, ключевой функцией владения собственностью для миноритарных акционеров, не обладающих решающими долями собственности. Распределение прибыли между фондом развития организации и дивидендами, выплачиваемыми владельцам, позволило крупным российским акционерам достаточно быстро вытеснить из группы акционеров тех работников организаций, которые приобрели часть собственности (акций) своей организации в обмен на приватизационные чеки (ваучеры). Учитывая отсутствие опыта рыночной экономики у российского населения (например, отсутствие знаний об игре на бирже и представлений о дивидендах, высокая нестабильность и т. п.), тем более низкую активность в поисках прибыльного вложения средств и ценных бумаг, предложение продать акции, поступающее, к тому же, от руководства (с которым нельзя «портить отношения»), практически всегда приводило к приобретению мажоритарными акционерами долей, принадлежавших работникам. В результате этой достаточно простой экономико-социо-психологической игры у российских работников сформировался устойчивый образ современного российского собственника как обманщика, жулика, сыгравшего на недостаточной информированности и использовавшего свою финансовую власть (мажоритарную долю) для того, чтобы выманить крохи народной собственности у народа. Отсюда удивительно четкое разделение мнений людей по поводу «олигархов» и, в частности, дела М. Ходорковского: если средние и крупные собственники поддерживают «коллегу» по статусу, то работники

категорически осуждают «классового врага» как преступника, разворовавшего созданные родителями нынешних работников богатства, при этом необычно низок удельный вес людей с нейтральным отношением или отсутствием отношения к происходящему. Таким образом, в современном российском социально-экономическом пространстве отрицательное мнение рядовых российских граждан о крупных собственниках в определенной степени может быть оправдано исторической эволюцией первоначального накопления капитала и приватизационных процессов в период перестройки.

Впрочем, сходное отношение российское население проявляет и управляющему звену – прежде всего, в ответ на огромную дифференциацию в экономическом положении: доходах и доступе к благам. Так, согласно результатам исследования Е. В. Антонюк и Т. Л. Алавидзе, «четверть опрошенных считает проявлением коррупции получение директором предприятия огромной зарплаты»⁸, осуждая не саму высокую зарплату, а разницу между размерами зарплаты и, например, пенсии тех советских граждан, которые построили заводы, принадлежащие новым собственникам. На смешивание статусов собственника и руководителя указывает и А. Л. Темницкий: «Основными субъектами трудовых взаимоотношений на предприятиях являются реальные собственники (предприниматели-хозяева и директорский корпус), назначаемая ими администрация, наемный менеджмент и рабочие. По отношению к рабочим все они – управляющие, или в просторечье начальники»⁹. Тем не менее, в российском экономическом сознании постепенно начинает формироваться разделение владельцев и руководства организации, что особенно заметно на частных предприятиях небольшого размера (малых и средних), где собственники активно и часто вмешиваются в функционирование организации. В связи с этим повседневная необходимость различать текущие вопросы, с которыми следует обращаться к директору, и «важные» вопросы, которые решает только собственник, формирует понимание различий между статусами собственника и руководителя организации.

Функциональное разделение собственника и управляющего в трактовке понятия предпринимателя проводит К. Маркс. Концепции «предприниматель – собственник» придерживались классики политической экономики Ф. Кенэ, А. Смит, а позднее немецкие историки А. Рошер, В. Гильдебранд. В свою очередь, предпринимателя определяют только или прежде всего как управляющего, менеджера, неоклассики А. Маршалл (причем именно он предлагает считать организационную деятельность «четвертым фактором производства»¹⁰), Л. Вальрас, К. Менгер, Ф. Визер.

В современной российской среде первая точка зрения лучше описывает действительность, поскольку Россия находится на этапе формирования рынка и капитализма (эпоха создания классических экономических теорий). И одновременно российская социально-экономическая среда функционирует в тесной

взаимосвязи с мировой экономикой, прежде всего, западными странами, где уже более сотни лет существуют и действуют институты профсоюзов и социального партнерства в той или иной форме. Это приводит российских экономических субъектов к сложной ситуации, в которой необходимо, с одной стороны, учитывать этап экономического развития (недавно и стремительно происходившее накопление капитала, структурирование экономического пространства), а с другой стороны, конкурировать в мировом сообществе за ресурсы (в частности, человеческие) и положение (в частности, посредством протекционистских мер и активной регулятивной деятельности государства).

В результате, деятельность по управлению организацией усложнена одновременным функционированием в индустриальном и постиндустриальном социуме, что выражается и в сложном отношении к наемным работникам.

В течение почти всего XX в. положение работников советских организаций было устойчивым, стабильным и гарантированным, и к тому же декларированное равенство обеспечивало достаточно высокий уровень самоуважения при отсутствии острой необходимости его добиваться – оно «получалось» советским гражданином от рождения и утверждалось в момент прихода на работу. Работник одновременно ценился как гражданин, но вместе с тем приносился в жертву построению светлого будущего. В результате сформировалась не активная позиция: «не спрашивайте, что Америка может сделать для вас, спросите, что Вы можете сделать для Америки» (из речи, произнесенной Джоном Кеннеди), – вместо этого советские граждане, сотрудники и «сослуживцы», оказались в ситуации легкого выбора в пользу патерналистской заботы государства.

В организациях сложились следующие признаки патернализма¹¹:

- ориентации на нормы дружеских и доверительных отношений с руководством;
- неоспариваемое выполнение любых заданий непосредственного руководителя;
- зависимость размера зарплаты от взаимоотношений с руководством (речь идет не об ориентации, а о сложившейся, по мнению рабочих, норме);
- непротivление любому вмешательству руководителя в выполняемые профессиональные обязанности;
- ориентация на получение помощи от руководства в трудных житейских ситуациях.

Социально-экономические трансформации последних двух десятилетий привели к медленному, но все же имеющему место смещению в статусной позиции работников от иллюзии патерналистской защищенности к признанию реальности рыночных принципов обмена. Поэтому в своих исследованиях А. Л. Темницкий обнаружил, что к 2002 г.:

...по сравнению с 1999–2000 гг. произошло снижение патерналистских ориентаций рабочих по тем позициям, которые отражают притязания к социально-психологическим сторонам взаимоотношений с руководством, и рост «материальной основы» патернализма... Дружеские и доверительные отношения с руководством, хотя и способствуют росту зависимости рабочих, не являются фактором ухудшения их отношения к труду и могут быть использованы для укрепления корпоративной культуры... Неоспариваемое выполнение заданий руководителя... во многом объяснялось уважением рабочих к своему начальству, что подтверждается высоким уровнем удовлетворенности таких респондентов взаимоотношениями с руководством. В наименьшей степени среди рабочих были распространены ориентации на непротivление любому вмешательству руководства в выполнение профессиональных обязанностей.

Снижение такого рода ориентаций отражает тенденцию становления наемного рабочего рыночного типа, ориентирующегося на свой профессиональный потенциал и жизненные ресурсы¹².

Но «рост материальных основ патернализма, проявляющийся прежде всего в зависимости размера зарплаты от характера взаимоотношений с руководством, может послужить препятствием таких устремлений»¹³. Наличие подобной зависимости ведет к росту напряженности во взаимоотношениях рабочих с руководством, потенциальной и фактической текучести. В свою очередь, партнерские отношения позволяют в большей степени разграничить «сферу ответственности» и тем самым снизить напряженность, но одновременно и взаимную заинтересованность работников и организации. Тем не менее, сегодня в тех организациях, где часть акций распределена между сотрудниками, «миноритарный акционерный капитал работает очень вяло, люди участвуют в принятии решений лишь на уровне своих компетенций, своего рабочего места» (интервью директора завода, 2006 г. на крупном деревообрабатывающем предприятии Северо-Западного региона, 920 занятых, 61 % акций принадлежат работникам предприятия).

В течение последних двух десятилетий советский гражданин, еще недавно бывший директору товарищем, превращается в наемного работника, подчиненного директору и практически лишенного возможностей контролировать его действия. Даже председатели профсоюзов практически единодушно отмечают трудности в получении доступа к информации о финансовых результатах организаций, лишь один из 34 опрошенных лидеров первичных профсоюзных ячеек (интервью проводились в 2008 г.) ответил, что получает все необходимые финансовые данные о результатах и процессе деятельности организации, более половины (52,9% респондентов) получают только основные данные, еще 26,5% имеют доступ только к основным производственным сведениям, а 8,8% ответили, что получить вообще какие-либо экономические данные практически невозможно.

Сегодня многие западные концепции менеджмента основаны на высокой оценке роли человеческого ресурса, и с этой точки зрения можно вернуться к советскому декларированию роли совершенствования работника как ключевого фактора экономического и социального успеха: «Общество заинтересовано... в высоких актуальных и потенциальных возможностях субъекта труда. Через свои официальные институты (административные, экономические, идеологические, образовательные, здравоохранительные и т. п.), а также через традиции и верования общество должно обеспечивать возможности необходимого физического развития и состояния людей»¹⁴. Этот «спиральный возврат», т. е. возврат к предшествующей точке, но на более высоком уровне, связан с иными, не идеологическими, а сугубо экономическими причинами.

Признание важности и исключительности человеческого ресурса, невозможности использовать его точно таким же образом, как ресурсы материальные или информационные, приводит к необходимости осмысления нормативной регуляции в современных российских организациях и к выстраиванию новой прозрачной нормативной системы, понятной для участников и позволяющей прогнозировать их поведение и взаимодействие на основе новых критериев и механизмов формирования социокультурной идентичности.

Вместе с тем, постмодернизация и формирование информационного общества с инновационным фундаментом экономического роста определяют и другие значимые факторы идентичности. Так, социoproфессиональная категория выступает сегодня в качестве элемента идентичности для определенных видов деятельности, ключевых в экономике знаний и инновационной экономике. Так, самостоятельную категорию представляет в стратификационных процессах структурирования общества сегодня представляют такие роли, как «креативщик» (как правило, наемный работник, занятый творческим трудом в сфере дизайна, рекламы, искусства), «айтишник» (специалист в сфере информационных технологий), «предприниматель-инноватор» (как правило, отличающийся гибкими видами деятельности, способностью адаптироваться и предлагать индивидуализированные продукты и услуги, удовлетворяя потребности крайне узких нишевых групп на рынке). Еще одной идентичностью является статус эксперта, который отражает принадлежность к интеллектуальной элите. Все эти статусы определяются двумя ключевыми категориями:

- преобладанием творческих и интеллектуальных аспектов в труде,
- гибкостью и независимостью, которые связаны с изменчивостью содержания деятельности и одновременно значительным спросом на данную деятельность на рынке труда и заказов.

Указанные группы касаются идентичности с трудовой точки зрения. Так, проведенное в 2012 г. исследование (метод – анкетирование, N = 302 работающих жителя

Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 74 лет) показало следующий выбор ценностно-нормативных позиций работниками организаций:

Таблица 1

**Ценностные ориентации и социальные установки,
определяющие идентичность в организациях**

	Удельный вес респондентов, выбравших варианты ответов
Профессионал своего дела, хороший специалист и ответственный работник	32,1 %
Наемный работник, зарабатывающий деньги, чтобы обеспечить себя и свою семью	51,7 %
Честный приличный справедливый человек, работающий с хорошими совестливыми людьми	10,9 %
Представитель своего народа: делаю все, чтобы гордиться российской продукцией	5,3 %

Более половины опрошенных работников Санкт-петербургских предприятий и организаций выбрали рыночный экономический статус наемного работника (51,7%), чуть менее трети респондентов (32,1%) определяют себя через профессиональную квалификацию и компетенции. Человеческие и этнические характеристики заняли последние места, демонстрируя недостаточно значимую национальную идентичность человека, занятого в организации.

Директор Института мира (Швеция) профессор И. Галтунг (Johan Galtung) на международном конгрессе (сентябрь 2006 г.) говорил: «Какая страна умирает? – Та, где утрачивается смысл жизни. Сегодня такой страной являются США. Все в большей степени к ним приближается Германия». В этих странах у людей есть работа, но нет смысла¹⁵.

Трудовая идентичность советского человека опиралась на религиозные¹⁶, традиционные ценности¹⁷, на которые изначально опиралась и протестантская этика. Вместе с тем, с развитием массового промышленного производства, снижением затрат в силу экономии масштаба и постепенным насыщением рынка и удовлетворением базовых потребностей, дальнейшее развитие экономики могло опираться только на постоянно растущие потребительские запросы, что привело к распространению поведенческих моделей общества потребления. Если западные общества прошли этот этап в течение XX в., т. е. достаточно длительного периода времени и смены нескольких поколений, то в результате российской перестройки переход от идентификации через производство благ к идентификации через их потребление произошел весьма резко и заметно.

Согласно ролевой теории личности Ч. Х. Кули, каждый индивид в обществе занимает определенное место и выполняет конкретные функции. Если до XXI в. базовыми функциями участника сообщества было производство благ, оказание услуг и удовлетворение потребностей, то в конце XX в. сформировался тип хозяйствования, в котором дефицитом стала выступать сама по себе неудовлетворенная потребность и время, которое потенциальный потребитель готов потратить на ту или иную организацию, взаимодействие с нею или с ее продуктами. В сети Интернет можно прочесть достаточно скандальный анекдот о попытке глобальной компании Hewlett Packard приобрести для своих сотрудников любой компьютер по их желанию, и к удивлению руководства сотрудники выбрали не собственную технику, а продукты Apple¹⁸. Несмотря на сомнения в истинности этого анекдота, его суть отражает значение образа, который играет решающую роль для выбора тех продуктов или услуг, на которые потребитель готов затрачивать свои ресурсы, поскольку эта продукция оказывает непосредственное воздействие на имидж своего обладателя. Через используемые продукты, марки и бренды (или через пренебрежение к маркам и брендам) осуществляется идентификация и самореализация индивида в обществе, социокультурная идентичность в данном случае приобретает ситуативное содержание, поскольку зависит от модных тенденций на рынке и от впечатлений, которые по своей сути носят временной характер.

Оценивать указанные тенденции можно как позитивно, с точки зрения адекватного реагирования на изменения окружающего мира, так и негативно, с точки зрения утраты созидательного смысла жизни и производительного труда. Оценка консьюмеризации социокультурной идентичности будет отражать новое распределение функциональных ролей в обществе будущего, с учетом роботизации материального производства и расширения когнитивных и аффективных элементов творчества, относимых к сфере исключительной компетенции человека.

Примечания

¹ Aichian A. A., Demsetz H. The property right paradigm // *The j. of economic history*. 1973. Vol. 33, issue 1: The tasks of economic history. P. 16–27.

² Demsetz H. Towards a theory of property rights // *Amer. economic rev.* 1967. Vol. 57, issue 2. May. P. 347–359.

³ Капелюшников Р. И. Право собственности: очерк соврем. теории // *Отеч. зап.* 2004. № 4. С. 66.

⁴ *The economics of property rights* / ed. by E. G. Furudoth, S. Pejovich. Cambridge, 1974. P. 3.

⁵ Pejovich S. *Fundamentals of economics: a property rights approach*. Dallas, 1981. P. 13.

⁶ Голик В. Приватизация, права собственности и мотивация // *Вопр. экономики*. 1991. № 6. С. 133–140.

⁷ Волостнов Н. С. Спецификация прав собственности государственных предприятий // *Обществ. науки и современность*. 2003. № 5. С. 23.

⁸ Антонюк Е. В., Алавидзе Т. Л. Социальные представления о коррупции. М.: Ин-т экономики переход. периода, 2000. URL: <http://iet.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социс. 2004. № 6. С. 28.

¹⁰ Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993. Т. 1. С. 208–213.

¹¹ Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социс. 2004. № 6. С. 31; Его же. Социокультурные факторы формализации трудовых взаимоотношений // Куда идет Россия?: формальные институты и реальные практики: междунар. симпозиум 18–19 янв. 2002 г. / общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСиЭН, Интерцентр, 2002. С. 148–154.

¹² Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством. С. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. С. 463.

¹⁵ Образование, наука, труд – перспективы в XXI в.: междунар. конгресс: материалы конгресса. На англ. яз. URL: <http://congress.workandlabour.org> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁶ Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопр. экономики. 1993. № 8; Зарубина Н. Н. Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Обществ. науки и современность. 2001. № 5; Коваль Т. Б. Этика труда православия // Обществ. науки и современность. 1994. № 6. С. 55–70; Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2. С. 54–96.

¹⁷ Коваль Т. Б. «Тяжкое благо»: христианская этика труда: православие, католицизм, протестантизм. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.

¹⁸ Ермоленко А. Как добро побеждает бабло, или Сила Миссии. 2009. 11 июня. URL: <http://prosheprostogo.com> (дата обращения: 14.09.2015).

Г. Ю. Чурин

Проблемы и перспективы устойчивого развития Санкт-Петербурга в рамках социокультурного пространства современного города

Социокультурное пространство современного города – сложная структура, подверженная различным негативным тенденциям и изменениям. В качестве основы противодействия им выделяются разработка и осуществление концепции устойчивого развития в соответствии с международными стандартами. Обеспечение устойчивого развития городской среды проживания населения невозможно без оптимизации качества городских природных сред. Для успешного осуществления этой оптимизации необходимо сотрудничество ученых из многих отраслей знаний на базе комплексного и системного подходов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, городская среда проживания населения, экологическая ситуация, культурное наследие, природный объект, экологическая культура, инновации

Gleb Yu. Churin

Problems and perspectives of sustainable development within the framework of sociocultural space of contemporaneous city

Sociocultural space of contemporaneous city is complex structure exposing by different negative trends and changes. As bases of opposition to its are development and implementation of concept of sustainable development under international standards. Ensuring of sustainable development of urban environment of living population is impossible without quality optimization of natural environment of the city. For the successful implementation of this optimization collaboration of scientists from many branches of knowledge on the base of comprehensive and systematic approaches is necessary.

Keywords: sustainable development, urban environment of living population, ecological situation, cultural heritage, natural object, ecological culture, innovations

Генеральный план развития Санкт-Петербурга базируется на общемировых стандартах устойчивого развития общества и оптимального управления социальными благами, основополагающие теоретико-прикладные предпосылки которых впервые наиболее полно были определены на конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и тогда же была создана Межправительственная комиссия по устойчивому развитию. В утвержденной в исходном (в последующие годы текст дополнялся и трансформировался) варианте «Повестки дня на XXI в.» сформулированы варианты схем потребления и производства, отвечающие существенным потребностям человечества, а также рекомендации по разработке национальных стратегий устойчивого развития с учетом согласованности экономических, социальных и экологических проектов социального развития. В допол-

нение к этому культурное наследие общества определено в качестве базиса его устойчивого развития.

Вышеупомянутые положения конференции ООН послужили основой разработки консолидированных программ и в нашей стране: так в 2000-х гг. в Санкт-Петербурге специалисты различных областей знания комплексно разрабатывали соответствующие оптимизационные документы применительно к различным административным районам. В ходе адаптации международных стандартов устойчивого развития применительно к Санкт-Петербургу в качестве базовых были определены 3 компонента: экологическая целостность городской среды проживания населения, экологичность экономической деятельности и социальная справедливость (без стремления к обеспечению которой на государственном уровне невозможны адекватные коммуникация и сотрудничество городских властей, бизнес-кругов и общества).

Теперь следует остановиться на акцентах стратегий развития социокультурной среды города, характерных именно для Санкт-Петербурга. Разработка этих стратегий способствовала созданию новых подходов в экологической политике, таких как:

- 1) инновационные показатели устойчивого развития;
- 2) широкомасштабный мониторинг воздействия на окружающую среду;
- 3) более планомерная и сбалансированная, нежели в предыдущие годы, реализация природоохранных планов и решений правительства города;
- 4) разработка регистров выбросов-сбросов загрязняющих веществ;
- 5) комплексный контроль состояния окружающей природной среды, в том числе на этапе разработки основополагающих законодательных актов;
- 6) принятие и утверждение в декабре 2013 г. «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга» на период до 2030 г.

В качестве основных принципов устойчивого развития Санкт-Петербурга официально приняты директивы, изложенные в докладе ООН «Наше общее будущее» (1987). Адаптация этих директив применительно к социально-культурным реалиям нашего города в долгосрочной перспективе состоит в формулировке в качестве основополагающих следующих из них:

- 1) повышение эффективности природного и социального капиталов города;
- 2) преодоление дисбаланса сосуществования городских природных сред и социально-экономических особенностей развития Санкт-Петербурга;
- 3) обеспечение соответствующего требованиям современности развития культурного уровня населения города, в том числе в рамках экологической культуры;
- 4) адекватное сложившейся ситуации решение проблемы многочисленных мигрантов, рост численности которых при данном качественном составе явно не способствует достойному развитию культурного потенциала города;

5) обеспечение лучшего качества и большей оперативности сотрудничества специализированных природоохранных служб и организаций с населением города.

Подобных всеобъемлющих и широкомасштабных природоохранных мер требует сама, сложившаяся за годы руководства городом губернатором Матвиенко В. И., экологическая ситуация в Санкт-Петербурге. Тогда предпочтение властей отдавалось не экологическим интересам горожан, а капиталу – многочисленным строительным организациям и поэтому повсюду уничтожались зеленые насаждения, в первую очередь – в центральных районах города. По сей день выходят из строя природные объекты городской среды, не справляясь под постоянным натиском техносферы саморегулированием и самоочисткой (особенно это касается малых рек центральных районов города). Зеленые насаждения в городской черте не получают должного ухода и подвержены болезням. В угоду строительным «новодамам» продолжают уничтожаться садики и речки.

Для большей демонстративности рассмотрим конкретный пример, возникший вследствие того, что городские службы садово-паркового хозяйства не работают на должном уровне. Так, например, в Приморском районе в 2013 г. систематически уничтожались деревья в Строгановском парке, являвшимся в то время памятником федерального значения. Затем этот парк был переведен из числа федерально – охраняемых природных объектов в объекты регионального значения. После этого только в феврале текущего года в Строгановском парке было вырублено без порубочных талонов 22 дерева, из которых лишь 4 требовали такого отношения к себе. При этом, как часто бывает, природоохранная прокуратура и другие соответствующие специализированные подразделения городской власти, остались в стороне. Ныне стало обычным делом переводить парки из одного статуса в другой – менее защищенный – для последующего их повреждения или даже уничтожения. При этом даже если подобные природные объекты и не уничтожаются полностью, то и они, и выступающие иногда в качестве их «заменителей» зеленые насаждения санитарно-защитного озеленения уже не способны выполнять функции по очистке атмосферного воздуха и снижению уровня шума. В подобной борьбе побеждает капитал и его сращивание с природоохранными структурами. Трудноразрешимость сложившейся в городе экологической ситуации усугубляется и тем, что для многих (чуть ли не подавляющего большинства) горожан экологические проблемы не являются главными в ряду прочих главных проблем Санкт-Петербурга: сказывается озабоченность другими социальными проблемами выживания и низкий уровень экологической культуры многих слоев населения города.

Можно привести пример еще одной ситуации экологического неблагополучия, также имеющей место в Приморском районе СПб: жители, проживающие в микрорайоне Черная речка, неоднократно обращались в различные инстанции (вплоть до Президента РФ Путина В. В. и Генеральной прокуратуры РФ) за защитой от уничтожения Черной речки, связанной с именем великого А. С. Пушкина.

Однако отсутствие необходимой реакции российских государственных структур на эти обращения в очередной раз показало, что чиновники, как особый класс общества, далеки от общения с простыми людьми. Главный негатив сложившейся в указанном микрорайоне ситуации состоит в том, что в угоду большим деньгам за «видовые» квартиры было поставлено под угрозу само существование Черной речки. Не были проведены общественные слушания по грандиозному строительству на 100 тыс. кв. м жилой площади и паркинга на 1150 машино-мест по адресу: Ушаковская набережная, дом 3 – на загрязненной токсичными веществами территории промышленной зоны бывшего Северного завода, расположенной на берегу Малой Невки и Черной речки. Не решена проблема транспортной развязки, без решения которой невозможны даже оперативный приезд скорой и пожарной помощи – нет банальной возможности подъезда. Нарушен высотный регламент, а соседние со стройкой дома с ленточными фундаментами не защищены от возможных просадок грунтов и обрушений.

Подводя итог двум частным характеристикам экологической ситуации в городе, можно сказать, что состояние природного капитала Санкт-Петербурга является ослабленным таким, при котором любое повышение антропогенной нагрузки может оказаться критическим и привести к локальной или региональной экологической катастрофе. На фоне ослабленного природного капитала резко возрастают риски, связанные с человеческим фактором, а они, в свою очередь, – следствие отмеченного выше дисбаланса между социально-экологическим и природным капиталами на фоне глубокого культурного кризиса; но ни от кого уже не секрет, что даже в таком исторически культурном городе как Санкт-Петербург, стало весьма заметным понижение общего уровня культуры – производства, общения, нравственности, ведь именно высокий уровень культуры горожан и городской среды и выделял наш город в качестве культурной столицы всей страны.

Для разрешения сложившейся (и описанной выше) проблемной ситуации необходимы принципиальные действия, направленные на обеспечение устойчивости развития Санкт-Петербурга и среди них основополагающими можно назвать:

- 1) инвестиции в социо-природный капитал города;
- 2) преобразование городского пространства в важнейший ресурс развития, соответствующий ценностям устойчивого развития;
- 3) обеспечение устойчивого экономического роста;
- 4) стимулирование и всемерная поддержка процессов технологической модернизации инфраструктуры Санкт-Петербурга, создание на территории города новых высокотехнологичных предприятий и осуществление технического перевооружения существующих производств;
- 5) формирование региональной инновационной системы, способствующей тесному взаимодействию научных организаций, делового сообщества, органов государственной власти и структур гражданского общества;

б) улучшение качества трудовых ресурсов и достижение большего соответствия параметров спроса и предложения рабочей силы на рынке труда;

7) формирование новой системы управления устойчивым развитием Санкт-Петербурга;

8) развитие науки и инновационной деятельности;

9) формирование инновационной культуры в обществе и повышение статуса ученого и инноватора посредством поддержки распространения опыта лучших исследований, разработок и инноваций, в том числе управленческих и социальных, активизации роли науки и инноваций для развития экономики и общества.

Необходимо всеми силами добиваться рационального использования природных ресурсов и стабильности социокультурной среды при одновременном росте экономики. Для этого требуется:

- формирование информационно-аналитической системы управления развитием города, разработка инновационных алгоритмов расчета и оценки показателей, стандартов и нормативов (в том числе экологических);

- обеспечения реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга» на период до 2030 г.;

- создание специальных институциональных механизмов обеспечения реализации Стратегии – как-то: во-первых – независимая (от исполнителей Стратегии) оценка параметров, выбранных в качестве индикаторов устойчивого развития городской среды, а во-вторых – независимая экспертиза проектов государственных программ Санкт-Петербурга с последующим учетом ее результатов в реализации стратегических задач городского развития и выявления и предупреждения побочных эффектов, противоречащих поставленным целям;

- использование современных моделей и технологий управления, позволяющих обеспечивать оптимизацию и балансировку городских подсистем, способствуя превращению города в так называемый «Smart City» – «разумный город»;

- осуществление взвешенной политики в отношении развития производственных территорий и площадок и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей подобную финансово-хозяйственную деятельность;

- повышение качества проектирования новых домов и комплексного освоения территорий, планируемых под застройку: оно особенно актуально для нашего города теперь и потому, что проблемой новых и уже сложившихся крупных территорий современной многоэтажной застройки является архитектурная безликость, отсутствие архитектурных доминант;

- применение инновационного потенциала научно-исследовательских организаций и вузов для формирования сети информационных кластеров обеспечения устойчивого развития городской среды Санкт-Петербурга;

- координация деятельности научно-исследовательских организаций, бизнес-структур и организаций по трансферу и коммерциализации технологий для раз-

вития спроса на инновационные продукты в рамках обеспечения устойчивого развития общества.

Для развития коммуникативной (в том числе экологической) культуры населения весьма существенно устранение помех в общении между различными структурами и учреждениями. В этом плане громадные возможности открываются благодаря использованию информационных технологий, телемостов, видеоконференций, вебинариев с модераторами во главе. Пока еще в нашей стране в целом (и в Санкт-Петербурге в частности) имеет место отставание привлечения информационных и компьютерных технологий для удовлетворения многих общественных потребностей, но вместе с тем повсюду появляются новые средства сетевого, дистанционного общения, которые находят широкое применение в образовательных структурах: так, например, использование ими чата ooVoo позволяет общаться 5 респондентам при заранее загруженной программе и согласованных действиях, а в сентябре 2013 г. появилась возможность бесплатной работы десяти респондентов в режиме видеоконференции «Hangouts» в Google Chrome с трансляцией на Youtube. Использование последнего весьма удобно, поскольку на рабочем поле Windows можно показывать материал и затем успешно его копировать на Youtube, но для использования необходима установка Google Chrome, плагина «Hangouts», создание аккаунта на Google и его использование для перехода на ссылку <https://plus.google.com/u/0/hangouts>.

РАЗДЕЛ VII. РОЛЬ ДОВЕРИЯ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.648:316.7

О. Н. Козлова

Культуры доверия: опыт социологического анализа

В статье проанализированы причины активации исследований феномена социального доверия как ключевого элемента социального капитала; рассматриваются три исторические этапа развития культуры доверия и в то же время три формы его реального существования в современном обществе – низкая, средняя и высокая – и влияние каждой из этих форм доверия на развитие социального капитала. Трансформация культуры доверия показана как процесс глубоко связанный с преодолением отчуждения и аномии.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный капитал, отчуждение, социальная аномия, острова доверия, векторы активности личности

Oxana N. Kozlova

Cultures of trust: the experience of sociological analysis

In the article the reasons of activation of study of the social trust phenomenon as a key social capital's element are analyzed; tree historical phases of the development of culture of trust and at the same time three forms of it's real existence in the modern society – low, middle and high – and the influence of each of these forms of trust on the development of the social capital are considered. Transformation of culture of trust is shown as a process deeply connected to the overcoming of alienation and anomy.

Keywords: social trust, social capital, culture of trust, alienation, social anomy, islands of trust, vectors of persons' activity

Социологический анализ культуры осуществляется с использованием множества подходов, ориентируется на достижение разнообразных целей. В Щецинском университете исследования проводимые на кафедре социологии культуры в Институте социологии сосредотачиваются на изучении социального потенциала взаимодействия разнородных культур в условиях глобализации (вероятность роста напряжения или партнерства). В рамках исследования социальной эффективности развития разнородности культур в 2009–2012 гг. Был реализован проект «Социальное доверие: между теорией и практикой», поддержанный Комитетом научных исследований Польши. Идеей проекта было сопоставление образа социального доверия как ключевого феномена социального капитала в сознании студенческой молодежи 5 стран и реальных практик, в которых социальное доверие проявля-

лось бы в режиме интерактивности. Среди таких практик были фотоконкурс «Визуальный образ доверия», День Доверия, проведенный в Щецине, серия коротких интервью с выпускниками школ на тему «Чем для тебя является доверие» с подготовкой фильма и др. По результатам реализации проекта в 2012 г. Была проведена международная конференция и в 2013 г. Подготовлена коллективная монография на английском языке «Культуры доверия» (2013). Собранные по пяти странам данные помогают увидеть различия в представлениях студенческой молодежи о функционировании социального доверия, социального капитала в их странах, различия в их установках. Однако, как представляется, данные эти могут служить скорее отправной точкой для дальнейшего теоретического анализа, который позволит описать исторические трансформации социального доверия, разность культур доверия.

Феномен доверия становится в XXI в. все более популярным объектом изучения, растет количество исследований данного феномена. Однако, как представляется, это количество все еще не привело к оформлению ясного понимания сущности социального доверия и его роли в развитии общества.

Между тем само нарастание внимания исследователей к феномену, умножение попыток измерить уровень социального доверия в разных (чаще всего национальных) обществах, несомненно, является свидетельством потребности в понимании, чем же является социальное доверие для общества, его настоящего и будущего. Эта потребность присутствует и растет во все более сложно организованном (и потому все с большим трудом выходящим на уровень осознанный) коллективном подсознании глобализирующегося человечества.

Современное общество все усложняется в своей организации. Усложняется и научное отражение общества. Это непосредственно связано со все более сложной организацией и мотивацией деятельности современного индивида. Доверие, открытость другому является необходимым, обязательным условием социальной активности. Но оно отнюдь не всегда имеет одинаковую природу. Любая социальная активность личности с неизбежностью начинается с акта доверия, но этот акт может иметь и имеет разную природу – в зависимости от установки – и, соответственно, разные социальные последствия. Эта разность и является предметом данного анализа. В основе активности индивида может лежать одна из трех базовых установок или культур доверия (от эгоистической до прямо ей противоположной).

Разумеется, сформулированные в литературе подходы в анализе социального доверия являются важными шагами, помогающими выводить общественные сомнения и надежды с уровня коллективного подсознания на уровень коллективного сознания.

Современным научным сообществом в основном принимается определение социального доверия как социально-психологического феномена¹, установки на взаимодействие, как нормы межличностного общения (психологическая, социаль-

но-психологическая интерпретация). Одновременно принимается – Хотя и не без критики – рассмотрение социального доверия как ключевого элемента, главного показателя социального капитала общества, развитости и «здоровья» в нем социальных связей (главным образом социологическая концепция Роберта Дэвида Патнэма). Практически не оспаривается определение социального доверия как условия успешного и эффективного взаимодействия – прежде всего экономического. Используется и политологическая интерпретация социального доверия как критерия «работающей демократии».

Согласно П. Штомпке, доверие основано на неполной вере в то, что люди или институты будут действовать ожидаемым образом. Человек, который доверяет, принимает решение действовать вопреки неопределенности будущего и сомнениям в действиях других. Доверие – это своего рода прыжок в неизвестность и одновременно неизбежное условие начала социальной активности (ведь «другой» всегда в какой-то степени неопределен). Самые благоприятные условия для таких «прыжков» существуют в обществах, характеризующихся «культурой доверия», т. е. таких, в которых работает гражданское общество.

Как показывает Р. Хардин, современные исследования доверия опираются на проведении экспериментальных игр и общественных опросах, в которых оценивается склонность человека к взаимодействию с другими. Доверие определяется через выяснение готовности действовать сообща в играх. Опросы чаще всего касаются отношения граждан к правительству и другим институтам, а также социально-го доверия как доверия по отношению к «обобщенному другому».

Фигура «обобщенного другого» как объекта доверия не имеет четких границ. Степень, глубина доверия как правило не определяется (не может быть определена). Сама установка личности «я доверяю другому» семиотически чрезвычайно расплывчата. Не удивительно, что феномен социального доверия остается объектом альтернативных интерпретаций – доверие рассматривается как:

1) нежелательное явление, тормозящее индивидуальный поиск и тем препятствующее динамизму социального развития, создающее барьеры внутри открытого общества (негативная коннотация)²;

2) явление неизбежное, простое условие взаимодействия (нейтральная коннотация);

3) желательное явление, развитие которого необходимо стимулировать для развития социального капитала, социальных активов (позитивная коннотация).

В социологии начало анализа капиталов, активов общества необходимо искать в XIX в. В самом общем виде понимание капитала опирается на этимологию понятия (от лат. *capitalis* – главный, главное имущество, главная сумма) и рассматривается как совокупность активов, используемых для получения прибыли в будущем.

С точки зрения Зомбарта и Вебера, существование капитала начинается с двойной бухгалтерии, что, таким образом, является фундаментальной инновацией капи-

тализма. А еще раньше К. Маркс показал в «Капитале», что воспроизводство капитала сопровождается целым комплексом проблем. Главная из этих проблем – отчуждение (т. 3, гл. 48). Двойная бухгалтерия является одним из выражений процесса отчуждения. По мнению Маркса, развитие описанного им комплекса проблем приведет к упразднению активов общества в том виде, в котором они существуют в XIX в., приведет к переходу к коммунизму, т. е. обществу, в котором отчуждение будет преодолено благодаря тому, что интересы и цели развития индивидов целиком сольются с интересами и целями развития общества.

Любопытно было бы описать данный образ будущего, используя современный социологический словарь. Вероятно, это состояние нужно было бы назвать состоянием абсолютной развитости социального капитала общества, когда члены общества готовы действовать только и исключительно во благо других. Теоретически в таком состоянии общество не несет в себе социальной аномии. Это некий тип «абсолютно здорового» общества как системы «абсолютно развитых связей».

История большей части XX в. драматично и даже трагично продемонстрировала тупиковость такого направления трансформации активов общества, радикального насаждения такого «идеала». И как только в конце XX в. произошел окончательный отказ от такого насаждения, наступил, как назвал это Ф. Фукуяма, «конец истории», т. е. окончательная победа в развитии общества модели либерализма над моделью взаимной ответственности. И сразу в обществе разрастаются сомнения в том, что активы общества, его капиталы могут существовать и передаваться все в той же форме, без изменений. При этом вслед за П. Бурдьё мы уже учитываем, что активы общества и индивида существуют не в одной, а во множестве форм, что не все активы общества могут быть выражены через деньги, что кроме материального, финансового существуют еще капиталы культурный и социальный. Социальный капитал личности включает контакты, знакомства, сети семейных и товарищеских связей.

В работе налаженной либерально-рыночной машины развития экономической, политической, социальной жизни возникают сбои. В обществе, где развиваются (усиливаются? основными тенденциями являются?) рационализация и индивидуализация, растет недоверчивое отношение к работе этой машины. На фоне все более интенсивного разрастания материальных активов общества все заметнее становятся проблемы развития активов нематериальных. Сама масса, огромность капиталов – материального, финансового и даже культурного³ становится проблемой. Фактически, происходит крушение надежд на то, что как богатое общество – это сумма богатых людей, так эффективное общество – это сумма эффективно действующих индивидов, что носители индивидуальных активов обеспечат стабильное воспроизводство активов всего общества, воспроизводство социального порядка и процветания⁴.

Наблюдение за экстенсивным разрастанием капиталов все чаще приводит к мысли, что так не может продолжаться бесконечно⁵, что активы общества должны функционировать иначе. В обществе идет поиск оптимальной модели функционирования социальных активов в условиях все чаще не их недостатка, но избытка, поиск оптимальных форм деятельности, ее мотивов и целей в ситуации процветания и одновременной деградации, изобилия и усталости от чрезмерного потребления одних и наследования неспособности обеспечить себе хотя бы прожиточный минимум других.

Современная личность не может не обмениваться, не делиться своими капиталами, не включать их в сеть социальных взаимодействий. А это значит, она не может не доверять «обобщенному другому».

Анализ проблемы социального доверия неизбежно приводит к анализу сущности и форм социальной активности, способов функционирования и использования современных активов или капиталов – материального, финансового, социального, культурного, природного и пр. При этом выявляются две аксиомы развития современных капиталов или активов личности и общества:

1) современное общество базируется на активности предприимчивых, действующих на свой страх и риск индивидов;

2) люди не могут существовать без социального капитала и его фундаментального основания – социального доверия.

Фактически мы имеем дело с двумя разнонаправленными тенденциями – центробежной (доминирование индивидуального интереса и использование культурного капитала индивида для его удовлетворения) и центростремительной (акцентирование общественного, общего интереса и развитие социального капитала, в том числе доверия, для удовлетворения этого интереса).

Недоверие как установка индивида вполне понятно и оправдано в условиях развивающихся рационализации (скорее даже прагматизации) и индивидуализации. Недоверие ведет к росту трудностей в распределении социальных активов. Обнажаются и обостряются проблемы отношения в обществе к получению, наследованию членами общества не только материального, но и культурного, социального капиталов, проблемы использования унаследованных капиталов, их инвестирования, развития социальными субъектами (индивидами, группами, народами, человечеством в целом). Эта ситуация роста социального неверия в оптимальность модели использования капиталов современного общества заставляет исследователей вновь и вновь складывать пазл добытых знаний для получения общей картины состояния активов – картины настоящего как результата развития прошлого, которая позволила бы заглянуть в будущее.

Взгляд в прошлое при анализе социального доверия может быть очень полезен. Если попробовать заглянуть чуть глубже в историю, вероятно мы не обнаружим там не только анализа феномена социального доверия (или его недостаточ-

ного развития), но и самого этого феномена. Активность личности в традиционном обществе в основном связана с репродуктивной деятельностью, т. е. с деятельностью не по выбору. Место доверия в нем занимает вера. Уход от веры и традиции, расширение действия принципа свободы сопровождается разрастанием недоверия в отношениях межличидивидуальных, межгрупповых, международных.

Внутри недоверия как необходимость формируется **первая** из трех основных форм культуры доверия – низкая или слабая. Это вынужденная позиция в моно-векторной активности (для себя) предприимчивого рискующего дельца Нового времени, основанная на недоверии и насыщенная готовностью не оправдать доверие партнера при первой возможности. Такое «вынужденное», условное (работающее в предельно ограниченных интересами индивида рамках) доверие ведет к интенсивному нарастанию материальных активов общества и, одновременно, хаоса, беспорядочности в социальной организации; ведет к дестабилизации как общества, так и личности. О том, что воспроизводство моновекторной активности в современном обществе является все более неуместным, деструктивным, свидетельствует, например, описанный Сеннетом непосредственно связанный с такой активностью феномен утраты идентичности, «коррозии характера».

Вторая форма, которую принимает культура доверия – средний уровень – является этапом на пути преодоления слабостей первой. Фактически она представляет собой попытку компенсировать рост взаимной безответственности путем активизации действий индивида как члена гражданского общества – социальным активизмом, участием в деятельности некоммерческих организаций. Данная культура доверия характеризует разновекторную активность (нередко противоречивую, поскольку реализуемую в интересах различных социальных групп), ведет к возникновению «островов доверия». Эти «острова» могут расширяться. Поскольку функционирование активов общества оптимизируется, на смену энергии радикально-либерального самоутверждения индивида приходит как наиболее важная и ценная энергия развития взаимности, солидарности. Само качество связей постепенно меняется. Поскольку количество связей достигает в современности, как представляется, своего максимума. Все большее значение для личности приобретают такие связи, которые помогают действовать в интересах «своих». Одновременно растет оценка самых сложных – существенных – связей, создаваемых на основе освоения главных достижений культуры.

Носитель культуры доверия среднего уровня участвует в инициативных группах, в общественных действиях, которые полезны для группы, для «своих». Поэтому данная активность может вести к росту противоречий между «правдами» и «пользами» разных социальных субъектов в обществе. Доверие данного типа так же, как и доверие низкого уровня, ведет к росту стратификации. Рост активов отдельных социальных субъектов (индивидов, групп, национальных обществ) ведет к мутации их представлений о действительности. Богатые (люди, сообщества, государства, ре-

гионы) «естественно» ощущают себя лидерами, правыми, т. е. в праве играть определяющую роль. Как бы громко ни провозглашались демократические принципы взаимодействия, фактически разрастается разнородность, разность направлений развития политической, правовой культуры на глобальном, внутристрановом, региональном уровнях.

В то же время на данном уровне еще не вырабатывается открытой в будущее программы действий личности и общества. Активность здесь сосредотачивается на решении проблем более или менее обобщенной группы «своих» (жильцов дома около которого планируют строить скоростную магистраль; обиженных вкладчиков банка; медицинских работников, требующих повышения заработной платы, и т. д. и т. п.). Освобождение от веры достигает в пост-индустриальном и постмодернистском состоянии общества стадии, которую Ж.-Ф. Лиотар назвал исчезновением «мета-нарратива» (The collapse of the «Grand Narrative»). Что не может не вызывать беспокойства, неуверенности, существенно ограничивает «территорию доверия» границами «островов» локального или профессионального сообщества, региона, в кругу активности индивида «для своих».

Наконец, исторически (футурологически) **третья** – высокая – форма культуры доверия начинает постепенно складываться (параллельно с развитием второй формы) на основе расширения действия феномена «рефлексивной модернизации». Предложенный тремя ведущими социологами современности – У. Бекон, Э. Гидденсом и С. Лэшем – концепт можно также рассматривать как поиск рациональных способов отражения феномена социальной активности и сложных социально-психологических предпосылок ее реализации в наше время. Третья культура доверия основана именно на углублении рефлексии современного человека. Позиция доверия здесь – это позиция человека, настроенного на участие в полифоничной социальной жизни, в многовекторном развитии.

Путь развития высокой культуры доверия – образование на протяжении всей жизни (Lifelong learning), которое, как видно даже из материалов данной монографии, уже отнюдь не является утопией. Способность доверять здесь формируется на базе унаследованного социальным субъектом культурного и социального капиталов, однако в еще большей степени на основе собственной внутренней непрерывной работы по саморазвитию.

Фактически доверия, открытости у человека к «обобщенному другому» становится тем больше, чем яснее его представления об этом другом, сколь бы обобщен он не был, т. е. развитый культурный капитал является главной базой, опираясь на которую личность вырабатывает данную позицию, установку доверия как «априорной доброжелательности». Недоверие к миру в целом и к каждому его элементу преодолевается путем развития представлений-знаний о мире, дополненных осознанием того, что всего знать нельзя, а, возможно, и не нужно («Я знаю, что ничего не знаю»).

Эти три культуры доверия – низкая, средняя и высокая – связаны друг с другом исторически. Они сменяют одна другую как доминирующие, определяющие основной характер воспроизводства социальных капиталов на этапе первая – раннего капитализма, затем вторая – на этапе развития трансформирующегося капитализма, в котором растет роль социальной политики и, наконец, третья – на этапе пост-экономического или пост-индустриального социального развития. При этом как характеристики поведения отдельных личностей вторая и третья культуры доверия формируются раньше. И, одновременно, в поведении современного человека можно найти как минимум следы низкой культуры доверия.

По мере развития, роста культуры доверия, ее перехода от формы низкой к средней и высокой существенно меняется смысл и характер социальной активности, характер функционирования социального капитала. Разумеется, это становится возможным лишь в силу того, что предыдущая, индустриальная стадия общественного развития создала базу для «новой» активности.

В социальной активности начала XXI в. ясно отражаются представления о нетождественности уровней свободы и демократии для разных социальных слоев – как внутри страны, так и в мире в целом. Это определяет трудности на пути к выработке «общей» культуры доверия. Рост опосредованности в социальных процессах, бюрократизация всех форм активности (которую мы так болезненно ощущаем в высшей школе) также провоцируют дифференциацию, раздробление поля социального доверия.

В «постиндустриальном» состоянии общества, описанном, например, Френсисом Фукуямой, в состоянии глобализации и экологического кризиса низкая культура доверия полностью исчерпывает ресурс своей социальной эффективности, становится очевидно-деструктивной. Образы разновекторного (направленного на осуществление разных, нередко альтернативных вариантов будущего) доверия «своим» (средняя форма) размножаются. Не случайно в составленном Петром Штомпкой компендиуме современных знаний о феномене доверия называется более 27 типов-форм этого феномена, функционирующих в обществе. В результате мы не можем не видеть огромного разнообразия современных форм функционирования социального доверия.

Сегодня для измерения уровня социального доверия в социологии используются такие показатели, как межличностное доверие, добровольное членство в организациях и выполнение в них определенных функций, добровольное участие в публичных собраниях и выступления на них, организация таких собраний, добровольные действия в интересах локального сообщества, участие в парламентских выборах и позитивное отношение к демократии. Однако они дают картину, которая требует дифференцированного анализа. В этих показателях не учитывается причина активности (или пассивности) индивида. Вероятно, основанные на учете данных показателей рейтинги стран по уровню социального доверия могут помочь нам

отразить степень перехода в странах от низкой к средней культуре доверия. Однако они не отражают степень распространения высокой культуры доверия. Ведь ее проявление может нередко выражаться не в участии, а в неучастии в социальном действии. Поэтому современные рейтинги стран по уровню развития социального доверия могут рассматриваться не как отражающие состояние активов, капиталов современного общества, но лишь как информация о продвижении от низкой к средней культуре доверия. Это значит, что фиксация, например, небольшого роста социального доверия среди поляков (с 11,6% в 2007 до 13,4% в 2009), означает медленное развитие среднего уровня доверия. Однако снижение уровня доверия по отношению к, например, финансовым учреждениям (банки с 53% в 2007 г. до 44% в 2009 г., инвестиционные фонды с 13% до 7%, пенсионный фонд с 15% до 10%) отнюдь не может рассматриваться как показатель снижения общей культуры социального доверия в обществе, скорее наоборот. Тем более что в том же исследовании показан рост в Польше количества людей, считающих необходимой солидарность. Современные измерения уровня доверия в обществе показывают, что развивается культура доверия среднего уровня и одновременно в ней, по мере развития процесса «разгосударствления человека», развивается высокая культура доверия. Только более широкое распространение высокой формы доверия ведет к действительному преодолению таких социальных комплексов, как неоправданная пассивность, безразличие к проблемам «чужих», двойные стандарты в видении ситуации – своих и «чужих», на основе которых растет так называемый «новый» патриотизм в форме национализма, усиливается ксенофобия, расширяются зоны недоверия между «островами доверия».

В современном обществе развитие институтов коллективного действия ведет к росту субъективности, поскольку их активность предполагает отстаивание своих конкретных требований. Вместе с тем эти «островные» коллективные действия могут быть рассмотрены как реакция социальных акторов на разнородность и альтернативность направлений развития политической, правовой культуры на глобальном, внутристрановом и региональном уровнях.

В докладе, анализирующем развитие сетей доверия в России, трансформация культуры доверия рассматривается с использованием теории трансформации фрейма или «рефрейминга», основанной на анализе фреймов, предложенном И. Гофманом⁶. В теории рефрейминга показана трансформация образа жизни, мотивов и характера социальной деятельности активистов, которые еще вчера были простыми обывателями⁷. В рамках этой теории фрейм «обывательской», «обычной» повседневной жизни изменяется на активистский в результате внешнего или внутреннего для личности события. Однако для общества в целом можно говорить о становлении нового качества общественных отношений и, одновременно, – отношения человека к обществу – его переход от безразличия ко всем кроме себя

к «ответственности за своих» – что соответствует в данной теории фрейму «активиста».

Однако параллельно существенно важно искать возможности отражения в теории также процесса перехода от средней (фрейм активиста) к высокой культуре доверия, конструировать представление об этой культуре, которые могут играть роль «полезной утопии», позволяющей обозначить «простые правила» ее воспроизводства. Лишь на основе таких представлений возможна «социальная инженерия», стимулирование обществом и государством развития социального капитала, а в нем – общественного доверия.

Развитие высокой культуры доверия, при всей «естественности» движения к ней, вполне может быть рассмотрено как своего рода социогуманитарная нанотехнология. Ее распространение ведет к существенному изменению характера социальной активности (которая может принимать порой форму пассивности). Поскольку активность основывается здесь на все более комплексном и тонком видении мира, сложной его организации, роли в нем слабых воздействий, малых возмущений, «тонких тел». И вместе с тем этот учитывающий сложность мира подход к собственной активности предполагает видение индивидом собственной части распределенной между всеми общей работы. Эта работа предполагает преодоление релятивизма в определении того, что недопустимо (насилие, например).

Высокая культура доверия является основой для собственно альтруистических практик. Она не предполагает растворения интересов личности в интересах группы или общества. Она является свидетельством исчерпанности в условиях «рефлексивной модернизации» форм активности личности «только для себя» или «только для своих», ее переход к ответственному выстраиванию активности «для себя – для своих – для всех» на основе углубления рефлексии, понимания нетождественности, но глубокой связи и взаимозависимости собственных интересов с интересами ближних и дальних людей.

Опыт анализа феномена доверия убеждает в том, что культура доверия проходит в своем развитии три основные описанные выше стадии. При этом переход ко второй и третьей формам является одновременно и тенденцией социальной самоорганизации, и важной и сложной задачей развития современного общества, каждого субъекта в нем.

Примечания

¹ Jourakd S. M. Personal adjustment: an approach through the study of healthy personality. 2nd ed. New York: Macmillan, 1963.

² Так, например, показывается, что участие в организациях, инициативных группах отнюдь не мешает «активистам» голосовать за представителей крайне правых политических партий. См.: Jens R. Social Isolation?: social capital and radical right-wing voting in Western Europe // J. of civil society. 2009. Vol. 5, issue 2, Sep. S. 129–150.

³ В «Государственной знати» Бурдые показывает стратифицирующую силу личного капитала, которого становится все больше у того, у кого изначально было больше (эффект Матвея), и все меньше у того, у кого изначально было меньше (тот же эффект).

⁴ Крылатыми стали слова Януша Чапиньского о фазе «атомарного развития» современного общества – в данном случае польского: «Мы живем в стране все более эффективных индивидуальностей и неизменно неэффективного сообщества».

⁵ Это становится сегодня особенно ясно при наблюдении за разрастанием финансового капитала. Однако подобная схема в значительной степени отражает развитие всех капиталов в современном обществе.

⁶ Фреймом Гофман называет совокупность привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий в определенной ситуации, которые воспринимаются как должные участниками взаимодействия.

⁷ Подробнее об этом см.: Клеман К. От «обывателей» к «активистам»: условия «рефрейминга» // Как люди делают себя: рефрейминг как механизм формирования групповой идентификации: исслед. проект на 2007–2008 гг. / ИСРАН ; под ред. В. Ядова, Е. Даниловой. М.: Логос, 2010.

Н. С. Скок

**Влияние субъективного времени на социальное поведение
в контексте проблем доверия: украинская реальность**

В условиях преобразований социальной структуры украинского общества претерпели изменения характеристики социального времени. Традиционное рассмотрение преимущественно объективной составляющей социального времени в современных условиях усиливает неоднозначность осмысления темпорального аспекта социального поведения. Субъективная интерпретация социального времени украинского общества сегодня носит, в основном, негативный характер и влечет неуверенность индивидов в своем будущем, потерю доверия к социально-политическим институтам общества.

Ключевые слова: социальное время, субъективное время, временной профиль общества, социальное поведение, доверие

Natalya S. Skok

**Influence of subjective time on social behavior
in the context of concerns about trust: Ukrainian reality**

In the context of transformation of the social structure of Ukrainian society have changed the characteristics of social time. Traditional consideration of the objective component of social time ambiguity enhances reflection of the temporal aspects of social behavior. Subjective interpretation of social time Ukrainian society today is negative, which leads the uncertainty about the future of individuals, the loss of confidence in the socio-political institutions of society.

Keywords: social time, subjective time, the temporal profile of the society, social behavior, trust

Социальные трансформации, происходящие в обществе, во многом определяются его темпоральными особенностями. Позиционирование личности в социальном времени – одна из потребностей индивида, которая в контексте формирования и развития новой системы социальных ценностей влияет на его социальное поведение, отражаясь на реализации стратегических жизненных целей. В условиях преобразований социальной структуры украинского общества также претерпели изменения характеристики социального времени. Для любого временного периода характерны символы, ценности, правила и ориентации, которых придерживаются определенные сообщества, группы и др., они фиксируются в определенных кодексах и включаются в социальное сознание или культуры, придавая различным обществам четкий временной профиль¹, основой которого выступает социальное время. С помощью социального времени в обществе создается определенный «социотемпоральный (sociotemporal) порядок, регулирующий структуру и динамику социальной жизни»². Традиционное рассмотрение в социологии преимущественно

но объективной составляющей социального времени в условиях общественных трансформаций усиливает неоднозначность осмысления темпорального аспекта социального поведения и провоцирует его неадекватное понимание, что и обуславливает актуальность нашего рассмотрения. Для разрешения этой проблемы необходимым видится исследование субъективного времени индивида и его влияние на формирование социального поведения в контексте проблем доверия.

Социальное время в социологической литературе начинают рассматривать во второй половине XX в., а его субъективную составляющую – с 70–80-х гг. XX в. К проблеме субъективного времени преимущественно апеллировали в теориях с феноменологической и экзистенциальной ориентацией (Э. Гуссерль, А. Бергсон, М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, А. Шюц, Ж.-П. Сартр). Типологию темпоральных парадигм предлагали А. Бергсон, Н. Бердяев, П. Бергер, Т. Лукман. Рассматривали социальное время с точки зрения существования в нем объективной и субъективной составляющей В. Горяинов, Н. Наумова. Исследованием проблем психологического времени, личностно-временной проблематикой занимались К. Абульханова-Славская, Т. Березина, Е. Головаха, Н. Панина, С. Рубинштейн и др. Временное структурирование социальной жизни и «временной профиль» событий представлены в работах Э. Зерубавеля, П. Штомпки. Анализ публикаций по проблеме доверия свидетельствует о непрерывном интересе к ней, а так же о неоднозначности и сложности факторов, лежащих в основе его формирования. Исследует доверие с точки зрения временных характеристик П. Штомпка, рассматривая за отправную точку ориентацию любого действия на будущее. В тоже время, влияние социального времени на феномен доверия остается малоизученным.

Существуют различные направления исследований и трактовок понятия «социальное время». В рамках нашей работы под социальным временем понимаем «время существования людей в обществе, которое определяется в собственной системе координат как изменение или движение социальных явлений с помощью других социальных феноменов (П. Сорокин, Р. Мертон), явлений, сочетая продолжительность, последовательность, сосуществования, размеры и результаты деятельности, которые сменяют друг друга и выступают в виде событий, процессов, предметов»³. Социальное время связано не просто с физическим существованием человека, а с человеческой деятельностью, составляющей в том числе содержание социального времени. Такая трактовка социального времени позволяет нам говорить о нем как социокультурном контексте проблемы доверия, поскольку изменения в обществе приводят к потере одних и возникновению других социальных смыслов, с которыми возникает, сохраняется доверие или формируется недоверие в обществе.

По мнению П. Штомпки, существует определенное количество аспектов, из которых состоит временная перспектива, в частности, уровень и глубина осознания времени, его разновидность, ориентация на прошлое или будущее, интерпретация будущего, преимущество ценностей. В течение развития и изменения общество

имеет свою временную специфику. Некоторые из аспектов временной перспективы (уровень и глубина осознания времени, ориентация на прошлое и будущее, интерпретирование будущего), по нашему мнению, характеризуют субъективную составляющую социального времени, другие (преимущества ценностей, символы, правила, которых придерживаются определенные общности, группы, индивиды, а также разновидность или форма) – объективную. Таким образом можно предположить, что временной профиль общества формируется под влиянием объективной и субъективной составляющих социального времени, которое отражает существующую в обществе связь объективного и субъективного факторов.

Под объективным временем понимаем события и процессы, происходящие в жизни индивида и в обществе независимо от человека, а также закономерно наступающие изменения, которые могут зависеть от людей, только на институциональном уровне. Под субъективным – проживание этих событий, процессов, изменений, их личностное толкование и ценностное отношение к ним⁴.

Временной профиль украинского общества формируется с учетом его реалий. По сути, украинское общество за время своего независимого существования пребывало в состоянии переходного периода, который можно рассматривать как временной конструкт, имеющий присущие только ему черты и специфику. Переходные системы предельно динамические и неустойчивые, у них неизбежно возникают нестабильность и кризисные ситуации. Главной причиной нарушения социальной стабильности неэффективное институциональное регулирование борьбы интересов различных социальных групп и общественно – политических сил. Такое нарушение может быть количественным, обратным (в таком случае оно носит ситуативный характер и преодолевается методами социального управления) и качественным, необратимым (перерастает в социальный кризис)⁵.

Ситуация, сложившаяся в Украине, характеризуется индивидуализацией общественной жизнедеятельности, рефлексивностью социального и индивидуального бытия индивида, каждый нормативно-ценностное измерение личности становится все менее связанным с другими. В условиях общественных трансформаций социальное время все в большей степени субъективируется. Социальная среда существования индивида, объективные события, происходящие в обществе, а также степень их восприятия и оценивания, направленность этого отношения отражаются на субъективном восприятии времени. События или процессы, которые переживаются, осмысливаются и оцениваются индивидом, приобретают новые черты, формируя его восприятие времени. Субъективное время создает у индивида своеобразный образ прошлых, настоящих и будущих событий благодаря их переживанию, ценностно-оценочному (эмоциональному, рациональному, нейтральному) отношению к ним.

Социальную реальность украинского общества можно рассматривать с точки зрения «социокультурной травмы трансформации», поскольку наблюдаем

в нем дезорганизацию, смещение, несогласованность в социальной структуре... контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность⁶. Происходящие «события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления»⁷. Приспособление индивида к социальным условиям жизнедеятельности в таких условиях рассматривается как сложный комплекс защитных реакций, позволяющий ему выжить. П. Штомпка отмечает, что в период радикальных социальных изменений нарушается мир смыслов. Символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение... Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает⁸. Доверие/недоверие в его социологическом анализе выступает как важный показатель отношения людей друг к другу и к тому обществу, в котором они живут, а также в качестве одной из характеристик их социальных ожиданий и поведенческих стратегий. Проблема доверия появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущих событий. П. Штомпка определяет доверие как ставку в отношении будущих непредвиденных действий других. Доверие предполагает два основных компонента:

1) особые ожидания (в отношении того, как поведет себя другой в некой будущей ситуации);

2) убежденность, уверенность в действии (ставка).

Украинское общество за последние два десятилетия своего существования не отличалось стабильностью. По данным социологического мониторинга, количество сторонников того, что все быстро меняется, и не понимаешь, каким законам стоит следовать составляет 73,4%, а согласных с тем, что раньше люди чувствовали себя лучше, потому, что каждый знал, как поступать правильно – 65,6%⁹. Вышеизложенное косвенно показывает, что сложившиеся в сознании стереотипы еще не отошли в прошлое, и будут уходить постепенно, большинство респондентов испытывает тоску по прошлому, смыслам, ценностям, существовавшим ранее. Одновременно «намного больше возникло стереотипов новых, которые создают своеобразную «нормативную матрицу» восприятия как прошлого Украины, так и современного ее положения¹⁰.

Современный социальный мир для большинства украинцев вновь теряет некую, пытавшуюся установиться, структурированность и четкость. В условиях общественных трансформаций индивиды, испытывая влияния прошлого, будто пытаясь в нем укрыться, «выпадают» из настоящего, утрачивают ориентацию на будущее. Привязанностью к прошлому может содержать глубокий страх перед будущим, но возможна и более сложная реакция. В таком случае прошлое воспринимается как единственная основа для переживания настоящего, что кажется лишь моментом оценки прошлого, и для переживания будущего, видится лишь как расплата или вознаграждение за прошлое, как его продолжение или преодоления¹¹. Изменение

картины мира осуществляется внутренне эволюционной и внешнеэкономической разрушительной моделями. В целом половина населения Украины выражало недовольство своим состоянием в обществе в конце 2013 г. (50,5%)¹².

Одной из составляющей измерения субъективного времени является исследование уровня доверия. Уровень проявления доверия социальным институтам показывает, каким образом человек воспринимает происходящие в обществе события, какое место, значение отводит себе в них, позволяет структурировать для себя будущее. Исследуя уровень доверия людей социальным институтам можно отметить, что за время существования независимой Украины наивысшим уровнем доверия стабильно пользуется семья (4,5 баллов в 2013 г., где 5 – наивысший) (табл. 1)¹³. Большинство остальных социальных институтов, очевидно, не оправдывают ожиданий большей части населения.

Наиболее низкий уровень доверия в 2013 г. был зафиксирован относительно Верховного совета Украины (1,8), правительства (1,9), милиции (1,9), судов (1,9), прокуратуры (2,0), политических партий (2,0), налоговой инспекции (2,2), местных органов власти (2,2). Снижился уровень доверия армии, так в период с 1994 по 2010 гг. средний бал колебался в пределах 3,0–3,2, в 2012 г. он составлял 2,8, а в 2013 г. – 2,6 (табл. 1), т. е. в целом можно говорить о низком уровне институционального и системного доверия¹⁴.

Таблица 1

Уровень доверия социальным институтам

Социальные институты	Год											
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2005	2006	2008	2010	2012	2013
Семья и родственники	4,5	4,6	4,5	4,6	4,5	4,4	4,5	4,5	4,6	4,6	4,5	4,5
Налоговая инспекция	–	–	–	–	–	2,3	2,4	2,5	2,5	2,4	2,3	2,2
Политические партии	–	2,0	2,1	2,1	2,1	2,2	2,5	2,4	2,2	2,2	2,0	2,0
Прокуратура	–	–	–	–	2,3	2,4	2,4	2,4	2,4	2,3	2,1	2,0
Местные органы власти	–	–	–	–	2,3	2,5	2,7	2,5	2,5	2,5	2,4	2,2
Суды	–	–	–	–	2,3	2,4	2,4	2,4	2,4	2,3	2,1	1,9
Милиция	2,3	2,2	2,2	2,3	2,3	2,3	2,4	2,4	2,4	2,3	2,1	1,9
Правительство	2,3	2,3	2,1	2,4	2,2	2,3	3,1	2,5	2,4	2,6	2,1	1,9
Верховный совет Украины	2,3	2,1	2,1	2,1	2,1	2,2	2,9	2,5	2,3	2,4	2,0	1,8

Респонденты не проявляют доверия большинству социальных институтов (не делают на них «ставку»). Многим характерно непонимание общественных процессов, что свидетельствует о том, что в условиях общественных трансформаций оценка человеком своего социального положения и социальных перспектив становится одной из самых острых идеологических и политических проблем. Каковы же результаты такого глобального кризиса недоверия? Во-первых, происходит радикальное столкновение социальных мироощущений и жизненных интересов людей, что приводит к оценке сложившейся в обществе ситуации в целом как негативной. В таком случае, ориентация на будущее индивида имеет характер краткосрочной перспективы. Например, 22,7% украинцев вообще не планируют свою жизнь, 14,7% затруднились ответить, на какой срок они планируют свою жизнь, 10,8% ответили, что планируют жизнь на один день¹⁵. Во-вторых, поскольку доверие (по П. Штомпке) является, с одной стороны, необходимой предпосылкой политического порядка, а с другой – само доверие является результатом политического порядка определенного характера¹⁶, то характер установившегося сегодня в Украине политического порядка, скорее, можно охарактеризовать как беспорядок. В-третьих, распространение негативного опыта доверия формирует «культуру недоверия»¹⁷.

Субъективное время способно отражать временные свойства объективной реальной действительности. На основе особенностей субъективного восприятия времени (положительного, отрицательного, нейтрального и неопределенного), формируются специфические модели социального поведения.

Конструктивный тип субъективного времени формирует социально-адекватное его восприятие. Понятие «адекватный» – тот самый, одинаковый с чем-то, тождественный, равнозначный, идентичный, тождественный, соответствующий почему-то означает истинность как соответствие представлениям о сущности и направленность¹⁸. Жизнеспособность социума во многом определяется способностью к адекватной реакции на динамику изменений. Социально-адекватное восприятие времени формирует позитивное восприятие будущего. Возникающая потребность и возможность преодоления существующих ограничений, является основой и залогом социально-адекватного (конструктивно-активного типа) поведения. Адекватность должна обеспечивать соответствие социального поведения как интересам самого индивида, так и интересам других людей, сообществ, состоянию общества, уровню и тенденциям его развития. Социально-адекватное поведение ориентировано на будущее, адаптировано к функционированию в конкретной социальной системе.

Ожидающе-неопределенное восприятие субъективного времени возникает под влиянием объективных обстоятельств или таким образом субъективного ценностно-оценочного их восприятия, проявляющегося в невозможности индивида самостоятельно определиться, непонимании существующей системы, происходящих процессов, и их влиянии на его жизнь. Такое состояние индивида, приводит

к ограниченности в выборе, формирует ожидающе-неопределенное социальное поведение, проявляющееся в ожидании лучшей судьбы. Время представляется людям, как в мифологической традиции, или хорошим, или плохим, или «так себе», разумеется, в таких условиях плохо представляют себе будущее (или ожидают, пока все само по себе сделается, или безразлично относятся ко всему). Такой тип поведения может трансформироваться как в социально-адекватное (конструктивно-активное), так и в деструктивное, зависит как от самих индивидов, так от реформаторов и руководителей.

Деструктивное восприятие субъективного времени проявляется в разочаровании ценностями общества, ощущении неудовлетворенности, негативном восприятии будущего, неумении делать адекватный выбор, недоверии ко всем и всему. Такое восприятие времени может формировать социально-неадекватное поведение (деструктивно-активный и деструктивно-пассивный тип социального поведения). Деструктивно-активный может проявляться с помощью различного рода социально-вредных мероприятиях. Деструктивно-пассивный – в общественно-бесполезной бездействии, проживании своей жизни, смысл которого сводится к «убиванию» социального времени¹⁹. Учитывая вышеизложенное можно предположить, что в современных украинских условиях преобладают ожидающе-неопределенная и деструктивная модели поведения.

Таким образом, приспособления индивида к социальным условиям в современной Украине сопровождается общественной деморализацией, когда граждане практически находятся в форме противостояния государству. С потерей доминирующей роли в экономической деятельности, государство потеряло традиционные рычаги защиты населения от последствий социально-экономических трансформаций. Такого рода социальное приспособление проходит в условиях процесса разрушения институциональных образований, изменения социальных правил, явно выраженного или скрытого неприятия институциональных требований к социальному поведению²⁰. Субъективная интерпретация социального времени украинского общества сегодня носит, в основном, негативный характер и влечет неуверенность в своем будущем, потерю доверия к социально-политическим институтам общества, формирование ожидающе-неопределенного и/или деструктивного восприятия действительности большинства населения и соответствующие типы социального поведения. Оценка индивидом своего социального положения и социальных перспектив в таком случае становится одной из наиболее острых проблем, поскольку радикально сталкивается социальное мироощущение и жизненные интересы людей, когда государство не может обеспечить человеку условия нормальной жизнедеятельности, самореализации и самоактуализации. Современные украинские реалии приводят к тому, что ориентация на будущее индивида имеет характер краткосрочной перспективы. Низкий уровень доверия в обществе фактически всем социальным институтам, распространение негативного опыта взаимо-

действия с властью показывают существующее несоответствие происходящих процессов и управленческих действий ожидаемым обществом изменениям, приводит к формированию «культуры недоверия». Такое нарушение социальной стабильности может оказаться необратимым для украинского общества.

Примечания

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 74.

² Zembavel E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. P. 2.

³ Скок Н. С. Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда в умовах суспільних трансформацій: дис. ... канд. социал. наук: 22.00.01. Донецьк, 2010. С. 52.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Наумова Н. Ф. Рецидивизирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? // Человек и модернизация России. М.: Канон+; Реабилитация, 2006. С. 116.

⁶ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 8. URL: <http://isras.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁷ Там же С. 9.

⁸ Там же С. 11.

⁹ Українське суспільство, 1992–2013: стан та динаміка змін: соціол. моніторинг / Ін-т соціології НАН України; за ред. В. Ворони, М. Шульги. Киев, 2010. С. 503–505.

¹⁰ Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5. С. 7.

¹¹ Там же. С. 128.

¹² Українське суспільство. С. 489.

¹³ Там же. С. 486.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 501.

¹⁶ Фреик Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс. 2006. № 11. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Бурега В. В. Социально-адекватное управление: концептуализация модели: монография. Донецк: ДонГУУ, 2005. С. 21.

¹⁹ Скок Н. С. Указ. соч. С. 162.

²⁰ Головаха Є., Паніна Н. Українське суспільство, 1992–2008: соціол. моніторинг / Ін-т соціології НАН України. Киев, 2008. С. 5.

О. В. Китайцева

**Вызовы культурного разнообразия
стран Восточной Европы в контексте доверия¹**

Проблематика доверия в последние десятилетия привлекает внимание социальных исследователей в первую очередь в связи с тем, что фактор доверия играет значительную роль в интеграционных процессах, которые активно протекают в самых разных регионах мира. Особенно активно феномен социального доверия обсуждается сегодня в Восточной Европе, которая переживает разочарование в пользу интеграционной идеи, что привело к существенным изменениям в формировании и поддержании культуры доверия ее населения.

Ключевые слова: доверие, индивидуализм, Восточноевропейские страны, интеграция

Olga V. Kitaitseva

Kultural diversity of Eastern-european countries in the context of social trust

The factor of trust today plays a significant role in the integration process which takes place in diferent regions of the world. That's why this problem is in the center of scientific studies of many social researches. Eastern Europe have disappointed in advantage of integration idea. Formation and maintenance of culture of trust of its population have dramatically changed. So the phenomenon of social trust is actively discussed here.

Keywords: trust, individualism, Eastern-european countries, integration

Доверие играет значимую роль в современных условиях общественной жизни, которая характеризуется стремительными динамичными изменениями, разрушающими прежде надежные социальные ориентиры, продуцирующие стабильные и эффективные социокультурные взаимодействия. Поэтому наиболее актуальным направлением современной социологической науки становится изучение природы доверия, факторов его изменения и способности регулировать социальные отношения. Несмотря на то, что сегодня рассматривается множество подходов к пониманию доверия, которые отражают различные его аспекты и взаимосвязь с другими понятиями и явлениями, однако общим во всех этих подходах является регулятивная роль доверия в различных сферах жизнедеятельности и системе социальных отношений

Активное изучение понятия доверия началось довольно поздно – только в XX в. В целом для общества обобщенное доверие – это важный актив, представляющий собой одну из составляющих социального капитала, выступающего залогом устойчивости и стабильного развития социума. При этом важнейшим условием формирования общественных отношений, основанных на доверии, является разработка и последовательное осуществление эффективной

государственной и региональной политики, соответствующей экономическим, социальным, культурным и духовным потребностям населения. В обществе проблема социального порядка может быть решена с помощью власти и насилия, однако «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе»². Подобную основу может сформировать только высокий уровень социального доверия в обществе.

Обратившись к исследованию социального доверия в рамках социологического подхода, можно рассматривать его как социальный феномен доступный изучению на эмпирическом уровне, а также исследовать характер влияния различных социальных институтов на укрепление доверия в обществе. Кроме того, социологический подход состоит в определении конкретного места социального доверия в системе социальных отношений, выявлении последствий наличия или отсутствия доверия в обществе, а также в анализе определенных специфических функций, выполняемых им в общественной жизни.

Подход к доверию как к основе социальной общности и социального порядка был заложен еще в трудах классиковмировой социологии – Э. Дюркгейма, М. Вебера. Ф. Тенниса. Так, исследуя мотивы формирования доверительных отношений между людьми, было замечено, что при определенных общественных условиях «доверие» из личностного, качества человека трансформируется в самостоятельный социальный фактор, который оказывает существенное влияние на группу, сообщество индивидуумов, вплоть до общества в целом. Такой подход стал основой для формирования в будущем концепции социального капитала.

Нынешний интерес к проблеме социального доверия связан не столько с запросом на более точное понимание природы этого явления, сколько с потребностями интерпретации причинной взаимосвязи особенностей доверия и институциональных структур (экономика, политика и т. п.) в разных странах. Значительное количество авторов обращаются к исследованию уровня доверия в разных институциональных контекстах и предлагают различные рационалистические теории доверия³. Кроме теоретического интереса на повестке дня появляются попытки разработать новые средства для понимания и учета влияния культуры на характер эволюции политических и экономических отношений в разных странах. Тенденции, акцентирующие культурную обусловленность действия, последнее время весьма актуальны в социологических изысканиях. Особый интерес в этой связи представляет анализ категории «доверие», осуществленный П. Штомпкой⁴. Его анализ связан с изучением социальных проблем, возникших в ходе демократических реформ в странах Центральной и Восточной Европы. П. Штомпка обратил внимание на то, что в период реорганизации политических и социальных институтов, «когда происходит быстрое и радикальное изменение общества, без четкого направления и понятного

смысла»⁵, появляется общее недоверие в отношении людей друг к другу и к обществу в целом. Поэтому для посткоммунистических стран именно доверие становится важным показателем и характеристикой социальных ожиданий и поведенческих стратегий, которым следуют люди. Складывающийся в этих странах климат доверия в обществе, является следствием социально – культурной травмы, полученной в результате коренных социальных изменений, которым они подверглись. Таким образом, социолог приходит к выводу, что культура доверия связана с историческим опытом прошлого, традициями доверия и с современной социальной ситуацией, атмосферой доверия в обществе. Следовательно, культуру доверия можно рассматривать как важный потенциал общества, как одно из условий его развития.

Современное молодое поколение восточноевропейских стран выросло в новых социально-экономических условиях и соответственно не несет с собой багаж прежней культуры и образа мыслей. Важными показателями, на основании которых можно говорить о том, что молодежь адаптирована к новым реалиям, выступают их ценностные ориентации и установки, а так же уровень доверия, как ближайшему окружению (родственникам, друзьям) и большинству незнакомых людей⁶. Можно отметить различие сформированного уровня доверия в странах постсоветского развития. Что свидетельствует о том, что некоторые страны более успешно осуществляют демократический переход, что обеспечивает благоприятные условия для стабильного экономического развития этих стран, и позволяет им формировать культуру доверия, которая будет способствовать успешной интеграции в ЕС.

П. Штомпка предлагает три способа измерения доверия, которые одновременно рассматриваются и как основания для его формирования:

1. Доверие как характеристика отношений (односторонних или взаимных). Этот уровень доверия преимущественно разрабатывается в теориях рационального выбора.

2. Доверие как личностная черта. Этот аспект исследуется преимущественно в социально-психологической перспективе.

3. Решение доверять или не доверять принимается с учетом культурного контекста, норм, сдерживающих или поощряющих проявление доверия.

Если в первом случае оказание доверия базируется на оценке информации, а во втором на личном опыте индивида, то третий уровень подразумевает основу доверия совершенно другого масштаба. Здесь речь идет о «культурах доверия», как ценностно-нормативных системах, основанных на коллективном, историческом опыте общества. Преобладание позитивного опыта доверия, в различных сферах социальной жизни становится характерным правилом, регламентирующим и поощряющим доверять другим и требующим от всех членов общества быть заслуживающим доверия. И наоборот, распространение нега-

тивного опыта провоцирует недоверчивое отношение к другим. Таким образом, складывается «культура доверия», аккумулирующая преобладающие в обществе правила. Доверие эксплицируется как исходное условие возникновения и существования общности и социального порядка, как способ социальной интеракции, как символический кредит, как социальный капитал, как средство минимизации рисков. Это позволяет построить человеческую деятельность наиболее рациональным образом, избежать излишних рисков, сформировать нравственное ядро, обеспечивающее основу коллективных действий и взаимодействий.

Однако, культурные основания, которые являются определяющими при измерении сформированного уровня доверия, достаточно вариативны в разных традиционных национальных культурах. Анализируя региональные факторы формирования социального доверия (традиции, символы и стереотипы национального сообщества, региональные интересы и ценности, уровень и качество образования населения, региональную политическую культуру) можно сказать, что каждое региональное сообщество характеризуется различным составом, значимостью и влиянием социокультурных факторов на формирование социального доверия. Культурное разнообразие влияет на ситуацию доверия в обществе, и особую роль здесь играют социально-исторический опыт, историческое наследие, традиции, символы и стереотипы. Это создает для каждого региона специфическую форму проявления социального доверия.

Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии определяет это явление в том смысле, что оно представляет источник «обменов, новаторства и творчества», которое «необходимо для человечества» и соответственно, является общим достоянием, поэтому должно быть «признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений»⁷. Культурное разнообразие «проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество»⁸. Вместе с тем, культурное разнообразие, определяемое мировым сообществом как благо, порождает проблемы сосуществования разных культур в едином мире и в каждой отдельной стране.

Во всем мире, последние 25 лет, наблюдается постоянное изменение существующих границ. Начался этот процесс с Германии, объединение которой явилось вполне естественным процессом, имеющим логическое и объективное основание. В Европе мы наблюдали распад СССР, распад Югославии, разделение Чехословакии на два государства. И сейчас нельзя сказать, что процесс завершен, потому что, как минимум, пытаются получить национальную независимость Шотландия, которая сейчас идет к референдуму о независимости, и Каталония, которая тоже пытается прийти к своему референдуму. Таким образом, процесс изменения государственных границ в Европе не прекращается. Этот процесс с одной стороны, совершенно закономерный, потому что глобализа-

ция стирает все границы. С другой стороны это повлекло за собой отказ от тех принципов на которых базировалась Европейская политика после Второй мировой войны. Проблема состоит в том, что разные станы Европы, несмотря на гомогенизацию последних десятилетий, по-прежнему различаются и по производительности труда, и по уровню жизни (а значит и стоимости рабочей силы), и по ориентации производства. Также они отличаются по своим традициям взаимоотношения государства и общества. Скажем, это проявляется в налоговых системах, действующих в странах ЕС, которые даже при равных значениях ВВП, устанавливают различное налоговое бремя на своих граждан, Однако вопрос о том, нужно ли гомогенизировать их налоговые системы неоднозначен, так как жители каждой страны чувствуют себя в праве самостоятельно определять, какие экономические полномочия они готовы дать своим государствам. Это объясняет то, что уровень доверия со стороны населения к интеграционным институтам ограничен легитимностью национальных правительств. Получается, что европейцы не готовы делегировать все полномочия наднациональным структурам, в том числе и потому, что хотят сохранить национальные различия своих политэкономических систем. Как следствие, политика внутриевропейской интеграции не обязательно будет приводить к росту доверия европейцев к наднациональным структурам, а может быть и напротив – снизит это доверие. Интеграция также влечет за собой изменение экономической структуры, и хотя (как показывает статистика последних десятилетий) это положительно влияет на экономические показатели Евросоюза в целом, но для отдельных стран или социальных групп реформы могут быть болезненны, что, конечно, сказывается на доверии к интеграционным институтам. Отсутствие равновесия – серьезный риск для интеграционных процессов. В мировой экономике начался очередной переходный этап. Экономический рост в странах с развитой экономикой постепенно усиливается. Однако в отношении зоны евро прогноз на ближайший период был пересмотрен в сторону снижения, хотя, достигнутые результаты корректировки, снизили риски больших отклонений. Тем не менее, активность в 2013 г. снизилась на 0,4 % по сравнению с предыдущим годом (WEO 2013)⁹. Это связано все еще с высокой неопределенностью относительно перспектив окончательного урегулирования кризиса, несмотря на достигнутый за последнее время прогресс.

В то же время, в странах с формирующимся рынком темпы роста снизились, во многих случаях больше, тех прогнозов, которые высказывались ранее. Это порождает напряженность в данных странах, которые одновременно столкнулись и с проблемой замедления роста и ужесточения финансовых условий. В соответствии с существующими тенденциями, темпы роста в странах Центральной и Восточной Европы повысились до 2,3 % в 2013 г. Тем не менее, не прогнозируется повышения роста до высоких уровней, отмечавшихся в 2010–2011 гг.¹⁰

Таким образом, наличие в европейских странах, в большей или меньшей степени перечисленных проблем сказывается на формировании культуры доверия, которая в значительной степени различается как на межличностном, так и на общественном уровне. Особую актуальность это имеет для стран Восточной Европы, которые претерпели значительные экономические и политические преобразования в последние десятилетия. В этих странах новый институциональный каркас демократического капитализма был создан достаточно быстро. Однако для того, чтобы он начал успешно функционировать, требуется желание, способность и компетентность акторов, осуществляющих взаимодействия внутри него. В тоже время компетентность граждан в использовании механизмов предоставляемых демократическими институтами явно не сформировалась в связи с тем, что граждане Восточной Европы выросли в рамках совершенно определенной культуры, которая не ставила задач подготовки социально ответственных предпринимателей, способных действовать без открытого обмана, основываясь на партнерстве и открытом обмене идеями. Соответственно не могут единомоментно сформироваться и компетентные демократически настроенные граждане. Эти качества формируются как отражение доминирующей культуры, усвоенное индивидами воплощение культурных требований. «Таким образом, культурные изменения и, как следствие, изменение склада ума, жизненных позиций и мотиваций социальных акторов – необходимая часть реформы институтов. Для устойчивого развития посткоммунистические общества должны преуспеть в культурной трансформации»¹¹. Однако, сфера культуры весьма инертна и меняется крайне медленно, оказывая сопротивление переменам. Таким образом «прежние культура и образ мыслей преследуют посткоммунистические общества долго после смерти старых институтов»¹².

Примечания

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14–18–02016.

² Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 82–85.

³ См.: Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. New York: Free, 1995; Фукуяма Ф. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Аст, 2006; Sztompka P. Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999; Noteboom B. Trust: forms, foundations, functions, failures and figures. Cheltenham: Edward Elgar, 2002; Luhman N. Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexitat. Stuttgart: Enke, 1968; Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестн. Европы. 2003. Т. 7/8. С. 225–236.

⁴ Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М.: Логос, 2010.

⁵ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. № 1/2.

⁶ Kitaitseva O. V., Kuchenkova A. V. The influence of value orientations on the formation of interpersonal trust // Cultures of trust / ed. by O. Kozlova, K. Izdebska. Szczecin, 2013. P. 81–99.

⁷ Там же.

⁸ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: принята на 31 сессии Ген. конф. ЮНЕСКО 2 нояб. 2001 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ World economic outlook. 2013. October / International Monetary Fund. URL: <http://imf.org> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁰ Там же.

¹¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма.

¹² Там же.

А. Е. Хренов

Роль доверия в конструировании социальных институтов

В статье рассматривается роль доверия в конструировании как социального взаимодействия и социальных отношений, так и устойчивых норм их регулирующих. Внимание обращается на социальные последствия дефицита межличностного и обобщенного доверия.

Ключевые слова: доверие, межличностное доверие, генерализованное доверие, социальные институты, структура доверия, условия доверия

Andrey E. Khrenov

The role of trust in the construction of social institutions

The paper considers the role of trust in the construction of social interaction and social relations, and sustainable norms regulating. Attention is paid to social consequences of interpersonal deficits and generalized trust.

Keywords: trust, interpersonal trust, generalized trust, social institutions, structure of trust, terms of trust

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь, изучающий проблемы доверия – это определение и операционализация данного понятия. При кажущейся простоте предмет исследования все время «ускользает» из рук исследователя. В самом деле – как отделить доверие от таких понятий как вера, уверенность, доверчивость? Являются ли перечисленные понятия синонимами или доверие имеет специфический смысл? Исследование доверия в социологии насчитывает не одно десятилетие.

Большинство исследователей связывают доверие с субъективной уверенностью в соблюдении партнером сложившихся норм, договоренностей, обязательств. Эта уверенность делает возможным устойчивое воспроизводство социальных отношений. В социологии сформировалась устойчивая традиция различения межличностного и генерализованного доверия. Отличие первого от второго заключается как в степени абстрагирования, так и в объекте доверия – личность или институты. Межличностное доверие рассматривается как уверенность в стабильном и предсказуемом поведении партнера, не нарушающим личные интересы и не наносящего ущерба.

Дж. Холмс и Дж. Ремпел утверждают, что в структуре доверия можно выделить три основных компонента:

- 1) партнер воспринимается как надежный и предсказуемый;

2) партнер воспринимается как заинтересованный в благосостоянии и удовлетворении потребностей;

3) отношения с партнером воспринимаются как устойчивые и постоянные.

Н. Луманом были сформулированы три условия формирования межличностного доверия. К ним он отнес:

- знание участниками взаимодействия о реальной ситуации;
- наличие у партнеров взаимных обязательств;
- невозможность требовать доверия.

«Доверие, – пишет П. Штомпка, – позволяет нам уменьшить неуверенность и предположить, что другие будут поступать выгодно для нас или по крайней мере нейтрально»¹. Это своего рода залог, уверенность в действии другого лица, не наносящего вреда². Ему вторит Д. Занд: «доверие – это взаимная уверенность, что ни один из участников обмена не воспользуется уязвимостью другого»³.

Анализ научной литературы позволяет выявить следующие акценты в трактовке доверия:

- доверие ситуационно и связано с определенным контекстом;
- доверие характерно для состояния зависимости;
- доверие связано с взаимодействием;
- доверие носит добровольный характер и связано с выбором альтернатив социального действия;
- доверие динамично по своей природе (оно может усиливаться или ослабевать, увеличиваться или уменьшаться).

Несмотря на то что доверие соотносится с определенной ситуацией, оно характерно для длительных отношений. Доверие может опираться на уверенность, что противоположная сторона имеет определенные интересы, которые связаны с соблюдением договоренности и следованием определенным правилам. Доверие – это своего рода ожидание учета моих интересов со стороны партнера. Нарушение последних – неизбежное ведет к разрыву отношений и наносит ущерб интересам. Как отмечает Х. Шрадер, «Нарушение групповой солидарности и предписанных норм – это риск быть исключенным и утратить свой социальный капитал»⁴.

Доверие также непосредственно связано с репутационными эффектами. Именно утрата репутации грозит уменьшением объема социального капитала. И в том и в другом случае доверие связано со знанием стимулов поведения доверяемого лица.

Только в том случае, если издержки от оппортунистического поведения становятся больше, чем выгода от него, оно отвергается как «аморальное» и недостойное. Только в том случае, если выгода от поддержания длительных отношений отношений становится очевидной для обеих сторон – возникает феномен доверия.

Следует иметь в виду, что доверие ситуативно. Оно может возникать по отношению к X, а не по отношению к Y, в ситуации A, но не в ситуации B.

Доверие является основой кооперации. С позиции теории игр, кооперация может рассматриваться участниками взаимодействия как выгодная стратегия.

Для анализа кооперативного взаимодействия можно использовать метод теории игр и, в частности, игру – «дилемма заключенного» (см. табл. 1).

Таблица 1

Кооперация как дилемма заключенных⁵

В	А	
	Стратегия кооперации	Отказ от кооперации
Стратегия кооперации	2,2	4,1
Отказ от кооперации	1,4	3,3

Как видно из игры «дилемма заключенного», стратегия кооперации менее выгодна, нежели ситуация, когда одна из сторон стремится к кооперации, а другая отказывается. Однако, когда ситуация игры неоднократно повторяется, выигрыш от кооперации становится больше, чем разовый отказ от кооперации.

С позиций теории институционализма данная дилемма может рассматриваться как следование существующим правилам или нарушение установленных норм.

Рассмотрим поведение двух акторов на основе известной дилеммы заключенных (см. табл. 2).

Таблица 2

Соблюдение правил как дилемма заключенных

Стратегии А	Стратегии В	
	Соблюдение правил	Нарушение правил
Соблюдение правил	Взаимные гарантии	Выигрыш В
Нарушение правил	Выигрыш А	Оппортунистическое поведение

Стратегии двух акторов – А и В, связанные с соблюдением правил, могут быть основаны как на взаимных гарантиях, так и на получении и распределении прибыли от выполнения контрактных обязательств. Однако выбор данной стратегии вполне вероятен в хорошо прогнозируемых условиях. В ситуации неопределенности, связанной, в первую очередь, с недостатком информации и неустойчивостью правил, выбор актора может быть сделан в пользу нарушения норм. Данная стратегия рассматривается как способ получения максимальной прибыли за счет ущемления интересов участника социального и политического взаимодействия. До тех пор пока у акторов сохраняется убеждение, что нарушение существующих правил максимизирует их личную выгоду, сохраняется опасность постоянного нарушения

институтов. Однако оппортунистическое поведение, закрепляемое практиками использования неконтролируемого насилия, ущемляет интересы участников взаимодействия. Рано или поздно у акторов возникает система стимулов к выработке договоренностей о правилах распределения прибыли и правилах экономической и политической игры. Поскольку сохраняется ситуация неопределенности, сохраняется и угроза нарушения вводимых универсальных правил. Единственной гарантией от нарушения данных правил становится система выстраиваемой личной зависимости. Система личной зависимости становится основой формирования клиентел и кланов как в экономике, так и в политике. Возникает феномен плюралистическогклиентелизма, под которым понимается ограниченное множество кланов и клиентел, связанных с монополией на специфические виды деятельности, из которых извлекается рента.

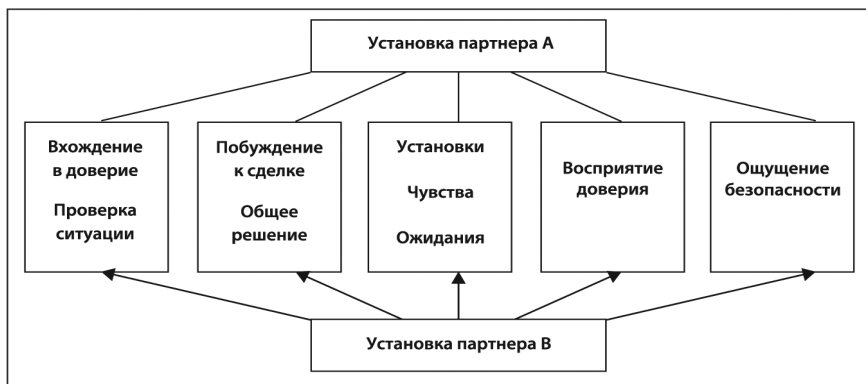
Институты приучают индивидов к согласованному поведению. Последнее трудно реализуемо, если вообще возможно, без доверия. Если каждый из участников потенциального взаимодействия опасается обмана, лжи, предательства со стороны другого участника потенциального взаимодействия, то взаимодействие становится невозможным. «Игры обмена» заканчиваются тогда, когда вероятность быть обманутым остается достаточно высокой. Эта проблема обостряется в обществе риска, когда современность становится «текучей». Снижение предсказуемости социальной жизни, в то время как взаимодействие остается универсальным механизмом организации общества, вновь и вновь ставит перед исследователем проблему доверия⁶.

Формирование и утверждение неформальных институтов происходит при возникновении нескольких условий. Во-первых, формирование ситуации неопределенности. Во-вторых, отсутствие стимулов следованию формальным правилам. В-третьих, стремление к получению прибыли от нарушения формальных правил. При наличии, как минимум, этих условий и возникает феномен неформальных институтов и неформальных практик.

Доверие можно рассматривать как установку на действие в конкретной ситуации или самодействие. Но наряду с ним можно говорить и о взаимном доверии, которое предполагает активное взаимодействие и сотрудничество как по формированию доверия так и на его основе. Структура взаимного доверия представлена на схеме (рис. 1).

Следует различать действие, основанное на доверии, – доверительное действие и систему устойчивых связей, базирующихся на доверительных отношениях. С системой доверительных отношений самым тесным образом связано обобщенное доверие. Понятие обобщенного доверия было введено в научный оборот Э. Гидденсом, который понимал под ним способность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. В качестве окружающих могут быть как отдельные индивиды, так и социальные институты, структуры, сообщества. От-

личие обобщенного доверия от межличностного заключается в том, что доверие здесь не относится к какому-либо конкретному лицу, а является скорее паттерном, относится к людям вообще. Социологи ведут дискуссию о влиянии на обобщенное доверие таких показателей как уровень экономического развития, демократия, ощущение благополучия и др. Американский социолог М. Усланер исследуя динамику доверия в США пришел к выводу, что основным фактором, влияющим на снижение генерализованного доверия, выступает постоянный рост социального неравенства.

Рис. 1. Структура взаимного доверия в процессе социального взаимодействия⁷

На взаимном доверии основывается то, что П. Бурдьё называл социальным капиталом – совокупность реальных или потенциальных ресурсов, существующих, благодаря системе институционализированных связей. Дж. Коулмэн трактует социальный капитал как потенциал взаимного доверия и помощи, ожиданий и обязательств. Ф. Фукуяма связывает социальный капитал со способностью людей совместно работать ради достижения общей цели. Эта способность, в свою очередь, зависит от существования генерализованных норм и ценностей. Благодаря им формируется доверие, которое представляет собой ожидание предсказуемости поведения других членов сообщества и следования общим нормам.

В концепциях многих исследователей прослеживается следующая логическая цепочка: доверие выступает предпосылкой образования социального капитала, который, в свою очередь, выступает необходимой основой социального взаимодействия.

Качество политических институтов, влияющее на уровень экономического развития, непосредственно зависит от социокультурных основ. Важнейшей такой основой выступает доверие. «Именно доверие, – отмечает Р. Патнэм, – по-

зволяет гражданскому сообществу преодолевать то, что экономисты называют «оппортунизмом» – т. е. те ситуации, в которых общий интерес не осознается⁸. В более поздних работах Г. Табеллини и Л. Зингалеса отмечалась взаимосвязь между качеством политических институтов, доверием и уровнем экономического развития⁹. Р. Патнэм связывает фрагментацию государства и утрату монополии на насилие с системой горизонтального недоверия и вертикальной зависимости¹⁰. Разделение доверия на «горизонтальное» и «вертикальное» позволяет лучше понять влияние данного социокультурного фактора на характер институтов. Отечественный исследователь А. Либман обращает внимание на тот факт, что отсутствие доверия заставляет акторов отказываться от привлекательных альтернатив, связанных с риском. Своеобразным способом снижения подобных рисков становится осуществление сделок в рамках различных сетей и кланов¹¹. Данная оценка касается, в первую очередь, «горизонтального» доверия. Его низкий уровень становится барьером в кооперации граждан на социальной и экономической основе. Невозможность создавать широкие экономические объединения не позволяет создавать масштабные экономические проекты в различных отраслях экономики. Отсутствие же социальных объединений становится основой непубличного характера власти.

Ф. Фукуяма предложил классифицировать страны и национальные культуры на основе уровня межличностного доверия. К группе стран с высоким уровнем межличностного доверия оказались отнесены Германия, Япония и США. Благодаря широко распространенному межличностному доверию в этих странах существуют благоприятные условия для формирования крупных фирм и производств. Другую группу стран – с низким уровнем доверия образуют такие государства как Франция, Италия, Тайвань. В них межличностное доверие ограничено масштабами семьи. С этим обстоятельством связывает американский ученый преобладание мелких фирм. В тех же странах, где отсутствует доверие даже между родственниками, наиболее устойчивыми социальными структурами выступают мафиозные организации. Таким образом, начинаясь с межличностных отношений, доверие/недоверие охватывает сферу экономических, политических, культурных взаимоотношений¹².

Социологические исследования доверия, проводившиеся в российском обществе, свидетельствуют о снижении уровня межличностного доверия российских граждан¹³. Отечественный социолог Г. Кертман в связи с этим замечает: «когда недоверие рядовых граждан к другим людям является преобладающей социальной нормой – иначе говоря, когда в обществе наблюдается дефицит социального капитала, – возможности добровольной кооперации, сотрудничества в достижении любых общих целей оказываются весьма ограниченными»¹⁴. Еще более резко выражается Р. Патнэм: «При отсутствии взаимности и структур гражданской вовлеченности вариант итальянского Юга – аморальная семейственность, клиентела, без-

законие, неэффективное управление и экономическая стагнация – представляется более вероятным исходом, чем успешная демократизация и экономический прогресс. В Палермо просматривается будущее Москвы»¹⁵. Ему вторит Ф. Фукуяма, утверждающий, что некоторые посткоммунистические страны относятся к подлинно индивидуалистическим сообществам, члены которых не умеют объединяться друг с другом¹⁶.

Данные международных сравнительных исследований показывают, что Россия в рейтингах стран по критерию обобщенного доверия занимает среднюю позицию, уступая Швеции, Китаю, США, Японии, Германии, Великобритании и Италии и превосходя Индию, Францию, Аргентину, Мексику, Колумбию, Бразилию, Турцию (табл. 3).

Таблица 3

Доля респондентов (в%), полагающих, что «большинству людей можно доверять»: Россия на фоне некоторых развитых и развивающихся стран в проекте WVS¹⁷

Страны	Волны проекта				
	1981–1984	1989–1993	1995–1998	1999–2001	2005–2008
Швеция	52,1	59,6	56,6	63,7	65,2
Китай	Нет данных	59,4	50,4	52,5	52,3
США	39,2	50,0	35,9	35,5	39,1
Япония	37,4	37,6	43,3	39,6	36,6
Германия	25,9	26,8	32,1	35,9	33,8
Великобритания	42,5	42,1	30,4	28,5	30,0
Италия	24,5	32,8	Нет данных	31,8	27,5
Россия	Нет данных	34,7	23,2	22,9	24,6
Индия	Нет данных	33,5	32,8	38,9	20,7
Франция	22,3	21,4	Нет данных	21,4	18,7
Аргентина	24,5	22,4	17,1	15,0	17,4
Мексика	Нет данных	30,2	29,4	20,8	15,4
Колумбия	Нет данных	Нет данных	10,7	Нет данных	14,3
Бразилия	Нет данных	6,6	2,8	Нет данных	9,2
Турция	Нет данных	9,8	6,5	15,5	4,8

Среди посткоммунистических стран Россия занимает одно из ведущих мест по уровню обобщенного доверия о чем свидетельствуют данные сравнительных исследований, приведенные в табл. 4.

Доля респондентов (в %), полагающих, что «большинству людей можно доверять»: Россия на фоне транзитивных стран в проекте WVS¹⁸

Страны	Волны проекта				
	1981–1984	1989–1993	1995–1998	1999–2001	2005–2008
Украина	Нет данных	Нет данных	28,8	26,1	24,5
Чехия	Нет данных	26,8	27,2	23,4	Нет данных
Латвия	Нет данных	19,0	23,9	16,7	Нет данных
Болгария	Нет данных	28,7	23,7	24,9	19,6
Россия	Нет данных	34,7	23,2	22,9	24,6
Белоруссия	Нет данных	25,0	23,0	38,0	Нет данных
Венгрия	31,9	23,8	22,5	21,4	Нет данных
Литва	Нет данных	30,8	21,3	23,4	Нет данных
Азербайджан	Нет данных	Нет данных	19,4	Нет данных	Нет данных
Румыния	Нет данных	15,8	17,9	9,9	19,3
Грузия	Нет данных	Нет данных	17,7	Нет данных	17,6
Польша	Нет данных	28,4	16,9	18,3	18,1

По данным опросов ФОМ, проведенных в ноябре 2013 г. лишь 19% опрошенных считали, что другим людям можно доверять¹⁹. Таким образом, доля людей, считающих, что другим можно доверять неуклонно снижалось в российском обществе с 34,7% в 1989–1993 гг. до 19% в 2013 г.

Средний уровень доверия в России можно рассматривать не столько в контексте среднего уровня развития социального капитала, сколько в контексте снижения общего уровня межличностного и генерализированного доверия в мире, и, в том числе, в экономически развитых, демократических странах. Еще в 1995 г. Р. Патнэм опубликовал работу под метафоричным названием «Боулинг в одиночку», в которой фиксировал снижение гражданской активности и общего уровня межличностного доверия в США. Американский социолог выдвинул несколько гипотез о факторах, обуславливающих снижение доверия в современных обществах: рост интенсивности социальной мобильности; снижение уровня жизни; увеличение возможностей для индивидуальных социальных действий (в том числе и с помощью социальных сетей), включая как сферу производства, так и сферу досуга²⁰. Р. Хардин полагает, что на низкий уровень доверия оказывают влияние бедность населения и высокий уровень преступности²¹.

Вместе с тем снижение доверия можно и нужно рассматривать в контексте социальных изменений. Жизнь в больших сообществах – крупных городах, мегаполисах способствует включению человека в иные организационные формы нежели общины и небольшие сообщества, в которых человек формировал доверие на основе исключительного знания о поведении других членов сообщества. Новыми социальными формами становятся профессиональные сообщества (которые могут отличаться от трудовых коллективов), клубы по интересам, социальные сети и т. п. Человек оказывается включенным в целую сеть сообществ, которые могут не пересекаться между собой. Доверие в этих сообществах формируется на основе идентификации и принятия норм и морального кодекса данного сообщества. На место межличностного доверия приходит доверие к участникам определенного сообщества. Вместо доверия формируется многоуровневая и разноплановая система доверий. Это явление можно назвать диверсификацией доверия.

Диверсификация доверия связана со снижением уровня генерализованного доверия, как доверия вообще, так и доверия к социетальным институтам (таким как государство и его административные институты) и ростом доверия по отношению к партикулярным сообществам и их членам, с которыми идентифицирует себя личность. Таким образом, доверие становится источником возникновения новых партикулярных сообществ и соответствующих им неформальным институтам. Будут ли функционировать неформальные институты в том же направлении что и формальные или же будут идти вразрез с последними – должно стать программным направлением исследований в самое ближайшее время.

Примечания

¹ Штомпка П. Социология. С. 326.

² Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. С. 82.

³ Zand D. Trust and managerial problem solving // Administrative science quarterly. 1972. Vol. 17, № 2. June. P. 231.

⁴ Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. С. 17.

⁵ Hardin R. Trust. URL: [https:// google.ru](https://google.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

⁶ Селигмен А. Б. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

⁷ Simpson J. Foundations of interpersonal trust. URL: [http:// psych. ndsu. nodak. edu](http://psych.ndsu.nodak.edu) (дата обращения: 14.09.2015).

⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. С. 74.

⁹ См.: Натхов Т., Борануков М. Институты и экономическое развитие: теория и эмпирика. 2011. 21 окт. URL: [http:// economics. hse.ru](http://economics.hse.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁰ Там же.

¹¹ Либман А. Политическая логика формирования экономических институтов в России // Пути российского посткоммунизма: очерки / под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 106.

¹² Фукуяма Ф. Доверие. М.: Аст, 2008.

¹³ Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала. URL: [http:// isras.ru](http://isras.ru) (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁴ Кертман Г. Межличностное доверие в России. URL: <http:// socreal. fom.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁵ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в соврем. Италии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 228.

¹⁶ ФукуямаФ. Доверие. С. 57.

¹⁷ Латов Ю. В. Действительно ли современной России не хватает социального капитала?: компаратив. анализ обобщенного личностного доверия. URL: <http:// nbuv. gov. ua> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Доверие в обществе: о социал., межлич. доверии и готовности объединяться для совместных действий. URL: <http:// fom.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

²⁰ Putnam R. Bowling alone // J. of democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 73.

²¹ An age of distrust? URL: <https:// polity. co. uk> (дата обращения: 14.09.2015).

РАЗДЕЛ VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 316.72:321(4+5)

В. А. Гуторов

Дихотомия Восток-Запад в структуре сравнительного анализа политической культуры

Сравнительный анализ различных политических систем и типов политической культуры сквозь призму дихотомии Восток-Запад в историческом и теоретическом плане нередко наталкивается на серьезные методологические трудности. Опыт тоталитарных диктатур, пережитый европейскими народами в первой половине XX в., и возникновение в XXI в. новых идеологических версий противостояния «либерального Запада» и «авторитарного Востока» не могли не способствовать формированию весьма устойчивых исторических мифов. Их постоянное воспроизведение в общественном сознании влияет на систематические обострения кризисных ситуаций в современном мире.

Ключевые слова: политическая культура, историческая традиция, политическая мифология, общественное сознание, либерализм, авторитаризм, тоталитарная идеология

Vladimir A. Gutorov

The West-East dichotomy in the structure of comparative analysis of political culture

Comparative analysis of various political systems and types of political culture through the West-East dichotomy faces often the serious methodological difficulties. The experience of totalitarian dictatorships relived by the European peoples in the first half of XX century and the emergence of new ideological versions of confrontation between the «liberal West» and «authoritarian East» in the beginning of XXI century cannot but contribute to the formation of quiet sustainable historical myths. Their permanent reproduction in social consciousness influences on systematic aggravation of crisis situations in the modern world.

Keywords: political culture, historical tradition, political mythology, social consciousness, liberalism, authoritarianism, totalitarian ideology

В европейской культуре формирование глобальной «мифологии государства» уходит своими корнями в дихотомию «Восток-Запад», возникшую вместе с древнегреческим полисом и в наиболее систематическом виде разработанную в политической философии Аристотеля. Согласно его учению, только полис, обладающий такими свойствами как самодостаточность (автаркия) и свобода, может рассматриваться как государство в собственном смысле этого слова. «Варварские государства лишь по названию суть государства, поскольку в них над рабами господствуют

рабы. Только свободные эллины по природе обладают физическими и психическими свойствами, относящимися к политической экзистенции. Вследствие этого и при демократии всегда предполагается, что она состоит только из свободных эллинов»¹. Таким образом, миф о «поголовном рабстве» в деспотиях Востока, в блестящей литературной форме разработанный Ш. Л. де Монтескье и ставший в дальнейшем основой концепции «азиатского способа производства» К. Маркса, был в дальнейшем спроецирован либерально настроенными историками на западно-европейские монархии нового времени, которые стали повсеместно именоваться «абсолютистскими» и «деспотическими». «...Мысль о том, – отмечал еще в 1950-е гг. Ф. А. фон Хайек, – что человек не извлекает уроков из истории, слишком пессимистична... Мало кто станет отрицать, что наши взгляды на благотворность или порочность различных институтов в значительной степени определяются тем, какое, по нашему мнению, воздействие они оказывали в прошлом. Едва ли существуют политический идеал или концепция, которые не затрагивали бы мнения о всей совокупности прошлых событий, и редко когда память о прошлом не служит символом некой политической цели. Однако мнения о событиях истории, которые руководят нами в настоящем, не всегда согласуются с фактами; порой они скорее следствие, чем причина политических убеждений. В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты. И все же надеяться извлечь пользу из прошлого опыта можно только в том случае, если факты, из которых мы выводим свои заключения, будут верны»².

Опыт тоталитарных диктатур, пережитый европейскими народами в первой половине XX в., и последующее противостояние «либерального Запада» и «авторитарного Востока» не могли способствовать ревизии весьма устойчивых исторических мифов. Крах коммунистических режимов лишь внешне видоизменил эти мифы, придав им «местный колорит» и предельно актуализировав их содержание и форму. Например, в 1990-е гг. в официальной идеологии посткоммунистической России «большевистская диктатура» и Советский Союз как «оплот деспотизма» прочно заняли место, которое когда-то было отведено мифам о «деградации абсолютистской монархии» до 1917 г. и неуклонному росту советской экономики по отношению к «уровню 1913 г.». Вместе с тем кризис «реального социализма» и наступившие довольно быстро разочарование и скепсис западных интеллектуалов в отношении антикоммунистической риторики новых политических элит Центральной и Восточной Европы, ядром которой была так называемая «символическая политика», привели в конечном итоге к осознанию того очевидного факта, что в конце XX в. количество исторических мифов превысило все допустимые пределы и стало серьезным препятствием для объективных научных исследований.

В определенном смысле симптомом такого понимания стал радикальный пересмотр мифов, связанных с интерпретацией западноевропейских монархий. Тенденции, связанные с последовательным пересмотром «мифа абсолютизма», оказались

далеко не единичными. Как это нередко случалось в научных дискуссиях недавнего прошлого, начавшись с удачного в целом дебюта, они довольно быстро охватили многие другие сферы интерпретации теории государства, принимая подчас гипертрофированные формы. Одной из первых «жертв» гипертрофированного подхода стали сначала древние греки и римляне, а затем Византия и многие народы древнего Востока, ретроспективно утратившие (в виртуальном плане, конечно) свою политическую традицию и государственность. «В отсутствие абстрактного института государства, – утверждает, например, израильский историк М. ван Кревельд, характеризуя византийские и древнекитайские имперские методы управления, – вся структура представляла собой фактически гигантскую систему вымогательства, в рамках которой император вместе со своими слугами, каким бы ни был их точный статус „стригли“ все остальное население... империи и феодальные общества... не знали различия между „правительственной властью“ и „собственностью“, или, по крайней мере, это различие не было четким... Это означает, что „политической“ власти в собственном смысле этого слова не существовало, и, конечно, не было и соответствующего термина»³. Точно также древние греки и римляне, вплотную приблизившись к разделению власти и собственности, оказались неспособными к созданию «абстрактного института государства».

Следующим шагом в теоретическом преодолении традиционных исторических мифов можно считать появление на рубеже XX–XXI вв. принципиально новых типологий государств, в которых обозначенная выше дихотомия не играет принципиальной роли и до определенной степени может считаться частично «преодоленной». Возникает вопрос – чем именно обусловлена столь радикальная трансформация политической аргументации, интенсивно развивавшаяся в западной политической общественной мысли на протяжении долгих столетий?

Сравнительная характеристика различных политических систем и типов политической культуры, например, исламской и христианской, в историческом плане уже давно олицетворяющих дихотомию Восток–Запад и по этой причине обладающих полярными характеристиками, нередко наталкивается на серьезные методологические трудности при разработке научных классификаций и типологий государств. Весьма распространенный в научной литературе подход, согласно которому разделение политических структур на два типа – западные и восточные связано с рождением феномена греческой полисной культуры, в то время как в доантичный период западные и восточные политические структуры были идентичны, нередко имеет несколько ретроспективный и идеологический оттенок. Сторонники такого подхода, в частности, далеко не всегда учитывают тот немаловажный факт, что в различные исторические эпохи установление политической гегемонии «западных» государств над центрами традиционных восточных цивилизаций и, наоборот, успешная экспансия восточных народов на Запад приводили, как правило, к синкретизму культурных традиций и формированию соответствующих моделей госу-

дарственного управления. Так, например, завоевание Востока Александром Македонским имело следствием крах полисной государственности, олицетворявшей «западный путь» развития, и возникновение эллинистических государств, типологически весьма схожих с традиционными восточными деспотиями. Завоевание татаро-монголами русских княжеств – наследников Киевской Руси в исторической перспективе знаменовало перенесение на русскую почву традиций деспотической восточной государственности, которые не только продолжали усиливаться после перехода завоевателей в ислам, но благополучно сохранялись и после свержения татарского ига.

На наш взгляд, нельзя также забывать о том, что бросающиеся в глаза черты, характерные для исламских государств со времени их возникновения и до наших дней также уходят своими корнями в эпохи, способствовавшие синкретизму западных и восточных традиций. Когда мы сталкиваемся с рассуждениями современных исследователей о том, что «в исламе господствует идея теократического общества, в котором государство имеет значение лишь как служитель установленной религии, поэтому „исламское государство“ выполняет функцию проводника божественных законов и его главная цель – защита и сохранение веры»⁴, мы должны ясно отдавать себе отчет не только в том, что, по крайней мере, в идеологическом плане аналогичные теократические принципы господствовали в Западной Европе в период расцвета средневековой культуры (XI–XIII вв.), но и в том, что, в определенном смысле, средневековые исламская и христианская культуры продолжали развивать традиции древневосточных теократий. В XIX и XX вв. именно их преодоление в ряде исламских государств стало одним из самых важных критериев перехода на путь радикальной модернизации общества. Так, например, в Османской империи на рубеже XIX–XX вв. «ислам одними рассматривался как жизненная необходимость для выживания империи, а другими – как непреодолимое препятствие на пути прогресса»⁵.

Все эти моменты так или иначе нашли отражение в типологии, разработанной в книге Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», которая вследствие универсального характера и радикализма теоретических построений оказала и продолжает оказывать влияние практически на все современные гуманитарные дисциплины. Американские ученые выделяют две основные модели социальных порядков – **естественное государство и общество открытого доступа**, в рамках которых в многообразных обществах в различные исторические эпохи функционируют политические институты, структурирующие отношения людей и их организации в процессе создания политической, экономической, религиозной и военной власти. Обе модели были порождены двумя великими революциями – «неолитической, сельскохозяйственной, урбанистической, или первой экономической» и «второй социальной революцией» – промышленной и современной. В ходе первой революции произошел переход от **примитивного порядка** малых

социальных групп охотников и собирателей к **порядку ограниченного доступа**, или естественному государству, «решившего проблему» насилия путем создания «господствующей коалиции», ограничившей доступ к ценным ресурсам – земле, труду и капиталу над «такими ценными видами деятельности как торговля, религия и образование, – предоставляя его только элитам». Естественное государство **«естественно**, поскольку на протяжении почти всех последних десяти тысяч лет для общества, состоящего более, чем из нескольких сотен человек, оно фактически стало единственной формой устройства, которое в состоянии обеспечивать материальный порядок и управлять насилием. Естественные государства включают широкое разнообразие обществ, но мы далеки от того, чтобы предположить, что все они одинаковы. Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине – естественные государства, но общества в них очень разные»⁶.

В современном мире естественное государство **является нормой**, поскольку сегодня 85 % его населения живут в порядках ограниченного доступа. Соответственно «лишь 25 стран и 15 % населения всего земного шара живут сегодня в обществах открытого доступа». Его отличительными характеристиками являются: 1. верховенство права для элит; 2. постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство; 3. консолидированный политический контроль над вооруженными силами. Кроме того, в порядках открытого доступа «большие экономические организации концентрируются прежде всего на рынках и затрагивают политику лишь по касательной», в то время как «в естественных государствах все крупные экономические организации являются политическими»⁷.

Логика рассуждений американских ученых с железной непреклонностью приводит к выводу о том, что, помимо современной России, Британии при Тюдорах, и государств древнего Востока, к числу «естественных государств» следует отнести и все современные развивающиеся страны, включая, разумеется, и исламские государства.

На наш взгляд, несомненный научный интерес представляет сравнение типологии Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста с теми типологическими характеристиками политической культуры и государственности Востока, которые периодически появляются в отечественной и зарубежной научной литературе. Одна из последних попыток обобщить эти характеристики представлена, например, в работе «Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы», изданной учеными МГИМО в 2011 г. под редакцией проф. А. Д. Воскресенского. По его мнению, специфика выявления определенных моделей «базисной идеологии в отношении различных типов политических систем и политических процессов», «хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток), хотя само дихотомическое противопоставление такого типа имеет в основном

аналитический и частично интуитивно-прикладной смыслом»⁸. А. Д. Воскресенский выделяет два основных подхода, наметившиеся в отечественной и западной науке. В соответствии с первым подходом, в классическом виде представленным в книге Д. Ландеса «Богатство и нищета наций» и работе Л. С. Васильева «История Востока»,

доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности, произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно-собственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;

соответственно, вначале существовало демократическое самоуправление общины, впоследствии переросшее в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданское общество»⁹.

В обществах второго типа – восточных – не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность... В восточных обществах не было норм, которые защищали частнособственнические отношения (Римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот... На Западе двигателем новаций, в том числе и политических, является индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке – община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинно/корпоративной этики или традиции, коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа, и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали¹⁰.

Главной особенностью второго «альтернативного» подхода, возникшего в политической науке в последнее десятилетие, является гораздо менее ригористичное истолкование дихотомии Восток/Запад и признание того, что многие характеристики, обычно приписываемые западной культуре, включая плюрализм, разделения властей, гарантии прав меньшинства и даже толерантность и ориентация на принципы «открытого общества», в той или иной степени могут существовать и в «восточном политическом мире», но «они не являются главными»¹¹. Начиная с XX в. стал «происходить процесс как взаимовлияния, так и синтеза» западных и восточных принципов. «В то же время в некоторых областях, в первую очередь в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло, либо они начали происходить только в самое последнее время»¹².

Совершенно очевидно, что оба обозначенных А. Д. Воскресенским подхода ни в малейшей степени не могут поколебать типологии Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста. Их сравнение может быть важным только в одном отношении, а именно, – для ответа на следующие вопросы:

1. Какие условия и предпосылки необходимо создать для перехода восточных обществ к новому типу **общества открытого доступа**?

2. Какие именно восточные общества стремятся на осознанном рационально уровне трансформировать себя в соответствии с принципами последнего?

До известной степени, ответ на обозначенные выше вопросы можно получить, рассмотрев более внимательно те характеристики исламских государств, которые представлены в работе «классика» первого подхода проф. Л. С. Васильева и которые в некоторых аспектах составляют контраст аналитическим подходам ученых из МГИМО, сформулированным почти через четверть века после выхода в свет его книги «История Востока».

Концептуальные основания разработанной Л. С. Васильевым теоретической схемы основаны на сравнении двух основных моделей эволюции современных исламских государств – модели «энергичной трансформации, европеизации и модернизации традиционных исламских стран» (Турция, Египет) и второй «традиционалистской модели»¹³ – с теми исходными импульсами, которые ислам как мировая религия изначально придавал всем без исключения общественным группам, структурам и индивидам, находящимся под его влиянием. В частности, жесткость нормативных принципов шариата, до сих пор составляющих доктринальную основу исламской государственности, российский ученый рассматривает как следствие тех реальных препятствий, которые помешали исламу «выгодно и умело распорядиться... богатым наследием», доставшимся ему как от древневосточных цивилизаций, так и от греко-античного мира¹⁴. «Хорошо известно, – отмечает Л. С. Васильев, – что многое из высших достижений арабской культуры на рубеже I–II тысячелетий охотнее заимствовали европейцы (включая арабские переводы античных авторов), чем сами арабы. Что же касается арабов – разумеется, той части их, которая была причастна к грамоте и получала образование, – то они были более склонны, не вдаваясь в глубины индивидуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни... Религиозные догматы ислама до примитивности просты и весьма жестко фиксированы. Генеральная установка здесь – на покорность человека воле Аллаха, его посредника-пророка и замещающих пророка лиц, от халифа либо святого шиитского имама до обладателей власти на местах... Приниженность конформной личности, всецело преданной воле Аллаха, фатализм и покорность судьбе – вот источники не только религиозного фанатизма, коим отличались и по сей день отличаются многие преданные вере войны ислама (федаи, фидаи, федианы), но и того самого поголовного рабства как принципа социальной структуры, о котором писали в свое

время Гегель и Маркс»¹⁵. Слабая защищенность индивида и даже корпораций и могущество и эффективность центральной власти, «опирающейся на принцип собственности, господство государственного аппарата и взимание в казну ренты-налога» – всегда являлись главными причинами консервации традиционалистских принципов в обществе и политике даже в пост-колониальную эпоху¹⁶. Именно поэтому в странах, развивающихся в рамках второй модели (к ним принадлежат Иран, Афганистан, Арабские Эмираты, Ливия), «традиционная исламская структура, как правило в ее наиболее примитивной форме, легко преодолевая все импульсы извне и как бы вообще не замечая, игнорируя их... воспроизводится в почти неизменном виде, независимо не только от силы того или иного государства, но даже и от уровня жизни»¹⁷. «И хотя обе модели демонстрируют незаурядную силу и консерватизм, все-таки различие между обеими моделями очень существенно. Первая соответствует общей норме, характерной для трансформации колоний в Африке, Индии, Юго-Восточной Азии... Вторая – выпадает из нормы, вне зависимости от того, насколько те или иные страны испытали на себе воздействие колониализма»¹⁸.

Приверженность исламскому традиционализму стала причиной не только краха попыток руководства СССР внедрить в ряде арабских стран сталинскую модель социализма. «Богатые нефтью Ливия и Иран использовали свои нефтедоллары для того, чтобы еще резче противопоставить неисламскому и особенно западному миру с его еврокапиталистическими стандартами свои, нарочито акцентированные исламские ценности с явно фундаменталистской окраской»¹⁹.

Нарисованная российским ученым картина состояния современного менталитета исламских народов, развивающихся в рамках «второй модели» составляет, например, разительный контраст по сравнению с «установками сознания», характерными для менталитета древних народов Ближнего и Среднего Востока. В древности многие общества с традиционно деспотическим правлением нередко демонстрировали в области религии, культуры и политики такую степень толерантности, которой «общества, взращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией» достигли только после второй мировой войны. «Важная особенность древних религий, – отмечает российский историк М. А. Дандамаев, – заключалась в том, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов... Представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения друг с другом и заключали смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре соседних и дальних народов... Для древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, причиной которой были не политические мотивы, а отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси... В силу указанных причин древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии»²⁰.

Таким образом, по трудно объяснимому «капризу истории» традиции и культура ряда древневосточных обществ вполне могли бы измеряться в соответствии с критериями функционирования толерантной либеральной политической системы, в то время как, например, фундаментализм американских неоконсерваторов («неоконов»), развязавших в конце XX в. войну против Ирака, имеет одновекторную направленность с фундаментализмом исламских экстремистов.

Конечный вывод Л. С. Васильева состоит в том, что по сравнению с Индией, Китаем, Японией и странами Юго-Восточной Азии, далеко продвинувшимися по пути модернизации западного типа, большинство исламских государств далее всего отстают от западных стандартов, четко акцентируя «принципиальное несходство Востока с Европой»²¹. «Мир ислама в некотором смысле наиболее гармонично ложится на самые отсталые структуры... Но мало сказать, что мир ислама как религиозно-цивилизационный фундамент в наибольшей степени соответствует отсталым структурам. Он в наибольшей мере консервативен, обладает наивысшей инерцией и в наименьшей степени поддается внутренней трансформации»²².

Приведенные выше образцы анализа свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что дихотомия Восток-Запад, несмотря на неоднократные попытки ее преодоления в теории и на практике, по-прежнему не только занимает весьма существенное место в науке, но и обладает значительным «эвристическим потенциалом». На ее постоянное воспроизведение в общественном сознании в равной степени влияют и систематические обострения кризисной ситуации на Ближнем Востоке, и экономические кризисы, сотрясающие Запад и способствующие отчетливо обозначившейся еще в 1970-е гг. эрозии демократических институтов. Перспективы ее эволюции, равно как и политические и социальные последствия ее укоренения «по обе стороны баррикад» в настоящее время невозможно предвидеть.

Примечания

¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Высш. шк. экономики, 2010. С. 74–75.

² Хайек Ф. Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2012. С. 7–8.

³ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 64, 37.

⁴ Кирабаев Н. С. Социальная философия мусульманского Востока, эпоха средневековья. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. С. 49.

⁵ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М.: Европа, 2007. С. 238.

⁶ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концепт. рамки для интерпретации письм. истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. С. 40, 82–84.

⁷ Ливен Д. Указ. соч. С. 238.

⁸ Восток и политика: полит. системы, полит. культуры, полит. процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 25–26.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 26–27.

¹¹ Там же. С. 30–31.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Васильев Л. С. История Востока. М.: Высш. шк., 1993. Т. 2. С. 194–195.

¹⁴ Там же. С. 182–183.

¹⁵ Там же. С. 183–184.

¹⁶ Там же. С. 185.

¹⁷ Там же. С. 194.

¹⁸ Там же. С. 195.

¹⁹ Там же. С. 444.

²⁰ Дандамаев М. А. Государство, религия и экономика в древней Передней Азии: характер. особенности // Государство и социальные структуры на древнем Востоке / отв. ред. М. А. Дандамаев. М.: Наука, 1989. С. 9, 11.

²¹ Васильев Л. С. Указ. соч. Т. 2. С. 442.

²² Там же.

Н. А. Баранов

Политическая культура России: традиции и современность

Политическая культура как часть общей культуры оказывает влияние на формы и функционирование политических институтов, задает направление политическому процессу, обуславливает политическое поведение широких масс. Успехи или неудачи в продвижении на пути к демократии являются следствием исторически сформировавшегося в обществе политического образа страны. В современной политической культуре России появляются черты западной политической культуры, которые на данном этапе развития в наибольшей степени отвечают потребностям общества, и отвергаются такие черты, которые входят в непреодолимое противоречие с генотипом российской политической культуры.

Ключевые слова: генотип российской политической культуры, культура, политика, политическая культура

Nikolay A. Baranov

Political culture of Russia: traditions and modernity

The political culture as a part of the general culture influences forms and functioning of political institutes, sets a direction to political process, causes political behaviour of broad masses. Successes or failures in advancement on a way to democracy are a consequence of political image of the country historically generated in a society. In modern political culture of Russia there are lines of the western political culture which developments at the given stage to the greatest degree meet requirements of a society, and such lines which are included into the insuperable contradiction with a genotype of the Russian political culture are rejected.

Keywords: genotype of the Russian political culture, culture, a policy, political culture

Политическая культура – составная часть общей культуры, совокупный показатель политического опыта, уровня политических знаний и чувств, образцов поведения и функционирования политических субъектов, интегральная характеристика политического образа жизни страны, класса, нации, социальной группы индивидов. Особенность политической культуры заключается в том, что она составляет не саму политику или политический процесс, а их осознание, объяснение: в политической сфере зачастую значимость приобретают не только реальные действия и меры государства, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются. Политическую культуру можно рассматривать в качестве посредника между политическим миром и средой, обеспечивающим взаимодействие между областями социальных отношений, культурными нормами и стереотипами и политическими процессами.

Являясь частью духовной культуры народа она включает в себя те элементы последней, которые связаны с общественно-политическими институтами и поли-

тическими процессами, вследствие чего общекультурные проблемы в обществе влияют на формирование современной политической культуры. Поэтому необходимость «укрепления единого (целостного) социокультурного пространства России»¹ становится актуальной проблемой и для сферы политики.

Политическая культура оказывает влияние на формы, функционирование и развитие государственных и политических институтов, задает направление политическому процессу, обуславливает политическое поведение широких масс. Как отмечает О. Ю. Малинова, в российском политическом дискурсе акцентируется внимание на следующих вопросах: «Каковы возможности и пределы преобразования политической культуры и как особенности политической культуры объясняют трудности и неудачи «демократического транзита»?»².

Исследователи давно задаются вопросом: почему в странах неевропейской культуры западные политические модели не приживаются, или, приживаясь по форме, наполняются при этом принципиально иным содержанием? Выводы, к которым пришли ученые, заключаются в том, что форма реализации этих моделей, их приятие или неприятие большинством населения во многом обуславливаются основными характеристиками его политической культуры. Поэтому современные исследователи чаще всего рассматривают политическую культуру как политическое измерение культурной среды в конкретном обществе, как характеристика поведения конкретного народа, особенностей его цивилизационного развития. В этом смысле политическая культура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура по-своему интегрирует общество, обеспечивает в привычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоев общества.

В классической форме вопрос о структурировании ценностных воззрений человека поставил Г. Алмонд, который выделил в ценностных ориентациях следующие элементы: познавательные (знания о строении политической системы, ее основных институтах, механизмах организации власти), эмоциональные (выражающие чувства людей к тем, кто обеспечивал функционирование властных институтов и олицетворял власть в глазах населения) и оценочные (выступающие как суждения, опирающиеся на ценностные критерии и стандарты оценки политических явлений).

Эти элементы обусловлены социально-экономическими, национально-культурными, общественно-историческими и другими долговременными факторами. Они характеризуются относительной устойчивостью, живучестью и постоянством.

Политическая культура формируется десятилетиями и столетиями. Она – результат познания объективных политических процессов и соответствующих выводов из них. Поэтому без исследования ее генезиса, становления, динамики внутренних различий и целостности анализ специфики политической культуры невозможен. Специфика, обусловленная особенностями исторического развития, позволяет говорить об особом генотипе российской политической культуры. Так, на образование государственности большое влияние оказала вечевая культура Древней Руси, специфика которой заключалась в неприятии инноваций, угрожающих установившимся порядку и правилам, в нацеленности на воспроизводство локальных миров. Отголоски такой архаики существуют и поныне.

Географическое расположение России между Европой и Азией оказало серьезное влияние на российское общество. Страна оказалась на месте пересечения двух социокультурных типов: европейского или лично-центрического, в центре внимания которого находится личность, ее свобода, естественные права, и азиатского, или социо-центрического, ориентирующегося на общество, коллектив, государство. При этом взаимодействие этих двух социокультурных типов в российском обществе весьма своеобразно: оно предполагает не просто переплетение, взаимообогащение содержанием обоих типов, но и непрерывную борьбу между ними. Возникающие на этой основе дуализм, двойственность, противоречивость и конфликтность политической культуры наиболее рельефно находят свое отражение и по сегодняшний день в противоборстве «западников» и «почвенников», западной модели развития и модели самобытного пути России. Т. И. Заславская предлагает в культурном плане признать Россию «маргинальным членом европейской семьи, занимающим в ней примерно такое же место, как Плутон в Солнечной системе»³.

Специфику роли и места России определяло также огромное геополитическое пространство, на котором сосуществовали народы с различными типами культур. В этих условиях сформировалась ярко выраженная этатистская ориентация политической культуры. В России государство воспринимается, по выражению Э. Баталова, как «становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель всей жизни»⁴. В условиях отсутствия гражданского общества такое восприятие отражало реальную роль государства, причем не только в царское время, но и в советский период, когда необходимо было удержать победу социализма в капиталистическом окружении. Без сильного государства добиться международного признания было невозможно, поэтому большевистская власть сделала все возможное для этатистской направленности советской политической культуры. В постсоветское время этатистская традиция была ослаблена, однако она вскоре возобновилась вместе с усилением роли федерального центра, что явилось причиной усиления вертикали власти.

Государствоцентричность оборачивается сакрализацией верховной власти, т. е. стойким ее восприятием как санкционированной внечеловеческими силами.

Неизменным атрибутом образа лидера в массовом сознании выступает не способность согласовывать позиции и достигать компромисса, а умение навязывать свою волю. Лидер предстает главным объектом патерналистских ожиданий, чему способствует живучая историческая память об «отцах-благодетелях», черпаемая из российской политической традиции. В результате сложилось убеждение, что только от государя, его ума и просвещенности зависит благосостояние страны.

Центральная роль личности представлена на всех уровнях государственно-общественной лестницы вплоть до нижних ее этажей, где она приводит к складыванию клиентелистских отношений. Реальные властные отношения регулируются скорее неформально – лично, а не на основе формализованных бюрократических процедур. Правила игры здесь являются продолжением традиции, правовой контроль за их соблюдением не предусматривается. Такие традиции формируют авторитарный тип личности, описанный Э. Фроммом в его работе «Бегство от свободы»⁵.

Склонность к авторитаризму проявлялась не только в народных массах, но и в элитарной культуре, что проявилось впоследствии в состоянии морально-политического единства советского общества.

История российского государства тесно связана с православием. Православная церковь выступала духовной опорой русских, противостояла мусульманскому Востоку и католическому Западу. Православная вера сыграла важную роль в формировании идей о величии России, ее масштабности, патриотизме и преданности отечеству, особом пути России, ставшие важнейшими компонентами политического сознания россиян.

Однако православие является скорее сдерживающим, чем способствующим фактором демократизации. Из христианских стран именно православные последними встали на путь демократизации. Русская православная церковь отделена от государства, но она не может не оказывать влияния на общество. В свою очередь демократия также оказывает влияние на церковь: произошло объединение с Русской зарубежной церковью, все сильнее дает о себе знать экуменическое движение. Эти тенденции свидетельствуют о том, что РПЦ не является догматическим институтом, а эволюционирует вместе с развитием государства. РПЦ не призывает к изменению сложившейся формы правления, уделяя главное внимание не системе внешней организации государства, а состоянию сердец своих членов. Как говорит протоиерей Геннадий Фаст «нигде нет указаний, чтобы Бог благословил демократию. Это не означает, что демократия не имеет права быть. Она есть и она будет. Но божественной санкции нет»⁶.

Являясь последовательницей византийской цивилизации, Россия восприняла от нее не только религию, но и культуру, прежде всего имперскую идею, реализация которой привела к превращению страны в многоэтничную, разноязыкую империю. Удержать целостность такой огромной империи можно было только с помощью деспотической власти, сильного централизованного государства. Понима-

ние данного обстоятельства подводило к осознанию необходимости подчинения власти и государству. Поэтому мощное централизованное государство в сознании многих людей воспринималось и воспринимается как основное историческое достижение русского народа и его союзников.

Русский человек, будучи, в сущности, человеком государственным, вместе с тем боялся государства, избегал иметь дело с властями, не доверял государственным учреждениям. Отсюда конфликтность государственного сознания русского человека, с одной стороны, и неприятие власти – с другой. Эта особенность приобрела свои крайние формы в советский период. Чем страшнее проявляла себя власть, тем сильнее у человека было стремление приобщиться к ней, войти в нее, стать ее частью. Подобное отношение к государству и властям способствовало формированию двойного стандарта в их оценке. Человек как бы раздваивался, что свидетельствовало об антиномичности политической культуры. Н. А. Бердяев писал: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности». И в то же время – «Россия – страна неслыханного сервиллизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством...»⁷.

Всю политическую историю России можно представить как картину постоянного противоборства либеральных и патриархально-традиционных ценностей: с одной стороны – частная инициатива, жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе, свобода собственности и трудолюбие, максимальное ограничение роли государства в обществе; с другой – соборность, общинность, коллективизм, при одновременной склонности к авторитаризму, сильному лидеру харизматического типа, сильное государство. Развитие торговли, товарно-денежных отношений, частной инициативы, частной собственности, не будучи дополнено массовым распространением соответствующих ценностей, порождало и накапливало в обществе скрытое ощущение неудовлетворенности, усиливало массовое негативное отношение к подобным переменам. Начиная с реформ Петра I и по сегодняшний день политическая история России напоминает «зебру» – либеральная тенденция, не успев закрепиться в результате усилий очередных реформаторов, сменяется возвратом к традиционным массовым ценностям. Некоторые отечественные исследователи считают, что необходимым условием успешного развития России является распространение демократических норм и ценностей на массовый уровень, готовность большинства людей соблюдать демократические «правила игры», постепенное укоренение в политической культуре общества ценностей либерализма и демократии⁸.

В структуре ценностных отношений политической культуры выделяют общекультурные ориентации, отношения к власти, политическим явлениям.

Характер и направленность общекультурных ориентаций раскрывает место политических явлений в структуре ценностей личности, группы, общества. Значение мировоззренческих ориентаций состоит в том, насколько выбор политических позиций человека зависит от испытываемых им предпочтений к индивидуальным или коллективным ценностям. Так, история России показывает в отличие от государств Запада, испытавших на себе воздействие капитализма, что жители нашей страны веками ориентировались главным образом на нормы общинного коллективизма. Он воплощал в себе приоритет интересов семьи, общины, сословия, коллектива, класса, государства, общества перед целями и ценностями отдельной личности, потребностями индивида. «Ценности порядка, стабильности, устойчивости в русском «проекте» связаны с идеей общности, символическим сплочением в коллективное единство «мы», – отмечает И. Глебова⁹.

Замещение исторически сложившейся политической культуры новой – процесс длительный. Большинство исследователей связывают его со сменой поколений, возлагая особые надежды на молодежь, наиболее восприимчивую к либеральным ценностям. Однако в современных условиях существует угроза со стороны такого элемента культуры переходных обществ, как авторитарный синдром. Он связан со слабостью демократических политических институтов, кризисными явлениями в экономике и социальной сфере и характеризуется представлениями о необходимости концентрации власти в одних руках, о благотворности единства общества и власти, о недопустимости публичных конфликтов. Такие представления реализуются в реальной политической практике посредством ограничений политической конкуренции, свободы СМИ и независимости судебной системы, выдвижения на первые роли политиков, провозглашающих авторитарные ценности. В итоге может происходить отторжение демократии на ценностном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

М. Урнов, основываясь на опыте немецкого психолога Курта Левина, предлагает «минимальный пакет мер по культурному перепрограммированию переходного общества», который включает в себя следующее:

- направленное разрушение мифов, ценностей, представлений и стереотипов авторитарной культуры и содействие распространению либеральной культуры с помощью электронных СМИ, Интернета, структур среднего и высшего образования;
- массовое обучение демократическому управлению представителей всех уровней власти;
- государственная поддержка развития структур гражданского общества и любых других демократических практик общественной жизни;
- государственная политика, направленная на повышение социального статуса общественных групп, оказывающих наибольшее влияние на культурную транс-

формацию и максимально широкое привлечение представителей этих групп к сотрудничеству с властью¹⁰.

Демократическая политическая культура предполагает плюрализм политических субъектов, мнений, установок, типов поведения. И как следствие включает в себя толерантность, означающую не просто терпимость к чему-то и кому-то иному, но и готовность взаимодействовать с оппонентом, вбирать в себя наиболее рациональное.

Экстремальные условия России, ставящие ее в течение длительного времени на грань выживания, породили мобилизационный тип политической культуры общества, ориентирующий на достижение чрезвычайных целей. Поэтому широко распространены в обществе идеи экстремизма, склонности к силовым методам решения вопросов и одновременно не популярны идеи компромиссов, консенсусов, переговоров и т. д. В сочетании со слабостью демократических традиций, зачастую личные амбиции становятся преобладающими над политической целесообразностью.

В России существуют все типы политической культуры и ее субкультуры: патриархальная, подданическая, активистская. Однако, по мнению исследователей, доминируют патриархально-подданическая и подданическо-активистская.

В результате воздействия множества факторов как исторического, так и современного плана политическая культура современного российского общества внутренне противоречива. В ней представлено множество субкультур, которые имеются в каждой социальной группе – среди молодежи и пенсионеров, предпринимателей и маргиналов, рабочих и интеллигенции.

Однако особенность современного этапа политической культуры российского общества не столько в разнообразии субкультур, сколько в том, что значительное их число охвачено скрытой или явной борьбой, столкновением. Основными линиями конфронтации выступают демократизм-авторитаризм, социализм-капитализм, централизм-регионализм, глобализация-изоляция, анархизм-этатизм и т. д. Многообразие таких линий свидетельствует об отсутствии политического базового консенсуса, общенационального согласия, в конечном итоге о болезненном разладе между различными социальными группами, ставящими под сомнение успешность реформирования общества, социальную и политическую стабильность в нем.

Таким образом, политическая культура современного российского общества находится в состоянии своего становления, испытывая серьезное воздействие со стороны геополитических и исторических факторов и радикальных преобразований, происходящих в нем сегодня. Трудно не согласиться с позицией А. Даниэля, утверждающего, что «в сегодняшнем мире позиционирование народа и его культуры определяется не тем, откуда он заимствует идеи и принципы, а тем, куда он вносит собственные достижения, частью чего эти достижения становятся»¹¹.

Среди традиций, имеющих непосредственное отношение к политике, в современной России, отмечаются такие, как сакрализация власти, муниципальные вольности, общественно-политическая активность населения, связанная с решением местных или общенациональных проблем. Среди тех, которые начинают развиваться, можно выделить следующие: цивилизованные приемы полемики и дискуссии; способность выслушивать оппонента, убеждать и переубеждать при помощи рациональных аргументов; искусство компромисса, маневра и союзов, активные формы давления на законодательную, исполнительную власть и политические партии, использование прессы и средств массовой коммуникации; манифестации, демонстрации, митинги, массовые выступления и движения в защиту тех или иных требований и интересов; «завоевание улицы», забастовки – локальные и общенациональные, экономические и политические; использование наиболее эффективных и решительных форм борьбы; мобилизованность, солидарность, взаимопомощь; социальные союзы.

В то же время В. Петухов делает вывод о том, что так называемый «кризис участия» в современной России не является следствием низкого уровня политической культуры. Это следствие достаточно отчетливого понимания того, как устроена российская политическая жизнь, на которую повлиять «простому человеку» крайне затруднительно. Поэтому политика начинает восприниматься как удел политического класса¹².

На содержание и уровень развития современной политической культуры российского общества значительное влияние оказывают следующие процессы:

- радикальные изменения основ экономической, социальной, политической и духовной жизни, массовые перемещения в Россию различных групп населения из ближнего зарубежья и возникновение вследствие этого новых межэтнических, демографических, территориальных и иных образований;
- изменение и усложнение социальной структуры общества, появление в ней новых социальных групп, рост имущественного неравенства, усиление вертикальной и горизонтальной мобильности;
- переоценка на основе расширения информации уроков прошлого, настоящего и перспектив будущего.

Все эти процессы диктуют необходимость серьезной модификации мировоззренческих, оценочных и поведенческих ориентиров людей, т. е. всех компонентов политической культуры. В зависимости от принадлежности к различным социальным группам эти ориентиры достаточно сильно варьируются, что позволяет говорить об отсутствии ценностной парадигмы в современном российском обществе. Тем не менее, современные российские исследователи¹³ в качестве приоритетных черт политической культуры выделяют следующие: ценности коммуитаризма – приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы; индифферентное отношение к политическому участию; персонализированное

восприятие власти; предрасположенность к конформизму; неверие в представительные органы власти, тяготение к исполнительным функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью; подданническое отношение к власти; правовой нигилизм; нетерпимость к другим мнениям, принципам; некритическое восприятие зарубежного опыта, копирование его сомнительных образцов; предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтов, неприятие консенсусных технологий.

Свое предназначение в качестве инструмента консолидации общества и его переустройства политическая культура может выполнить лишь при условии преодоления конфронтационности различных в ней направлений, взаимодействия их на основе общей объединяющей идеи, поиски которой сегодня активно предпринимаются всеми политическими силами.

По мнению А. А. Галкина и Ю. А. Красина, в России разворачиваются процессы, формирующие демократическую культуру. Во-первых, происходит осознание, что демократия не тождественна сложившемуся в 1990-е гг. режиму и группам правящей элиты, называемой себя «демократами», что способствует возрождению оценки демократии как положительной и политически мобилизующей идеи. Во-вторых, через практику «дикого рынка» происходит осознание отсутствия автоматической связи между рыночными и демократическими преобразованиями и открывается возможность превращения демократии в цементирующее ядро общественно-политических отношений, не сводимое только к рыночным реформам. В-третьих, демократические процедуры становятся неотъемлемым элементом общественно-политического образа жизни народа, к которому общество быстро привыкает¹⁴.

В силу объективных обстоятельств Россия всегда будет испытывать потребность в сильном, эффективном государстве, что не может не сказаться на политической культуре. В демократическом государстве власть ограничивают граждане, защищающие частный или групповой интерес и действующие в рамках гражданского общества. Поэтому антиэтатизм в политической культуре должен быть направлен не на разрушение государства, а на ограничение его экспансионистских тенденций, преодоление патерналистских ожиданий и развитие способности к самоорганизации.

С точки зрения А. Ахиезера, «общество не может обеспечить свое существование в усложняющемся мире, не вовлекая в процесс диалогизации все большее число людей. Центральная задача политологии в постсоветском обществе – искать пути воспроизводства либеральной культуры, социокультурный фундамент которой пока еще слаб, совершенствуя на этой основе общество и государство, способствуя достижению базового консенсуса, преодолению раскола между всеми элементами нравственного схематизма. А для этого необходимы определенные нравственные основания – прежде всего развитие гуманизма (который в свое время не был воспринят духовной элитой из византийской культуры), христианская идея

любви, вытеснение на периферию культуры агрессивности, ненависти, убеждения, что «мир лежит во зле», мироотреченности (последняя была активно воспринята из византийского наследия)¹⁵.

Происходящие политико-культурные изменения дают основания полагать, что в постсоветской России может сформироваться гражданская культура, которая будет носить смешанный характер, так как нельзя двигаться вперед, отрицая все, что было создано предшествующими поколениями. Основными источниками такой культуры могут стать современная политическая практика, которая через правовые акты будет приобретать легитимный характер; западная политическая культура, являющаяся источником необходимых ценностей; национальная традиция, корректирующая формирующуюся политическую культуру.

Героическая и драматическая история России, ее величайшая культура, национальные традиции всегда были основой духовно-нравственного потенциала нашего народа, своеобразным стержнем общественного бытия, о чем свидетельствуют пророческие слова В. В. Розанова: «Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых «на роду написанных», на которых «все тесто возшло»¹⁶.

Тем не менее, мы не можем оставаться государством с неизменной политической культурой. «Если в России, как и в большинстве других стран, действует эволюционная парадигма – закономерность развития культуры от простого к сложному, которая в мире до сих пор работает безотказно, – размышляет Е. Ясин, – для нас демократия только начинается»¹⁷. Став открытой страной, Россия впитывает в себя те характерные черты инородной политической культуры, которые на данном этапе развития в наибольшей степени отвечают потребностям общества и которые общество в состоянии перенять. И отвергаются такие черты, которые входят в непреодолимое противоречие с генотипом российской политической культуры и к восприятию которых большинство граждан России еще не готово.

Примечания

¹ Астафьева О. А. Ориентиры культурной политики на рубеже веков // Россия XXI в.: Политика. Экономика. Культура / под ред. Л. Е. Ильичевой, В. С. Комаровского. М.: Аналитик, 2012. С. 287.

² Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символ. политики в соврем. России. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 66.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: социал. механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 63.

⁴ Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3.

⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. С. 141–148.

⁶ Церковь и государство: лекции по социальной концепции РПЦ канд. богослов. наук, прот. Геннадия Фаста. М.: Начало, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

⁷ Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности // Судьба России: сочинения. М.: Эксмо Пресс, 2000. С. 283.

⁸ Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М.: ИСП РАН, 2003. С. 60.

⁹ Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. С. 68.

¹⁰ Урнов М. Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в. / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010. С. 84.

¹¹ Даниэль А. Ю. Возможно ли принуждение к демократии // Публичная политика–2007: сб. ст. / под ред. М. Б. Горного, А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2007. С. 126.

¹² Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007. С. 80–81.

¹³ Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии: ист.-культ. исслед. // Pro et Contra. 2002. № 3; Мирошниченко И. В. Политическая культура социально-профессиональных групп: дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2006. С. 80–99; Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007. С. 9–38; Пикалов Г. А. Теория политической культуры. СПб.: БГТУ, 2004. С. 148–149.

¹⁴ Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия: Quo vadis? М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 237–238.

¹⁵ Ахиезер А. Указ. соч. С. 74.

¹⁶ Розанов В. В. Уединенное. М.: Эксмо Пресс, 1998. С. 117.

¹⁷ Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России? М.: Новое изд-во, 2006. С. 337.

А. М. Баженов, Т. М. Мартынова

**Политический режим в контексте социокультурной динамики
современного российского общества**

Анализируется зависимость политического режима от социокультурной динамики современного российского общества.

Ключевые слова: политический режим, социокультурная динамика современного российского общества, легитимация, власть, выборы

Anatoly M. Bajenov, Taiana M. Martynova

Political regime in context sociocultural dynamic contemporary Russian society

The article analyses dependency political regime from sociocultural dynamic contemporary Russian society.

Keywords: political regime, sociocultural dynamic contemporary Russian society, legitimacy, power, choices

С особенностями политической культуры общества, с динамикой его ценностной системы связано одобрение и принятие гражданами политического режима. В этом находит выражение один из аспектов взаимодействия и взаимовлияния политической и культурной сфер жизни общества. Тем не менее, политическая область обладает относительной самостоятельностью и особым статусом. Сфера политики представляет собой важнейший структурный элемент общественной жизни. Роль этой сферы определяется, прежде всего, тем, что в ней создается основное «организационное» начало общества, направляющее жизнь людей, социальных общностей в то или иное русло. В политической сфере принимаются решения и осуществляются действия, оказывающие подчас решающее влияние на общество в целом и его отдельные структуры. В ней формируются особые отношения, называемые политическими. Их специфика состоит в том, что они универсальны, всеохватны, отражают в себе, так или иначе, деятельность социальных общностей в самых различных сферах жизни общества. Именно поэтому политика выступает как особый, а часто и определяющий вид социального регулирования.

От политических решений зависят развитие тех или иных общественных явлений, процессов, их перспективы и возможности. Об отношении в обществе ко многим из них часто судят по характеру политических действий. Если сегодня образование, наука, культура в России пребывают не в лучшем состоянии, то это, прежде всего, следствие соответствующей политической стратегии, не рассматривающей их в качестве приоритетных сфер общества. Хотя на словах и даже в президентских указах все может обстоять наоборот, но о политиках судят не по словам, а по делам.

Однако с политикой как важной сферой общественной жизни связан один чрезвычайно любопытный парадокс. Чем более значимой представляется эта сфера с точки зрения социальной, тем менее привлекательной она оказывается для подавляющего большинства членов общества. Интересными в этом плане являются размышления А. И. Солженицына относительно места политики в жизни человека: «Политическая жизнь – совсем не главный вид жизни человека, политика – совсем не желанное занятие для большинства. Чем размахистей идет в стране политическая жизнь – тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств»¹.

Важно отметить, что осознание связи между политикой как «не главным видом жизни человека» и падением интереса к ней в нашем обществе (особенно в связи с процессами затяжного и глубокого политического кризиса в 1990-е гг.) четко зафиксировано социологами. К сожалению, само снижение интереса к политической жизни в обществе подтверждается данными электорального поведения – от парламентских, президентских выборов до избрания в местные органы власти.

И, тем не менее, нынешняя трансформация политической сферы российского общества осуществляется достаточно противоречиво. Поскольку спектр институциональных характеристик демократических политических систем весьма широк, обычно формулируется ряд критериев, представляющих собой общий знаменатель демократических режимов:

- наличие выборных представителей, контролирующих правительство;
- свободные выборы;
- всеобщее активное избирательное право;
- всеобщее пассивное избирательное право;
- свобода мнений;
- свобода информации;
- свобода коалиций и общественных организаций.

Как отмечает немецкий политолог Э. Шнайдер, в транзитологических теориях используются еще три понятия, выработанных в ходе исследований процесса перехода от военных диктатур к демократическим системам в Южной Америке, – «диктабланда», «демократура» и «делегативная демократия»².

Понятием «диктабланда» обозначается гибридная система, включающая в себя как демократические, так и авторитарные элементы. Этот режим, в котором произошла некоторая либерализация, но без демократизации. В рамках такой системы людям предоставлены определенные права, но они не стали еще членами гражданского общества.

«Демократура», согласно определению Ф. Шмиттера, есть неустоявшаяся демократия. В противоположность диктабланде в условиях демократуры уже существует демократия, но нет либерализации. Так, при демократуре проводятся выбо-

ры, но таким образом, чтобы гарантировать победу правящей партии (например, путем исключения из участия в избирательном процессе каких-то социально-политических групп или лишения их возможности осуществлять управление в случае электоральной победы)³.

О «делегативной демократии» (термин Г. О'Доннела)⁴ можно говорить в ситуации, когда право на принятие правительственных решений делегируется избирателями не законодательному органу, а президенту. Делегативная демократия покоится на представлении о том, что победа на президентских выборах наделяет главу исполнительной власти прерогативой делать все, что он считает нужным, «будучи ограниченным лишь неопровержимостью существующих отношений власти и конституционно определенным сроком полномочий»⁵.

Все эти понятия в той или иной степени нашли отражение в политической жизни России. Но функциональной характеристикой всякого политического режима является легитимность власти. Легитимность утверждает политику и власть, объясняет и оправдывает политические решения, создание политических структур, их изменение, обновление и т. д. Она призвана обеспечивать повиновение, согласие, политическое участие без принуждения, а если все это не получается, – оправдание такого принуждения, использование силы и всех других средств, которыми располагает власть. В то же время эффективность осуществления политических решений во многом зависит от социокультурной составляющей в жизни общества.

Страна, живущая в ситуации осажденной крепости, не расположена поощрять народный суверенитет и гражданские права. В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. «Имперский тип государственности, – отмечает А. Захаров, – оказывается естественным оформлением режима, построенного на экспорте сырьевых ресурсов»⁶. Здесь же следует вывод и о том, как не было в России общества, способного контролировать государственный аппарат и осознать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет сейчас. Некоторые аналитики склонны утверждать, что в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей в нашем обществе.

Легитимность политики обязательна и распространяется на все ее аспекты и факторы – власть, ее цели, средства, методы, формы и действия, решения, документы и прочее. Разумеется, не все без исключения конкретные политические акты сопровождаются легитимирующей аргументацией, особенно такие, как законы, приказы, инструкции, распоряжения и т. д. Их легитимность достигается общим контекстом объяснения политики, которую осуществляет соответствующая власть, пропагандой ее верности и привлекательности. Пренебрегать легитимностью может до известных, весьма ограниченных пределов лишь чрезмерно уверенная

в себе, обычно деспотическая, тираническая власть авторитарного или тоталитарного типа либо власть обреченная, временная и слабая.

В этой связи нельзя не сослаться на практику советской власти. При всей своей уверенности в непогрешимости действий она всегда пыталась облачить себя в тогу законности. Правда, все это сопровождалось солидной дозой демагогии. Но сущность преступлений власти от этого нисколько не менялась.

Конечно, в этом преуспела не только советская власть. Как теперь стало всем известно, что подобная практика осуществлялась и в нацистской Германии. М. Волсенский в своей знаменитой книге «Номенклатура», вспоминая об участии в Нюрнберге на процессе немецких военных преступников, подмечает много общего, что было у немцев при Гитлере и у нас при Сталине. Это гениальный вождь; его ближайшие соратники; монолитная единая партия; партийные бонзы – вершители человеческих судеб; псевдопарламент; узаконенное неравенство; жесткая иерархия; свирепая политическая полиция; концентрационные лагеря. В этот круг входили назойливая, лживая пропаганда; слежка и доносы; пытки и казни; напыщенная военщина; до духоты нагнетенный национализм; принудительная идеология; социалистические и антикапиталистические лозунги; болтовня о народности, – в общем, очень многое⁷.

Теперь, когда после краха коммунизма прошло более двадцати лет и упомянутые выше тенденции развития политических режимов устоялись, можно прийти к некоторым согласованным выводам. Видимо, надо признать, что теории, предсказывавшие быстрый переход посткоммунистического мира к демократии в результате кропотливой работы элит над конституциями, оказались просто неверными. Направление научной мысли, которое делало упор на институциональное наследие и географическую среду в качестве факторов, определяющих пределы возможных трансформаций режимов, подтвердило свою состоятельность⁸. Те политики, которые подчеркивали важность создания на посткоммунистическом пространстве эффективных политических институтов как предпосылки надежного обеспечения прав собственности и исправно функционирующих финансово-экономических систем, оказались правы.

Простое перенесение прежних формальных институциональных правил на новые электоральные режимы и рыночные экономики не способно в полной мере объяснить результаты эволюции режимов после крушения империи. Видимо, нельзя ожидать, что за время, равное одному поколению, будут выработаны и успешно институционализированы новые формы легитимного господства; постсоветский опыт показывает, что постимперская институциональная турбулентность может длиться десятилетиями. Тем не менее, двадцати с лишним лет достаточно, чтобы страны с благоприятным институциональным наследием и удачным географическим положением смогли успешно воспроизвести у себя формальные институты стабильных и консолидированных режимов соседних стран.

Власть, функционирующая в демократическом режиме, напротив, уделяет легитимности своих действий самое пристальное внимание, которое определяется не ее доброй волей, а насущной политической и социальной необходимостью править с согласия народа. Современная процедура легитимности представляет собой обращение (апелляцию) к какой-либо идеальной или предметной области. То есть к абсолютным и высшим ценностям (справедливости, разумности, истинности и т. п.); всеобщим законам истории; чувствам и эмоциям; настроениям и представлениям общества или какой-либо его влиятельной части; к действительной или вымышленной воле народа; к практической полезности политики – общественной, экономической, экологической.

В истории политики использовался и используется сейчас двойной ряд апелляций, наряду с обращением к идеальным и практическим, утилитарным аргументам: к рациональным и иррациональным доводам. Все это дало основание М. Веберу предложить классификацию легитимности на три вида: 1) традиционный, т. е. основанный на неписаных законах традиций, обычаев, культуры, догосударственных политических отношениях; 2) харизматический, эмоционально-волевой и 3) рациональный, основанный на принятых в государстве порядках и законах, разумных суждениях. С этой классификацией М. Вебер связывает и типологию власти: государственной при ее рациональном обосновании и личной, когда она основана на традиционных и харизматических легитимирующих началах. Типология М. Вебера приобрела большую популярность, однако в ней нет указаний на содержание легитимирующих апелляций⁹.

К первому типу относится политическая аргументация: доводы об опасности или безопасности той или иной политики, ее целесообразности, необходимости, неизбежности, спасительности и т. п. Сильным аргументом такого рода служит, например, знаменитое разделение участников политических отношений на друзей и врагов, введенное в 20-х гг. XX в. К. Шмиттом¹⁰. К подобному аргументу широко прибегали тоталитарные режимы для доказательства необходимости и благотворности принуждения, насилия, репрессий. По этому поводу интересно заметила Анна Ахматова, чьи слова воспроизводит в книге воспоминаний Лидия Чуковская: «Того, что пережили мы, – говорила Анна Ахматова, – да, да, мы все, потому что застенок грозил каждому! – не запечатлела ни одна литература. Шекспировские драмы – все эти эффектные злодейства, страсти, дуэли – мелочь, детские игры по сравнению с жизнью каждого из нас. О том, что пережили казненные или лагерники, я говорить не смею. Это не называемо словом. Но и каждая наша благополучная жизнь – шекспировская драма в тысячекратном размере.

Немые разлуки, немые черные кровавые вести в каждой семье. Невидимый траур на матерях и женах. Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что жала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха. Мы с вами до нее дожили»¹¹.

Близка к политической аргументации апелляция к истории (историческим задачам страны, например, служить оплотом мира и демократии), воле народа, велением времени, императивам эпохи и т. д.; обращение к национальным традициям и идеалам. К этой группе аргументов примыкает и апелляция к экономической, технической, научной, созидательной практике: требованиям производства, решению экономических проблем, запросам научно-технического прогресса, культуры, а также апелляция к знанию, науке, т. е. обладанию истиной, хотя претензии на знание, особенно на истину привносят в легитимирующий процесс иррациональную аргументацию. Здесь на грани рационального и иррационального, знания и невежества, разума и предрассудков естественным и доказательным становится любое, внешне логически не противоречивое доказательство типа «закон требует», «государство ждет от нас» и т. д. с такого рода утверждениями старшие поколения россиян знакомы не понаслышке, они их воспринимали как правила жизни.

Легитимацию особого типа образует правовая аргументация. Ее рациональность не очевидна. Апелляция к закону, т. е. легальности власти или политики, их законность (указание на то, что власть образована согласно конституции) сама по себе может не быть легитимной в глазах общества или его части. Как и в других типах легитимации, в правовой легитимации также существует заметный иррациональный момент. Закон может легализовать власть лица, которое общество не принимает, но вынужденно повиноваться; правительственный акт может узаконить политические санкции, правовые или экономические меры, которые страна не одобряет, но вынуждена терпеть и т. д. Таким образом, легитимация, как и легализация, может быть при определенных условиях формальной или неистинной. Во всяком случае, общество может разделиться в отношении легитимности какого-либо политического влияния, какой бы рациональной ни была ее аргументация.

Будучи инструментом власти, легитимность также служит и средством ее контроля со стороны электората и политической организации общества. Целостная, интегральная легитимность государства, политики, всех ее направлений – основа общественного единства, залог успешного функционирования политического режима страны¹².

По мнению некоторых аналитиков, в России за время реформ произошли две революции. Сначала поменялся сам уклад жизни, и мы незаметно очутились в совершенно другой стране – с другими проблемами и возможностями, опасностями и перспективами, с другими правилами и инструментами выживания. Но в бытовой идеологии для многих все это еще долго оставалось чем-то случайным и временным, ошибочным или просто преступным. Страна изменялась в эмоциональном надрыве, под стенания о гибели, развале и близкой катастрофе. Новая реальность отвергалась ее противниками, но психологически не была вполне легитимной даже для ее сторонников. Но, в конце концов, с мифом о грядущей катастрофе рухнул и миф о скорой, неотвратимой смене режима и победе оппозиции.

За прошедшие два десятилетия процесс укоренения легитимации власти происходил достаточно противоречиво. По этому поводу высказываются разные мнения. Так, известный юрист С. Алексеев отметил следующую особенность нынешней политической ситуации: «Не менее сложно положение дел в нашей стране, в России. Мы, кажется, все более удаляемся от исторически неизбежной правосудной и политической констатации преступлений большевизма перед народом. А без такой констатации наши демократические преобразования не могут состояться в принципе»¹³.

Тем не менее, за последние двадцать лет наше общество пережило бурные и судьбоносные события, связанные с реформами.

В 1991–1993 гг. маятник политических настроений российских граждан качнулся в сторону демократических институтов и принципов. Этот небольшой отрезок времени насыщен необычайно важными событиями для страны. Общество только стало приобщаться к демократическим ценностям. Утверждение института демократических выборов – важнейший аспект становления демократического политического режима. Выборы 12 декабря 1993 г. – поворотный пункт на пути России к демократии. Парламентские выборы 1993 г. стали первыми после окончательной ликвидации советских властных институтов. Введенное в действие 1 октября 1993 г. указом президента № 1557 «Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г.» устанавливало, что нижняя палата будет комплектоваться на основе смешанной системы. Половина депутатов (225) будет избираться в заново очерченных избирательных округах в соответствии с мажоритарной системой, другая половина (225 депутатов) – по пропорциональной системе с порогом в 5%. В верхней палате – Совете Федерации – места распределялись в соответствии с системой «пост получает первый». Знаменательно, что закон не предусматривал перебаллотировки в случае близости результатов или повторного голосования в одномандатных округах.

Правда, первым свободным выборам предшествовал драматический период, насыщенный многими событиями. Это перестройка, ГКЧП, распад СССР, роспуск Верховного Совета РСФСР, октябрьский (1993 г.) мятеж, разработка разных вариантов конституции. Много было допущено ошибок, просчетов со стороны демократических сил и лично Б. Ельцина, о чем он рассказывает в своей второй книге «Записки президента»¹⁴. В настоящее время прошедшие, но близкие еще нашим соотечественникам вехи российской истории оцениваются разными аналитиками. Высказываются самые полярные суждения.

Но самым главным для укоренения нового политического режима и его перспектив было принятие Конституции РФ. Она отразила в своих статьях итоги развития правовой теории и практики в России и во всем мире. Правда, со времени утверждения Конституцию и по сей день критикуют, а то и просто требуют изменить. В ней, действительно, можно найти определенные недоработки и слабости.

Но главные упреки в ее адрес исходят из того, что многие ее положения не выполняются, остаются на бумаге. Такие упреки, к сожалению, имеют свои основания. По словам профессора М Краснова, в статьях российской Конституции (их всего 137) можно насчитать 139 пунктов и положений, которые сегодня не выполняются, «искажены до неузнаваемости» или не имеют юридической силы.

Таким образом, политический режим и социокультурная динамика российского общества имеют тесную связь. По мнению многих экспертов, политическая ситуация в нашем Отечестве в настоящее время складывается трудная, противоречивая. Идет процесс «закручивания гаек». Особенно это проявляется в действиях власти по отношению к «узникам Болотной», в нагнетании в средствах массовой информации недоброжелательства в связи с событиями на Украине, в дискредитации и подавлении несистемной оппозиции, в возвращении ценностей советского прошлого. Дальнейшее поступательное развитие российского общества во многом будет зависеть как от политической элиты, так и от всех граждан.

Примечания

¹ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?: посылные соображения // Лит. газ. 1990. С. 7.

² См.: Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации. М.: ИНИОН РАН, 2002.

³ Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии. URL: <http://russ.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁴ О’Доннел Г. Следует ли слушаться экономистов? URL: <http://old.russ.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁵ См.: Шнайдер Э. Политическая трансформация в России // Полития. 1999/2000. № 4. С. 55–56.

⁶ Захаров А. Унитарная федерация: пять этюдов о рос. федерализме. М.: МШПИ, 2008. С. 41.

⁷ Восленский М. Феодалный социализм: место номенклатуры в истории // Новый мир. 1991. № 9. С. 197.

⁸ См.: Хэнсон С. Эволюция постсоветских режимов // Pro et Contra. 2011. № 5 (53). С. 106.

⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Политиздат, 1990. С. 644–706.

¹⁰ Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

¹¹ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962 // Нева. 1993. № 5/6. С. 130.

¹² Подробную классификацию типов легитимации см.: Политология: энцикл. слов. / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. С. 151–153.

¹³ Алексеев С. Это революция в мировой юридической системе // Моск. новости. 2001. № 28. С. 2.

¹⁴ Ельцин Б. Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.

В. П. Милецкий

**Правовая культура как фактор консолидации
и стабильности современного российского общества**

В статье исследуется специфика и основные признаки консолидации и стабильности современного общества. Рассматриваются основные факторы их воспроизводства и поддержания. Уделяется внимание политико-правовым факторам консолидации и стабильности современного российского общества. Отмечается весомая роль политической и правовой культуры в этом процессе. Специально выделяется градация социальных субъектов правовой сферы общества, непосредственно обеспечивающих продуцирование и совершенствование правовой культуры в современной России. Наконец, освещаются дестабилизирующие социально-правовые факторы консолидации и стабильности современного российского общества.

Ключевые слова: политическая культура, правовая культура, консолидация общества, стабильность общества, политико-правовые факторы консолидации, политико-правовые факторы стабильности, правовая сфера общества, ментальные компоненты правовой сферы, социально-правовые факторы консолидации, социально-правовые факторы стабильности

Vladimir P. Miletski

**Legal culture is a factor of consolidation
and stability of the modern Russian society**

This article is about main and distinctive features of consolidation and stability of the modern Russian society, but also those main factors of reproduction and maintenance. Special attention is paid to political and legal factors of consolidation and stability of the modern Russian society. It is noted significant role of political and legal culture in this process. The author gives a gradation of social subjects of legal spheres of a society, whose ensure a production and improvement of legal culture in the modern Russia. At last, the author reveals destabilizing a social and legal factors of consolidation and stability of the modern Russian society.

Keywords: political culture, legal culture, consolidation of a society, stability of a society, political factors of consolidation and stability, legal factors of consolidation and stability, legal sphere of a society, mental components of a legal sphere, social factors of consolidation and stability, legal factors of consolidation and stability

Как известно, с одной стороны, стабильность общества обеспечивается внутренней сплоченностью, консолидированностью общества и динамической устойчивостью всех его подсистем. Но, с другой стороны, консолидация современного общества невозможна без его минимальной стабильности. Для поддержания стабильности самым важным регулятором системы общественных отношений выступает политико-правовая подсистема и, прежде всего, государство как макроинсти-

тут, обеспечивающий управляющее и координирующее воздействие на социум. При этом основополагающими факторами воспроизводства и поддержания стабильности общества в этом случае выступают не только политические институты, но и такие факторы, как политическая и правовая культура граждан. Также свой позитивный вклад в поддержание стабильности вносят система политического управления, политическое лидерство, форма правления, политический режим, гражданское общество, характер государственной идеологии и др. Не менее существенное воздействие на поддержание стабильности и консолидации общества оказывают качество нормативно-правовых актов, уровень правоприменения, эффективность административного аппарата и др. И, наоборот, негативными факторами выступают бюрократизм, коррупция, правовой нигилизм чиновников и сотрудников правоохранительных органов и многое другое. В этом отношении очевидна неразрывная связь политико-правовых факторов стабильности и нестабильности, консолидации и дезорганизации общества, среди которых особую роль играет правовая культура. О ее влиянии на поддержание стабильности и консолидации общества пойдет речь в настоящей работе.

Если по вопросу о сущности консолидации, характеризующей определенный уровень сплоченности общества, в научной литературе утвердилась солидарная позиция, то в отношении специфики стабильности и факторов ее обеспечения и поддержания продолжается дискуссия. Имеются разные подходы и классификации основных типов и разновидностей стабильности современного общества. Так, стабильность в широком смысле слова понимается как состояние общества, позволяющее ему продолжать свое существование в качестве открытой и адаптирующейся системы, подвергаясь определенным внутренним трансформациям и изменениям в отношениях с внешней средой. Как многомерное и многофакторное явление стабильность обеспечивается внутренней сплоченностью и консолидированностью общества, а также динамической устойчивостью всех его подсистем. При этом системная стабильность общества декомпозируется в экономической, политической, правовой и других формах стабильности. Так, экономическая стабильность представляет собой устойчивую способность экономики к постоянному и последовательному возобновлению производства, распределения, обмена и потребления всего, что необходимо для полноценной жизнедеятельности общества в целом.

В отличие от вышеназванной формы под политической стабильностью понимается устойчивое функционирование одного правительства в течение продолжительного периода и его способность успешно адаптироваться к меняющимся реалиям, сохраняя устоявшийся социальный порядок и законность, осуществлять артикулирование и агрегирование основных интересов, нужд и устремлений всех основных групп населения, стимулировать их политическое участие посредством разработки и проведения эффективной социально-экономической политики. При

этом при авторитарном режиме формируется мобилизационный тип стабильности, а в условиях демократического режима складывается автономный. Как следствие, политическая стабильность в контексте системного подхода выступает и результатом, и интегральной характеристикой устойчивого состояния общества. В связи с этим уместно остановиться на специфике и градации основных факторов стабильности общества.

Для резистентного типа стабильности самым важным регулятором системы общественных отношений выступает политическая система и, прежде всего, государство, обеспечивающего управляющее и координирующее воздействие на социум. При этом среди политических обстоятельств, воздействующих на формирование стабильности общественной системы, основополагающими выступают не только объективные социальные компоненты (политические институты, политическое управление, культура и др.), но и субъективные факторы (эффективность и легитимность власти). В целом же к основным политическим факторам стабильности общества относятся и демократический режим политической власти, и гражданское общество, обеспечивающее через разнообразные гражданские политические и правовые институты активное участие граждан в артикулировании, агрегировании и отстаивании своих интересов, прав и свобод, и развитая совокупность государственных и муниципальных институтов, обеспечивающих паритет интересов основных групп населения, и средний класс как социальный стабилизатор общества, и демократически избираемая, эффективная и легитимная политическая власть, осуществляющая своевременное предупреждение, урегулирование и разрешение разнообразных социальных конфликтов на основе согласительных, компромиссных состязательных принципов и процедур, наконец, и политико-правовая культура, основанная на общечеловеческих демократических ценностях.

В свете вышеизложенного на поддержание стабильности и консолидации общества решающее влияние оказывают социальные субъекты, институты, процессы, практики и другие компоненты политической подсистемы. Они функционально сориентированы на обеспечение стабильности и устойчивости общественных отношений и выступают ключевым фактором (множителем) стабилизационных процессов в обществе, представляя собой как основу, так и причину изменений и стабильности социальной системы. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что среди многочисленных «непосредственных» политических факторов, обеспечивающих консолидацию общества и стабильность государства, значительную роль в современном мире играет имеющая система политического управления во всех его ипостасях, которая воплощается, в первую очередь, в разнообразных видах государственной, муниципальной и корпоративной политики. Речь в данном случае идет, главным образом, о социально-экономической политике. Но наряду с политико-управленческой составляющей свой существенный вклад в обеспече-

ние консолидации общества и стабильности государства вносят такие ментальные компоненты социума, как политическая и правовая культура.

С социологической точки зрения, не смотря на глубинную взаимосвязь политической и правовой культуры, имеет смысл разделять эти два социальных явления. Причем, в отношении специфики политической культуры уже сложилось общее понимание последней как части общей культуры общества, включающей в себя совокупность исторического опыта народа, политических традиций, политических ценностей, ориентаций и установок, типов, стилей и стереотипов политического поведения. Согласно авторитетному мнению Г. Алмонда и С. Вербы, различаются три «чистых типа» политической культуры: 1) приходская или культура местных общин; 2) подданическая культура; 3) культура участия или активистская культура. Имеются и смешанные типы политической культуры, которые сочетают черты трех чистых типов. Одним из них является так называемая гражданская культура, в которой элементы третьего (активистского) типа преобладают над элементами первого и второго типов¹.

В то же время по вопросу о сущности правовой культуры имеются разные подходы. Дело в том, что, хотя носителями (социальными субъектами) политической и правовой культуры выступают, как правило, одни и те же акторы политико-правовой сферы общества (политические элиты, депутатский корпус, класс бюрократии и др.), но правовая культура все-таки выступает ментальным компонентом структуры не политической, а правовой сферы современного общества. Ведь последняя существенно отличается от политической подсистемы и представляет собой целостную совокупность социальных субъектов и институтов права, социально-правовых процессов и духовно-правовых компонентов, консолидированных, содержащими в себе меру свободы, справедливости, формального равенства и гуманизма, нормами живого, социального и позитивного права в целях защиты конституционного устройства, правопорядка и законности, поддержания социально-экономического строя, реализации воли и интересов различных групп населения, обеспечения фундаментальных прав и свобод человека.

В соответствие с таким определением в структуру правовой сферы современного общества входят субстанциональные, человеческие, процессуальные, институциональные и ментальные (духовные) составляющие, к которым относятся социальные субъекты, выступающие производителями или исполнителями правовых норм, социально-правовые институты и процессы, а также духовно-правовые компоненты. К последним относятся следующие ментальные элементы индивидуального, коллективного и общественного сознания людей. Во-первых, социально-правовые знания, представленные философскими, социологическими и юридическими теориями и доктринами права, а также другими социально-правовыми концептами. Во-вторых, социально-правовые ценности, юридические ценностные установки и ориентации. В-третьих, юридические и социально-правовые интере-

сы, потребности и устремления индивидов, социальных групп и общностей людей и др. Наконец, главенствующее место в структуре ментальных компонентов правовой сферы занимают правовое сознание и культура.

Правовая культура, с одной стороны, корреспондируется с правовым сознанием. С другой стороны, ее важным элементом выступает поведенческая составляющая. Если правовое сознание представляет собой своеобразный сплав, в который входят социально-правовые знания, представленные философскими, социологическими и юридическими теориями и доктринами права, социально-правовые ценности, юридические ценностные установки и ориентации, социально-правовые интересы, потребности и устремления индивидов, социальных групп и общностей людей и др., то в правовой культуре представлена еще и поведенческая составляющая. Речь идет о практическом проявлении духовно-правовой культуры в законопослушном, исключающем противоправные деяния, поведении как граждан, так и в особенности социальных субъектов правовой сферы общества. К последним относятся преимущественно социально-профессиональные группы, которые наделены способностью и возможностью продуцировать и транслировать социально-правовые нормы, а также реально участвовать в осуществлении правоприменения в обществе и других правоотношениях. Социальные субъекты права должны быть способны, с одной стороны, осуществлять специфическое отражение социальной действительности в форме социальных норм (обычаев, традиций, нравов, правовых обыкновений и др.) и юридических установлений государственной и муниципальной власти (конституции, кодексы, законы, указы главы государства, муниципальные правовые акты и др.). С другой стороны, социальные субъекты наделены в любом обществе определенными полномочиями, властью и ресурсами для правоприменения, участия в организации цивилизованных правоотношений в обществе, поддержании их стабильного функционирования, охране правового режима и законности посредством правоохранительной деятельности. В этой деятельности в полной мере реализуется поведенческая составляющая правовой культуры социальных субъектов права, понимаемая как совокупность присущих им социально-правовых установок, поведенческих практик и стереотипов, соответствующих действующим в обществе правовым установлениям. Чем выше уровень их поведенческой правовой культуры, тем полнее и всесторонне исполняются правовые законы и другие нормативные акты, адекватнее реализуются позитивные социальные последствия их исполнения на практике, и, следовательно, совершеннее становится правопорядок и прочнее законность, благодаря которым укореняется стабильность и консолидированность всего общества.

В современном российском обществе к социальным субъектам правовой сферы относятся следующие социально-профессиональные группы.

1. Главным социальным субъектом права является социально-профессиональная группа законодателей всех уровней (депутатский корпус). Речь идет о сообще-

стве депутатов всех уровней, которые профессионально осуществляют главным образом продуцирование юридических норм в форме конституций, кодексов, законов, муниципальных правовых актов и др. В свою очередь депутатский корпус дифференцируется на группы центральных, региональных и муниципальных депутатов, каждая из которых полномочна создавать только свои юридические нормы.

2. Особую микросоциальную социально-профессиональную группу образуют руководители исполнительных органов власти всех уровней, включающую в себя главу государства и премьер-министра, руководителей регионов и муниципальных образований. В России в эту группу входят Президента страны, глава правительства, губернаторы и руководителей республиканских образований в составе федерации, мэры или главы администраций городов, районов и др. Они полномочны в пределах своих функций издавать юридические нормы (указы, постановления, решения и др.), регламентирующие и упорядочивающие общественные отношения в отсутствие законов либо наряду с законами и кодексами. В связи с этим в политическом обороте имеет даже хождение такая формула, как «указное право». Главной функцией данного социального субъекта является преимущественно правоприменение. В отдельных случаях они полномочны осуществлять известное нормотворчество в форме указов президента, постановлений правительства и др.

3. Особым субъектом права в зарубежной правовой социологии принято считать социально-профессиональную группу судей всей инстанций (судейский корпус), которые играют особую роль с античных времен в качестве профессиональных арбитров во всех гражданских, уголовных и иных конфликтах и разбирательствах. Судейский корпус исполняет главным образом правоприменительную функцию. Но в отдельных случаях они занимаются и нормотворчеством. Например, комментарии и разъяснения Верховного и Конституционного Судов России по конкретным статьям кодексов или законов имеют вполне определенную законодательную силу.

4. Также определенную роль в процессе нормотворчества играют ученые-юристы, вырабатывающие правовые теории, юридические доктрины и законопроекты, занимающиеся толкованием и разъяснением законов и консультациями по вопросам правоприменения. Роль юридических доктрин в разные исторические периоды то повышалась, то падала, но никогда не сводилась к нулю.

5. Особое место среди социальных субъектов права занимает социально-профессиональная группа сотрудников правоохранительных органов (прокуратуры, юстиции, внутренних дел, государственной безопасности и других силовых ведомств государства). Все они выступают аттестованными государственными служащими, функцией которых является надзор за применением законов (прокуратура, органы юстиции) или правоохранительная деятельность (органы внутренних дел, госбезопасности и др.).

6. Весьма заметную роль в современном обществе играет социально-профессиональная группа таких практикующих юристов, как корпус адвокатов и нотариу-

сов. Они занимаются исключительно правоприменением, защищая своих клиентов или регистрируя официальные документы.

7. Существенную роль в совокупности социальных субъектов права играет класс бюрократии. В его состав входят гражданские государственные и муниципальные служащие, а также вольнонаемные сотрудники официальных органов власти и управления. Как субъект права бюрократия не располагает полномочиями законотворчества, не вправе создавать свои собственные юридические нормы, являясь исключительно субъектом правоприменения. Но вместе с тем во исполнение нормативных правовых актов бюрократия полномочна издавать и требовать исполнения ведомственных подзаконных актов, не имеющих силу законов.

8. Еще одним влиятельным в демократическом обществе социальным субъектом правовой сферы выступает социальная общность активистов и волонтеров разнообразных правозащитных институтов и некоммерческих организаций правозащитного толка. Например, в России весомый авторитет имеет «Общество защиты прав потребителей» или организация «Солдатские матери».

В современном российском обществе у перечисленных социальных субъектов сформировался различный уровень правовой культуры, в особенности ее поведенческой составляющей. Состояние такой культуры у депутатов, судей, руководителей институтов исполнительной власти в целом находится на должной высоте, который лишь изредка омрачают такие эксцессы, как оскорбительные выпады В. В. Жириновского в адрес женщин-журналистов в здании Государственной Думы 18 апреля 2014 г. В отличие от этого, как показывают материалы мониторинга общественного мнения и сообщения в СМИ, в отношении сотрудников правоохранительных органов, чиновников и некоторых других социально-профессиональных групп есть немало нареканий. Весьма негативную реакцию общественности вызвало фактическое сращение определенных сотрудников МВД с криминалитетом в Кушевском районе Краснодарского края, повлекшее за собой тяжкие преступления. Не меньший общественный резонанс вызвали пытки и убийство задержанного гражданина в отделении полиции «Дальний» г. Казани. Как следствие, провоцируется, основанная на недовольстве коррумпированностью и противоправными действиями сотрудников полиции и бюрократии дестабилизация общественного порядка, стихийные выступления и протестные акции населения. Поэтому повышение поведенческой составляющей правовой культуры правоприменения выступает важнейшим фактором дальнейшего укрепления стабильности государства и консолидации российского общества.

Примечания

¹ См.: Политическая социология / под ред. В. Д. Виноградова, Н. А. Головина. М.: РГ-Пресс. 2013. С. 417.

А. В. Шевцов

**Понятие «электоральная культура»
в отечественной отраслевой социологии и политологии**

Статья посвящена бытованию понятия «электоральная культура» в отечественной отраслевой социологии и политологии. Рассмотрены вопросы: адаптации данного понятия к предметному полю российского социально-гуманитарного знания и политической реальности; определения соотношения понятий «электоральная культура» и «политическая культура»; внешних и внутренних факторов, влияющих на трансформацию данного понятия в отечественной научной традиции.

Ключевые слова: электоральная культура, политическая культура, политическая коммуникация, политические выборы

Alexey V. Shevtsov

**The concept of «electoral culture»
in the domestic industry of sociology and political science**

The article is devoted to the existence of the notion of «electoral culture» in the domestic branch of sociology and political science. The considered questions: adaptation of this concept to the subject field of the Russian socio-humanitarian knowledge and political reality; determine the relationship between the concepts of «electoral culture» and «political culture»; external and internal factors influencing the transformation of this notion in Russian scientific tradition.

Keywords: electoral culture, political culture, political communications, political elections

Освоение норм и идеалов либеральной демократии в последние два десятилетия в России сопровождалось принятием ее основной идеологемы: приравниванию демократии к власти, избранной в процессе «свободных, честных и ответственных» политических выборов. А это неизбежно вело к утверждению в отечественной политической традиции понятия «электоральная культура».

Данному обстоятельству способствовала так называемая культурологическая направленность современных западных научных исследований. Эти позиции нашли отклик в современном отечественном социально-гуманитарном знании. Так, по утверждению К. В. Бандорина область электоральных социологических исследований традиционно делится между академическими социологами и бихевиористски ориентированными политологами. В качестве последних выступают «классики-американцы» П. Лазарсфельд и Б. Берельсон, а также англичане Д. Батлер и Д. Стоукс, Р. Маккензи и А. Сильвер, Дж. Голдторп и Д. Локвуд.

«Большинство публикаций, посвященных теоретическим и технологическим вопросам избирательных кампаний, написано людьми, непосредственно принима-

ющими участие в работе с командами кандидатов, политическими консультантами, экспертами по имиджу партий и политических акторов, социологами-полевыми, исследующими особенности электорального поведения социально-демографических или социально-территориальных групп. Солидный опыт избирательных технологий, институционализированный в ритуалах и риторике политических кампаний, накоплен в США. Методы ведения выборной кампании основываются здесь на разработках социальных ученых, занимающихся социально-антропологическими исследованиями культуры, психологии и социальных институтов (М. Абельс, М. Новак, Д. Керцер, Дж. Маклеод, Х. Херцог, Р. Бэрк). Дж. Маклеод применяет антропологическую метафору, рассматривая предвыборные публичные действия кандидатов как политическую драму с особыми ритуалами и риторикой. Отечественные ученые признают важность исследования политических ритуалов, символов, ритуалики и мифологии для понимания современного управления (Е. М. Акимкин, А. Г. Здравомыслов, П. В. Романов). Ритуальный характер официальной и массовой идеологии в современной России отмечают С. И. Барзилов, А. П. Новиков, Е. И. Федосеев. С. А. Шандыбин рассматривает сферы применимости современной социокультурной антропологии, В. В. Ильин, А. С. Панарин разрабатывают направления политической антропологии. Т. В. Евгеньева, И. Н. Ионов, В. Д. Нечаев специально анализируют мифологическую составляющую политической культуры. О. Ю. Рыбаковым дана социально-антропологическая характеристика политического поведения»¹.

Элементы политической культуры приобретают большое значение в объяснении электорального поведения. В рамках электоральной географии («экологического анализа») выявляются «экологические единицы», специфические электоральные зоны, в пределах которых своеобразное сочетание природных, экономических, социальных, политических, социокультурных и других факторов обеспечивает относительную устойчивость специфического распределения электоральных ориентаций (Зигфрид А. «Политическая картина Западной Франции в период III Республики»). «Сфера использования „экологического анализа“ в классическом виде с 20-х гг. XX в. стала сужаться, что связано, с одной стороны, с развитием практики опросов общественного мнения, сочетание двух видов индикаторов давало возможность выделять электоральные зоны, в которых устойчиво преобладал определенный тип участия в выборах и голосовании; а с другой – усилением социальной и географической мобильности населения»².

Исправить эти недостатки в середине века взялся швейцарский исследователь М. Доган. С помощью «комбинированного метода» выделялись типические зоны (промышленная, аграрная, смешанная), определялись доминирующие в них типы политической и религиозной ориентации. Опросы помогали выявить реально существующие субкультуры. Метод позволял снять недостатки экологического анализа относительно исследования индустриальных районов.

Ориентированное на всестороннее исследование поведение избирателя и электората в целом так называемое «бихевиористское направление», в отличие от опирающегося на изучение территории экологического анализа, изначально не могло обойтись «без применения специально разработанных программ опросов общественного мнения»³. Отсюда разработка панельного метода группой П. Лазарсфельда и Б. Берельсона (президентская кампания США 1940 г.) с особым вниманием к коммуникационным факторам (воздействие СМК и межличностного общения), программа А. (Э.) Кемпбелла по исследованию факторов мотивации избирателей-горожан по их идентификации с определенной партией и/или кандидатом («воронка причинности»), совершенствование Дж. Гэллапом выборочного метода, использование Э. Ноэль-Нойман «железнодорожного теста».

И. В. Охременко отмечает недостатки рационально-инструментальной теории, основывающейся на экономическом выборе электората. Противоположностью ей являются «экспрессивные теории», к которым он относит социологическую (выбор избирателя определяется принадлежностью к большим социальным группам) и социально-психологическую (избиратель солидаризируется с партией, воспринимаемой в качестве референтной группы) интерпретации. В социально-политической плоскости учитывают следующие факторы, оказывающие решающее значение на характер электорального поведения:

объективные: социальное происхождение избирателей; социальная принадлежность тех или иных групп избирателей (их социально-экономический статус); социальное окружение (влияние неформальных и формальных групп); пол, возраст избирателей; национальный состав избирательного корпуса; религиозность; внутренняя и внешняя политическая обстановка страны; географические условия.

Субъективные: специфика политической культуры, манипуляторское воздействие партий и организаций, выражающих их социальную и политическую стратегию; психологическое давление СМИ⁴.

Подобные тенденции проявляются и в таком «частном случае», как определение структуры и содержания электоральной социологии. Так, немецкий ученый Б. Зондерман полагает, что социология выборов изучает определяющие факторы индивидуального политического участия в выборах. Цель социологического анализа выборов заключается в описании, объяснении и прогнозировании участия в выборах, формирования индивидуальных избирательных решений, распределения партийно-политических, персональных (в отношении отдельных кандидатов) и тематических предпочтений в избирательном корпусе в целом, а также в различных социальных, культурных, территориальных сегментах электората.

Различаются структурные и ситуативные детерминанты электорального поведения. Социальная структура, система политических институтов, структура общественных интересов на макроуровне, а также социоструктурная укорененность избирателей в своей социальной среде, культурном и организационном окружении

и др. относятся к структурным условиям партийно-политической избирательной конкуренции. Число и виды избирательных альтернатив (партий или кандидатов), вопросы внутренней и внешней политики, экономические перспективы или особенности проведения избирательных кампаний относятся к факторам ситуативного влияния. Стойко закрепленные привычки, нормы и стереотипы поведения, вытекающие из процесса политической социализации, рассматриваются как личностные факторы избирательного поведения⁵.

Как видим, интересующая нас проблематика обозначена достаточно явно, что неизбежно ставит вопрос об объединении понятийных элементов, относящихся к области культуры, в общее понятие «электоральная культура».

Соответственно, наиболее удобный способ позиционировать новый термин, это вписать его в рамки уже давно существующей «политической культуры». Так, по версии В. Ф. Коврова, «электоральная культура» является разновидностью политической культуры, включающей в себя способ деятельности и поведения политических лидеров, организаций и отдельных групп электората⁶. Первое понятие относится к изучению относительно узкой сферы общественной жизни – проблемы выбора субъекта политической власти электоратом в ходе избирательной кампании, второе – к исследованию широкой системы явлений, связанных с государством и властью, ее формами и методами, субъектами ее осуществления, определенными отношениями между различными социальными субъектами и т. п. «Электоральную культуру можно представить в качестве непосредственного активного компонента политической культуры, так как вне периода выборов политическая активность населения практически не проявляется, либо носит эпизодический немассовый характер.

Особенность электоральной культуры в отличие от политической заключается в том, что ее наличие в любом обществе совсем не обязательно⁷.

Эти положения можно интерпретировать следующим образом: наличие электоральной культуры – это один из критериев, отличающие современные политические системы и режимы от их «архаичных» сестер и братьев. В качестве основного преимущества современных выборов как формы политической коммуникации выступает отказ от вооруженного насилия, перевод политической борьбы в смягченные, относительно мирные формы.

«На рубеже XXI в. мир не знает, несмотря на многие недостатки выборного механизма – цивилизованной альтернативы демократическим выборам. Там, где их нет, где они не вошли в политическую культуру общества, там господствуют насилие и страх, там процветают дворцовые интриги и перевороты, заговоры, путчи и политические убийства. Поэтому, наряду с ростом задач и функций власти, все больше назревает потребность в цивилизованных формах функционирования политической системы. Внедрение демократических выборов, овладение культурой выборов – необходимая перспектива для многих и многих народов в XXI в.»⁸.

Как видим, апологеты современной либеральной демократии абсолютизируют этот принцип, представляя данные режимы как «царство политической гармонии», а их альтернативы – как «царства зла и хаоса».

Разумеется, далеко не все ученые принимают данный постулат за доказанный тезис. В первую очередь речь идет не о «развитости» или «недоразвитости» политической культуры определенной страны/государства/нации, сколько о готовности признания действующих норм и механизмов за «действенные» и «полезные».

Недаром в западной политической науке, особенно в американской, понятие «электоральная культура» используется редко и неохотно – как правило, применительно к странам «транзита» (Россия, Украина, Нигерия, Казахстан и др.). Иногда его относят и к относительно маргинальным политическим силам в странах «старой» демократии. Так, Д. Ортон рассуждает об электоральной культуре канадских «зеленых» с их эгоцентричным сознанием, отличающимся от традиционного антропоцентричного видения мира.

Что же касается собственно электоральных исследований, то западные ученые говорят не об электоральной культуре, а об электоральном поведении, электоральных ориентациях⁹.

Отсюда рассуждения о практике современной либеральной демократии в духе знаменитой сентенции У. Черчилля о «лучшей из худших» политических форм. Основное направление критики – выявление плутократической «подкладки» современной либерально-демократической демократии.

В реальной политической практике, как правило, наиболее существен разрыв между сущим и должным. Понятно, что в идеале политическая борьба должна быть честной и здоровой конкуренцией за то, чтобы государственная власть выражала интересы целого и не становилась средством удовлетворения групповых, узкопартийных клановых и личных интересов отдельных людей. Однако должное расходится с реальным. Даже в демократическом избирательном процессе широко применяются несправедливые средства. Активное избирательное право требует значительных финансовых, административных и информационных ресурсов, что по плечу единицам. Простой «смертный» реально не может воспользоваться этим правом. Таким образом, в выборах незримо, подспудно присутствует имущественный ценз. Политическая рулетка избирательной кампании накручивает колоссальные суммы.

Наличие политической борьбы, достигающей пика в периоды избирательных кампаний, ставит вопрос о политической безопасности¹⁰.

В действительности «демократические выборы» – иллюзия. При дороговизне не то что избирательных технологий, а самого выборного процесса участвовать

в нем могут лишь единицы, представляющие истеблишмент <...> Народ принуждают проголосовать за того или иного кандидата посредством психотропной обработки его подсознательного уровня. Для реализации глобального избирательного имиджмейкерства требуются колоссальные затраты. Побеждает тот, кто купит более дорогостоящую электронную технологию. Таким образом, результаты выборов оказываются predeterminedены степенью финансовых ресурсов кандидатов¹¹.

Как же столь неоднозначная объяснительная схема реализуется в современной отечественной науке и политической практике? Г. Л. Кертман выдвинул три варианта реагирования российской политической культуры на «имплантацию» модели альтернативных выборов: 1) отторжение, неприятие, при котором выборы воспринимаются как вредная или, как минимум, бесполезная для страны инновация; 2) освоение и усвоение новой практики, сопровождающееся интериоризацией ее мировоззренческих оснований, т. е. демократических ценностей и релевантных им политических установок, что означает постепенную трансформацию фундаментальных характеристик самой российской политической культуры; 3) реинтерпретация этой практики, ее смысла и политического предназначения, позволяющая «вписать» институт выборов в традиционный для российского социума ценностно-нормативный контекст и на этой основе выработать органичные для российского избирателя мотивации электорального поведения. Причем на практике речь идет об одновременной реализации сразу всех трех вариантов (тенденций)¹².

Новые правила политической игры предъявляли российским социологам особые требования со стороны власти. Как писали А. В. Дмитриев и Ж. Т. Тощенко по поводу «большого конфуза» 1993 г.: «Складывается впечатление, что опрос представляет собой по-прежнему дискуссионный объект, и споры вокруг него будут продолжаться до тех пор, пока его будут использовать в чисто политических или экономических целях. Власти, несмотря на некоторую культурную ограниченность ее представителей, вот уже несколько лет как осознали, что общественное мнение – основа легитимности их существования.

Стало быть, сегодня опрос представляет их обычную апелляцию к суждениям людей.

Именно поэтому одновременно выявляется и неравенство опрашиваемых и тех, кто заказывает, кто проводит и кто интерпретирует опросы.

При таком неравенстве мнению легко придать представительную и отрежиссированную формы, которые и преподносят публике. И здесь душевные призывы ведущих социологов (Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Г. В. Осипов, М. Н. Руткевич, В. А. Ядов) к более молодым и предприимчивым организаторам опросов к методологической и методической, «чистоте» и «ответственности», к сожалению, не нашли адекватного ответа»¹³.

Еще один фактор: новая ситуация, сложившаяся с массовым внедрением в России компьютерно-сетевых технологий, и, соответственно, формированием интернет-сообщества:

<...> «политический Рунет» обладает четко очерченной спецификой (альтернативность информации, сочетание сетевых и чисто-политических акторов, широкое распространение манипулятивных электоральных технологий).

Можно говорить о становлении новой политической культуры и, соответственно, новых электоральных стандартов, что особенно ярко проявилось в конце 1990-х гг. Особое внимание исследователи обратили на оперативность новых коммуникативных средств (информативность, интерактивность, доступность и т. п.), что давало особые предпочтения использующих их кандидатов и политических организаций.

В ходе избирательных кампаний Интернет выполняет весьма разнообразные функции (информационную, коммуникационную; политико-имиджевую, политико-рекламную, политико-маркетинговую, политико-мобилизационную, политической социализации электората; контрольную)¹⁴.

Относительно влияния норм электоральной и политической культуры на адаптацию иностранного социологического инструментария к российским условиям, можно привести два примера.

1) Д. Г. Ротман, при проведении рейтинговых замеров способом «укол» использовал следующий вопрос: «„Кто из политических деятелей является для Вас наиболее авторитетным?“», «„Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого бы Вы проголосовали?“» и т. д. Ответы на вопросы такого типа дают общие представления об отношении электората к ведущим субъектам политического поля. Самым неудачным вариантом является вопрос: «„В какой мере доверяете следующим кандидатам (партиям)?“», поскольку является копией заимствованной из западной социологической практики, и не вполне отвечает особенностям отечественной политической культуры, вследствие этого данные, полученные при его помощи ненадежны»¹⁵.

2) Классическая модель «воронки причинности», была представлена группой сотрудников Мичиганского университета во главе с А. (Э.) Кемпбеллом в монографии «Американский избиратель» в 1960 г.:

– первый слой («вход в воронку») – социально-экономические и культурные условия, порождающие социально-политические противоречия: экономическая структура, социальная дифференциация, исторические традиции (эти условия скажутся на структуре партийной системы, прямо не влияя на голосование);

– социально-групповая лояльность (классовая, региональная и т. п.) и ценностные ориентации, формирующиеся под воздействием социально-экономические факторы, непосредственно отражающиеся на голосовании: установки (установки) по отношению к 1. кандидатам, 2. политическим курсам, 3. групповым «бенефици-

ям» (выгодам) (образуются под влиянием первого слоя, оказывают относительно независимое влияние на электоральный выбор, особенно в краткосрочной перспективе);

– партийная идентификация – фильтр, через который пропускается информация, относящаяся к трем установкам, указанным в предыдущем слое.

Внешние факторы (деятельность правительства, мнения друзей, СМИ, ход избирательной кампании, конкретные политические и экономические условия) опосредуются слоями «воронки».

Однако попытки применить эту модель вне жесткой американской дихотомической системы («демократы – республиканцы») натолкнулись на серьезные сложности.

Е. Ю. Мелешкина попыталась адаптировать данную модель к современной российской реальности:

– базовый уровень – показатели, охватывающие специфику страны в целом: социальные размежевания, политические традиции, особенности переходного периода, институциональный дизайн;

– политические ценности и ориентации, позиции избирателей по отдельным проблемам;

– ретроспективная и перспективная оценки конкретных политических сил и кандидатов, участвующих в выборах;

– факторы, непосредственно влияющие на голосование: установки по отношению к конкретным кандидатам и политическим партиям (намерение голосовать «за» или «против»).

Как нерелевантные местным условиям были изъяты основные факторы: партийная идентификация (и также заменяющая ее в отечественных исследованиях идеологическая идентификация), оценка избирателями различных политических курсов (в России конкурируют конкретные политики, а не «курсы»).

Выделенные группы «эндогенных» для «воронки» факторов находятся в динамическом взаимодействии друг с другом, что обуславливает нерекурсивный характер конструируемой модели. Воздействие политических ценностей и ориентации на оценку деятельности «партии власти», президента, возможностей отдельных политических сил и т. д. абсолютно очевидно и не нуждается в дополнительном обосновании. Несколько сложнее обстоит дело с обратной зависимостью. Однако и в этом случае можно установить наличие взаимосвязей. Так, по оценкам некоторых исследователей, в посткоммунистических странах, в отличие от стран стабильной демократии, изменения в экономике влияют на формирование политических предпочтений опосредованно, своеобразным фильтром здесь выступают установки по отношению к институциональным проблемам, связанным с демократизацией и экономической вестернизацией. Неудовлетворенность экономической ситуацией может привести избирателей к разочарованию в рыночных и демократических

институтов и заставить голосовать за партии, занимающие антидемократические и антирыночные позиции. В конструировании модели следует учитывать роль ряда экзогенных для воронки обстоятельств, таких как деятельность СМИ, характер ведения избирательной кампании, влияние друзей, знакомых, экономическая и политическая конъюнктура. Не оказывая определяющего влияния на выбор избирателей они могут служить своего рода «возмущающими» импульсами в краткосрочной перспективе¹⁶.

Освоение норм и идеалов либеральной демократии в последние два десятилетия в России неизбежно вело к утверждению в отечественной политической традиции понятия «электоральная культура».

Данному обстоятельству способствовала так называемая культурологическая направленность современных западных научных исследований. Эти позиции нашли отклик в современном отечественном социально-гуманитарном знании.

Элементы политической культуры приобретают большое значение в объяснении электорального поведения («экологического анализа», «комбинированного метода», социологического и социально-психологического подходов).

Структура и содержание электоральной социологии включает в себя многие элементы политической культуры. Отечественный исследователь В. Ф. Ковров определяет электоральную культуру в качестве непосредственного активного, но факультативного, компонента политической культуры.

Эти положения можно интерпретировать следующим образом: наличие электоральной культуры – это один из критериев, отличающие современные политические системы и режимы от их «архаичных» сестер и братьев.

В качестве основного преимущества современных выборов как формы политической коммуникации выступает отказ от вооруженного насилия, перевод политической борьбы в смягченные, относительно мирные формы.

Г. Л. Кертман выдвинул три варианта реагирования российской политической культуры на «имплантацию» модели альтернативных выборов (отторжение и неприятие, освоение и усвоение, реинтерпретация).

Новые правила политической игры предъявляли российским социологам особые требования со стороны власти. Еще один фактор: новая ситуация, сложившаяся с массовым внедрением в России компьютерно-сетевых технологий, и, соответственно, формированием интернет-сообщества.

Нормы электоральной и политической культуры повлияли на адаптацию иностранного социологического инструментария к российским условиям.

Примечания

¹ Бандорин К. В. Социальная организация избирательной кампании: автореф. ... канд. филос. наук: 22.00.08 / Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 1999. С. 2.

² Ковров В. Ф. Электоральная социология: учеб. пособие / Баш. гос. ун-т. Уфа, 2005. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Охременко И. В. Электоральное поведение: теория вопроса: учеб. пособие: в 2 ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 40–43.

⁵ Зондерман Б. Подходы к исследованию выборов: введение / пер. с нем. В. С. Авдониной // Выборы органов государственной власти Рязанской области: сравнит. полит. анализ: сб. ст. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина; под общ. ред. В. С. Авдониной. Рязань, 2002. С. 6–7.

⁶ Ковров В. Ф. Указ. соч. С. 8–12.

⁷ Там же С. 122.

⁸ Тер-Газарян А. В. Выборы как политический институт в условиях современного российского общества: автореф. ... канд. филос. наук / Ин-т молодежи. М., 1995. С. 11.

⁹ Цит. по: Фадеева Л. А. Электоральная культура: теорет. конструкт или очередная концептуальная натяжка? // Рос. электорал. обозрение. 2010. № 1. С. 32.

¹⁰ Анциферова И. В. Избирательный процесс как соревнование социальных и политических сил // Социология власти. 2006. № 1. С. 97.

¹¹ Багдасарян В. Э. Феномен квазидемократии: критика процедуры полит. выборов в ист. ретроспективе // Власть. 2007. № 5. С. 38.

¹² Кертман Г. Л. Статус выборов в российской политической культуре // Социологические наблюдения, 2002–2004 / сост. А. А. Ослон и др.; Фонд «Обществ. мнение». М.: Ин-т фонда «Обществ. мнение», 2005. С. 73.

¹³ Дмитриев А. В. Социологический опрос и политика // Социс. 1994. № 5. С. 42.

¹⁴ Шевцов А. В. Интернет и российская электоральная социология // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2013. № 156. С. 149–150.

¹⁵ Ковров В. Ф. Указ. соч. С. 162.

¹⁶ Мелешкина Е. Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис. 2002. № 5. С. 50–51.

А. В. Солдатов, А. А. Солдатов

Политическая культура

как фактор формирования электорального поведения граждан России

В статье анализируется роль политической культуры как способа осуществления власти широкими слоями населения, особенно в период проведения выборных кампаний. Большое внимание уделяется роли и месту в этом процессе публичных отношений как способу достижения взаимовыгодных отношений между всеми группами общественности путем плодотворного взаимодействия с ними.

Ключевые слова: политическая культура, электоральное поведение, публичные отношения, общественность, информационное общество

Alexander V. Soldatov, Andrey A. Soldatov

Political culture as a factor of electoral behaviour formation of citizens in Russia

In the paper the role of the political culture is analyzed as the way of power realization by the wide layers of population, especially during the elective campaign. Great attention is paid to the role and place of Public Relations (PR) in this process as means of achieving mutually advantageous relations between all groups of society owing to fruitful interactions with them.

Keywords: political culture, electoral behaviour, public Relations (PR), society, information society

Социологический анализ политической культуры предполагает выделение ее объективных и субъективных факторов. Объективные факторы определяют развитие политики; в результате их непрерывного воздействия происходит формирование потребностей общества и определение возможных ресурсов для их удовлетворения. Политическая система на основании полученной информации о состоянии и динамике развития внешней среды принимает решение, направленное на достижение конкретных целей. Субъективные факторы определяют сферу возможностей деятельности акторов, оставляя за ними выбор путей достижения целей. Политическая культура, как известно, есть искусство возможного. Отметим, что акторы ограничены в выборе средств и методов достижения целей, а искусство возможного заключается в достижении результата в условиях ограниченных ресурсов и конкуренции. Однако, политические акторы никогда не обладают достаточными ресурсами для достижения именно тех целей, которые они изначально ставят перед собой, чаще всего речь идет о приближении к определенному результату, который постфактум выдается за исходную цель. В этом плане связи с общественностью (PR) в политической сфере выполняют роль своеобразного инструмента, с помощью которого можно частично преодолеть объективно существующие препятствия на пути к достижению власти или к участию в ее распределении.

В современной российской политике принимают участие четыре группы акторов: профессиональные политики, группы интересов, специалисты в области политического PR и разнообразные группы общественности. Первые три группы являются профессиональными участниками политического процесса, их относят к политическому классу современного российского социума. Четвертая группа – это непрофессиональные акторы, которые принимают участие в реализации политики и власти время от времени.

Профессиональные политики, избираемые или назначаемые на должности в системе государственной власти, сегодня участвуют в выборах в РФ как индивидуальные кандидаты или члены избирательных объединений. Группы интересов это те, кто, непосредственно не обладая политической властью, пытаются активно влиять на процесс принятия политических решений, голосуя на выборах, финансируя партии и кандидатов и различными способами оказывая давление на должностных лиц, активно отстаивая свои интересы. В современной России в эту категорию входят чаще всего представители крупного и среднего бизнеса. Третью группу политического класса составляют люди, задействованные в сфере политехнологических услуг, они включены в сферу политического рынка и обеспечивают воспроизводство власти, прежде всего во время выборов. Среди этой группы, в первую очередь, нужно отметить политехнологов и журналистов¹. Четвертая группа – это избиратели, обладающие в условиях демократического режима правом выбора того или иного политика, или их группы, организованной в виде партии, в качестве легитимного руководителя.

Взаимоотношения внутри политического класса, равно как и его взаимоотношения с массой в современной политической культуре организованы в виде рынка, который диктует свои законы как «покупателям», так и «продавцам» специфического товара – власти. Политическая конкуренция в демократическом обществе устанавливает определенные правила и нормы в борьбе за власть. В рамках этой политической культуры конкуренция фактически исключает применение репрессивных механизмов и политического насилия, а также практически сводит на нет пропагандистко-информационное воздействие на широкие аудитории.

В современной политической культуре все более используется информационно-коммуникативная сфера. Как пишет немецкий социолог Н. Луман, «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации»². По Луману, коммуникация единственная общественная структурообразующая единица, она обладает внутренней структурой, куда входит три элемента: сообщение, информация и понимание. Причем, в теории Лумана данные элементы не рассматриваются как независимые друг от друга и они не способны обнаружить себя вне самой этой коммуникации.

Таким образом, можно отметить все более растущую зависимость социума от функционирования коммуникативных систем. В этой связи появление и развитие

связей с общественностью является закономерной реакцией политической системы на развитие современного коммуникативного пространства. Связи с общественностью представляют собой в этом историческом контексте дальнейшее развитие современной политической культуры. Именно в рамках системной парадигмы Н. Лумана адекватнее всего можно описать место и роль связей с общественностью PR в современном информационном обществе.

По мнению Н. Лумана, общество представляет собой совокупность социальных коммуникаций, которые рассматривают мир, исходя из собственной логики, что обуславливает невозможность проникновения окружающей среды внутрь системы. Тем не менее, потребность системы во внешней информации существует, что приводит к наблюдению системой собственного окружения. Данный процесс обозначается как структурное сопряжение: системы остаются автономными, но взаимодействуют; при этом между взаимодействующими системами возникает коммуникативная связь. Структурное сопряжение выражается в реферировании системой своего окружающего мира в форме информации и демонстрации окружению этой информации в сконструированных образах.

Из-за непрерывного роста комплексности внешнего мира появляется необходимость ее редукции, снижения высокой степени неопределенности, нивелирования роли факторов, направленных против единства социальной структуры. Эта редукция обеспечивается системной дифференциацией, которая представляет из себя разграничение системы и окружающего ее мира.

Исходя из абстрактных идей Н. Лумана, можно констатировать, что появление феномена связей с общественностью есть одна из реакций социальной системы на рост комплексности окружающей среды, и ее стремления редуцировать эту комплексность посредством функциональной дифференциации, которая выразилась в создании особого социального института (PR), отвечающего за стимулирование внутрисистемных коммуникаций и сохранение ее открытости.

Рассмотрим теперь функции, выполняемые публик рилейшнз в политической жизни сегодняшней России. В научной литературе выделяются три главные функции.

1. Контроль за мнением и поведением общественности с целью удовлетворения потребностей и интересов, прежде всего организации, от имени которой проводятся PR-акции. Эта функция часто подвергается критике, поскольку в данном случае организация рассматривает общественность как свою жертву. Подобная ситуация во многом напоминает манипулирование сознанием людей в определенном направлении, в том числе и в период формирования электорального поведения.

2. Реагирование на общественное мнение, то есть организация учитывает проблемы или поведение других и соответствующим образом реагирует на них. В противоположность первому варианту, организация стремится, в каком-то смыс-

ле, прислуживать общественности, рассматривая тех, от кого зависит ее судьба, как своих хозяев.

3. Достижение всеми возможными способами взаимовыгодных отношений между связанными с организацией группами общественности путем содействия плодотворному взаимодействию с ними. Именно эта функция является фундаментом современной политической культуры.

Теперь остановим свое внимание на такой важной функции публичных отношений как формирование политической культуры. В общем смысле политическая культура есть способ осуществления власти широкими слоями населения. Данное понятие в политических науках включает в себя не только поведенческую составляющую (ценности, установки), но и определенные институты власти. Функции PR состоят в основном в поддержании необходимого уровня равновесия между правительственной властью и обществом. Западные ученые в качестве «эталона» эффективной демократии выделяют рационально-активистскую модель. Эта теория предполагает высокую степень вовлеченности граждан в политику и строгий рациональный расчет по выборам представительных органов власти. Однако, крупным американским политологам, таким как Г. Алмонду и С. Вербе, удалось показать, что подобный тип общественных взаимоотношений является скорее идеальной моделью, чем реальностью, даже для наиболее продвинутых демократических государств. В современной России данная проблема носит особенно острый характер, поскольку переход к демократии состоялся здесь в крайне ограниченном временном диапазоне. Демократические выборные институты в наших условиях сформировались раньше сопутствующей им политической культуре. PR-технологии выполняют в этих условиях двойную роль; с одной стороны двусторонние модели коммуникаций повышают уровень участия граждан в политической жизни, но одновременно происходит разрушение политической общности. При этом определенная маркетизация российского политического процесса ведет к потере политической идентичности. В российском политическом пространстве, на сегодняшний день, мы практически не находим символического события способного объединить граждан и придать им чувство солидарности со страной. Во времена СССР таковой силой обладали «славные» даты истории. Хотя отметим, что советская политическая система отличалась низким уровнем политической осведомленности социальных групп, представление о политической культуре в советских условиях было низким. В период перехода к новым условиям на PR были также возложены задачи по модернизации политической системы, адаптации населения к намечившимся изменениям. Функция культурной трансформации публичных отношений призвала их выступать в качестве одного из механизмов изменения социальных норм, ценностей, традиций, ритуалов и других компонентов политической культуры. За последние пятнадцать лет многие задачи достаточно успешно решены, граждане страны имеют необходимый минимум информации, позволяю-

щей им оказывать влияние на ход политической жизни, особенно в период выборов кампаний. Этот результат был во многом достигнут благодаря разветвленным каналам социализации, к числу которых необходимо отнести СМИ и PR.

Следует однако отметить, что даже вполне благополучные в материальном положении россияне согласны с тем, что у них почти нет никаких рычагов влияния на действия властей, и они не могут изменить ситуацию. Эти результаты по-разному интерпретируются российскими учеными. Целый ряд из них говорят об авторитарных тенденциях в российской политике, в частности, подобной точки зрения придерживаются такие политологи, как И. Бунин и Г. Сатаров. Другой отечественный аналитик российских политических процессов К. Г. Холодковский говорит о плебисцитарной природе российской политической системы, по его мнению, невзирая ни на какие авторитарные тенденции и использование административного ресурса, власть стремится к обретению легитимации путем публичной признательности. Это достигается с помощью публично-общественных мероприятий, референдумов, всенародного голосования. С другой стороны, растущая аполитичность несет в себе тенденцию «виртуализации» политического пространства. О «виртуализации», в частности, пишет социолог С. Пшизова. Отсюда можно предположить, что некоторые PR-акции осуществляются латентным образом. Реализация же альтернативных позиций осуществляется за рамками официальной политики. К числу альтернативных источников информации можно отнести интернет. Преимуществом использования интернет-технологий является адресность аудиторий; в этом случае эти с молодые люди, обладающими высоким образовательным уровнем. В PR-акциях, рассчитанных на массовые аудитории, при проведении избирательных кампаний в интернет-пространстве используется «расширенный код», который все более активно применяется в повседневных информационных практиках. Авторство термина принадлежит Б. Бернстайну, который употреблял его в отличие от понятия «ограниченный код». Ограниченный код используется в определенных «анклавных» секторах социально-политической сферы. Ограниченный языковой код всегда связан со значениями, которые зависят от контекстов, принципы функционирования которых неявны, это предполагает наличие у индивидов общей идентификации, общих убеждений и практик. В таких PR-практиках складывается специфическая система смыслов, которая функционирует крайне избирательно, основываясь на выборе специфических синтаксиса и лексики. По утверждению ряда российских социологов, в настоящее время интернет представляет собой современную версию реализации модели «многоступенчатой» коммуникации Катца-Лазарсфельда³.

В некоторых российских условиях, когда целые сегменты политики оказываются закрытыми, массовая PR-коммуникация осуществляется зачастую без учета микросоциального аспекта выборов кампаний. Внешне это может походить на пропагандистские кампании с помощью СМИ. Также не принимается во внима-

ние дифференциация общественности, которая в большинстве случаев носит «латентный» характер. В этом случае существенным преимуществом использования PR-технологий в политических избирательных практиках является использование ситуативного подхода, при котором целенаправленно «конструируется» активная общественность при помощи Интернета. Именно в интернет-пространстве, на сегодняшний день, в наиболее удобной форме реализуется модель открытого диалога. «Практически все политические кампании теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и веб-сайтов, посредством которых формируется имидж политика (политической акции или организации). Через Интернет ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками и т. д.»⁴. Также интернет-технологии на сегодняшний день остаются сектором, где используются такие знаковые информационные приемы 90-х гг. XX в., как провокации и «информационный шум».

Отличительной особенностью подачи информации в интернет-пространстве, является ее адресность. Именно сетевые интернет-технологии являются на сегодняшний день мощным источником формирования особой политической «субкультуры» со специфическими кодовыми выражениями. В этом информационном поле сегодня появляется реальная возможность для формирования особой микросреды, способной выдвигать собственных «лидеров мнений». В современной российской политике только руководители высшего уровня способны выступать в роли модераторов общественно-политических установок. После отмены прямых губернаторских выборов региональные лидеры заметно сократили взаимодействие с представителями широкой общественности, главной их задачей становится позиционирование не перед населением региона, а перед федеральным центром. Одновременно, в связи с отменой выборов по одномандатным округам наблюдается заметная деперсонализация российского депутатского корпуса. Рейтинг узнаваемости народных избранников резко понизился, один из опросов ВЦИОМ, проведенный в октябре 2008 г., свидетельствует о том, что более 70% граждан Псковской и Новгородской областей не знают, кто представляет их регион в российском парламенте⁵. Сделаем предположение о том, что в некоторых регионах России картина выглядит еще более плачевно. На практике это приводит к тому, что большинство российских политических партий не могут использовать «лидерский потенциал» своих руководителей. На последних выборах исключение составила только Единая Россия, избирательный список которой возглавил действующий в тот период Президент Д. Медведев, а также традиционные партии-долгожители: КПРФ и ЛДПР. Поэтому российские политики, действующие в легальном политическом поле, вынуждены ориентироваться в основном на лидеров государства. Это существенно снижает политическое пространство их маневра. В подобных условиях нет необходимости осуществлять двухступенчатую коммуникацию и учитывать микросоциальные связи. В современных условиях основными потребителями со-

временной российской политической продукции являются жители, проживающие в небольших городах, где нет крупных источников альтернативной информации, способных сыграть роль анти-административного ресурса. Существуют однако, и немалые «зоны риска» для власти. Обычно к их числу относят анклавные полюса бедности и богатства. Эти сектора очень труднодоступны для массовых опросов различных социологических служб; и поэтому прогнозировать электоральное поведение вышеназванных групп крайне затруднительно. Поскольку в последние годы наблюдался значительный экономический рост, то этот аспект проблемы слабо анализировался. Однако, в условиях вялотекущего экономического кризиса в стране неизбежно будут возрастать риски неопределенности. Прежде всего это связано с тем, что в данных «анклавных секторах» формируются собственные «кодовые выражения», проникновение которых в широкое политическое пространство способно привести к дезорганизации налаженных коммуникативных потоков и возрастанию комплексности.

Итак, можно констатировать, что в России на сегодняшний день реализуются условия для эффективного использования PR-технологий в плане того, что П. Лазарсфельд называл «пропагандой достижения социальных целей». Во-первых, произошла монополизация российского информационного рынка. Сохранившиеся альтернативные источники информации зачастую имеют ангажированную позицию («Эхо Москвы», «Дождь», а также ряд печатных изданий), что не поддерживается большей частью электората. Во-вторых, для функционирования эффективной PR-коммуникации, как полагали американские социологи (Р. Мертон, П. Лазарсфельд и др.) необходимо еще одно важное условие – направление. Только путем целенаправленных PR-акций можно сформировать направление существующих базовых установок граждан. Благодаря монополизации информационных инструментов массового производства политических мнений появляется возможность направлять базовые установки российского электората в сторону поддержки существующей власти, что мы сейчас и наблюдаем в рамках российской политической культуры.

Примечания

¹ Пшизова С. Н. Становление политического рынка как теоретическая проблема: политическая теория, язык и идеология / отв. ред. Н. А. Романович. М.: РАПН, 2008. С. 206.

² Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб.: СПбГУ, 2000. Вып. 3. С. 43.

³ См.: Katze E., Lazarsfeld P. F. Personal influence. Glencoe: Free Press, 1955.

⁴ Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб.: Петерб. востоковедение, 2008. С. 109.

⁵ См.: Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: полит. консюмеризм в сравнит. перспективе // Полис. 2009. № 1.

Г. А. Меньшикова
Культура публичности

как маркер демократичности современного общества и государства

В статье раскрывается сущность новой модели государственного устройства, распространенной за рубежом и идентифицируемой там как Public Administration. Ее принципиальное отличие заключается в прямом соучастии населения в принятии управленческих решений, что воплощается термином «публичное управление». Однако сам термин, равно как отношения, которые в нем воплощены, мало изучены российской наукой, в частности современной российской социологией. В статье описываются теоретические подходы к анализу понятия «публичный», «публичность», «публичная сфера», «публичная арена» и «культура публичности». В заключении предлагается типология форм публичности в России и СССР, а также приводятся цифры, раскрывающие процесс нарастания публичности в стране под воздействием Интернета.

Ключевые слова: публичность управления, публичная сфера, история становления публичности, типы публичных пространств, показатели уровня включенности населения в управление

Galina A. Menshikova

The culture of publicity
as the attribute of democracy in modern states and societies

The article proves that Public Administration is the most perspective form of state arrangement. It is widely spread abroad. Its main feature is publicity, which means people's activity in the State's decisions making process. Unfortunately, the phenomena of publicity has no strict definition in Russian sociological science and is not enough researched. Article depicts theoretical approaches to define such terms as public, publicity, public sphere, public arena, the culture of publicity. At the end it shows the typical forms of public spheres in USSR and Russian Federation. Also it gives statistic data of publicity's growth in modern Russia under the Internet influence.

Keywords: public management, public sphere, the history of publicity's formation, the types of public spaces, the indexes of people's embeddedness into state management

Современный тип передового государственного устройства за рубежом идентифицируется на иначе как Public Administration. Этим термином маркируются такие его обязательные свойства, как, во-первых, включенность населения в государственное управление и, во-вторых, подотчетность исполнительной власти жителям страны). Государственное управление становится публичным, что предполагает прозрачность и доступность для каждого жителя информации, его интересующей (1), разработку и внедрение регламентов – стандартов качества и процедуры обслуживания населения в государственных учреждениях и органах власти (2), новые формы взаимодействия власти с населением: общественные слушания,

регулярные и публичные отчеты руководителей государства (учреждений и структур власти) (3), обязательность экспертизы всех законодательных актов и документов (4) и т. д.

Можно по-разному относиться к целесообразности применения этой модели как единственно возможной и обязательной для всех государств, но ряд процессов, происходящих повсеместно: рост образовательного уровня населения, повышение степени демократии общества, включенность подавляющей части населения мира в новые информационные потоки, организуемые через Интернет-ресурсы – говорят, что в принципах Public Administration закреплены условия управления будущего общества.

Тенденции к формированию публичного государства проявляются и в нашей стране, несмотря на определенную и явно излишнюю централизацию власти. В России, хотя и не так быстро, как хотелось бы, но проходят административные реформы, работает комиссия, инициировавшая и контролирующая деятельность «Открытого правительства». Интернет стал обязательным условием работы органов власти и управления и т. д. При этом сама установка на публичность работы государства и его подразделений, как нам кажется, озвучивается недостаточно. Социологи, а именно они должны включиться в изучение социальных перемен, предполагающих и транслирующих феномен публичности, пока не дали даже четкого определения этого термина.

В культуре россиян ценности публичности менее осознанны, по сравнению с зарубежным обществом. Для нас более привычно использовать термин «общественное», отражающий реализацию отношений собственности, а не «публичное», предполагающее отношения по поводу участия в управлении или доступности использования. Так, в нашей стране государственные предприятия, например, больницы или учреждения коммунальной инфраструктуры и т. п. – в большей мере относятся к общественным, т. е. входят в состав общественного сектора, а за рубежом – публичного («Public Sector»).

За последнее время ситуация с изучением публичности начинает меняться. Вышли первые монографии по теме, в частности, такие, как: Волков В. В. «Публичная сфера и понятие общества в российской истории» (М., 1995), «От общественного к публичному. Res Publica», (СПб., 2012); Шкудунова Ю. В. «Общественное преобразование: сфера соотношения публичного и приватного» (2010); «Публичное пространство, гражданское общество и власть» (2008). Еще более активно защищаются диссертационные исследования по проблематике¹. При этом практически все авторы сходятся на размытости понятия.

Словари (Большой толковый словарь Д. Н. Ушакова – Онлайн версия) дают следующее определение: «Публичный – совершающийся в присутствии общества, гласный, например, публичная лекция, доклад, покаяние». Приводится и другая – устаревшая версия понимания: «общественный, находящийся в распоряжении,

устроенный для общества (не частный)». Представляется, что обе версии указывают на важные требования, задаваемые термином: во-первых, гласность и открытость и, во-вторых, равенство в доступе.

Широкое (философское) понимание терминов «публичность» и «публичная сфера» построено на дихотомии публичного и приватного, т. е. делит социальную систему на приватное пространство, которое имеется вокруг каждого индивида, и публичное, воплощающее все остальное, т. е. открытое и доступное каждому как равному из равных. При этом, в отличие от общественных, области публичного лежат в сфере правообладания духовными ценностями или нематериальными услугами.

Поведение групп людей, в том числе и реализующее их право на равенство в использовании, различно в зависимости от места собрания, его обстоятельств и особенно – целей. Это позволяют выделить следующие группы: толпу, массы, аудитории, собственно публику. Особенности группового поведения обоснованы известными учеными: Х. Ортега-и-Гассетом, К. Манхеймом, К. Ясперсом, С. Московичи, Г. Лебоном, Г. Тардом² и др.

Крайне важен дискурс, обозначающий роль публичности в социологии управления. Он восходит к работам Ю. Хабермаса, в частности, к «Структурной трансформации публичной сферы (1962)»³, где он делает попытку раскрыть суть социального управления. В этой работе он дает следующее определение: «Публичная сфера общества – это своеобразная сфера-медиатор, пространство, в котором резонируют и передаются определенным структурам гражданского общества и властным структурам согласованные интерессубъективные смыслы». Таким образом, Ю. Хабермас выявил роль публичной сферы как места формирования общественного мнения, показав типы публичных пространств на разных этапах истории человечества.

С критических позиций к роли и особенностям функционирования публичных пространств подошла Х. Арендт, раскрывшая суть фашизма и тоталитаризма через публичное поведение определенных социальных групп⁴. Для конкретизации понятия приведем ее определение: «Публичная сфера – это полис, куда вступают люди для взаимодействия с другими. Это – область свободы, противопоставляемая частной сфере, которая является областью принуждения. Для публичной сферы важным является равенство участвующих в ней, равноправие мнений и действий».

Новые тенденции в функционировании публичной сферы в современном обществе были описаны Н. Луманом, Э. Гидденсом, Ш. Айзенштадтом и др. авторами. Так, Н. Луман описал особую и всевозрастающую роль СМИ как способа, инициирующего аутопойесисную рефлексию общества на изменения⁵. Другой классик социологии – Э. Гидденс «в новых правилах социологического метода» выявил особые задачи, которые стоят перед социологами как организаторами и исследователями активности людей как соучастников общественного производства и публичного управления⁶. Ш. Айзенштадт проанализировал, обобщив результаты множества

сравнительных исследований, специфику форм и способов функционирования публичных пространств в разных странах при переходе к обществу модерна⁷. Отказ от публичности в пользу приватности при переходе к обществу потребления обосновал Р. Сеннет⁸.

Назовем еще один ракурс анализа публичности – «публичные арены» или процесс и место формирования общественного мнения, превращения его в инструмент для социальных реформаций и инноваций. Он описан в работах М. Буравого, который вообще был инициатором актуализации внимания на публичную сферу как основную предметную область социологии. Именно анализ публичных арен как места возникновения новых идей, их трансформации в дела и действия – вот главная задача социологов, по его мнению⁹. Таким образом, публичные арены это особый тип публичных пространств, в котором осуществляется селекция социальных проблем¹⁰.

Рассмотрев понятие публичности и сопряженные с ним, обозначив роль публичной сферы как области формирования общественного мнения – важнейшей технологии социального управления, перейдем к описанию особенностей формирования культуры публичности, выявляя при этом структуру и динамику форм ее проявления, сложившихся в различных странах. Под культурой публичности нами понимается совокупность духовных ценностей (паттернов поведения и социальных ценностей) и социальных институтов (включая особые нормы и правила, законы и учреждения), характеризующих взаимоотношения в публичной сфере.

Одним из первых, кто указал на наличие особых национальных черт и необходимости их выявления при анализе любого социального явления (в том числе и применительно к феномену публичности), принято считать Э. Тэйлора¹¹. Исторический ракурс развития социальных отношений (цивилизации) нашел отражение в работах Н. Илиаса, К. Ясперса¹² и др. Он присутствует уже в первых работах по публичности, в частности у Ю. Хабермаса и Х. Арендт.

В зарубежной литературе принято выделять следующие этапы публичности (культуры публичности): античный, средневековый, буржуазный и современный. На основании анализа работ Аристотеля, Платона и др., а также исследователей античной публичности: Х. Арендт, К. Поппера, Т. Хаммера и др., можно выделить две особенности. Первая – участие населения в принятии управленческих решений государственного уровня, известное в науке как древнегреческая демократия. Вторая – функционирование особых, знаковых публичных арен или публичных лекций известных ученых. Приведем интересное высказывание Х. Арендт, описывающее состоятельность как обязательное свойство публичных пространств: «Полис, а стало быть само публичное пространство, было местом сильнейшего и ожесточеннейшего спора, в котором каждый должен был убедительно отличить себя от всех других выдающимся деянием, словом и достижением, доказав, что именно он живет как один из лучших. Другими словами, открытое, публичное пространство

было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности: это было единственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он на самом деле в своей незаменимости является»¹³.

Средние века считаются периодом становления массового общества, рынок и обмен выводят людей из замкнутого домашнего хозяйства, расширяя, параллельно, и область публичного пространства. В него включается область коллективного труда, сферы проведения обменных отношений (рынок) и досуговых мероприятий: школы, культурные и религиозные заведения. Сфера публичного пространства становится доминирующей над приватным. Ее проявления многообразны. В области политики можно выделить: протестное движение, цеховые собрания как прообраз профессиональных ассоциаций, поселенческие сходы, социальные группировки: собрания дворян, купцов, ремесленников-цеховиков.

Новое время еще больше расширяет сферу публичного, углубляя ее коммуникации под воздействием газеты – первого средства массовой информации, как внутри, так и между публичными сферами. Начинает формироваться публичная политика, которая минимизирует фактор случайности в ходе протестных выступлений, готовя и заранее отбирая потенциальных лидеров. Начинается процесс освоения технологиями манипулирования общественным сознанием, осуществляется борьба за контроль над публичными аренами. Описание средств публичной политики как основы распространения социальных ценностей среди народа нашло отражение в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера¹⁴, Э. Берка¹⁵, Ю. Хабермаса и др.

Современный этап публичности связан с развитием СМИ, качественным изменением объема и роли информационных потоков, ростом уровня образования населения. Формируется новый тип государственного устройства – Public Administration, при котором активность населения в публичных пространствах должна превратиться в обязательное условие. Новые отношения описаны в работах М. Кастельса¹⁶, М. Фуко¹⁷, Э. Гидденса, К. Манхейма, Ф. Уэбстера¹⁸ и др.

Опыт российских исследований публичности как проявления культурных традиций не столь велик. При этом следует выделить два потока. Первый – информация о проявлениях публичности в общеисторических работах. Так, В. О. Ключевский описал особенность деятельности российских Соборов¹⁹, Ю. М. Лотман – дворянские собрания, домашние (но доступные, т. е. публичные) театры²⁰. Второй – специальные работы по истории возникновения публичных сфер. Так, В. Волков, один из первых российских исследователей становления публичной политики, описал дворянские собрания²¹. В историческом ключе написана коллективная монография преподавателей из Европейского университета (СПб)²². Отдельные аспекты публичности отражены историками Аронсоном М., Рейснером С. «Литературные кружки и салоны», Рогушиной Л. Г. («Общество как вид организации в русской жизни начала XIX в.»), Десницким В. А. и Иезуитовой Р. В. (о литературных обществах и журналах начала XIX в.)²³ и др.

Характеризуя специфику формирования массового публичного пространства в России, следует отметить его более позднее, чем в западном обществе, появление и становление. Единственной формой его были дворянские собрания и отдельные проявления купеческих собраний-ассоциаций. Нищета российского народа отразилась на отсутствии такой распространенной на западе формы публичных собраний как встречи в пивных заведениях или кофейнях. Позднее, готовясь к революции, большевики стали заниматься обучением и пропагандой, создали такие формы массовой публичности, как маевки, воскресные школы, протестные выступления.

В СССР формы публичности еще больше отличались от зарубежных. Сопричастность народа к управлению страной могла возникнуть, была провозглашена и частично реализовывалась в первые годы революции. Она не стала массовой в силу безграмотности населения, его задавленности работой и отсутствия времени для досуга. Однако, уже начиная со второй половины 20-х гг. институционализируется цензура²⁴, которая четко ограничивает свободу действий в публичной сфере государственным контролем. Советские СМИ не адекватно отражали общественное мнение, умышленно подменяя его пропагандистскими лозунгами вплоть до манипулирования фактами и аргументами. В стране отсутствовала свобода печати, а соответственно и свобода мнений. Проявления протестных форм сводились к «кухонным посиделкам», молодежному андерграунду (в искусстве), единичным политическим выступлениям.

Параллельно инициировались множественные и обязательные проявления публичной солидарности народа с правительством и его идеологией в виде: создания обязательных молодежных организаций, постоянных собраний по месту учебы и работы, обязанности участвовать в общественной деятельности и в праздничных демонстрациях. В большинстве своем они находились на ступе истинного проявления коллективизма, свойственного россиянам, и имитацией общественной работы. Обобщая сказанное, выявим основные формы публичности, сложившиеся в СССР, не претендуя на их полноту.

Примитивная массовая публичность в первые годы создания СССР, которая проявилась в действиях комиссий народного контроля (рабоче-крестьянской инспекции), например, при проведении «чисток на предприятии» – акций, в ходе которых работники могли и обязаны были критиковать своих руководителей. На первом этапе эти действия были открытыми, всячески поощрялись, итоги озвучивались в СМИ.

Частичная или избирательная публичность или формирование особых публичных пространств, обладающих большей, чем в других, информацией о проблемах общества. Допуск в них был только для узкого круга – коммунистов, военнослужащих и др.

Стохастическая публичность – случайно возникающие сообщения в СМИ, критикующие деятельность отдельных работников, органов (учреждений) власти.

Круг обвиняемых и степень наказания не всегда определялся степенью виновности. Часто причиной обвинения были доносы в идеологической ненадежности.

Квазипубличность – выполнение требований к открытости информации при невосприятии ее обществом из-за неверия в справедливость обвинений и в возможность позитивных изменений. Примером локальной квазипубличности являются объявления о конкурсе на место работы в вузе или научном институте. Информация публикуется, но верят в возможности подобного трудоустройства единицы.

Имитация (псевдо) публичности – открытость информации, но в формате, либо искажающем суть, либо скрывающем реальные проблемы или процессы. Классическим учреждением, ее реализовывавшим, можно считать комитет по статистике, которое регулярно рапортовало об успехах, выявляя отдельные неудачи, хотя стагнация экономического развития, всеми ощущалась. Вообще приписки и подтасовки были рутинной практикой управления и практически не карались.

Осознанный отказ от публичности «во имя высших целей». Так, реформы Гайдара (Программа 500 дней) были приняты втайне от народа, заведомо зная его к ней неприятие, равно как и в интересах соблюдения экономической тайны ради преодоления паники.

В современной России под воздействием не столько рыночных реформ, сколько общедемократических преобразований, пребывания в едином общемировом пространстве, находясь под влиянием Интернета и СМИ, наметились сдвиги в сторону создания государства на принципах Public Administration. Главной предпосылкой перехода считается рост информатизации общества, см. табл. 1.

Таблица 1

Информационные характеристики российского общества²⁵

Показатель	Ед. изм.	2010	2012/2013
Доля занятого населения, имеющего высшее образование, в возрасте от 16 до 64 лет	%	30,1	31,2
Удельный вес студентов, обучающихся в высшей школе, в общей численности населения	%	4,9	4,2
Доля внутренних затрат на НИР в ВВП	%	1,3	2,9
Доля органов государственной власти и МСУ, использующих Интернет	%	86,8	93,0
Доля гос. заказов, размещенных в сети Интернет: – по количеству торгов, – по стоимости заключенных контрактов.	%	25,0 14,4	92,8 64,4
Доля организаций, использующих персональные компьютеры, в общем объеме	%	93,8	94,0

Раздел VIII. Политическая и правовая культура

Число персональных компьютеров на 100 человек-работников организаций,	штук	39	43
Доля организаций, использующих Интранет, в общем количестве обследованных	%	13,7	14,3
Доля организаций, имеющих свой веб-сайт, в общем количестве обследуемых	%	28,5	37,3
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств,	%	63	86
Доля домохозяйств, использующих Интернет для получения информации о товарах и услугах	%	7,9	11,0
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем объеме	%	43,1	55,0

Таблица четко фиксирует успехи страны в компьютеризации и соответственно вхождению в Информационное общество. При этом, конечно, ситуация в сельской местности выглядит хуже. Так, если в городе 75% семей имеют компьютер, то на селе – 52,4, если в городе Интернет доступен 72,8% пользователей, то на селе – 49,5%. Приведем, другую таблицу из того же источника, описывающую уровень и структуру навыков.

Таблица 2

Распределение населения по навыкам работы с компьютером по типам поселения

Описание компетенций	Всего	мужчин	женщин	город	село
Работа с текстовым редактором	56,5	52,5	60,1	57,9	50,4
Работа с электронными таблицами	27,9	24,7	30,8	29,8	19,8
Работа с графическим редактором	12,4	12,8	12,1	13,3	8,9
Создание электронных презентаций	8,5	7,7	9,2	8,9	6,5
Самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования	1,6	2,4	0,9	1,8	1,0
Подключение и установка новых устройств	8,7	11,5	6,1	9,3	6,3

Особый интерес для характеристики Public Administration имеют представляют показатели доли населения по возрастным группам, использующего государственные е-услуги, см. табл. 3, окт. 2013 г. Странно, что приведя структуру населения по его вовлеченности в е-обслуживание, ВШЭ не дает данных по общей численности населения, которое регулярно ее используют.

Таблица 3

**Доля населения, использующего государственные е-услуги
по возрастам (в %)**

	15–24	25–39	40–49	50–59	Свыше 60
Всего	14,8	45,1	21,8	14,2	4,1
Мужчин	15,6	45,0	21,2	14,4	3,7
Женщин	14,3	44,9	22,2	13	4,5
Город	14,7	45,2	22,0	13,9	4,2
Село	16,1	43,2	20,1	18,1	7,5

Конечно, таблица не фиксирует неожиданных фактов: старшее поколение гораздо в меньшей степени готово к использованию электронных коммуникаций, хотя активность сельских жителей нельзя не отметить.

Таблица 4

**Доля населения, использующего Интернет по видам действия
и базовым социальным характеристикам (в % к использующим эти услуги)**

Виды действий населения	всего	мужчины	жен- щины	город	село
1. получение информации через официальные веб-сайты гос. и муниципальных организаций	72,2	72,6	71,9	72,7	67,6
2. скачивание типовых форм для заполнения	42,5	44,7	40,7	43,2	35,5
3. отправка заполненных форм и других документов в электронном виде	39,8	39,8	39,7	40,4	33,2
4. получение результатов (через личный кабинет)	19,9	20,6	19,4	19,9	20,4
5. осуществление обязательных платежей (пошлин, налогов, штрафов), в режиме on-line	25,2	28,8	22,3	25,1	26,4

Все-таки, сравнивая россиян с жителями передовых стран, видно отставание, см. табл. 5, в которой приведены данные по некоторым странам OECD.

Таблица 5

**Доступность интернета (И) и уровень использования населением
услуг е-правительства (В) (2007) (в %)**

Страна	И	Д	Страна	И	Д	Страна	И	Д
Австрия	98	28	Финляндия	86	50	Испания	78	45
Словения	98	30	Франция	85	48	Германия	77	45
Великобритания	90	39	Португалия	84	18	Дания	76	57
Норвегия	89	60	Эстония	83	28	Италия	75	18
Швеция	87	53	Нидерланды	79	57	Ирландия	74	36

Приведенные данные можно рассматривать как потенциал (технического свойства) вхождения страны в современные формы государственного управления, реализуемые через принципы Public Administration. Реальная демократия, выражаемая массовым участием населения в управлении, проявляется в параметрах, приведенных в табл. 6.

Таблица 6

Кластеры и формы соучастия населения в государственном управлении

Кластеры	Формы
Протестное движение	Мирные и немирные формы протеста, индивидуальные, групповые или социальные акции, марши и митинги; сбор подписей для протеста или поддержки...
Участие в выборах	Участие в голосовании за кандидатов, посещение предвыборных собраний, изучение предвыборных программ и обещаний, организации выборных компаний, работа наблюдателями и др.
Участие в политических движениях и партиях	Членство в них, волонтерская бесплатная социальная активность, участие в работе некоммерческих организаций и группах по интересам...
Использование возможностей е-правительства.	Знакомство с порталами учреждений, информацией о руководителях, отделах, часах приема, заказ номерков в очереди и билетов, фиксация жалоб и предложений по качеству обслуживания, пользование е-дневниками в школах...
Контроль за работой правительства, его органов и персонала	Работа с сайтами правительства и органами управления, сайтами политических руководителей и лидеров, участие в общественных слушаниях и обсуждениях, работа в экспертных группах, чтение экспертных суждений...

За рубежом, в частности в OECD, собираются и анализируются показатели по данным кластерам и направлениям. В нашей стране такая работа пока не ведется, поэтому современные формы публичности на макроуровне оценить сложно. Включение социологов в это направление востребовано обществом, поскольку показывает современные тенденции его развития. Более того, оно может обогатить науку и ее представителей освоением новых профессиональных навыков – новой сферой качественных исследований.

Примечания

¹ Назовем лишь некоторые работы: Богучарский А. В. Публичная политика как форма репрезентации власти в культурно-историческом процессе (2005); Галкина Е. А. Гражданское общество в политическом пространстве современной России (2010); Семенов А. В. Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона (2010); Поцелуев С. С. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества (2010); Нисневич Ю. А. Информационная политика как фактор демократизации государственного управления в России (2001); Славина М. В. Общественное сознание как объект воздействия СМИ (2007); Мартыанов Д. С. Практика взаимодействия интернет-сообщества и политических акторов в современной России (2007); Стародубов С. А. Публичные слушания как форма общественно-политического участия населения современной России (2009); Лабунский А. Л. Формы участия граждан в принятии решений на региональном и местном уровнях (2008) и др.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Логос, 2001; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994; Ясперс К. Психология мировоззрений (1919); Ясперс К. Об условиях и возможностях нового гуманизма (1962); Московичи С. Век толп: наука о массах. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995; Тард Г. Личность и толпа. М., 1903; Ризман Д. Одинокая толпа (1950) и др.

³ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit (1962) (работа не пер. на рус. яз.); Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996; Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

⁵ Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2005. Ч. 2: Медиа коммуникации.

⁶ Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999.

⁷ Айзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ: сравнит. изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

⁸ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2001.

⁹ Буровой М. Выковывание глобальной социологии снизу // Общественная роль социологии. М.: Вариант, 2008.

¹⁰ Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публ. арен // Социал. реальность. 2008. № 2. С. 73–94.

¹¹ Тэйлор Э. Исследования в области древней истории человечества (1865).

¹² Илиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. СПб.: Университ. кн., 2001, Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

¹³ Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. С. 55.

¹⁴ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: филос. фрагменты. М., СПб.: Медиум: Ювента, 1997.

¹⁵ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993.

¹⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

¹⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть, статьи и интервью, 1970–1984. в 3-х ч. М.: Праксис, 2006.

¹⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

¹⁹ Ключевский О. В. Курс русской истории: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 328–347.

²⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства, XVIII – нач. XIX в. СПб.: Искусство–СПб., 1993.

²¹ Волков В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: дис. ... канд. социол. наук. М., 1995; Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // *Pro et Contra*. 1997. № 4. С. 77–91.

²² *Res publica*: история понятий. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2011.

²³ Аронсон М., Рейснер С. Литературные кружки и салоны: антология. М.: Акад. проект, 2001; Рогушина Л. Г. Общество как вид организации в русской жизни начала XIX в. // *Феодальная Россия: новые исследования*. СПб.: СПбГУ, 1998. Вып. 2. С. 75–78; Десницкий В. А. На литературные темы. Л., 1936; Иезуитова Р. В. История русской литературы. Л.: Наука, 1981; и др.

²⁴ Одними из наиболее авторитетных исследователей цензуры в СССР являются А. В. Блюм и Т. М. Горяева. См.: Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953 гг. СПб.: Акад. проект, 2000; Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР, 1917–1990 гг. М.: Росспэн, 2002.

²⁵ Таблица составлена на основе показателей в Excel таблице, составленной по материалам выборочного исследования и размещенной на официальном сайте ВШЭ.

П. М. Шишко

Формирование культуры государственной службы в Российской Федерации

Формирование культуры государственной гражданской службы является процессом, который распространяется не на одно десятилетие и не на одно поколение государственных служащих. В РФ этот процесс начал развиваться двадцать лет назад, но его завершение будет осуществлено еще не скоро. Несмотря на все принятые в последнее время законы о государственной службе, культура государственной гражданской службы только начинает проявлять себя в различных направлениях административной реформы, но этот процесс еще далеко не закончен.

Ключевые слова: культура, государственная гражданская служба, аксиологический подход, административная реформа, кадровая политика, бюрократия

Pavel M. Shishko

Creating a culture of public service in Russia

Building a culture of civil service is a process that is spread not for another decade and a generation of public servants. In Russia, this process began to develop twenty years ago, but its completion will not be soon implemented. Despite all the recent legislation on public service, civil service culture is just beginning to manifest itself in different directions of the administrative reform, but the process is far from over.

Keywords: culture, civil service, axiological approach, administrative reform, personnel policy, bureaucracy

Исследование развития кадровой политики в РФ представляется на сегодня одной из актуальных тем, в связи с поиском путей ее реформирования, которые бы отвечали целям и задачам кадрового обеспечения государственной службы в XXI в. Переход к новой системе формирования кадров государственной службы требует серьезного анализа становления государственной службы в новой России в 1990–2000 гг., учета как положительных, так и отрицательных аспектов этого процесса. В начале 1990-х гг., как в обществе, так и в самой системе государственной службы представления о ее реформировании носили достаточно неопределенный характер. Было понятно, что необходимо уходить от старой номенклатурной модели управления государством, которая показала свою несостоятельность в предыдущий, советский период и была подвергнута серьезной критике в перестроечные годы. Однако, как реформировать и главное, какую концептуальную модель заложить в ее основание, было непонятно. Это нашло свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г., где было утверждено Положение о федеральной государственной службе. 23–24 декабря 1993 г. в «Российской газете» были опубликованы тезисы о концепции реформирования государствен-

ной службы Российской Федерации, которые были подготовлены Роскадрами и согласованы с Администрацией Президента РФ. В них не было сформулировано, от какой концепции, надо отказаться и к какой концепции нужно осуществить переход, но, тем не менее, в ней был заложен новый подход к государственной кадровой политике.

Новизна подхода в этой Концепции опиралась на положения Конституции Российской Федерации, где было зафиксировано гарантированное конституционное право гражданина на свободу выбора места, рода и времени своей трудовой деятельности (ст. 2,37), а по существу речь шла об отмене должностной прикреплённости граждан к государству, как основному работодателю, о попытке «разгосударствления» кадровой системы. «Суть предложенной кадровой доктрины состояла в том, что государство, работодатель и человек должны быть социальными партнерами в профессионально-трудовой и интеллектуальной самореализации личности»¹.

Здесь важно отметить, что изменяется роль государства в отношении государственного служащего. Если раньше государство гарантировало право на труд, то в новой Конституции государство рассматривает государственного служащего как самостоятельную полноправную личность, добровольно избирающую государственную службу, как род своей деятельности и тем самым добровольно берущую на себя все связанные с этим ограничения. В связи с таким подходом меняется и роль социальных функций государственной кадровой политики. На начальном этапе в управлении персоналом организаций она выступает инструментом организации кадров, с учетом их опыта, характера и качества труда. Одновременно с этим организационным аспектом, она является важным инструментом государственного управления, удержания и укрепления политической составляющей власти, защиты конституционных прав и свобод граждан и национальной безопасности государства. Собственно социальным фактором здесь выступает развитие профессиональных и нравственных качеств государственных служащих, выстраивание системы гражданственности и социальной ответственности кадров государственной гражданской службы. Одним из важных факторов этого процесса стало создание, в последующем, этического кодекса государственной службы, который и был призван создать новую, культурную составляющую для государственной службы.

В 1995 г. появился Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации, но только в 1996–1998 гг. были предложены реальные варианты концепции административной реформы, где были разделы о реформировании государственной службы. В 1997 г. в Послании Президента РФ Федеральному собранию впервые была озвучена идея о создании «Кодекса государственной службы». В течение последующих трех лет над ним трудилась рабочая группа, и к началу 2000 г. он был подготовлен. В нем было 221 статья, которые были объединены в 29 глав по 11 разделам, в которых были учтены почти все аспекты

государственной службы, в том числе и работа с кадрами. Но, тем не менее, несмотря на широкий охват общих проблем государственной службы, концептуальные установки реформирования в нем просматривались достаточно слабо. Этот документ так и не стал федеральным законом, в силу того, что в нем не было заложено системных представлений о правовом обеспечении реформы и главное – в чем же виделось повышение эффективности функционирования государственной службы в Российской Федерации.

Можно констатировать, что результатом реформ государственной службы в 1993–2000 гг. стало создание отдельных элементов по реформированию государственной службы, но отнюдь не ее реальное преобразование. Это было связано с целым рядом причин. Во-первых, сама реформа государственной службы и ее кадровое обеспечение не были подкреплены политическим и правовым обеспечением самой политической системой общества в лице, как государственных органов власти, так и отсутствием давления со стороны групп населения, вроде бы в ней заинтересованных, а именно – бизнес-сообщества и организаций самих граждан. При этом понятно, что сама российская бюрократия не была заинтересована в серьезном преобразовании своей деятельности. Во-вторых, не было создано какой-либо независимой комиссии или агентства по реформированию государственной службы, что, как показывает международный опыт, является наиболее эффективным средством по реформированию государственной службы. Само реформирование не может быть отдано в руки самих чиновников, однако именно это и произошло у нас. Таким образом, можно отметить, что до 2000-х гг. эффективного управления реформой государственной службы не существовало. Были лишь подготовительные этапы для последующих шагов, уже на основе сформулированной теоретической базы и ее отдельных элементов в системе функционирования государственного аппарата, в частности, таких как: оформления структуры институтов государства, системы обучения государственных служащих и повышения их квалификации, дифференциация их по должностям, моральные аспекты их работы и т. д.

И последнее, что нужно отметить по 1990-м гг. – это недостаточное финансирование административной реформы, что естественно, в первую очередь затронуло и преобразование самой системы государственной службы. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что внедрение новых принципов управления, как правило, требует серьезных материальных и организационных усилий со стороны государства.

Сама идея о «монетизации» льгот чиновников (неденежных форм оплаты труда), то есть замены их финансовыми компенсациями появилась еще в 90-е гг., но до ее внедрения дело дошло только сейчас, в 2012 г., именно потому, что у государства тогда не было таких финансовых возможностей. Кроме того сработал старый номенклатурный опыт, когда нельзя было официально превышать заданный уровень в разнице заработной платы (1 к 10) государственных служащих и работников промышленности. Этот опыт был «успешно» повторен в 90-е гг., когда опять пошли

по пути небольших окладов и существенных неденежных льгот и компенсаций для чиновников. Вместе с тем, все 2000-е гг., статистика отмечала опережающий рост зарплат государственных служащих, по сравнению со средней зарплатой в других отраслях экономики².

Концепция реформирования государственной службы Российской Федерации была подписана Президентом 15 августа 2001 г. В ней впервые сказано о необходимости разделения государственной службы на гражданскую, военную и правоохранительную. Основные ее принципы были детализированы в федеральной программе «Реформирования государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)», которая утверждена Указом Президента РФ № 1336 от 19 ноября 2002 г. Были выделены пять направлений реформы:

1) Совершенствование законодательной и нормативно-правовой базы по вопросам реформирования государственной службы;

2) Проведение экспериментов и осуществление пилотных проектов по применению новых подходов к организации федеральной государственной службы и обеспечению деятельности федеральных государственных служащих;

3) Совершенствование подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих;

4) Создание материально-технических условий для эффективного функционирования федеральной государственной службы;

5) Функционирование системы управления государственной службой.

Анализ положений и задач, поставленных в федеральной программе на 2003–2005 гг., выявляет, что заказчиками соответствующих проектов названы сами министерства и ведомства, то есть чиновников министерств обязали заниматься собственным реформированием и главы этих же министерств выступали в роли оценщиков этой деятельности. Координатором по контролю реализации Программы назначается Администрация Президента РФ. Тем самым подтверждается, что не существует единой системы методического и консультационного сопровождения реформирования государственной службы, весь процесс отдан в руки самого государственного аппарата. Отсюда следует, что неиспользование теоретического и практического багажа современных технологий эффективного государственного управления тормозит развитие административной реформы. Также достаточно проблематичным для этой административной реформы являются: несогласованность действий властей федерального и регионального уровней по разрешению проблем административной реформы на местах; а также создание механизмов гласности и открытости в осуществлении административной реформы для включения в эти процессы институтов гражданского общества, что является необходимой составляющей формирования нового типа культуры государственной службы.

В соответствии с Концепцией реформирования системы государственной службы 27 мая 2003 г. был принят Федеральный закон (№ 58-ФЗ) «О системе госу-

дарственной службы Российской Федерации». Как мы уже отмечали выше, в нем были установлены три вида государственной службы: гражданская, военная и правоохранительная. Таким образом, была предпринята попытка унификации и типологизации государственной службы как единой системы по управлению ресурсной базой государственной службы.

Далее, 27 июня 2004 г. был принят еще один Федеральный закон (№ 79-ФЗ) «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где уже сохранились правовые нормы, регламентирующие вопросы государственной гражданской службы в РФ. В документе должности разделены на категории, вводятся классные чины, четко определены базовые понятия государственной гражданской службы. Есть механизм разрешения конфликта интересов на государственной гражданской службе, показаны основные условия труда гражданских служащих. Вместе с тем, необходимо отметить, что в законе практически отсутствуют такие наиболее проблемные вопросы государственной гражданской службы, как правовая и социальная незащищенность государственных служащих, прежде всего от произвола руководства государственных органов, которые, как правило, решают кадровые вопросы единолично и по своему усмотрению.

В документе также не отражен такой объективный факт как низкий общественный статус государственной службы, связанный скорее с декларативностью, либо отсутствием правовых норм, регулирующих кадровые отношения. Неэффективность работы государственных органов во многом вытекает из некомпетентности кадровых служб, работающих по старым управленческим меркам, зависящим от воли руководителя, отсюда и их постоянная реорганизация, не носящая системного, продуманного характера, а скорее напоминающая о политической конъюнктуре этих преобразований.

Также важным, с точки зрения совершенствования государственной службы, нам представляется отсутствие системы переподготовки государственных гражданских служащих. Сложившийся еще с советских времен стереотип, что образование – личное дело работника, должен быть изменен на обязательные программы переподготовки и профессионального развития кадров государственной гражданской службы не только на федеральном и на региональном, но также и на муниципальном уровнях. Качество профессиональных знаний также должно стать мерилем карьерного роста государственных служащих, которое обязательно должно быть закреплено законодательно. Отсутствие перспектив карьерного роста является одним из серьезных факторов торможения развития потенциала государственной службы.

Невысокий авторитет государственной службы и его низкая эффективность также связаны с отсутствием реальных механизмов внедрения новых принципов государственной службы через создание системы единых требований, которые должны предъявляться к государственным служащим по всей стране, независимо

от их принадлежности федеральным, региональным или муниципальным органам власти.

Единство системы государственной гражданской службы должно быть закреплено нормативными правовыми актами, которые к тому же должны определять, кто несет ответственность за ее эффективное функционирование и общественную значимость. Соотнесение, принятых в начале и середине 2000-х гг. законов, с анализом современной действительности, позволяет выявить ряд их недостатков.

1. Происходит усиление независимости государственного аппарата от законодательных органов власти, идет снижение контроля над ним со стороны общества.

2. Выявляется слабая исполнительская дисциплина, связанная с увеличением зависимости государственных служащих от произвола руководства.

3. Происходит утрата самого понятия «административная мораль», которая проявляется в неуважении к людям, злоупотреблении служебным положением и росте коррумпированности государственного аппарата, что является недопустимым при формировании нового типа гражданской политической культуры в нашем обществе.

4. Субъективизм руководства, выраженный в политической конъюнктурности их действий, отражается на социальной защищенности как федеральных, так и региональных государственных служащих, лишает их уверенности в своем статусе и служебной карьере.

5. Поручение разработки концепции административной реформы самим чиновникам является стратегической ошибкой, которую сегодня и не собираются исправлять.

Для исправления сложившейся в законодательной сфере ситуации, необходимо определиться с теми главными принципами, которые должны стать основанием для формирования новой государственной кадровой политики.

В Концепции реформирования государственной гражданской службы (2001 г) подчеркивается основное качество государственного служащего – его способность служить как государству, так и обществу. С этической точки зрения здесь нет противоречия, но в практической деятельности чиновника, оно возникает постоянно в силу целого ряда причин. Можно начать, с провозглашенного в Конституции РФ принципа равного доступа граждан к государственной службе в соответствии со своей профессиональной подготовкой, без дискриминации по полу, возрасту, национальным, конфессиональным и др. признакам. Государственный служащий должен владеть государственным языком РФ, иметь равные условия прохождения государственной службы независимо от имущественного и должностного положения, места жительства и своих убеждений.

В действительности это конституционное положение во многом остается декларативным. В национальных республиках оно нарушается по принципу выдвижения граждан «титულიной» нации, повсеместно – в выдвижении на должности

государственной гражданской службы, и не только, лиц по принципу лояльности и знакомства. Небольшое количество женщин на руководящих постах в государственных учреждениях свидетельствует также и о нарушениях по признаку пола.

Демократические принципы, заложенные в концепции государственной гражданской службы, развиваются слабо и недостаточно. Примеров этому положению дел – множество. По закону обязательные конкурсы при назначении на государственные должности превращаются в чисто формальные процедуры; формирование кадрового резерва вылилось в пропагандистскую компанию, если судить по тому, сколько человек реально из этого резерва было выдвинуто на должности; проведение аттестации чиновников, которое предполагало не только контроль со стороны администрации, но и гражданского общества, на практике не было осуществлено³.

В Федеральном законе «О системе государственной службы РФ» провозглашается открытость и публичность государственной службы, что предполагает ее подконтрольность институтам гражданского общества. Однако, если попробовать оценить деятельность государственных органов по их официальным сайтам в интернете, то можно увидеть, что там опубликованы самые общие сведения о них, а также обширные планы администрации по различным вопросам, но отсутствуют отчеты о их деятельности, хотя известно, что они регулярно их предоставляют в вышестоящие инстанции. Также отсутствуют перечни вакантных государственных должностей и результаты проведенных конкурсов по занятию этих должностей, что является прямым нарушением закона.

Роль контрольных органов государства, таких как Счетная палата РФ, Главное контрольное управление Президента РФ, Федеральной антимонопольной службы РФ, других контрольных и надзорных органов, согласно концепции административной реформы, должна возрасти. Частично это происходит, но в демократическом государстве это должно дополняться контролем со стороны самих граждан. Как отмечал М. Крозье в своем «Феномене бюрократии» только совместный контроль – «сверху» государства, «снизу» гражданского общества сможет минимизировать бюрократические патологии в деятельности государственного аппарата.

Объективная и комплексная оценка профессиональных, деловых и этических качеств государственного служащего должна была стать одним из главных критериев при подборе, расстановке и выдвижении кадров государственной гражданской службы. В связи с этим положением Концепции реформирования государственной гражданской службы, была поставлена задача разработки административных регламентов деятельности государственных служащих. Однако, на практике, это привело к тому, что их составление было поручено самим чиновникам, что сделало оценку их профессиональной деятельности еще более сложной и почти невозможной.

Проблема с рациональным и необходимым обновлением кадров государственной гражданской службы также решается скорее в декларативном плане, хотя эта задача, с нашей точки зрения, является одной из основополагающих в проводимой административной реформе. Смысл обновления кадров состоит не в формальной замене «команды», в связи с приходом нового руководителя, а в качественном изменении уровня профессиональной подготовки кадров, чего требуют все более усложняющиеся и разнообразные задачи государственного управления. Также не решается проблема карьерного роста государственных служащих. По современным социологическим оценкам продуктивная работа в одной должности составляет 5–7 лет, затем необходимо или повышать в должности, или переучивать на какие-то другие обязанности. Таким образом, должна происходить смена карьеры, которая может носить не только вертикальный, но и горизонтальный характер.

Основные недостатки административной реформы государственной гражданской службы выразились, на наш взгляд, в следующем:

- отсутствие научно обоснованных принципов перестройки системы управления реформой государственной службы;
- преобразование административной системы в угоду политической конъюнктуры, под личность конкретного руководителя;
- отсутствие правовых и моральных норм, препятствующих ангажированности, инертности, конфликту интересов между государственными служащими и гражданским обществом;
- незавершенность административной реформы, которая связана с разобщенностью ведомственных подходов к ее реализации, во многом объясняется отсутствием научного руководства из единого центра для внедрения в жизнь основных положений административной реформы;
- именно государственная гражданская служба должна была стать тем связующим звеном, которое могло обеспечить взаимодействие с институтами гражданского общества, так как она ближе всего связана с оказанием услуг населению.

Современная ситуация с административной реформой лишь подтверждает вышеизложенные итоги административного реформирования в 2000-х гг. Национальный антикоррупционный план, принятый в 2010 г., включает в себя много полезных предложений по контролю над деятельностью чиновников, кроме 20-й статьи Конвенции ООН по противодействию коррупции, а именно – конфискация имущества доказанных взяточников. В 2012 г. Президент РФ Д. А. Медведев поставил вопрос о разработке закона о контроле не только над доходами, но и над расходами государственных служащих, который уже давно действует в других странах. У нас он находится в стадии обсуждения. Кроме того, как мы уже отмечали, разрабатывается закон о «монетизации» льгот чиновников, который также может сыграть существенную роль в реформировании государственной кадровой политики. Однако, исходя из опыта предшествующего реформирования, остается только надеяться,

что эти законы не будут «доработаны» и соответствующим образом выхолощены в ходе обсуждения и принятия в Государственной Думе РФ.

Если проанализировать основные направления реформирования государственной службы в теоретическом аспекте, то надо отметить, что за основу административной реформы была взята концепция нового государственного менеджмента, достаточно успешно зарекомендовавшая себя в странах Запада в 80–90-е гг. XX в. Однако, нашим реформаторам не хватило политической смелости, во-первых, провести их также жестко как это сделали в США и Великобритании, то есть – последовательно и рационально. А во-вторых, в части касающейся кадровой политики, у нас не были проведены мероприятия, которые дали существенный эффект в других странах. В частности, таких как: переход на контрактную систему найма государственных служащих с оценкой их труда по результатам их работы; полное раскрытие расходования бюджетных средств на социальную и экономическую политику и т. д. Все эти факты говорят о растущей бюрократизации государственного аппарата РФ, а отнюдь не его реформировании.

Термин «бюрократизация» сегодня носит негативный оттенок, однако его автор, М. Вебер имел в виду, прежде всего идеальную модель рациональной бюрократии с ее целым рядом положительных аспектов. И в этом, веберовском смысле, нам в России еще далеко до классической модели западной рациональной бюрократии, описанной в его работах. Наше общество скорее находится на затянувшейся стадии перехода к рациональной бюрократии, а жизнь, тем не менее, ставит перед государственным управлением все новые и новые задачи. Одна из них – помочь раскрыться кадровому потенциалу гражданского общества через его взаимодействие с государственными органами власти. А это уже цель постбюрократического типа государственного управления. Получается, что государство в России находится вроде бы в парадоксальной ситуации. С одной стороны, необходимо усилить контроль над деятельностью чиновников, как того требует веберовская модель рациональной бюрократии. А с другой стороны нужно, путем проведения целенаправленной кадровой политики, развивать у государственных служащих новые качества более открытого для общества государственного управления, формирования новой культуры государственной службы, что требуют концепции как «нового государственного менеджмента», так и в еще большей степени теория политических сетей.

Но этот парадокс носит скорее теоретический характер, в действительности его нет. Так как необходимо усилить положительные черты рациональной бюрократии с одновременным внедрением новых форм взаимоотношений между обществом и государством, которые должны разрушить систему замкнутости и информационной блокады со стороны государственных органов. Эти новые черты государственного управления – через усиление контроля над чиновничьим аппаратом, через его раскрытие для решения общественно значимых задач – позволят пре-

образовать российский государственный аппарат на новой основе, на постбюрократических принципах. А это обстоятельство говорит о необходимости перехода в реформировании государственного аппарата от бюрократического к аксиологическому подходу, то есть к учету в этом процессе модернизирующихся публичных ценностей, в том числе культуры.

Примечания

¹ Сулемов В. А. Государственная кадровая политика в современной России. М.: РАГС, 2005. С. 105.

² Вагина Л. В. Кадровая политика. М.: РАГС, 2009.

³ Кадровая политика / под общ. ред. А. И. Турчинова. М.: РАГС, 2009.

Д. Н. Черезов

**Социокультурные институты гражданского общества
в структуре социальной политики современной России**

В статье рассматривается роль и место социокультурных институтов в структуре современного гражданского общества Российской Федерации. Производится их классификация и определяется значимость в современной социальной политике. Освещаются основные проблемы и пути развития. Приводится анализ функционирования социокультурных институтов в 1990–2000 гг. и в настоящее время. Отмечается позитивный вектор развития ряда социокультурных институтов и его положительного влияния на результаты 22-х зимних Олимпийских игр в г. Сочи.

Ключевые слова: социокультурные институты, гражданское общество, социальная политика

Dmitry N. Tcherезov

**Social and cultural civil institutions
in the structure of the social policy of modern Russia**

The article studies the role and the place of social and cultural institutions in the structure of the modern civil society in the Russian Federation. They are classified and their significance in the modern policy is under determination. The main problems and the path of their developments received wide coverage. The functioning of the social and cultural institutions in 1990–2000 and in the present time is analyzed. The positive development vector of some social and cultural institutions and their positive effect on the results of the XXII Winter Olympic game in Sochi was noticed.

Keywords: social and cultural institutions, civil society, social policy

На протяжении всей истории человечества воспитанию личности в обществе уделялось значительное внимание. Каждое живое существо после появления потомства на уровне генной памяти и тысячелетних инстинктов передает пришедшему в этот мир необходимый для выживания и продолжения рода набор навыков и умений, а человек разумный начал передавать потомству и знания, и умения, и навыки, без которых выживание и продление рода возможно, а развитие и прогресс невозможны. Живопись, звукоизвлечение, лепка (скульптура), ростки первых попыток научных изысканий найдены на местах стоянок первых «Хомо-сапиенс». Общество всегда было заинтересовано в воспитании достаточных для достижения прогрессивного взаимодействия между членами социума качеств – это образованность, поведенческая культура, устойчивые ценности в качестве духовных устоев, а также религиозная позиция людей.

В достижении вышеназванных целей во все времена заметную роль играли социокультурные институты гражданского общества. В настоящее время эти институ-

ты занимают все большее место в структуре социальной политики современного общества. В этом отношении представляет научный интерес рассмотрение роли, которую они играют в решении приоритетных задач социального развития российского общества.

Во всех сферах жизнедеятельности гражданское общество воплощается в трех основных формах:

1. В свободной самодеятельности граждан;
2. В добровольных объединениях граждан в разнообразные негосударственные организации;
3. В развитии общественных отношений, дистанцированных от государства: семейных, экономических, политических, социальных, духовных, культурных, религиозных и других, направленных на обеспечение условий для наиболее полного удовлетворения многообразных интересов и потребностей членов общества посредством создания правового механизма взаимодействия институтов гражданского общества и государственных органов политической системы.

Таким образом, гражданское общество выступает как сложная, многоуровневая совокупность невластных связей и институтов. Оно включает в себя всю совокупность межличностных, групповых и межгрупповых отношений, развивающуюся без вмешательства государства.

Первый уровень вышеназванных отношений в гражданском обществе связан с удовлетворением базовых (первичных) потребностей обеспечивающих жизнедеятельность индивидов в пище, одежде, жилье и т. д., они удовлетворяются благодаря производственным отношениям. Эти потребности реализуются через такие общественные институты, как профессиональные, потребительские и иные объединения и ассоциации (например, частные предприятия, акционерные общества, потребительские ассоциации, профессиональные объединения врачей, преподавателей, строителей и др.).

Второй уровень связан с потребностями в продолжении жизни, поддержании здоровья, воспитании детей, духовно-культурном совершенствовании, религиозной вере, информации, общении и т. д. Они образуют комплекс социокультурных отношений, включающий религиозные, семейно-брачные, этнические и иные формы взаимодействий. Потребности этого уровня реализуются через такие институты, как семья, церковь, образовательные, научные учреждения, творческие, спортивные союзы, СМИ, учреждения культуры и др.

Высший, третий уровень связан с политическим участием, с индивидуальным выбором на основе политических предпочтений и ценностных ориентаций. Данный уровень предполагает сформированность у индивида конкретных политических позиций. Политические предпочтения индивидов и групп реализуется с помощью политических партий, движений, групп интересов, групп давления и т. д.

Современное гражданское общество различных стран мира состоит из огромного числа самостоятельно действующих групп людей и институтов, имеющих различную направленность. Гражданское общество включает добровольные ассоциации граждан, творческие и корпоративные объединения, религиозные, общественные организации и союзы, которые отражают разнообразные социальные, групповые интересы. Эти организации и объединения имеют собственные механизмы саморегуляции и самоуправления, позволяющие им функционировать без вмешательства государства. Гражданское общество способствует самостоятельности граждан, реализации творческого потенциала личности, ибо только свободный человек может созидать, экспериментировать, творить. В структуре гражданского общества выделяют следующие институты:

- Семья;
- Общественные объединения;
- Политические партии;
- Негосударственные средства массовой информации;
- Благотворительные фонды;
- Научные ассоциации;
- Творческие союзы;
- Негосударственные хозяйствующие субъекты (ЧП, ОАО, ЗАО, ООО и др.);
- Учреждения образования;
- Религиозные организации и др.

Среди перечисленных выделяется категория институтов гражданского общества, имеющих социокультурную и культурно-воспитательную направленность. Это семья, сфера воспитания, учреждения образования, религиозные организации, благотворительные фонды, научные организации и творческие союзы. В следующую группу уместно объединить институты, у которых социокультурная функция не является профильной, и они решают культурно-воспитательные задачи попутно со своими основными обязанностями. Это все негосударственные хозяйствующие субъекты – частные предприниматели, открытые и закрытые акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и другие. Осознанное и добровольное принятие бизнесом на себя корпоративной социальной ответственности является не только хорошим тоном, но и выступает примером ответственного отношения к социуму.

Жизнь любого гражданина страны неразрывно связана с бесперебойным функционированием современных гражданских институтов. Государство делегирует им полномочия по обеспечению и защите гражданских и социальных прав человека, которые они осуществляют в соответствии со своими уставными и программными целями и задачами. Вся совокупность этих организаций независимо от принадлежности и форм финансирования формирует блок гражданских институтов современного общества. Основу этого блока составляют многопрофильные гражданские

институты, которые борются за соблюдение всего комплекса как гражданских, так и социальных прав человека.

Во-первых, это политические партии, создаваемые единомышленниками для цивилизованной борьбы за властные полномочия политических институтах всех уровней: федеральных, региональных и муниципальных. Это характеризует их профильное гражданско-политическое функциональное назначение в современном обществе. Говоря о политических партиях, уместно остановиться на кратком анализе их социальной деятельности.

Все представленные на политическом поле Российской Федерации партии декларируют свою приверженность принципам социального государства и по своему уставу борются не только за гражданско-политические, но и за социальные права россиян. В особенности КПРФ и «Справедливая Россия» постоянно и активно участвуют в решении социальных проблем. Более того, «Справедливая Россия» позиционирует себя как партия «Седьмой статьи Конституции Российской Федерации». Также необходимо отметить активную работу партии «Яблоко» в период его представительства в Государственной Думе в 1990–2000 гг. Партия «Яблоко» инициировала социально-значимые законопроекты, отстаивала социальные права наемных работников и добивалась от властей всех уровней исполнения предусмотренных законом социальных проектов, программ и обязательств.

В блок гражданских институтов такие входят различные бизнес-ассоциации, например, малого или среднего бизнеса, творческие союзы, общественно-политические организации. Их ценность для социальных процессов в гражданском обществе тем выше, чем более они претворяют в жизнь принципы корпоративной социальной ответственности.

Социальные права и свободы гражданина закреплены конституционно и имеют профильную направленность. Речь идет о таких из них, как право на свободное предпринимательство и другую экономическую деятельность, закрепленную в статье 34 Трудового права. Кроме этого стоит назвать:

- право на жилище (статья 40);
- право на охрану здоровья и медицинскую помощь (41 статья);
- право на образование (43 статья);
- право на свободу творчества (часть 1 статья 44);
- право на участие в культурной жизни, пользование социокультурными учреждениями и на доступ к культурным ценностям (часть 2 статья 44).

Особое место среди названных прав имеют социально-трудовые права, специально закрепленные в Трудовом кодексе, к которых относится не только право на свободный выбор рода деятельности и профессии, но и на труд в безопасных условиях, отвечающих требованиям гигиены; право на справедливое вознаграждение за труд без дискриминации и не ниже установленного минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы; право на индивидуальные

и коллективные трудовые споры, цивилизованные способы их урегулирования и разрешения, включая право на забастовку; право на отдых в выходные (праздничные) дни и оплачиваемый ежегодный отпуск и др. Связанные с обеспечением всех вышеназванных прав профильные гражданско-правовые институты имеют узкий социальный профиль и ведут диалог с властями, собственниками средств производства и работодателями за сугубо социальные права и свободы граждан и в особенности – трудящихся. Их роль и значение существенно возрастает в классово-антагонистическом обществе, в условиях которого эти организации особенно активно отстаивают социально-трудовые права эксплуатируемых наемных работников.

Всю совокупность гражданских институтов, сопряженных с социальной политикой, представляется возможным классифицировать также по уровню социальной реальности, в которой они создаются и функционируют. Здесь выделяются международные и национальные гражданские институты. Среди профильных международных институтов самой известной является Международная организация труда (МОТ). В совокупности национальных гражданских институтов самыми последовательными борцами за социальные права трудящихся являются профсоюзы и такие организации защиты прав граждан, как, например, «Общество защиты прав потребителей», «Союз потребителей России» и др.

Среди предпринимательских гражданских институтов следует отметить «Российский союз промышленников и предпринимателей» (РСПП), учрежденный в 1990 г. РСПП принял на своем 14 съезде «Социальную Хартию российского бизнеса». Последняя определяет формы и способы участия бизнеса в общественном развитии, а также принципы социальной ответственности предпринимателей и является попыткой обновления диалога между бизнесом, властью и обществом на основе принципа взаимного уважения социальных интересов, ценностей и позиций.

Известную роль в реализации социальных программ предпринимателями играет Торгово-промышленная Палата России, являющаяся негосударственным и некоммерческим объединением.

Весомую роль в обеспечении на практике корпоративной социальной ответственности малого и среднего бизнеса играет «Опора России», созданная в 2002 г. Особенно заметное участие «Опора» принимала в разработке и реализации программ самозанятости трудящихся, пострадавших от глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Наконец, среди многопрофильных гражданских институтов особое место занимает «Общественная Палата России», которая задумывалась как посредник между официальной властью и населением в обеспечении двусторонних связей между ними. Этот полуофициальный институт гражданского общества занимался не только экспертизой правительственных законопроектов, но и отстаиванием социальных интересов граждан. Так, например, группа членов Общественной Палаты

(А. Кучерена, Н. Сванидзе и др.) сумела отстоять в январе 2010 г. от «бульдозерной атаки» знаменитый дачный поселок «Речник» под Москвой и защитить права его жителей.

Помимо перечисленных выше организаций определенную роль в обеспечении социальных прав граждан играют следующие многопрофильные гражданские институты:

- Общественное движение «Наше право»;
- Общероссийское общественное движение «За права человека»;
- Институт Прав Человека;
- Российский комитет адвокатов в защиту прав человека;
- Межрегиональная правозащитная Ассоциация «АГОРА»;
- Центр развития демократии и прав человека (Москва);
- Московская школа прав человека;
- Солдатские Матери;
- Союз комитетов солдатских матерей России;
- Российский Союз ветеранов Афганистана;
- Общество защиты прав военнослужащих;
- За демократическую альтернативную гражданскую службу;
- Центр миротворческих и правозащитных действий;
- Межрегиональный общественный фонд «Право Матери»;
- Международный Женский Союз.

К профильным гражданским институтам, отстаивающим главным образом социальные права граждан, относятся российские профсоюзы. Все они действуют на основе закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»¹. Появление такого закона явилось не только свидетельством продвижения страны к правовой государственности, но и заметным шагом на пути превращения профсоюзов в ответственный политический институт. В главе 2 закона «Основные права профсоюзов» специально освещены их полномочия по защите социально-трудовых прав и интересов работников, по содействию занятости, по ведению коллективных переговоров, заключению соглашений и коллективных договоров, контролю над их выполнением в процессе урегулирования коллективных трудовых конфликтов и споров. Наконец, записанное в статье 15. п. 2. положение о том, что профсоюзы вправе участвовать в выборах органов государственной власти и органов местного самоуправления, рассеивают все сомнения об их статусе как гражданско-правовом институте общества и, фактически, являются конкретным толкованием статьи 30 Конституции страны о праве граждан на создание профессиональных союзов. Речь идет не только о «Федерации независимых профсоюзов России», но и других профсоюзных организациях, существующих независимо от ФНПР. К таким организациям относятся и «Конфедерация труда России» (КТР), и «Союз профсоюзов России» (СПР), и шахтерские профсоюзы, и др.

Среди других гражданских институтов России отдельно стоят организации, защищающие право человека на достойную жизнь (жизнь в человеческих условиях). К ним относятся:

- Центр Экономических и социальных прав
- Общество защиты прав потребителей
- Союз потребителей России
- Свобода от рабства
- Международная коалиция по среде обитания
- Общественное движение «За социальную справедливость»

Социальная политика наиболее отчетливо проявляется как фактор стабильности в обществе в случае ее системности. В системообразовании два основных элемента – это политико-управленческий комплекс и сама социальная сфера. Весь ряд социокультурных институтов является одним из составляющих социальной сферы. Применительно к современной социальной политике в Российской Федерации результаты достигаются, прежде всего, в случае применения полного управленческого цикла. Суть его применения, а именно целепологание, реализация, контроль и, в случае необходимости, возврат в начало цикла позволяет достигать воплощения в жизнь благих политических деклараций и повышения реального качества жизни и благосостояния людей.

Как известно, в течение советского периода в стране была организована и функционировала достаточно развитая совокупность социокультурных институтов, деятельность которых, несомненно, способствовала интеллектуальному, творческому, физическому развитию абсолютного большинства членов общества. Следует отметить, что и в системе школьного образования уделялось достаточное внимание воспитательному процессу в тесной связи с освоением школьных программ. Социокультурные институты были также доступны и взрослой части населения. Важным фактором была их бесплатность и доступность не только в крупных городах, но и небольших районных центрах и даже крупных деревнях. До 100% учащихся школ посещали те или иные социокультурные учреждения, что способствовало не только общему развитию, но и в определенной мере оберегало от пристрастия к асоциальным формам поведения – курению, алкоголизму, наркомании, использованию чуждых систем ценностей. Не менее половины учащихся посещало спортивные секции. Все это способствовало не только укреплению общего физического здоровья, но и создавало возможности для раннего самоопределения индивидов, обладающих склонностью или талантом к определенным видам творческой деятельности. Результатами такой работы являются выдающиеся достижения ученых, творческих работников, спортсменов советского периода истории страны.

После распада Советского Союза и последовавшего за ним практически полного коллапса экономической и социальной сфер общества произошло полное прекращение финансирования социокультурных институтов массовой доступности.

Многие из них продолжали функционировать за счет энтузиазма преподавателей. Резкое сокращение доступности социокультурных институтов незамедлительно выразилось в культурно-воспитательном вакууме, провале в физкультурно-спортивной работе, потерями в общем состоянии здоровья населения, в особенности молодежи, и в утрате высоких достижений в спорте. Неудивительно, что существенно пострадало также и мировоззрение многих молодых людей.

Социальная сфера общества начала позитивно изменяться в «нулевые» годы. На важность развития социокультурных институтов и повышения их роли в общественной жизни обратили внимание научная общественность и органы государственной власти Российской Федерации. Финансовая поддержка социальной сферы бюджетами всех уровней позволила начать процесс возрождения системы социокультурных организаций. Это касается не только тех из них, которые несут в себе образовательный компонент (школы, дошкольные учреждения, вузы и др.), но и учреждений, относящихся к необразовательной сфере и участвующих в воспитательном процессе (театры, музеи, библиотеки, дома творчества, спортивные секции, кружки разной направленности). Дома культуры, дома творчества юных, музыкальные школы и другие социокультурные учреждения стали возрождаться, насыщаться оборудованием, заполняться мотивированными и заинтересованными в своей работе кадрами.

Несмотря на большое количество услуг, оказываемых социокультурными организациями на платной основе, благодаря их деятельности все полнее стали удовлетворяться потребности и запросы общества в образовании, повышении культурного, спортивного уровня. Особенно обращают на себя внимание результаты XXII зимних Олимпийских игр, состоявшихся в феврале 2014 г. в городе Сочи. Мировая общественность рукоплескала как достижениям российских спортсменов, так и российскому государству, сумевшему в кратчайшие сроки построить фактически два новых современных города для проведения олимпиады. При этом страны с высоким уровнем патерналистской составляющей в социальной политике и социал-демократической моделью финансирования спорта заняли весь пьедестал почета. Так, Канада – несомненный лидер Олимпиады, при схожей с США структуре экономики и в 10 раз меньшим населением обогнала США в медальном зачете. Потому что в Канаде функционирует социал-демократическая система с явно выраженным патернализмом. А в США действует сложная система эндоумента – налоговых льгот и вычетов. Использование такой же американской системы в России, например, в футболе результатов не принесло. Как метко подметили некоторые печатные издания, – зимняя Олимпиада в Сочи – это олимпиада победившего социализма.

Такое отношение к социокультурным институтам несомненно обеспечивает и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе результаты во всех сферах общественной жизни. Позитивные изменения в жизни общества вне зависимости от причин их порождающих оказывают благотворное влияние на социальную ста-

бильность общества. В этом отношении в структуре бюджетного финансирования социокультурных институтов необходимо уходить от «остаточного принципа» и переходить к их бюджетной поддержке, исходя из реального общественного запроса каждой территории с учетом исторического опыта, традиций, наличия устоявшихся школ по направлениям, учета климатического расположения территории и так далее.

Наиболее яркими и насущными проблемами в развитии социокультурных институтов является ярко выраженное социальное расслоение, недостаток объединяющих ценностей и национальной идеи в долгосрочных перспективах, присутствие элементов безсубъектности в Российском социуме, отсутствие среднего класса как основного, бюрократия, коррупция, скепсис населения в отношении возможности реально влиять на решение власти.

Поводя краткий итог, уместно отметить еще недостаточный уровень развития социокультурных институтов в современной России, включая степень их участия в реализации социальной политики.

Примечания

¹ См.: Рос. газ. 1996. 20 янв.

П. И. Смирнов

**Национальный интерес как фактор сохранения (формирования)
национальной идентичности в периоды преобразований**

Определенная мера групповой идентичности необходима для устойчивого существования любой группы. В группах живых существ идентичность обеспечивается устойчивостью генетического ядра. Идентичность человеческих групп обеспечивается, по преимуществу, культурными факторами: исторической памятью, языком, религией, идеологией и др. В кризисные времена фактором сохранения и даже формирования групповой идентичности является групповой интерес, наиболее тесно связанный с основной функцией группы – функцией выживания. Применительно к нации групповой интерес понимается как национальный интерес. Общий национальный интерес – неперенное условие сохранения и процветания полиэтнического российского общества – заключается в создании благоприятных условий для развития каждого гражданина России и обеспечения безопасности всех ее граждан.

Ключевые слова: идентичность, менталитет, национальный характер, национальный интерес

Petr I. Smirnov

**National interest as the factor of preservation (formation)
of national identity during the periods of transformations**

Certain degree of group identity is necessary for stable existence of any group. Identity relies on the stability of genetic nucleus in the groups of living beings. Meanwhile, human groups identity is based on mainly cultural factors: historical memory, language, religion, ideology etc. During crisis times the group interest (since it is closely connected with the main group function – function of survival) becomes the main factor of preservation and even forming of group identity. As applied to a nation, group interest is understood as national interest. Joint national interest is the indispensable condition of preservation and prosperity of poly-ethnic Russian society and it can be expressed as forming of most favorable conditions for the development of every Russian citizen and safety of all citizens of Russian Federation.

Keywords: identity, mentality, national character, national interest

События последнего времени на Украине в очередной раз подчеркнули чрезвычайную важность национальной (этнической) идентичности в сохранении (нарушении) политической, экономической и правовой стабильности в любом обществе. Для России с ее полиэтническим населением укрепление (и, отчасти, создание) общенациональной российской идентичности является важнейшей задачей на обозримый исторический период. В настоящей статье предпринята попытка показать, что важнейшим фактором этой идентичности должен стать правильно понятый национальный интерес, закрепленный в Основном Законе Российской Федерации.

Групповая идентичность во всех группах живых существ связана с важнейшей функцией группы, которая заключается в повышении шансов на выживание любого ее члена. Для выполнения этой функции группа должна обеспечить свое самосохранение, продлить свое существование как можно дольше, для чего необходима определенная мера групповой однородности (идентичности), формирующаяся путем отбора. В группах живых существ мера идентичности обеспечивается, в первую очередь, устойчивостью генетического ядра группы, в которое мутации вносят необходимое разнообразие для учета меняющихся внешних условий. Кроме того, устойчивость группы обеспечивается инстинктивными и рефлекторными нормами поведения, свойственными группе. В целом же, групповая однородность живых существ проявляется в виде внешнего образа (фенотипа), физиологии, а также некоторой совокупности форм поведения, свойственных популяции или виду.

В человеческих группах, по мере развития общества, природные (расовые) признаки постепенно переходят на второй план, хотя полностью не исчезают, а в конфликтных ситуациях могут даже вновь выходить на первое место. Но, в целом, определяющими идентичность оказываются культурные факторы. Для этнических групп таковыми оказываются язык, религия или идеология, хранящие групповые ценности и определяющие мировоззрение, а также устойчивые нормы поведения, обусловленные групповыми потребностями и ценностями. Иначе говоря, идентичность человеческих групп может пониматься как культурная или социокультурная идентичность, формирующаяся с помощью процессов аккультурации, социализации и т. п. Принципиальным отличием групповой культурной идентичности людей по сравнению с групповой однородностью живых существ является то обстоятельство, что первая меняется значительно быстрее, причем скорость изменений зависит как от меняющихся внешних условий, так и от самосознания членов группы, включая собственное отношение человека к членству в группе.

Наряду с общей функцией группы – повышения шансов на выживание – в развитии человеческом обществе появляется дополнительная функция группы: она призвана обеспечить достойное существование членов группы. Давно замечено, что государство, возникая ради потребностей жизни, существует далее «ради достижения благой жизни»¹. Аналогично, нация в качестве конкретной человеческой группы призвана обеспечить своим членам сначала просто существование, а далее и достойное существование. Выполнить обе эти функции нация способна в том случае, если она обладает устойчивой национальной идентичностью. В целом, эта идентичность складывается из двух взаимосвязанных сторон: 1) объективной, которая состоит из групповых норм, возникающих на основе групповых потребностей и ценностей, и 2) субъективной, в которой суммируется субъективное понимание членов группы ее интересов, задач и функций.

Объективная компонента национальной идентичности может быть обозначена как **национальный характер**. Общим определяющим фактором для форми-

рования этого характера оказывается объективная деятельность нации, складывающаяся в зависимости от совокупности природных и социальных условий ее существования. Но особую роль в формировании характера играет совокупность социальных норм, складывающихся в зависимости от типа общества, в котором длительное время живет нация.

Субъективную компоненту удобно обозначить как **национальный менталитет**, включающий мировоззрение, миропонимание и мироощущение. Очевидно, устойчивость национальной идентичности зависит от устойчивости обеих компонент, а также от меры их согласованности между собой.

Устойчивость национального характера определяется устойчивостью общества, в котором нация существует. Прочность менталитета зависит в решающей степени от устойчивости мировоззренческих структур (включающих общий язык, коллективную память, религиозные или научные элементы в мировоззрении) а также от степени осознанности членами нации долговременных и ситуативных национальных интересов. Характер и менталитет способны меняться. И скорость изменений в них зависит от разного рода причин, связанных с жизнедеятельностью наций.

В сравнительно стабильных исторических условиях прочность национальной идентичности, позволяющей нации сохраняться как некое единство, обеспечивается совокупностью социальных норм (социальная составляющая в национальном характере), а также мировоззренческими структурами (язык, коллективная память, религиозные и научные элементы мировоззрения). В периоды же масштабных кризисов и катастроф укрепление и, отчасти, формирование национальной идентичности зависит от степени осознанности долговременных и ситуативных национальных интересов. Проще говоря, идентичность формируется на основе и понимании опыта прошлого и интересов будущего.

Следует признать, что объективная компонента российской национальной идентичности (совокупность социальных норм, т. е. характер) оказалась разрушенной вследствие изменения социальной структуры российского общества в процессе реформ. В настоящее время идет смена служебно-коллективистского русского национального характера на индивидуалистско-рыночный характер, свойственный представителям западного общества, т. е. идет процесс ввода в национальный характер норм индивидуалистско-рыночного поведения, причем нет ни возможностей, ни, отчасти, необходимости тормозить этот процесс.

Мировоззренческие основы национального менталитета как русского, так и других народов России также подверглись (и подвергаются) серьезной эрозии. Засоряется язык (языки), размывается и искажается коллективная память, формируется чрезмерный мировоззренческий «плюрализм». С учетом сказанного, в ближайшей перспективе для укрепления национальной идентичности едва ли эффективно делать ставку лишь на сформированные в прошлом социальные нормы (характер) и мировоззренческие структуры, свойственные национальному ментали-

тету, хотя непременно следует заботиться о сохранении и укреплении важнейших традиций, исторической памяти и языка.

Поскольку прежнего опыта, закрепленного в менталитете и характере народов России, оказывается недостаточно для сохранения общероссийской идентичности, возникает проблема выявления и принятия основы, способной укрепить и, отчасти, сформировать национальную идентичность в полиэтническом российском обществе. Что может объединить всех граждан России в некий союз, способный эффективно управлять собственной жизнедеятельности в крайне сложных современных условиях?

Представляется, что основой упрочения идентичности должно стать ясное понимание подлинных национальных интересов каждым гражданином России, что особенно важно для скорейшего выхода страны из состояния катастрофы², в которой оказалась страна в период так называемых «радикальных реформ». Коренные национальные интересы должны быть положены в основу национальной идеологии, национального права и последовательно проводимой национальной политики. Крайне важно, чтобы эти интересы ясно осознавались, идеологически защищались и были отражены в Конституции национального государства.

С учетом сказанного Конституции РФ от 1993 г., по которой мы ныне живем, требуются серьезные, если не сказать, коренные, изменения.

Необходимость изменений вызвана, во-первых, тем, что ее легитимность сама по себе весьма сомнительна. Ее принятие сопровождалось грубейшими нарушениями даже «правил проведения референдума», установленных Ельциным, незаконных самих по себе, а в референдуме за нее проголосовало всего от 23% до 35% от общего списочного числа избирателей³. Правда, легитимность какого-либо установления может укрепляться в результате многократного практического применения (тогда возникает некая аналогия с принципами действия обычного права).

Во-вторых, упомянутая Конституция «несет на себе печать метаний из одной крайности в другую российской верховной власти»⁴. И поэтому нужно, сглаживая следы подобных метаний, придать главному документу страны логически стройный вид.

В-третьих, очевидно, что она составлялась на основе очередной якобы «правильной» идеологии, заимствованной ее авторами из некритически воспринятого опыта западной демократии. Цель ее принятия состояла в возможно быстром переходе от «тоталитарного общества» к «современному», от «патерналистско-криминального квази-государства» к «правовому» и т. п.⁵

В этой связи вызывает недоумение статья 13 Конституции РФ, особенно пункт 2, в котором говорится, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Трудно придумать более нелепое утверждение, поскольку без той или иной идеологии никакое общество и никакое государство не могут длительно существовать и устойчиво развиваться. Духовное

единство светского общества и государства (религиозное общество и государство – особый случай) может быть обеспечено лишь на основе единой идеологии, хотя иногда эта идеология не отражена ясно в каком-либо тексте.

Известно, «разруха начинается в головах» (Булгаков, вероятно, перевел на общеупотребительный язык мысль О. Конта об анархии умов как предпосылке и следствии Французской революции, а также связанных с нею ужасах). Сказано также намного раньше, что «если царство разделиться в самом себе, не может устоять царство то; и если дом разделиться сам в себе, не может устоять дом тот»⁶. Без наличия национальной идеологии вся правовая система (равно как и практическая политика руководства страны) может представлять собой лишь более или менее осмысленный набор правовых актов (и практических действий во внешней и внутренней политике). Поэтому любая конституция должна строиться на основе определенной идеологии, если, конечно, считать идеологию «системой утверждений относительно ценностей и фактов»⁷, а не «совокупностью разнородных более или менее упорядоченных иллюзорных идей, концепций, мифов» и т. д.⁸ В идеологии могут быть иллюзорные элементы, но не они определяют ее содержание.

Короче говоря, проблема состоит не в том, чтобы иметь или не иметь государственную идеологию: ее наличие обязательно для существования государства. Проблема состоит лишь в выборе конкретной идеологии из массы возможных. Причем критерием отбора идеологии является ее способность защищать коренные интересы граждан той или иной страны.

В целом же, главная причина необходимости изменений Конституции РФ заключается в том, что идеология, положенная в ее основу, весьма поверхностным образом соотносится с коренными интересами граждан России и неспособна защитить их в должной мере. На каких же основах должна строиться идеология национального и светского государства, долженствующая защищать интересы граждан этого государства?

При ответе на этот вопрос необходимо рассмотреть, по крайней мере, три теоретические проблемы, которые должны быть взаимосвязаны при выборе (конструировании) идеологии национального государства: 1) проблему национальной идеи, 2) проблему общих принципов существования любого государства, 3) проблему основного национального интереса. Рассмотрим их поочередно.

Любая страна нуждается в национальной идее в качестве ориентира развития и проведения внутренней и внешней политики, имеющей целью обеспечить благополучие собственных граждан. России в этом смысле не представляет исключения. Однако в настоящее время среди российских обществоведов нет согласия относительно конкретного содержания этой идеи. На конференциях, посвященных проблемам гражданского общества, высказывалась мысль, что нашей национальной идеей должна стать идея построения упомянутого общества в пореформенной России. В СМИ звучало утверждение, что эта идея может воплотиться в «об-

разе успешного человека», достигающего своих целей в новых условиях. Не забыта также и мысль о миссии России как своеобразного моста, соединяющего культуры Европы и Азии, и т. п. В Интернет пишут также об «укреплении международного престижа», «сохранении территориальной целостности» и пр.⁹

Насколько приемлемы вышеприведенные формулировки национальной идеи с точки зрения отражения в них национального интереса?

Следует ли, скажем, класть в основу национальной идеи построение гражданского общества в России?

Вероятно, построить гражданское общество – действительно полезно с точки зрения национальных российских интересов. Но с учетом нашего недавнего опыта «строительства самого справедливого общества на земле» (коммунизма), «перестройки», «гласности» и «радикальных экономических реформ», «строительства правового государства» подобное совмещение национальной идеи и национального интереса вызывает оправданный скепсис. Во-первых, можно ли в реальности поставить знак равенства между «национальным интересом» и «гражданским обществом»? Может быть, между ними столь же мало общего, как между «национальным интересом» и «строительством коммунизма»? Во-вторых, не является ли идея о гражданском обществе очередным отвлекающим объектом, призванным «занять» внимание людей и направить их энергию в нужное для кого-то, но бесплодное для нации русло? В-третьих, действительно ли люди, проповедующие идею строительства гражданского общества, хотят того, о чем якобы хлопочут? В-четвертых, и теоретически это самое главное возражение, не происходит ли здесь подмена цели (конечной ценности) средством (инструментальной ценностью)? Почему, например, в конкретных условиях и временно для обеспечения национального интереса нельзя использовать **диктатуру**? Ведь пользовались же этим средством римляне, народ, в высшей степени одаренный здравым политическим смыслом.

Вызывает возражение в качестве формулировки основного национального интереса и утверждение, согласно которому «главным и всеобъемлющим императивом» нашего времени является «выживание и процветание России»¹⁰. Казалось бы, с этой формулировкой можно согласиться, ибо что можно возразить против «выживания и процветания России»?

Однако еще из работ Г. Лебона известно, что привлекательные абстракции («свобода», «общечеловеческие ценности», «права человека», «демократия», «суверенитет», «рыночные реформы» и пр.) вполне могут использоваться для ориентации общественного мнения в нужную сторону и для сокрытия истинных целей людей, пускающих в оборот подобные выражения. Применительно к российским реалиям, слово «приватизация» на деле может означать «депривация», т. е. «обездоливание», «лишение собственности» основной массы населения. Следует поэтому весьма осторожно подходить к подобным абстракциям, особенно когда они высказаны или отредактированы идеологами наших «радикальных реформ».

Но если даже не ставить под сомнение искренность и добрые намерения лиц, ратующих за «выживание и процветание России», вполне законны и необходимы вопросы по существу: о **какой** и **чьей** процветающей России идет речь? О России как процветающей колонии США? О России, принадлежащей кучке олигархов? О России, управляемой привилегированным меньшинством «прогрессивно мыслящих интеллигентных людей» или «новых русских»? Ведь после Петра I, Россия «выживала» и даже временами «процветала», но в чьих интересах? Разве не были США в свое время весьма «процветающей колонией» Англии? Почему же они отказались от этого статуса? Что уж говорить о Германии, которая, несомненно, «расцвела» при Гитлере? Поэтому без дальнейшей конкретизации словосочетание «процветающая Россия» не может быть признано в качестве наименования основного национального интереса.

Аналогичные соображения можно высказать и относительно «международного престижа», «территориальной целостности» и т. п., т. е. о ценностях весьма важных и нужных, но едва ли способных претендовать на роль национальной идеи, отражающей национальный интерес

Крайне важно и то, что, нет согласия и относительно пути, следуя которым можно обрести названную идею. Утверждалось, например, что национальную идею «придумать невозможно», ее нельзя «заказать команде образованных чиновников», а что «она должна родиться»¹¹. Нет также более или менее ясного представления о механизме и возможных препятствиях воплощения ее в реальность, о ее возможных носителях и противниках и т. д.

Можно согласиться, что национальную идею нельзя «придумать» (как некую абстрактную теоретическую конструкцию) и заказать (в качестве практических рекомендаций). Но едва ли следует надеяться, что она «может родиться» сама собой. Неужели этому послужит счастливая случайность? А из какого лона национальная идея явится свет божий? По чьей воле она осенит разом все общество? Упование на самозарождение национальной идеи подобно надежде на чудо, но едва ли людям, в том числе, обществоведам следует надеяться на чудеса. Поэтому долг обществоведческого сообщества, состоит, во-первых, в том, чтобы попытаться **выявить** содержание национальной идеи и **сформулировать** ее. Вторая задача обществоведов – **донести** содержание идеи до широкого общественного мнения и законодательных органов. Наконец, долг законодателей ввести конкретную формулировку национальной идеи в качестве основополагающего принципа в Конституцию страны, а далее внести необходимые поправки во все разделы законодательства, попадающие под влияние этого принципа.

Короче говоря, выявление и формулирование национальной идеи – два взаимосвязанных процесса. Они должны протекать на основе понимания общих принципов существования государства, с учетом реальной ситуации, в которой оказа-

лась страна (а в нашем случае, Россия), в также правильно понятого национального интереса.

Общие принципы существования государства достаточно ясно выражены Н. Я. Данилевским, опиравшимся на идеи И. Бенгтама и других европейских мыслителей.

Во-первых, согласно Данилевскому, поскольку «государство и народ суть явления преходящие, существующие только во времени... только на требования этого их временного существования могут основываться законы их деятельности... Тут нет места закону любви и самопожертвования»¹². Иначе говоря, государство и народ не обязаны иметь какую-то идею, не связанную с принципом собственной «здорово понятой пользы», не обязаны нести некую миссию (например, быть «передовым отрядом в строительстве самого справедливого общества», «мостом между Европой и Азией» и т. п.). Во-вторых, «государство есть... такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества», а также «жизнь, честь и свободу национальную»¹³. Иначе говоря, государство обязано обеспечить достойную жизнь каждому своему гражданину и всей нации в целом.

По сути, слова Данилевского являются формулировкой **национального интереса**, соблюдение которого является высшей обязанностью государства и, одновременно, **национальной идеей** любой страны. Однако она нуждается в прояснении и конкретизации, чтобы национальный интерес понимался всеми практически однозначно и чтобы он мог быть отражен в конституции страны (а далее и в других законодательных актах).

Подчеркнем, в Конституции РФ 1993 г. нет удовлетворительного отражения основного национального интереса, а есть некое абстрактное и туманное приближение к его описанию. Вторая статья упомянутой Конституции гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Кое-кто считает эту статью «самым конструктивным демократическим элементом» конституционного строя современной России¹⁴.

В любом случае, эта статья в свое время не защитила права и свободы основной массы российских граждан, которых ельцинский режим лишил денежных сбережений, собственности на средства производства, и которым годами не выплачивал зарплату, пенсии и пособия, сокращая продолжительность их жизни. Подобные странные вещи возможны в немалой степени потому, что ясно и недвусмысленно основной национальный интерес в этой Конституции не был заявлен, да и сейчас он, видимо, тоже «подразумевается».

Далее уточнить формулировку основного национального интереса можно, опираясь на принципиально верное и более конкретное (по сравнению с Данилевским) понимание национального интереса, высказанное в свое время идеологами пиночетовского переворота, хотя, возможно, некоторым читателям старшего по-

коления и либеральным защитникам «прав человека» опора на их точку зрения покажется не вполне политкорректной. Но принципиально верные мысли могут высказываться людьми и с сомнительной нравственностью. От этого принципы не могут утратить своей истинности и значения.

Упомянутые идеологи, оправдывая необходимость переворота, заявили, что «цель государства – всеобщее благо, которое правительственная хунта определила как „совокупность условий, позволяющих всем чилийцам и каждому в отдельности реализовать себя как личность“... Общее благо не есть благо государства. Но оно не есть также и благо большинства или, тем более, меньшинства... Это совокупность условий, позволяющих всем членам общества и каждому в отдельности достичь своего **подлинного индивидуального блага** (выделено мной. – П. С.)... Общее благо – это цель, достичь которой полностью никогда не удастся... Тем не менее государство по мере своих возможностей должно всячески стремиться к ней»¹⁵.

С точки зрения конкретизации национального интереса крайне важным оказывается толкование общего блага как совокупности условий, позволяющих всем чилийцам и каждому в отдельности реализовать себя как личность. Поэтому, в первом приближении, основной национальный интерес можно определить как совокупность условий, обеспечивающих развитие каждого представителя нации (равно – гражданина государства). При этом отдельное государство не обязано создавать и обеспечивать условия для развития любого человека, жителя планеты. Оно обязано делать это только по отношению к своим гражданам. По отношению же к гражданам других стран оно обязано делать это лишь на основе взаимности, в рамках международного права или по соглашению с другим государством (хотя может делать добрые дела по соображениям гуманности). Применительно к России национальный интерес должен пониматься как совокупность условий, обеспечивающих развитие каждого гражданина России.

В свою очередь, эту формулировку также следует уточнить, опираясь на простейшее представление о человеческой природе. Человек – сложное существо, микрокосм, как его называли греки, и его можно рассматривать в трех основных ипостасях: природной, социальной и духовной (человек природное, социальное и духовное существо). Следовательно, совокупность условий, создаваемых и защищаемых государством, призвана обеспечить надлежащее развитие всех упомянутых сторон человеческой природы.

Соответственно, статья 2 Конституции (или аналогичная) должна была бы звучать примерно так: «Высшей ценностью в Российской Федерации признается гражданин России (ее гражданин), его жизнь, достоинство, права и свободы. Государство обязано создавать и защищать условия, позволяющие каждому своему гражданину реализовать себя как природное, социальное и духовное существо».

Крайне желательно дополнить эту статью положением, в котором Российская Федерация обязуется обеспечивать защиту и неприкосновенность всех своих

граждан, т. е. второй ценности, о которой фактически пишет Данилевский. Явно недостаточен пункт 3 четвертой статьи Конституции, согласно которому государство «обеспечивает (всего лишь!) целостность и неприкосновенность своей территории». Безопасность всех граждан – второй основной общенациональный интерес России.

К каким, вполне очевидным, следствиям могло бы привести выполнение государством обязанностей по соблюдению и защите обеих ценностей?

Создание условий для самореализации каждого гражданина как природного существа должно привести к укреплению биопотенциала населения России и его расширенному воспроизводству. В первую очередь, это касается русского народа, без сохранения и, отчасти, оздоровления которого невозможна целостность РФ. Современная демографическая политика российского государства в этой связи заслуживает поддержки, хотя упор на материальные стимулы явно недостаточен. Коренное население, так называемых, «развитых, европейских стран неуклонно сокращается, хотя материальные условия жизни в них пока намного выше российских. Требуются меры духовного плана, но подробное освещение их выходит за рамки данной статьи.

Самореализация человека в социальной сфере должна иметь результатом мощный средний класс и более справедливое распределение собственности на средства производства. Лишь наличие этого класса способно обеспечить необходимый минимум общественного согласия. Численность его должна быть доведена до 60–70% от общей численности населения, тогда как ныне по оптимальным (не фантастическим) подсчетам доля среднего класса не превышает 25%, а по трезвым оценкам – 12–15%¹⁶.

Необходимо выработать долговременную политику, направленную на изменение результатов пресловутой «приватизации». Собственность в России действительно должна стать доступной для каждого ее гражданина. Конкретные меры по осуществлению этой политики требуют специального обсуждения. Однако должны подвергнуться нравственному осуждению и общественному ostrакизму как идеологи приватизации, так и наиболее успешные «прихватизаторы». На людях определенного сорта всегда должна «гореть шапка» (да и на их потомках тоже, если они пользуются плодами преступлений своих родителей).

Создание среднего слоя («хозяев») – первейшая задача модернизации российского общества, хотя, похоже, власть имущими эта задача понимается в недостаточной степени. Эксперимент в Сколково, даже при его успешном результате, может оказаться очередной «потемкинской деревней», если не будет модернизирована социальная структура России, где найдутся люди, «жаждущие» научно-технических достижений и «впитывающие» их. Без реальных хозяев технологическая модернизация «зависнет» как программа в компьютере. Правда, эту социальную модернизацию, которая призвана воспроизвести социальную структуру западного

общества, следует считать лишь тактической задачей. Длительное существование рыночной цивилизации, признаки которой доминируют в западном обществе, сомнительно. В ближайшей перспективе ему потребуются собственная перестройка¹⁷.

Мощный слой хозяев является необходимой социальной предпосылкой для формирования ряда важнейших духовных качеств российского гражданина, частности, патриотизма. Чтобы стать подлинным гражданином, хозяином страны, большинству людей необходимо иметь не только формальные права гражданина и человека, отраженные в законодательных актах. Им мало иметь также историческую память и чувство любви к родной природе и собственному народу, т. е. чисто духовные качества. Их достаточно разве что подвижнику, почти святому, подобному пушкинскому Пимену («Борис Годунов»). Обычному же человеку необходима некая мера «своего», «кровного», которое необходимо защищать. Это неременное условие возникновения в рядовом человеке стойкого «хозяйственно-патриотического» чувства, а на этой основе и чувства групповой идентичности, подкрепляемой общим интересом.

Необходимо помнить, что слово «Родина» несет в себе не только нравственно-эмоциональное содержание, связанное с историей народа и милыми с детства картинами природы. Оно заключает в себе практически-правовой смысл, согласно которому Родина – это место на Земле, где человек является хозяином по праву рождения. Он получает от предков оплаченное их кровью право «решать судьбу народа и державы» и, если хочет прожить достойную жизнь, обязан защитить его и передать потомкам.

Духовное развитие граждан России предполагает опору на тысячелетние традиции национальных культур всех российских народов, укрепление исторической памяти, но с одновременным формированием общероссийской идентичности, основанной на общем интересе. Только в этом случае возможны: 1) ограничение угрозы экстремистских проявлений, 2) принятие каждым гражданином личной ответственности за происходящие в стране события, и 3) формирование духовного единства страны. В этой связи настоятельно требуется изменение статьи 43 Конституции РФ, где гарантируется лишь основное общее (9 классное) образование. Эта статья недостойна современного общества. Необходимо вернуться к норме советской Конституции, в которой гарантировалось бесплатное получение полного среднего (11-классного) образования.

Создание условий для самореализации человека как природного, социального и духовного существа, а также обеспечение безопасности всех граждан России являются национальными интересами России на все времена. Их соблюдение должно стать национальной идеей России в настоящий момент, а закрепление в Основном Законе может стать основой формирования общероссийской национальной идентичности в полиэтническом российском обществе. Все мы «находимся в одной лодке», а с точки зрения Запада все мы «Russians», т. е. «русские». Духовное единство

страны явится надежной базой для проведения осмысленной внутренней и внешней политики с целью обеспечения достойного существования всего населения страны и укрепления ее позиций на международной арене.

Примечания

- ¹ Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 377–378.
- ² Моисеев Н. Н. Есть ли у России будущее?: попытка систем. анализа проблемы выбора. М.: Апрель–85, 1996. С. 19; Осипов Г. В. Российская социология в XXI в. // II Всероссийский социологический конгресс. Прил. 5. М.: Норма, 2003. С. 126–130.
- ³ Лукьянова Е. Из истории беззакония: к 15-летию Российской конституции. 2008. 12 дек. URL: [http:// specletter.com](http://specletter.com) (дата обращения: 14.09.2015).
- ⁴ Смирнов П. И. Управление эволюцией общества: необходимость, средства, ориентиры. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2012. С. 23.
- ⁵ Там же. С. 12–24.
- ⁶ Мк. 3. 24–25 // Библия: кн. свящ. писания ветх. и нов. завета: канонические. М.: Рус. библио-во, 1994. С. 46.
- ⁷ Смелзер Н. Социология. М: Феникс, 1994. С. 35.
- ⁸ Овчаренко В. И., Грицанов А. А. Идеология // Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов и др. Минск: Кн. дом, 2001. С. 352.
- ⁹ ФОМ. Национальные интересы России. URL: [http:// bd. fom.ru](http://bd.fom.ru) (дата обращения: 14.09.2015).
- ¹⁰ Становление новой российской государственности: реальность и перспективы: открытый доклад / отв. ред. Г. Бурбулис. М.: Изд-во УРСС, 1996. С. 18.
- ¹¹ Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 4.
- ¹² Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культ. и полит. отношения славян. мира к романо-германскому. 6-е изд. СПб.: Глаголь: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. С. 27.
- ¹³ Там же. С. 186.
- ¹⁴ Становление новой российской государственности. С. 25.
- ¹⁵ Декларация принципов военного вмешательства // Моск. новости. 1993. 21 февр. С. 12.
- ¹⁶ Привалов А. Сколько граждан России относится к среднему классу. URL: [http:// 4p.ru](http://4p.ru) (дата обращения: 14.09.2015).
- ¹⁷ Смирнов П. И. Указ. соч. С. 240–245.

РАЗДЕЛ IX. ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОДУКТ И СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.74:37.01

П. И. Рысакова

Статус теоретического знания в современном образовании: новые подходы в современной социологии образования

Настоящая статья посвящена проблеме различных форм знания, востребованных в современной образовательной практике. Глобальный образовательный дискурс, акцентирующий значимость непрерывного обучения, по сути проводит жесткое различие между теоретическим и конкретным прикладным знанием. И такое различие имеет принципиальное значение для осуществления самого идеала «общества знания». Особое внимание уделено обзору современных теоретико-методологических подходов в социологии образования.

Ключевые слова: образование, глобализация, реалистическая социология образования

Polina I. Rysakova

Social meaning of theoretical knowledge in contemporary education: towards new approaches in sociology of education

The article deals with problem of various forms of knowledge demanded in modern educational practice. Global educational discourse emphasizes the importance of lifelong learning, but in fact it holds rigid distinction between theoretical and applied knowledge. And this distinction seriously influences the very possibility of «knowledge society» realization. Particular attention is given to the review of current theoretical and methodological approaches in the sociology of education.

Keywords: education, globalization, realist sociology of education

В современном общественно-политическом дискурсе образование без сомнения признается ключевым компонентом национальной стратегии развития. Именно образованию отводится решающее значение в дискуссиях о глобализации и развитии экономики знаний, о необходимости повышении национальной конкурентоспособности. Новое переосмысление роли образования в современном обществе повлекло за собой и масштабные реформы, затронувшие и организацию учебного процесса, и его содержание. Результаты этих нововведений вызывают, впрочем, неоднозначные оценки. И это ставит под вопрос саму концепцию образовательной реформы, направленную на реализацию проекта «общества знания».

Центральным вопросом оказывается следующий – общество какого знания будет реализовано в результате нынешней реформы образования?

Сегодняшние новации в сфере образования отражают устоявшиеся в общественно-политическом и научном дискурсе особенности осмысления современного общества. Развитие информационных и коммуникационных технологий, знание и информация как основные факторы производства, потребность в новом знании – основные черты так называемого «общества знания». Пристальное внимание к проблеме производства и распространения знания актуализирует необходимость подготовки и соответствующих кадров. Новую жизнь обрела концепция Т. Шульца и Г. Беккера «человеческого капитала», в рамках которой образование, навыки и знания индивида становятся формой капитала, имеющего решающее значение для повышения производительности и экономической эффективности. Образование, таким образом, осмысляется как основа собственно экономического роста и развития. Непрерывность технологических новаций, гибкость и динамичность производства обуславливает необходимость постоянного поддержания уровня актуального знания и его обновления. Педагогическим ответом на такой запрос стала концепция «непрерывного образования», суть которой выражена в лозунге современного образования – «научить учиться».

В условиях глобализации развитие сферы образования рассматривается как важнейшая составляющая национального проекта повышения международной конкурентоспособности. Основной акцент делается на совершенствование сферы высшего образования – главном локусе сосредоточения технологических новаций и высококвалифицированных кадров.

Проекты образовательных реформ, направленных на содействие развитию экономики знания в рамках национальных обществ, повышение конкурентоспособности отдельных стран на мировой арене, активно разрабатываются различными международными организациями, в частности Мировым Банком и Юнеско. Эти проекты, признаваемые универсальными планами действия, предлагаются правительствам национальных государств. Разработанные на основе неолиберальной идеологии, они содержат в целом весьма сходные рекомендации, что неизбежно влечет за собой определенную унификацию в сфере образования во всем мире. Такого рода предложения затрагивают как правило и организационные аспекты функционирования образовательной системы, и содержание образовательных программ. Их реализация предполагает приватизацию и маркетизацию сферы образования – расширение рыночных механизмов регулирования и снижение государственного участия, развитие частного образования. Содержание образовательных программ все более ориентируется на подготовку высококвалифицированных, ответственных и самостоятельных работников, труд которых будет связан с инновационным производством¹. В силу этого все большее значение отводится изучению ряда учебных дисциплин, призванных обеспечить подготовку как раз

такой конкурентоспособной рабочей силы, – английский язык, точные науки, компьютерные технологии.

Лозунг современного образования «научить учиться» подразумевает переосмысление модели классического образования, акцентировавшего передачу устойчивых знаний. Современное образование ориентировано на развитие компетенций как набора личностных качеств, позволяющих эффективно решать профессиональные задачи. Это влечет за собой и изменение педагогических приемов и методик. Так, на занятиях уделяется больше внимания интерактивным формам обучения, внедрению метода *case-studies*, подготовке творческих проектов, имитации ситуаций, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

Процесс глобализации образования разворачивается уже не одно десятилетие. И сегодня исследователи уже имеют возможность оценить следствия тех тенденций в сфере образования, которые мы пунктирно обозначили выше. Так, в условиях практически общедоступного высшего образования и резко возросшей конкуренции обладание университетским дипломом уже не гарантирует обретение высокооплачиваемой должности. Относительным гарантом может послужить диплом привилегированного ВУЗа, что по сути усиливает селекцию в образовании – разделение высшего образования на массовое и элитарное. Глобальный рынок труда тем более предоставляет больше шансов на трудоустройство выходцам из развивающихся стран с меньшим финансовыми запросами по сравнению с выпускниками из так называемых развитых стран. Именно эти тенденции современной экономики и рынка труда позволяют усомниться в релевантности концепции «человеческого капитала», лежащей в основе нынешних образовательных реформ².

Отдельную проблему составляет вопрос о содержании образования, а именно, какое знание транслируется через образование в современных условиях. Эта тема стала основной для целого теоретико-методологического направления в современной социологии образования – школы социологического реализма или реалистической социологии образования.

Данное направление объединяет исследователей не только Британии и США, но также Австралии, ЮАР, Франции, Сингапура. Идеино-теоретическим источником данного направления стала так называемая британская «новая социология образования» 1970-х гг. и в первую очередь теоретическое наследие П. Бурдые и Б. Бернштейна. И в этом смысле география распространения «социологического реализма» не вызывает удивления, поскольку объединяет исследователей тех стран, в социологическом и педагогическом дискурсе которых теоретические положения новой социологии образования оказались наиболее востребованными³.

Лидеры этого направления – К. Матон, Р. Мур, М. Янг видят своей центральной исследовательской задачей установление социологического и эпистемологического статуса знания. Эта проблема имеет прямое отношение не только к социологии знания, но и социологии образования, поскольку, по мнению мыслителей,

производство, реконтекстуализация и распространение знания и его усвоение – составляет сущностное содержание образования и определяет его специфику как самостоятельной сферы жизнедеятельности общества. Необходимость изучения статуса знания обусловлена нынешним социально-политическим дискурсом об обществе знания, экономике знания, а также непрекращающимися реформами образовательных учебных планов, обусловленных тенденциями глобализации и постиндустриального развития. Анализ внутренней организации знания, отношений между различными видами знания значим не только в гносеологической перспективе, но и в рамках социологического изучения современного общества и образования в частности. Особенности функционирования знания отражают специфику социальных отношений в современном обществе. И тем самым исследование знания позволяет установить характерные черты функционирования образования в современном обществе. Между тем, статус знания, его внутренняя структура остаются, по мнению исследователей, «слепым пятном» – до сих пор мало изученной проблемой.

Становление «социального реализма» относится к концу 1990-х – началу 2000-х гг. и было связано с развернувшейся критикой как «новой социологии образования», так и постмодернистского дискурса относительно статуса знания. По мнению Матона и Мура, знание как таковое вплоть до сих пор остается практически мало изученным в силу утвердившейся эпистемологической дилеммы – ложной дихотомии между позитивистским абсолютизмом и конструктивистским релятивизмом. Иными словами, знание либо осмыслялось как деконтекстуализированное и ценностно нейтральное, либо, напротив, исключительно как продукт социально-культурных условий и отражение социальных интересов⁴.

Британская «новая социология образования», справедливо поставив вопрос о социальном характере школьного знания, сконцентрировалась на изучении лишь его внешних социальных характеристик. Тезис о социально-классовом происхождении знания получил развитие в постмодернистских исследованиях и был доведен до своего логического завершения. Постигание знания было редуцировано к выявлению социально-классовой принадлежности знающего. Социологический анализ знания оказывался, таким образом, изучением его создателей и распространителей. Предельный релятивизм, обозначившийся в социологии знания и образования, не позволял, по мнению представителей «социального реализма» обратиться к сущностному анализу знания, остававшегося для социологии «слепым пятном».

Выход из сложившейся ситуации видится Матону и Муру в изначальном признании социального характера знания, которое и не может быть создано и функционировать вне социальной реальности. Однако знание обладает тем не менее статусом объективного, так как оно изначально intersubъективно и эмерджентно, обладает определенной автономностью от знающего. В силу этого основное вни-

мание исследователей направлено на концептуализацию внутренней структуры знания и выработку методологического инструментария для его изучения.

Такое понимание знания имеет прямое отношение к социологии образования, поскольку позволяет по-новому взглянуть на проблему учебного плана, содержание школьного образования, а также общественно-политический и педагогический дискурс относительно содержания образования в условиях глобализации и требований новой экономики «знания».

Одной из центральных проблем современного образования, по мнению представителей социологического реализма, становится расхождение между декларируемыми целями образования в условиях общества знания и реальными результатами обучения.

Как мы уже отметили выше, современный глобальный дискурс об образовании постулирует важность непрерывного накопления знания, освоения нового, развития способностей к гибкому применению полученного знания к различным профессиональным ситуациям. Однако такая образовательная установка содержит и определенную двойственность. Одним из первых на нее указал идейный и теоретический вдохновитель всего направления реалистической социологии образования британский исследователь Б. Бернштейн. По мнению социолога, современное общество может быть охарактеризовано как тотально педагогизированное в том смысле, что практически все сферы жизни оказываются пронизанными идеей непрерывного обучения и усвоения нового. Способность быть обучаемым (*trainability*) обретает решающее значение для социального успеха индивида. Только так он может справиться с непрестанно обновляемыми социальными и профессиональными требованиями. Но вместе с тем такая обучаемость как способность к усвоению нового ставит под вопрос связанность и непрерывность имеющегося социального опыта и знаний и по сути размывает их значимость, обесценивая их. Накопленное прежде знание оказывается отринутым как не нужное, не важное для понимания нового. И это порождает принципиально важные вопросы – какова логика накопления знания в современном обществе, как она реализуется в образовательном процессе, какие виды знания востребованы в современном образовании и какие социальные вознаграждения они приносят⁵.

Эти проблемы стали одним из важных направлений исследований для представителей реалистической социологии образования. Значимость такого рода изучения обусловлена принципиальной методологической установкой данного направления – изучение актуальных структур знания позволяет выявить специфику властных отношений в обществе, установить особенности новых форм неравенства в современном социуме.

Исходной точкой рассуждений К. Матона и его коллег становится классификация форм знания, предложенная Б. Бернштейном. Британский социолог вводит различие обыденного повседневного и научно-теоретического знания, обозначив

их как «горизонтальный» и «вертикальный» дискурс соответственно. Повседневное знание – горизонтальный дискурс – передается преимущественно изустно. Оно контекстуально обусловлено и сегментировано. Научное знание – вертикальный дискурс – логически связано, облечено в письменную форму и выражено в специальном языке. В свою очередь, в научном знании также можно различить два типа структур – вертикальную и горизонтальную. Вертикальная структура знания характерна для естественных и точных дисциплин – для них свойственна вертикальная интегрированность, построение предельно абстрактных и генерализированных теорий, опирающихся на данные более низкого уровня обобщения. Горизонтальная структура знания более специфична для социально-гуманитарных наук. Знание выстраивается как параллельный набор равно значимых теорий, парадигм, не интегрированных в единую иерархию, а функционирующих одновременно. Таким образом, в случае естественно-научных и точных дисциплин развитие знания требует интеграции и обобщения уже известного, а для социально-гуманитарных – добавления еще одной объясняющей концепции⁶.

По мнению Матона, выявленный Бернштейном принцип развития нового знания в естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплинах позволяет также понять логику усвоения нового знания в учебном процессе. Так, обучение может выстраиваться на основе постепенного сквозного накопления знания, его усложнения и генерализации, абстрагирования от конкретного образовательного контекста. Его противоположной формой выступает сегментированное обучение, в случае которого отдельные навыки знания тесно привязаны к учебному контексту и их экстраполяция весьма затруднена. Основополагающее различие между этими формами обучения выступает степень абстрактности и генерализованности, что позволяет гибко применять полученное знание в различных профессиональных ситуациях.

Такую степень абстрактности знания от конкретного контекста Матон обозначает введенным им термином «семантическая нагруженность» (semantic gravity)⁷. Семантическая нагруженность позволяет разграничить выявленные Бернштейном формы знания по степени их контекстуальной обусловленности. Так, на одном конце оси оказывается горизонтальный дискурс – повседневное знание, – а на ее противоположном конце – вертикальноструктурированный вертикальный дискурс, т. е. естественные и точные дисциплины. И в этом случае принципиальное значение обретает вопрос, чем именно обусловлена семантическая нагруженность различных форм знания. Применительно к учебному процессу этот же вопрос отсылает к условиям организации учебного процесса, усложняющей или облегчающей сквозное накопление знания, его генерализацию или абстрагирование.

Для выявления этих условий Матон вводит концепцию кодов легитимации (Legitimation Code Theory) – характерных для социальных сфер науки и образования критериев успеха и достижений, характерные для различных форм знания.

Основополагающим различием становится апелляция внутри той или иной формы дискурса либо к критериям овладения знания, либо к социально-личностным качествам самого знающего. Так, код знания акцентирует владение специализированными навыками, знаниями. Код знающего подчеркивает социальные диспозиции индивида, описываемые или как природный талант или как соответствующее семейное происхождение. Элитарный код требует как наличие высокоспециализированного знания, так и социальные диспозиции знающего. Наконец, релятивистский код предполагает весьма свободные критерии успеха, не акцентируя значимость ни знаний, ни личностных качеств⁸.

Установление характерных для каждого видов научного знания или педагогической дисциплины легитимационных кодов позволяет выявить, насколько эти дисциплины способствуют накоплению знания, его абстрагированию и генерализации. Концепция кодов легитимации также может служить методологией исследования, позволяющей вскрыть глубинные принципы, лежащие в основании учебного плана, преподавательских практик, восприятия учебного процесса с точки зрения самого обучающегося.

Применение идеи легитимационных кодов в исследованиях современного образования в англоязычных странах – Австралии и Великобритании – позволило Матону и его коллегам выявить основное, по их мнению, противоречие в современном образовательном процессе. Получившие в последнее время широкое признание и распространение новые формы организации занятий и методики обучения акцентируют практическую ориентированность учебного процесса, направленного на подготовку к будущей профессиональной деятельности. Занятия имитируют рабочие ситуации, нацелены на решение конкретных задач на основе анализа отдельных кейсов. Их конечная цель – продемонстрировать и привить обучающемуся необходимые профессиональные навыки.

Однако исследования Матона и его коллег, опирающиеся на серии интервью с обучающимися, демонстрируют иную картину. Для большинства студентов основополагающие принципы решения предлагаемых им ситуаций и задач остаются скрытыми и завуалированными в конкретном контексте учебных заданий, выйти за пределы которого они оказываются не способны. Причина этого видится Матону в несовпадении легитимирующих кодов в учебной практике. Идеалы современного образования акцентируют код знания – учебный и социальный успех зависит от освоения и непрерывного обновления специализированных знаний и умений. Однако реальная образовательная практика апеллирует к коду знающего – личному опыту, воображению учащегося, которые позволяют ему справиться с учебными тренировочными заданиями. Превращение обучения в имитацию повседневной жизни приводит к тому, что обучающиеся весьма с трудом могут установить принципы реконтекстуализации и абстрагирования конкретного знания. И справиться с этой задачей могут преимущественно те, кто уже овладел этим генерализирован-

ным знанием вне сферы образования⁹. Учебный процесс, нацеленный изначально на развитие накапливаемого теоретического знания способствует по сути упрочению знания сегментированного и контекстуально-обусловленного.

Полученные исследователями результаты имеют принципиальное значение в контексте социологического изучения образования в современных реалиях. Выявленное Матоном характерное несоответствие между кодом знания и кодом знающего по сути позволяет увидеть в новом свете традиционную для социологии образования проблему социального неравенства и образовательной селекции. Уже в ставших классическими исследованиях П. Бурдьё, Б. Бернштейна проводится анализ образовательной коммуникации, успех которой во многом зависит от социокультурных диспозиций учащегося – его способности усвоить содержательно новый материал. Однако зачастую эти диспозиции развиваются вне системы образования, а не благодаря ей. И таким образом, образование, ранжируя учащихся как успешных/неуспешных по сути проводит селекцию, воспроизводя социальное и культурное неравенство между социально привилегированными и непривилегированными группами. В условиях современного практико-ориентированного образовательного процесса постичь основополагающие принципы организации знания, выйти за пределы конкретного учебного контекста оказываются способны преимущественно те, кто уже обрел это знание вне системы образования.

Проблема социального неравенства в современном образовании усугубляется также и тем фактом, что по обнаружениям представителей реалистической социологии образования учебные программы, закрепляющие такого рода инструментально-ориентированное сегментированное знание, реализуются преимущественно в программах среднего профессионального образования и технического обучения. В исследуемых странах, например, Австралии, такое образование преимущественно ориентировано на выходцев из средних и низших слоев, занятых в низко или среднеквалифицированном труде¹⁰. И в силу этого учащиеся оказываются изначально в условиях, не способствующих овладению сложными формами теоретического абстрактного знания. И скорее именно такое образование отражает тот характерный для современного общества идеал обучаемости, на двойственность которого указывал Бернштейн. Сегментированное знание не позволяет совершенствоваться по стезе ремесла, продвигаться далее и развивать имеющееся знание. В большей степени оно подразумевает накопление точных и конкретных знаний, которые могут быть легко отринуты и заменены на новые в соответствии с задачами профессиональной деятельности.

И здесь мы приходим к более глубокому пониманию проблемы социального функционирования форм знания. Согласно позиции Б. Бернштейна и его теоретических последователей – реалистической социологии образования – анализ структур знания и распространения различных форм знания позволяет выявить специфику властных отношений в том или ином обществе. По мысли Бернштейна, соци-

альный статус и значение теоретического – абстрактного – и повседневного – контекстуального – знания весьма различен. Повседневное знание связано с обыденной жизнью, сферой мыслимого и ожидаемого. Напротив, теоретическое знание, не имеющее прямого отношения к объектам реального мира по сути отсылает нас в сферу того, о чем еще только предстоит помыслить, в сферу иного. Теоретическое знание – это способ помыслить об альтернативных вариантах будущего. Именно этим и объясняется социальная значимость абстрактного теоретического знания, контроль над которым отражает специфику властных отношений в социуме¹¹.

Современный образовательный дискурс, призывающий к непрерывному обучению и развитию навыков, при ближайшем рассмотрении обнаруживает свою двусмысленность. Накопление знания оборачивается непрерывным расширением разрозненных навыков и умений, зачастую мало связанных друг с другом и не позволяющих помыслить иные реальности.

Примечания

¹ Muller J. *Reclaiming knowledge: social theory, curriculum, and education policy*. Routledge, 2000. P. 28.

² *Educating for the knowledge economy?: critical perspectives* / H. Lauder, M. Young, H. Daniels, M. Balarin, J. Lowe. Routledge, 2012.

³ *Social Realism: knowledge and the sociology of education: coalitions of the mind* / ed. by K. Maton, R. Moore, 2010. URL: <https://academia.edu> (дата обращения: 14.09.2015).

⁴ Maton K. *Knowledge and knowers // Towards a realist sociology of education*. Routledge, 2013.

⁵ *Towards a sociology of pedagogy: the contribution of Basil Bernstein to research* / ed. by A. Morais, I. Neves, B. Davies, H. Daniels. New York: Peter Lang, 2001. P. 365–366.

⁶ См.: Bernstein B. *Pedagogy, symbolic control and identity*. Revised ed. Maryland: Rowman & Littlefield, 2000.

⁷ Maton K. *Cumulative and segmented learning: exploring the role of curriculum structures in knowledge building // British j. of sociology of education*. 2009. Vol. 30, № 1.

⁸ См.: Maton K. *Knowledge – knower structures in intellectual and educational fields // Language, knowledge and pedagogy: functional linguistic and sociological perspectives* / ed. by F. Christie, J. R. Martin. London: Continuum, 2007.

⁹ Maton K. *Segmentalism: the problem of building knowledge and creating knowers // Knowledge, pedagogy and society: international perspectives on Basil Bernstein's sociology of education* / ed. by D. Frandji, P. Vitale. Routledge, 2011.

¹⁰ Wheelahan L. *The problem with competency-based training // Educating for the knowledge economy?: critical perspectives* / H. Lauder, M. Young, H. Daniels, M. Balarin, J. Lowe. Routledge, 2012.

¹¹ Bernstein B. *Op. cit.* P. 29–30.

С. И. Росенко

Образовательная дифференциация современного российского общества

Образовательная дифференциация как совокупность социальных групп, характеризующихся определенным уровнем образования и доступом к культурным, информационным и духовным ценностям, во многом определяет состояние и тенденции развития социума. Образование, являясь важнейшим фактором восходящей мобильности и достижения высокого социального статуса индивидов, оказывает самое непосредственное влияние на все сферы общественной жизни. Проведенные в постсоветский период реформы системы образования обусловили возникновение нового образовательного пространства.

Ключевые слова: образование, социальная дифференциация, современное российское общество

Svetlana I. Rosinko

Educational differentiation of modern Russian society

Educational differentiation as a set of the social groups, characterized by certain education level and access to cultural and information wealth, defines in many respects state and tendencies of society development. Education, being the most important factor of the ascending mobility and achievement of the high social status of individuals, has the most direct impact on all spheres of public life. The reforms of an education system carried out in post-soviet period caused the emergence of new educational space.

Keywords: education, social differentiation, modern russian society

В условиях перехода к постиндустриальному этапу общественного развития образовательная дифференциация выступает в качестве важнейшей характеристики современного социума. Стремительно развивающиеся информационные технологии предъявляют высокие требования к уровню образования как отдельных социальных общностей, так и населения в целом. Образовательная дифференциация представляет собой деление общества на социальные группы и слои, характеризующихся определенным уровнем образования и доступом к культурным, информационным и духовным ценностям. Образовательная дифференциация выступает важнейшим показателем содержания качества социальной системы, во многом определяя ее характеристики. Образование, являясь важнейшим фактором восходящей мобильности и достижения высокого социального статуса индивидов, все более оказывает самое непосредственное влияние на все сферы общественной жизни.

Основным критерием образовательной дифференциации служит уровень образования населения, определяя социальные параметры групп, имеющих высшее, среднее, начальное образование, а также лиц без образования. Вместе с тем даль-

нейшая образовательная градация требует использования многокритериального подхода. В зависимости от: имущественного статуса выделяются образовательные общности, характеризующиеся определенными размерами доходов и потребления; места в системе общественного разделения и сфере приложения труда – образовательные общности, дифференцированные в соответствие с их профессиональной и отраслевой занятостью; территориальной принадлежности – образовательные общности, проживающие в городской и сельской местности; половозрастных характеристик – образовательные общности, дифференцированные в соответствие с их гендерной и возрастной принадлежностью и др. Это свидетельствует о том, что образовательная дифференциация выступает в качестве одного из базового элемента социальной организации общества.

Существующие различия образовательных систем определяют наличие специфических особенностей образовательной дифференциации населения в различных странах. В течение прошлого столетия Россия выстроила фундаментальную систему образования, которая одновременно была общедоступной для различных социальных групп и слоев. Вместе с тем трансформация российского общества в постсоветский период неизбежно внесла коррективы в образовательную дифференциацию населения, что нашло свое отражение в количественных и качественных характеристиках образовательных групп и слоев (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень образования населения (на 1000 чел.)
(население в возрасте 15 лет и старше)¹**

Год	Имеющие образование						не имеющие начального образования
	профессиональное			общее			
	высшее и неполное высшее	среднее	начальное	среднее полное	основное	начальное	
1989	130	192	130	179	175	129	65
2002	191	271	127	175	138	77	10
2010	280	312	56	182	110	54	6

При анализе образовательной структуры российского общества дифференцируются группы, имеющие общее и профессиональное² образование. Представленные данные позволяют выявить тенденцию роста численности и удельного

веса групп, имеющих высшее, неполное высшее и среднее профессиональное образование при сокращении количественных параметров групп со средним общим образованием и лиц без образования. Итоги переписи 2012 г. говорят о том, что «за 2002–2010 гг. численность специалистов с высшим профессиональным образованием увеличилась на 8,1 млн человек (на 42%), со средним профессиональным образованием на 3,8 млн человек (на 12%), а численность лиц с начальным профессиональным образованием уменьшилось на 8,8 млн человек (на 57%)»³. В 2010 г. из 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше 884 чел. имело основное общее образование и выше (1989 г. – 806 чел.). Аналогичная тенденция проявилась и в образовательной дифференциации занятого населения, выступающей в качестве важнейшей характеристики рабочей силы (табл. 2).

Таблица 2

Образовательный уровень занятого населения⁴ (в % к итогу)

	Имеющие образование					
	профессиональное			общее		
	высшее	среднее	начальное	среднее полное	основное	начальное и без образования
1995 г.	19,9	33,2	–	33,1	12,0	1,8
2011 г.	29,6	26,9	19,5	19,8	3,9	0,3

Статистические данные фиксируют увеличение удельного веса лиц с высшим профессиональным образованием; преобладание в составе занятого населения лиц со средним общим, средним профессиональным и начальным профессиональным образованием; сокращение удельного веса лиц с основным общим и начальным профессиональным образованием и неграмотных. В общей сложности в 2011 г. 29,6% имело высшее профессиональное образование, 70,1% – среднее начальное, основное, общее и профессиональное образование и всего 0,3% приходилось на лиц без образования. Это свидетельствует о достаточно высоком образовательном уровне занятого населения, являющимся одним из основных критериев постиндустриального этапа общественного развития.

Вместе с тем процентное соотношение образовательных групп не в полной мере отражает качественные аспекты образовательной дифференциации, выражающиеся в таких показателях как структура образовательных организаций, состав студентов и учащихся, реализуемые образовательные программы и технологии, квалификационные характеристики педагогических работников и др. В данном ракурсе необходимо проанализировать соответствующие статистические данные

применительно ко всем уровням системы образования. В последние десятилетия происходил рост числа высших учебных заведений и студенческого контингента: так, если в 1990 г. в стране насчитывалось 514 вузов, то к 2011 г. этот показатель удвоился и составил 1080, при этом численность студентов выросла с 2790 тыс. чел. (190 студентов на 10000 населения) до 6490 тыс. чел. (454 студента на 10000 населения). При этом развитие высшей школы характеризовалось противоречивыми аспектами – формированием многоступенчатого образования (бакалавр-магистр), диверсификацией образовательных программ, дифференциацией вузов по видам (институт, академия, университет) и формам собственности (государственные, негосударственные), недостаточным государственным финансированием вузов, значительными различиями образовательного потенциала вузов различных регионов, низким уровнем трудоустройства выпускников, что не могло не повлиять на качество образования.

Значительные изменения происходили и в системе среднего и начального образования. В рассматриваемый период произошло резкое сокращение общеобразовательных учреждений (1990 г. – 69,7 тыс.; 2011 г. – 47,1 тыс.) и учреждений начального профессионального образования (1990 г. – 4,3 тыс.; 2011 г. – 2,1 тыс.), при этом практически на том же уровне осталось число учреждений среднего профессионального образования (1990 г. – 2,6 тыс.; 2011 г. – 2,9 тыс.). Также появились негосударственные образовательные учреждения (НОУ), но их доля в данном секторе невелика: в 2011 г. в России работало 700 общеобразовательных и 260 средних профессиональных негосударственных учебных заведений. Аналогично происходило сокращение численности учащихся в образовательных учреждениях. В 1990 г. и 2011 г. количество учащихся составило соответственно: в дневных общеобразовательных учреждениях – 20,3 млн чел. и 13,4 млн чел.; в образовательных учреждениях среднего профессионального образования – 2,3 млн чел. и 2,1 млн чел.; в учреждениях начального профессионального образования 1,9 млн чел. и 1,1 млн чел. С одной стороны, столь значительное уменьшение численности учащихся в системе среднего образования объясняется последствиями демографического кризиса 1990-х гг., а с другой – отсутствием четкой государственной политики в данной сфере, основанной на четком определении целей, механизмов и технологий образования.

В 2013 г. был принят Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁵, внесший значительные изменения в систему образования. Данные изменения коснулись базовых компонентов системы – образовательных программ, стандартов, видов и уровней образования, форм обучения, образовательных организаций, финансирования общего и профессионального образования, порядка предоставления образовательных услуг, правовой регламентации организации и осуществления образовательной деятельности, прав обучающихся и работников образования и др. Несомненно, что нововведения окажут самое не-

посредственное влияние на образовательную дифференциацию населения. Обозначенные в нем позиции направлены на дальнейшую интеграцию России в Болонский процесс и международную образовательную среду. При этом принципиально важным является сохранение лучших образовательных традиций российского общества, поскольку «наблюдающиеся тенденции прямого переноса опыта зарубежных систем образования в российскую систему образования, без учета исторического аспекта ее развития, не всегда приносят позитивные результаты, и, следовательно, не дают гарантий ее качества»⁶. В этой связи первостепенное значение имеет проведение последовательной государственной политики, направленной на формирование качественно нового образовательного пространства.

Примечания

¹ Социально-демографический портрет России: по итогам Всерос. переписи населения 2010 г. / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2012. С. 107.

² Общее образование – вид образования, который направлен на развитие личности и приобретение в процессе освоения основных общеобразовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для жизни человека в обществе, осознанного выбора профессии и получения профессионального образования. Профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенного уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретной профессии или специальности (Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273–ФЗ от 29 дек. 2012 г. Ст. 11, 12).

³ Социально-демографический портрет России. С. 107.

⁴ Российский статистический ежегодник–2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 127.

⁵ См.: Об образовании в Российской Федерации: федер. закон.

⁶ Маклакова Е. В. Проблемы качества высшего образования в интересах устойчивого развития // Вестн. ЮНЕСКО. 2010. № 13.

М. А. Ласточкина

Социализация современной молодежи: контрасты центра и периферии

В данной работе поставлена цель получения информации: Ради чего живут сегодня молодые люди? Каковы особенности социализации современной молодежи в обществе? Какие ценности разрушаются, а какие остаются среди подрастающего поколения? В чем различия сельской и городской молодежи? Исследование основывается на данных социологического опроса молодежи Вологодской области, проводимого в 2012 г.

Ключевые слова: молодежь, город, село, ценности, общество

Maria A. Lastochkina

Socialization of modern youth: contrasts of the center and periphery

In this work the purpose of obtaining information is set: For the sake of what there live today young people? What features of socialization of modern youth in society? What values collapse and what remain among younger generation? In what distinctions of rural and city youth? Research is based on data of sociological survey of youth of the Vologda region, conducted in 2012.

Keywords: youth, city, village, values, society

Несомненно, что на образ жизни и менталитет молодежи существенное влияние оказывает территория проживания. Особенности географического положения региона по отношению, как ко всей стране, так и к административному центру районов, откладывает отпечатки на жизненные ценности и стереотипы молодого поколения. Учитывая, что подрастающее поколение является стратегическим ресурсом развития, то для прогнозирования региональной молодежной политики необходимо знать особенности социализации, ценностные ориентации, жизненные планы молодых людей. Поэтому в данной работе мы поставили цель получения информации: Ради чего живут сегодня молодые люди? Каковы особенности социализации современной молодежи в обществе? Какие ценности разрушаются, а какие остаются среди подрастающего поколения? В чем различия сельской и городской молодежи? Исследование основывается на данных социологического опроса молодежи Вологодской области, проводимого в 2012 г. Объект исследования – молодое население Вологодской области от 14 до 30 лет. Объем выборки 2923 человека. Выборка квотная, пропорциональная полу и возрасту. Проводилась во всех муниципальных образованиях Вологодской области Институтом социально-экономического развития территорий РАН совместно с Комитетом по физической культуре, спорту и молодежной политике Вологодской области.

Анализируя распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытыва-

ете по отношению к региону проживания?» выяснилось, что большая часть молодежи – 59% удовлетворена тем, что живет в Вологодской области. При этом жители г. Вологды (областная столица) более всех удовлетворены местом своего проживания – 63%, а наименее удовлетворены в Череповце (экономический центр) – 49%. Значимо больше и тех кто не испытывает особых чувств по поводу того, что живет в Череповце и также больше желающих эмигрировать (табл. 1).

Таблица 1

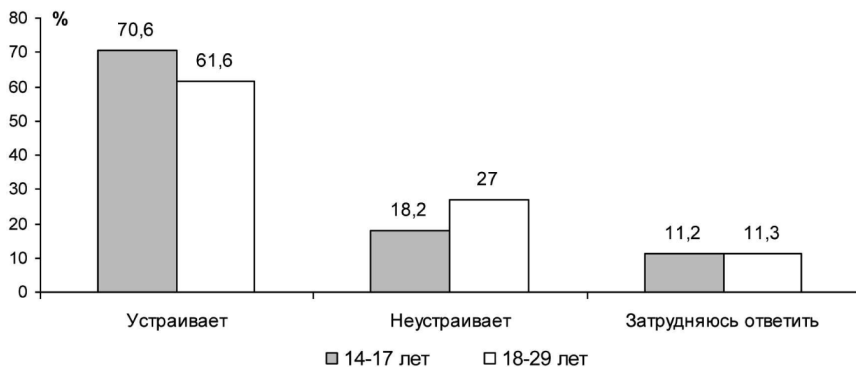
Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону проживания?», в %

	Вологда	Череповец	Районы	Область
Я рад, что живу здесь	23,2	16,4	17,5	18,0
В целом я доволен, но многое не устраивает	41,2	32,8	41,8	40,5
Не испытываю особых чувств по этому поводу	12,5	22,1	14,3	15,1
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5,5	7,0	6,2	6,2
Хотел бы уехать в другой регион России	6,4	8,3	7,1	7,2
Хотел бы вообще уехать из России	9,0	9,9	5,5	6,5
Затрудняюсь ответить	2,3	3,4	7,6	6,4

Источник: Здесь и далее в таблицах использованные данные социологического опроса молодежи Вологодской области, 2012 г.

Каждого четвертого из опрошенных молодых людей не устраивает жизнь, которую он ведет. В районах Вологодской области такой молодежи на 5% больше, чем в городах. Соответственно в Вологде и Череповце значимо больше довольных своей жизнью – разница с сельскими жителями составляет 13%. Проведенный анализ не показал значимых различий при оценке своей жизни в разрезе по гендерному признаку, уровню образования и доходным группам. Значимые отличия выявлены лишь по возрастным критериям. Так молодых людей в возрасте 14–17 больше устраивает жизнь, которую они ведут, по сравнению с возрастной группой 18–29 лет (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?», возрастной разрез, в %

Источник: Здесь и далее в рисунках использованы данные социологического опроса молодежи Вологодской области, 2012 г.

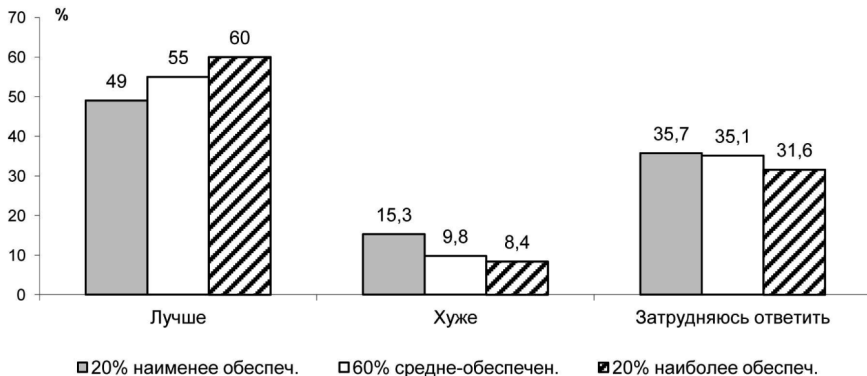
Позитивные перспективы на хорошее будущее присутствуют у каждого второго респондента Вологодской области. Вместе с тем каждый третий сомневается при оценке того насколько хорошо он будет жить через год (табл. 2). В городской местности молодежь более позитивно смотрит в будущее, чем в сельской: разница составляет 15%.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?», в %

	Вологда	Череповец	Районы	Область
Определенно лучше	24,9	19,8	14,0	16,1
Скорее лучше	40,3	48,7	38,2	39,8
Скорее хуже	6,1	6,8	9,5	8,8
Определенно хуже	0,9	1,0	2,1	1,8
Затрудняюсь ответить	27,8	23,7	36,1	33,5

Возраст оказался значимым при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?». Оценки старшей возрастной когорты оказались хуже, оценок данных младшей возрастной когортой: 54 % и 62 % соответственно ответили, что через год они будут жить лучше. Разделение респондентов на доходные группы выявило, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем оптимистичнее настроены молодежи при оценке своей жизни в предстоящем году (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?», доходные группы, в %

Важной составляющей социального самочувствия является уверенность в будущем, которую высказали 55 % опрошенных. Городские жители чувствуют большую уверенность в завтрашнем дне (64%), чем сельские (52%). И хотя число неуверенных в целом по области велико – 28%, но их доля среди городского населения значимо меньше (23%), чем среди сельского (30%). Достаточно и затруднившихся в ответе на данный вопрос, и это говорит о сомнениях вологжан относительно улучшения социально-экономического положения в области. Проведенный анализ по доходным группам показал, что чем выше уровень материальной обеспеченности, тем увереннее молодежь смотрит в будущее (табл. 3). С увеличением возраста напротив растет неуверенность – разница в долях уверенных (неуверенных) составляет 10%. Данная ситуация является отражением более взвешенной и вдумчивой оценки будущего старшей когорты.

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены в своем будущем?», возраст, доходные группы, в %

	Возраст		Доходные группы		
	14–17 лет	18–29 лет	20 % наименее обеспечен	60 % среднеобеспечен	20 % наиболее обеспечен
Уверен	62,4	52,5	48,7	53,2	63,5
Неуверен	19,6	30,4	35,7	32,1	25,6
Затрудняюсь ответить	17,9	17,1	15,7	14,8	11

Понять особенности жизненных стратегий поведения молодежи, помогает структура составляющих факторов жизнедеятельности. Доминантами жизненных ценностей и поведенческих приоритетов являются: личная безопасность, материальное положение, отношения в семье, состояние здоровья, работа, дружба и общение (табл. 4). Наличие этих условий важно для 90–94 % опрошенных. За последнее время наблюдается следующая тенденция: молодежь в основном отдает предпочтение не столько духовным и нравственным ценностям, сколько большим деньгам. Полезность труда для большинства молодых людей определяется достижениями собственного экономического достатка (93 %). Причем ставится в основном цель зарабатывать деньги, а творческая самореализация на работе (в учебе) и вне работы важна только для 75 % молодых вологжан. Экологическая обстановка волнует 79 % молодежи, вместе с тем наблюдается значимая разница между городами: в Вологде для 84 % населения важна экологическая обстановка, тогда как доля череповецкой молодежи, отмечающей важность этого фактора, только 73 %. Данный факт говорит скорее о непритязательности последних. Последние позиции по важности занимают: экономическая и политическая обстановка в стране (71 %), комфортный климат и хорошая погода (70 %).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Насколько важны для Вас следующие факторы жизнедеятельности?», в %

	Вологда	Череповец	Районы	Область
Личная безопасность (безопасность семьи)				
Важно, скорее важно	93,3	96,9	93,2	93,7
Затрудняюсь ответить	4,6	2,3	5,0	4,6

Раздел IX. Образование как продукт и способ формирования культуры

Скорее не важно, не важно	2,1	0,8	1,8	1,6
---------------------------	-----	-----	-----	-----

Материальное положение

Важно, скорее важно	95,6	96,1	92,3	93,2
Затрудняюсь ответить	2,9	3,6	5,7	5,1
Скорее не важно, не важно	1,5	0,3	2,0	1,7

Отношения в семье

Важно, скорее важно	94,5	95,9	92,5	93,1
Затрудняюсь ответить	4,1	3,9	6,1	5,6
Скорее не важно, не важно	1,5	0,3	1,5	1,3

Состояние здоровья

Важно, скорее важно	95,1	95,6	91,5	92,4
Затрудняюсь ответить	3,2	3,6	6,5	5,7
Скорее не важно, не важно	1,8	0,8	2,1	1,9

Работа

Важно, скорее важно	91,8	92,2	89,3	89,9
Затрудняюсь ответить	5,8	6,0	8,3	7,7
Скорее не важно, не важно	2,3	1,9	2,5	2,3

Дружба, общение

Важно, скорее важно	90,7	93,7	88,7	89,6
Затрудняюсь ответить	4,9	4,4	8,1	7,3
Скорее не важно, не важно	4,4	1,8	3,1	3,1

Возможность достижения поставленных целей

Важно, скорее важно	89,8	93,5	87,9	88,9
Затрудняюсь ответить	8,4	4,4	10,2	9,2
Скорее не важно, не важно	1,7	2,1	2,0	1,9

Наличие досуга и возможность его реализации

Важно, скорее важно	83,7	86,2	80,8	81,8
Затрудняюсь ответить	11,3	7,8	13,5	12,5

Раздел IX. Образование как продукт и способ формирования культуры

Скорее не важно, не важно	4,9	6,0	5,7	5,7
---------------------------	-----	-----	-----	-----

Экология

Важно, скорее важно	84,3	73,2	79,6	79,2
Затрудняюсь ответить	10,7	13,5	14,4	13,8
Скорее не важно, не важно	4,9	13,3	6,1	6,9

Социальный статус

Важно, скорее важно	77,4	76,6	78,4	78,0
Затрудняюсь ответить	13,9	13,8	14,8	14,5
Скорее не важно, не важно	8,7	9,6	6,8	7,4

Творческая самореализация на работе (в учебе) и вне работы

Важно, скорее важно	74,5	74,2	74,5	74,5
Затрудняюсь ответить	17,7	14,8	17,0	16,8
Скорее не важно, не важно	7,9	10,9	8,6	8,7

Социальная инфраструктура

Важно, скорее важно	78,0	73,2	71,8	72,7
Затрудняюсь ответить	15,4	18,8	21,5	20,4
Скорее не важно, не важно	6,7	8,1	6,7	6,8

Экономическая и политическая обстановка в стране

Важно, скорее важно	70,7	71,1	71,2	71,1
Затрудняюсь ответить	20,3	18,0	18,9	18,9
Скорее не важно, не важно	9,0	11,0	9,9	10,0

Комфортный климат и хорошая погода

Важно, скорее важно	71,5	68,2	70,3	70,2
Затрудняюсь ответить	13,0	9,9	13,4	12,9
Скорее не важно, не важно	15,3	21,9	16,4	17,0

Как оказалось оценки важности личной безопасности (безопасность семьи), материального положения и состояния здоровья не зависят от возраста, пола и уровня доходов респондентов. Для женщин больше, чем для мужчин важны: экологическая обстановка (83% и 75% соответственно), комфортный климат и хоро-

шая погода (73 % и 67 % соответственно). Социальная инфраструктура, экономическая и политическая обстановка в стране приобретают важность с увеличением уровня образованности и ростом доходов респондентов (табл. 5). Уровень образования также сказывается и на оценках значимости социального статуса, даваемых молодыми людьми: доля молодежи с неполным средним и средним специальным образованием, отметивших важность социального статуса, на 7 % ниже подобной доли с высшим и незаконченным высшим образованием. Дружба и общение важнее для молодежи, у которых уровень доходов выше.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Насколько важны для Вас следующие факторы жизнедеятельности?», в %

	Образование			Доходные группы		
	Неполное среднее; среднее, в т. ч. ПТУ со средн. образованием	Среднее спец. (техникум и др.)	Незаконч. высшее; высшее; послевузовское (аспирантура)	20 % наименее обеспеч.	60 % средне-обеспеч.	20 % наиболее обеспеч.
Экономическая и политическая обстановка в стране						
Важно	67,4	67,7	78,3	69,2	72,3	75,6
Затрудняюсь ответить	20,7	22	14,2	22,6	17,2	12,8
Не важно	29	29,8	19,7	28,4	24,8	20,3
Социальная инфраструктура						
Важно	67,8	71,1	80,7	68,7	76,2	77,4
Затрудняюсь ответить	23,9	21,5	15,1	24,6	17,9	14,8
Не важно	29,9	27,5	18,1	28,9	22,4	20,9

Функциональная направленность городов, как оказывается, так же меняет палитру социального образа молодежи. Развитость инфраструктуры и сети учреждений культурно-досуговой направленности оказывает значимое влияние на культурный капитал населения. Одним из наиболее популярных мест отдыха и развлечения в молодежной среде считается кинотеатр, однако на селе их качество и доступность оставляет желать лучшего, и скорее всего, поэтому никогда не посещают кинотеатр 27 % сельской молодежи. В районах Вологодской области доля тех, кто регулярно посещает кинотеатры в 4 раза меньше, чем в Вологде и в 6 меньше,

чем в Череповце (табл. 6). Велика численность сельских молодых людей никогда не посещают театры – 60% (Вологда – 24%, Череповец – 42%), музеев – 39% (Вологда – 22, Череповец – 32%). Библиотеки, напротив, более посещаемы в районах области – 14%. Значимых различий между городом и селом не наблюдается в посещении городских (районных) праздников – около 73% молодежи от 1 до 10 раз в год участвуют в них.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь услугами следующих учреждений и участвуете в их мероприятиях?», в %

	Во-логда	Чере-повец	Райо-ны	Об-ласть	Во-логда	Чере-повец	Райо-ны	Об-ласть
	Кинотеатров				Театров			
Регулярно (более 10 раз в год)	29,0	41,4	6,7	13,9	4,9	0,8	1,4	1,7
Часто (3–10 раз в год)	35,7	30,2	16,2	20,3	16,2	11,5	3,9	6,3
Редко (1–3 раза в год)	33,0	26,0	48,4	43,6	53,6	45,8	32,2	36,5
Никогда	1,7	2,1	27,0	20,8	24,1	41,7	59,6	53,0
	Музеев				Библиотек			
Регулярно (более 10 раз в год)	3,5	0,5	1,8	1,8	8,1	8,1	14,2	12,7
Часто (3–10 раз в год)	15,1	15,9	7,4	9,4	24,3	22,4	17,9	19,3
Редко (1–3 раза в год)	58,3	51,6	49,8	51,0	41,4	33,9	38,9	38,5
Никогда	21,7	31,8	38,6	35,7	25,2	35,4	26,6	27,6
	Парков				Городских праздников			
Регулярно (более 10 раз в год)	33,9	35,4	18,1	22,2	19,4	17,2	16,2	16,7
Часто (3–10 раз в год)	31,0	36,2	26,3	28,1	35,9	32,8	32,5	33,0
Редко (1–3 раза в год)	27,2	23,2	34,7	32,3	35,9	40,6	41,2	40,5
Никогда	7,0	5,2	18,6	15,4	7,5	9,1	8,4	8,4

Важным условием социально-экономического развития территории является уровень обеспеченность различными услугами. По результатам проведенного опроса сельская молодежь дает более негативную оценку развитости инфраструктуры своего района. Самые отрицательные отметки по разделу ЖКХ: 42% населения оценивают его уровень «неудовлетворительно, плохо» и только 17% – «отлично, хорошо». Культура, эстетика городской среды каждым третьим респондентом обозначена негативно, каждым четвертым – позитивно. Ситуация со здравоохранением аналогичная. Лучше всех, как считают молодые люди, дело обстоит с телефонной связью – 56% отметили хороший и отличный уровень его обеспечения.

Особую значимость при оценке современной молодежью положений дел в регионе имеет место их проживания. Жители районов Вологодской области более критичны, чем городское население, и чаще характеризуют положение дел как критическое – 18%, против 10% – в крупных городах. Ретроспективные оценки, данные респондентами, свидетельствуют, что большая часть из них склоняется к тому, что положение дел в регионе не изменилось – 44%. Прогнозные оценки вологодской молодежи более оптимистичны: 30% склоняются к мысли, что ситуация в регионе через год улучшится; каждый третий – ответил, что не изменится и 13% – ухудшится (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, как изменится ситуация в регионе через год?», в %

	Вологда	Череповец	Районы	Область
Определенно улучшится	10,7	7,3	3,9	5,2
Скорее улучшится	26,1	30,7	23,2	24,5
Не изменится	27,5	32,3	35,8	34,3
Скорее ухудшится	8,1	10,4	12,4	11,7
Определенно ухудшится	2,0	0,3	1,4	1,3
Затрудняюсь ответить	25,5	19,0	23,2	23,0

Резюмируя выше сказанное отметим, что молодежь Вологодской области обладает значительным социокультурным потенциалом, однако его реализации препятствует не только социально-экономическая отсталость региона проживания – это касается в основном сельской местности, но и пессимистичные настроения социума (табл. 8).

Таблица 8

SWOT-анализ уровня жизни молодежи Вологодской области

Сильные стороны	Слабые стороны
Осознание важности здоровья. Осознание важности семейных отношений	Пессимистичный настрой молодежи в ряде муниципальных образований области. Существование значительной доли молодых людей, желающих уехать из района. Низкая культурная активность населения

Возможности	Угрозы
<p>Снижение заболеваемости и смертности. Увеличение уровня рождаемости и снижение разводимости</p>	<p>Ухудшение социально-психологического климата в районах. Рост социальной напряженности. Увеличение экономической и демографической нагрузки на трудоспособное население. Вымирание деревень. Нереализованность культурного потенциала в культурный капитал – социокультурный застой и деградация</p>

Крупные города (Вологда и Череповец) значительно отличаются от сельских поселений Вологодской области. Они характеризуется не только разнообразием трудовой и внепроизводственной сфер, но и имеют ряд характерных черт, которые создают специфические условия социализации молодежи:

- средоточие человеческих ресурсов: потенциал человека (физический, психологический, интеллектуальный, эмоциональный, социальный);
- средоточие культуры: материальной (промышленность, архитектура, транспорт), духовной (образованность жителей, учебные заведения, учреждения культуры).

Каждый человек имеет свои социокультурные, половозрастные и индивидуальные особенности и в связи с этим будет существенно различаться то, как он использует предоставляемые социумом, городом, селом возможности. Городской образ жизни предоставляет каждому жителю огромный ряд самых различных альтернатив. Это создает потенциальные возможности для индивидуального выбора в различных сферах жизнедеятельности. Перед городской молодежью в отличие от сельской предоставляются возможности широкого выбора кругов и групп общения, существенно дифференцированы взаимодействия и взаимоотношения.

Ю. М. Якимов

Миссия воспитания и интеграция российского общества

В статье представлен анализ понятий «воспитание» и «миссия воспитания»; раскрыты ресурсы социальной интеграции в контексте социальной сплоченности; определены влияющие на нее факторы, условия; сформулированы практические рекомендации по формированию социальной интеграции в государственном масштабе.

Ключевые слова: воспитание, миссия воспитания, социальная сплоченность, социальная интеграция, социальная политика, социальная справедливость

Yury M. Yakimov

Mission of education and integration of the Russian society

The analysis of the concepts «education» and «education mission» is presented in the article, resources of social integration in the context of social unity are discussed, factors and conditions influencing on it are defined, practical recommendations about formation of social integration in the state scale are formulated.

Keywords: education, education mission, social unity, social integration, social policy, social justice

Воспитание – это целенаправленный процесс формирования личности с помощью специально организованных педагогических воздействий в соответствии с миссией воспитания – определенным социально-педагогическим идеалом.

Миссия воспитания в человеческом обществе есть нечто иное, как идеальное представление о результатах воспитательной деятельности. Миссия воспитания порождается обстоятельствами, в которых находится человеческое общество в данный момент и одновременно миссия воспитания содержит в себе особенности сознания каждого человека. В современном мире воспитание подрастающего поколения, в первую очередь, есть прерогатива государства. Государство и только государство обеспечивает экономические, правовые, организационные условия для реализации миссии воспитания, направляя ресурсы общества на воспитание молодежи.

Важно отметить, что воспитание неотделимо от образования. При этом образование без воспитания быть не может, а воспитание без образования имеет место быть.

Рассмотрим взгляды великих педагогов, явившихся на определенном историческом этапе двигателями образования, как они видели суть воспитания.

Выдающийся чешский педагог-гуманист, общественный деятель Я. А. Коменский (1592–1670) миссию воспитания видел в подготовке ребенка к загробной жизни: воспитывать порядочного человека Я. А. Коменский предлагал на основе би-

блейских заповедей¹. Задачами воспитания по Каменскому являлись: умственное воспитание через познание себя и окружающего мира; нравственное – управление собой; религиозное воспитание на основе Библии.

Я. А. Коменский впервые сформулировал принцип природосообразности: «Воспитание должно следовать законам, действующим в растительном и животном мире». Таким образом, Ян Коменский предлагал от 0 до 6 лет физически развивать ребенка. От 6 до 12 лет – развивать его органы чувств. С 12 до 18 лет заниматься умственным воспитанием. И с 18 до 24 лет преобладало нравственное воспитание: формирование идеалов, мировоззрения, гражданских позиций.

Британский педагог и философ Д. Локк (1632–1704) определял миссию воспитания как воспитание джентльмена, который прибыльно и разумно ведет свои дела². Д. Локк вычленил основные задачи воспитания: физическое воспитание – преимущественно спартанское, приучение к суровым условиям жизни; нравственное – не религиозное, с целью формирования самодисциплины и духа через выработку характера и твердой воли; светское, куда входили верховая езда, фехтование, этика. Средствами воспитания Д. Локк считал обучение и труд.

Французский писатель, мыслитель Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) находил суть воспитания в формировании свободного человека, готового скорее отдать жизнь, чем потерять свободу. При непосредственном участии Ж.-Ж. Руссо родилась теория свободного воспитания³. Задачи воспитания Руссо видел в нравственном воспитании через наблюдение за реальными делами реальных людей, через изучение биографий выдающихся людей и с помощью совершения добрых дел. Не оставлял без внимания Руссо и трудовое воспитание через формирование у ребенка любви и уважения к труду.

Швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX в. И. Г. Песталоцци (1746–1827) считал, что миссией воспитания является содействие раскрытию природных способностей ребенка. И. Г. Песталоцци предлагал всесторонне развивать молодое поколение через накопление знаний и развитие умственных способностей, на основе религии и гуманизма.

Немецкий педагог А. Дистерверг (1790–1866) включал в миссию воспитания развитие у ребенка самостоятельности для служения истине, красоте и добру. Суть воспитания, по его мнению, основывается на принципе природосообразности, с учетом возрастных особенностей ребенка и принципе культуросообразности, принимая во внимание условия места и времени рождения⁴.

Основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский (1824–1870) суть воспитания видел в развитии индивидуальности личности с учетом культуросообразности⁵.

Великий русский писатель-гуманист Л. Н. Толстой (1828–1910) заявлял, что миссия воспитания – в утверждении свободы личности, что в его понятии предполагало учет интересов и желания детей, уважение к ребенку⁶.

Выдающийся отечественный педагог А. С. Макаренко (1888–1939) воспитание тесно связывал с политическими задачами советского общества, а непосредственно миссию воспитания определял как всестороннее развитие личности через научное, политехническое и трудовое образование на благо своей страны⁷.

Об определяющей роли воспитания на будущее человеческого общества говорят и современники. Так, по мнению Президента РФ В. Путина государственная культурная политика в сфере воспитания должна охватывать все стороны жизни, способствовать сохранению традиционных ценностей, укреплению духовных связей со страной, повышать доверие между людьми, их ответственность, гражданское участие в развитии государства⁸.

На основе приведенных высказываний мыслителей и общественных деятелей, правильность суждений которых доказана временем, можно сделать вывод об огромной роли воспитания для будущего всех людей и сообществ. Важнейшее значение воспитания для человечества обуславливает наличие глобальной цели воспитания, его сути, его миссии в современном обществе.

Миссия воспитания имеет общий характер, возвышаясь и отодвигаясь во времени, она является постоянным ориентиром деятельности в воспитательном процессе. Суть современного воспитания – личность, способная строить жизнь, достойную человека. Имея столь общий характер, миссия воспитания обретает гуманистическое значение, предотвращая насилие над личностью.

Воспитание тесно связано с жизнью общества, так как на процесс воспитания накладывает отпечаток культурное наследие и историческая память каждого народа, что выражается сложившимися в обществе национальными обычаями и традициями, менталитетом нации. Миссия воспитания формируется опытом народа, воплощается в национальной культуре и является основой образовательно-воспитательной политики государства.

Миссия воспитания – это представление о желаемом результате, которые определено целевым и содержательным компонентами воспитания. Текущая экономическая, политическая, социальная, научная ситуации, уровень и качество социальной интеграции общества – это результат воспитания предыдущих поколений.

Миссия воспитания находится в непосредственной связи с социальной интеграцией, которая сводится, во-первых, к объединению людей на основе существования общих ценностей и взаимозависимости, во-вторых, к возникновению межличностных связей, практик взаимодействия, взаимной адаптации между социальными группами и интегрированными индивидами. При этом уровень интеграции, по мнению Э. Дюркгейма, определяется степенью испытываемого индивидом чувства принадлежности к социальной группе или коллективу на основании разделяемых норм, ценностей, убеждений⁹. Единство целей, поддержание позитивных социальных взаимодействий и взаимоотношений между людьми, а также устойчивость социализационных практик, взаимосвязь элементов общества, усиление

контроля за поведением индивидов, обуславливают однородность и равновесие социальной системы, стабильность структуры общества и создают основу для формирования сплоченности общества¹⁰.

Однако, рассмотрение единства целей, ценностей, взглядов и убеждений индивидов, как одного из существенных оснований их социальной интеграции, является не вполне справедливым, так как происходит объединение индивидов с различными жизненными установками. Следует полагать, что каждый индивид имеет свою собственную систему ценностей, взглядов, предпочтений, а непосредственно процесс социальной интеграции предполагает организацию совместной деятельности на основе межличностного коллективного взаимодействия, и это взаимодействие и необходимо рассматривать в качестве определяющего признака социальной интеграции.

В рамках такого взаимодействия возможно формирование общих ценностей, интересов, правил поведения, которые в будущем должны составить основу социально-интеграционных процессов.

Достижение целей социальной интеграции российского общества на практике может осуществляться посредством реализации ранее рассмотренной миссии воспитания с широким и повсеместным применением во всех структурных элементах общества следующих мер: активное совершенствование законодательства в целях формирования интеграционной сплоченности российского общества; последовательное и системное развитие правовой защиты граждан, их равенства всех перед законом и неотвратимости санкций; повсеместное противодействие коррупции, единство прав и обязанностей всех участников социальной и экономической деятельности; активное проведение государственной социальной политики, ориентированной на интеграцию всех членов общества, независимо от уровня их социально-экономического статуса, этнической, религиозной и гендерной принадлежности; грамотная социальная поддержка и помощь социально дезадаптированным категориям населения; совершенствование качества информационного пространства социальной интеграции с целью транслирования идей сплочения общества, формирования патриотического, гражданского менталитета членов российского общества.

Примечания

¹ Коджаспирова Г. М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. М.: Владос-Пресс, 2003. С. 16.

² Педагогика: учеб. пособие / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2004.

³ Giddens A. Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis London: Macmillan Press, 1979. С. 298.

⁴ Дистерверг Ф. А. Руководство к образованию немецких учителей // Хрестоматия по истории педагогики: в 3 т. / под ред. А. И. Пискунова. М.: Сфера, 2006. Т. 2: Новое время. С. 320.

⁵ Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1988. Т. 2. С. 30.

⁶ Толстой Л. Н. Общие замечания для учителя // Толстой Л. Н. Учитель: ст., док., пед. поиск, воспоминания. страницы лит. / ред.-сост. Д. Л. Брудный. М.: Политиздат, 1991.

⁷ Макаренко А. С. Проблемы школьного советского воспитания // Хрестоматия по истории педагогики: в 3 т. / под ред. А. И. Пискунова. М.: Сфера, 2006. Т. 2: Новое время. С. 548.

⁸ Владимир Путин провел в Пскове Совет по культуре. URL: <http://1tv.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

⁹ Зайцев Д. В. Социальная интеграция детей-инвалидов в современной России. Саратов: Науч. кн., 2003.

¹⁰ Миллс Ч. Высокая теория // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МУБиУ, 1996. С. 145–148.

Е. В. Строгеекая

**Идея университета
в зеркале культурных трансформаций и социальных изменений**

Идея университета имеет несколько вариаций. Они появлялись в ходе социокультурных трансформаций. Наиболее известные и распространенные идеи, часто именуемые классическими, сегодня активно критикуются за то, что не отвечают современным условиям и тормозят развития высшего образования. Хотя отмечается, что единой и непротиворечивой идеи современного университета нет, на сегодняшний день существует несколько влиятельных взглядов, определяющих ряд новых моделей университетского устройства.

Ключевые слова: университет, универсальное знание, научное знание, автономия, классический университет, глобальный университет, университет мирового класса, предпринимательский университет

Elena V. Strogetskaia

Idea of a university in the mirror of cultural transformations and social change

Idea of a University has several variations. They appeared in the socio-cultural transformations. The most famous and common ideas, often referred to as classical, is actively criticized for something that does not meet modern conditions and inhibit the development of higher education. Although it is noted that there isn't a unified and consistent idea of modern university, today there are several views determining the number of new models of university unit.

Keywords: university, universal knowledge, scientific knowledge, autonomy, classical university, global university, world-class university, entrepreneurial university

Родовой чертой социокультурного феномена университета, отличающей его от школы и академии, по праву можно считать формирование в нем мыслящего человека. Вместе с тем методы и средства формирования, а также общественный статус мыслящих субъектов на протяжении веков оспаривались. Говоря об идеи университета, необходимо отметить, что все ее вариации неразрывно связаны с представлениями о качестве знания, формирующей способность мыслить, об условиях обеспечивающих передачу и продуцирование искомого знания, а также об общественной роли университета, колеблющейся в пределах континуума элитарности – массовости. Динамика этих концептуальных составляющих заметно проявляется в периоды социальных перемен и культурных трансформаций.

Возникновению университетов в средние века способствовали два фактора: развитие городов и упадок монастырских школ. На основании средневековой модели впоследствии была формализована идея либерального университета. Она исходила из представлений об университете как об учреждении, которое посред-

ством накопления, сохранения и передачи универсального и либерального знания обеспечивает жизненными ориентирами, определенным мировосприятием. Под универсальностью в данном случае понималась максимальная широта преподаваемых знаний. Всякое ограничение этой широты считалось несовместимым с сущностью университета. Либеральное или свободное знание противопоставлялось полезному или утилитарному знанию.

Главным средством обеспечения универсальности и либеральности знания являлся университетский корпоративизм. Средневековый университет рождался как духовное и интеллектуальное сообщество – корпорация студентов и преподавателей, обладавшая особым статусом и рядом привилегий. Внутри этой корпорации, с одной стороны, вырабатывался особый университетский дискурс, с другой – университетский образ жизни, к атрибутивным свойствам которого относилось стремление к знанию и к общению. Если университетский образ жизни провоцировал открытость сообщества студентов и преподавателей, был разнонаправлен и постепенно привел к получению университетом общекультурного статуса, то особый дискурс делал университетское сообщество закрытым, поскольку был организован и распространен в искусственной среде, носил корпоративный и строго направленный характер¹.

В рамках идеи либерального университета его ключевой общественной миссией считалось обучение достижениям культуры, развитие интеллекта и духовности, формирование интеллектуальной элиты общества.

Идея либерального университета начала подвергаться суровой критике с середины XVIII в. в связи со схоластичностью даваемого образования и с его отставанием от достижений научной деятельности других интеллектуальных центров того времени. Затяжные локальные войны, бушевавшие в Европе, Великая французская революция, господство Наполеона привело к расцвету новых идей высшего образования и, в частности, университета.

Во Франции с середины XVIII в. наряду с университетами начинают открываться учебные учреждения, целью которых становится обучение профессиям, связанным с умственным трудом: учитель, врач, чиновник и т. д. Особо выделяется все более дифференцирующееся инженерное дело. Окончательное оформление идея французских «Больших школ» получает при Наполеоне и противостоит университетской, подчеркивая умозрительность последней. Следствием этого противопоставления стало заметное снижение престижа университетов во Франции в сравнении с «Большими школами», сохранившее свое значение по сей день.

Идея нового университета появляется благодаря и в ходе деятельности немецких реформаторов XIX в. Несмотря на то, что немецкая традиция представлена рядом выдающихся авторов, имя К. В. фон Гумбольдта выделяется в ней особо, хотя бы потому он был не только теоретиком, но и практиком. Его детище – Берлинский университет – был создан в 1810 г. на базе Прусской академии наук. Впоследствии

по образцу Берлинского университета были модернизированы все остальные университеты Германии. Большинство стран мира, и, в первую очередь Россия, приняли эту модель для развития своих высших школ.

Некоторые черты Гумбольдтовского университета совпадали со свойствами его «либерального» предшественника. Например, Гумбольдт и его коллеги по-прежнему видели в университете культуропорождающий центр. Однако сами представления о культуре у англичан и германцев различались. Немецкие реформаторы полагали, что уровень культуры государства определяется теми благами, которые приносит объединяющая, тотализирующая сила науки, институционализированная в виде исследовательского процесса². Поэтому в основу идеи гумбольдтовского университета легла концепция знания-науки, в рамках которой была предпринята попытка сузить универсальное знание до объема знания научного. Научные истины считались верифицируемыми, в отличие, например, от религиозных, а потому более предпочтительными. Следовательно, трансляцию ненаучных истин, по мнению немецких реформаторов, следовало исключить из университетского образования, а акцент с общей эрудиции выпускников университетов перенести на владение ими специфическим научным методом. Идея университета получила тем самым новое понимание, его культурная задача была ограничена. Но от этого, как предполагалось реформаторами, она могла стать более эффективной.

Сходным с либеральной идеей университета было и то, что условие эффективной работы университета Гумбольдт видел в институционально закрепленной свободе от сфер, которые стремятся использовать университет как инструмент получения практической пользы, в ущерб научно-исследовательской и образовательной деятельности. Для этого, во-первых, предполагалась собственная отстраненность этих видов деятельности от утилитаризма и сиюминутной выгоды, а, во-вторых, свободным от утилитаризма должно было стать и само знание, преподаваемое здесь. Все это, в конечном счете, обеспечивалось автономией университета от церкви, государства и нарождающихся промышленников.

У нового германского университета наряду с научно-исследовательским характером передаваемого знания и с автономией от церкви, государственной бюрократии и интересов буржуазии была и еще одна особенность – главное его назначение состояло в социализации подрастающего поколения³. В такой трактовке общественной роли университета вновь можно обнаружить сходство между его либеральной и исследовательской идеями. В то же время германская модель университета, так же как и английская, выделяя процесс воспитания в качестве обязательной составляющей высшего образования, подчеркивала, что целью его является не формирование элиты, а развитие гражданина, работающего на благо государства, которое, в свою очередь, пополняется исключительно в ходе научного прогресса.

История развития классического университета насчитывает восемь веков, на протяжении которых дважды наблюдался взлет университетского образования, выразившийся в росте числа университетов, усилении их общественного значения и, как результат, формализации двух основных идей классического университета. Если обобщить содержательную сторону этих идей, то можно выделить следующие основные представления о классическом университете:

- формирование мыслящего субъекта возможно в результате освоения им либо универсального, т. е. максимально широкого знания о мире, либо верифицируемого знания и научного метода;

- университетское знание свободно от утилитаризма и сиюминутной выгоды, что обеспечивается либо жесткой корпоративностью университетского общества, либо законодательно закрепленной автономией от государства, церкви и промышленных интересов;

- миссия классического университета заключается в социализации, целью которой является либо формирование интеллектуальной элиты общества, либо воспитание ученого-гражданина (по сути научной элиты), действующих в интересах государства.

Глобальные социокультурные трансформации, сопровождавшие индустриализацию, а затем информатизацию общества, поставили под сомнение идеи классического университета, определившие институциональное устройство многих современных вузов.

Конец XIX – начало XX в. ознаменовался появлением новой модели университета. Она родилась в Северной Америке и была обусловлена необходимостью удовлетворить запросы бурно развивающейся промышленности, остро нуждающейся в притоке квалифицированных кадров и развитии технологий, а также потребностью преодоления социальных проблем, связанных с ростом потока эмигрантов в США. Главной отличительной чертой новой версии университета стал его массовый характер, поэтому и модель получает соответствующее название.

Массовый университет имел научно-исследовательскую ориентированность. Идея науки как основы эффективной государственной экономики и разумного общества в США была освоена чрезвычайно глубоко. Однако речь шла, прежде всего, о прикладной науке. Немецкую концепцию знания-науки американцы понимали в прагматическом духе. В стенах массового университета готовились специалисты узкого, чаще всего технического профиля. Интересно, что влиянию технократизации подверглись даже гуманитарные направления, интериоризировавшие «технический» дискурс.

Модель массового университета, особенно ярко проявившаяся в США, отнюдь не являлась специфичной исключительно для Америки. Эта модель, безусловно, представляла общемировую тенденцию развития.

Сегодня модель массового университета, готовящего узких технических специалистов, часто ошибочно ассоциируется с немецкой традицией, хотя в Германии начала XX в., где переход к новой модели также имел место, она не приветствовалась. Ее связывали с разлагающим американским влиянием, профанирующим европейские культурные ценности. В этом контексте в Германии рождается широко распространенная сегодня метафора массового университета – «университет-фабрика». Эта метафора положила начало мировым критическим дискуссиям, посвященным функционированию этой модели. Как и все массовые феномены, новый университет стал мишенью современных критиков, усматривавших в узкой специализации и «технизации» образования проявление упадка высокой культуры.

Вторая половина XX в., часто именуемая началом информационной эпохи, маркируется качественным изменением главной детерминанты социального развития. Если базисом развития общества в индустриальную эпоху были технологии производства и распределения энергии, то информационная эпоха организуется вокруг непрерывного продуцирования знания и информации. В этих условиях знание развивается кризисно и не может интегрироваться в единое целое, наоборот, чаще всего оно претерпевает глубокую дифференциацию. Развитие разнородных научных направлений создает противоречивые и противоположные тенденции. Поэтому некоторые исследователи высшего образования настаивают на том, что единого универсального знания сегодня не существует, а широту всех форм современного знания вряд ли могут вместить рамки одного учебного учреждения. Отсюда появляется ряд новых идей в области образовательных практик и организационного устройства университета.

Прежде всего, осуществляются попытки реинтерпретации универсального знания. К ним, например, относится взгляд критика миссии образования как продуцирования культуры, духовных ценностей и идеологического воспитания З. Баумана. Он понимает под универсальным знанием то, которое передается и формируется в ходе так называемого «третичного» обучения.

Обосновывая свой взгляд, Бауман исходит из представления о том, что современный мир не сложен, а сверхсложен, и университет непосредственно вовлечен в эту сверхсложность. Все позиции, кодифицированные старшими поколениями и позволявшие стабильно ориентироваться в мире, теперь потеряли свою былую устойчивость. Для нашего времени характерно разрушение всех рамок и всех образцов без предварительной подготовки индивидов, что заметно усложняет их существование и деятельность. Стремление по традиции искать логически последовательные и связанные структуры и поступать в соответствии с ними в нынешней ситуации скорее может привести индивидов не к успеху, а к беде. С точки зрения существующих образовательных практик, такая ситуация обнаруживает полную несостоятельность, поскольку все они опираются на закрепощающие принципы философии тождества и выражаются в различных системах так называемого нрав-

ственного («идеологического») воспитания. Бауман использует понятие «третичное обучение» для описания образовательной практики, наиболее эффективной и соответствующей сегодняшнему дню. «Третичное обучение» дает знания о том, как нарушать общепринятый порядок, как избавиться от привычек и предотвратить привыкание, как преобразовать фрагментарные элементы опыта в его новые образцы⁴.

Еще одна интерпретация универсальности университетского знания исходит не из культурных характеристик современности, а из ее информационно-технологических свойств. В век электронной техники и компьютеров, единое универсальное знание часто подменяется процессом приобретения информации, который сводится к умению обращаться со все увеличивающимся потоком разнородных данных. В связи с этим современный универсализм университетского образования рассматривают в неразрывной связи с максимально широким доступом к мировым информационным ресурсам, а также подразумевающим возможности университета обучать своих студентов самым разнообразным технологиям работы с информацией.

На фоне сомнений относительно возможностей современного университета предоставить студентам доступ во всем существующим формам знания рождаются идеи глобальных университетов. Такая модель представляет собой устойчивую, но открытую сеть многих высших учебных заведений, осуществляющих непрерывный обмен студентами, преподавателями и другими ресурсами.

Переход к информационной эпохе ознаменован еще одной проблемой, связанный с верификацией знаний. Сегодня острее, чем всегда, поставлен вопрос об абсолютности истины, о возможности ее достижения и необходимости поиска. Современная наука принимает в качестве аксиомы положение о том, что каждый субъект познания ограничен рамками того горизонта, который ему обеспечивает поддерживающая его социальная конструкция, посредством которой он извлекает знание или впечатление о происходящем взаимодействии. Следовательно, истинного знания не существует, оно всегда сконструировано структурой восприятия мира, или, иначе говоря, социальная система и ее науки сами создают «истину», удобную для себя, – таковы постулаты, сформулированные в итоге господства науки, казалось бы, имеющей своей главной целью поиск истины. Мало того, что такие выводы обозначают невозможность или высокую условность процедуры верификации знания, а, значит, ставят под сомнение саму науку, они объясняют тенденцию роста всеобщей фрагментации.

В этой связи также можно обнаружить динамику идей университета. Одной из ключевых фигур новой интерпретации университетского устройства является Р. Барнетт. По мнению английского исследователя, новая идея университета проистекает из его интегрирующих возможностей, поскольку именно университет, а не традиционные политические и социальные структуры, может противостоять

захлестывающим мировое сообщество проблемам социальной фрагментации, анархии культурных форм, разрушения автономии субъекта. Однако выступать медиатором, посредником в современном обществе, теряющем свою целостность, может только университет трансформирующийся⁵.

Во-первых, обучение в таком университете не может истолковываться с точки зрения процедуры. Это – не вопрос передачи знаний или приобретения навыков. Обучение должно вызывать брожение в умах студентов. Но задача педагога не заканчивается на этом, она исполняется лишь тогда, когда студенты осознают, что для жизни в этой неопределенности им необходимо найти и развить собственные силы⁶. Необходимость подготовки к решению постоянно возникающих уникальных, новых и неожиданных задач требуется не столько знание жестко определенного предмета, сколько междисциплинарного подхода. Кроме того, человечеству, и прежде всего образовательным учреждениям, по мнению Барнетта, предстоит вновь исследовать сами основания мышления и заново продумать проект будущего. В такое время узость взгляда становится недопустимой. Барнетт констатирует в этой связи, что преподавание становится еще более сложным, образование более широким и основанным на критическом подходе⁷.

Во-вторых, английский исследователь не оставляет без внимания и университетские исследования. Он неоднократно подчеркивает, что исследование в университете должно носить политический характер, а ученые должны стать общественными деятелями, даже политиками, но особого рода. Они должны научиться искусно обращаться не только с соперничающими дискурсами, но и с оппозиционными блоками власти⁸.

Таким образом, по мнению Барнетта, формулируя новую идею современного трансформирующегося университета, необходимо полагаться на следующие ценностные основы: отсутствие фиксированных границ, широта и глобальность целей, критическая междисциплинарность, коллективное самопознание, ангажированность и т. д.

Составляющие идеи трансформирующегося университета Р. Барнетта формализуются в нескольких современных моделях вузов. Среди них следует выделить так называемые «университеты мирового класса». Как утверждает Ф. Дж. Альбах с представлением об этой модели есть определенные трудности, поскольку «все хотят его иметь, но никто не знает, что это такое...»⁹. Вместе с тем, сравнительный анализ таких университетов, проведенный международным коллективом исследователей, позволил обнаружить, что помимо формальной черты – лидерства в мировых рейтингах – университет мирового класса нацелен на расширение и устранение социальных границ посредством нескольких технологий. Одна из них – это возвращение на родину многих ученых, работающих за границей и имеющих иной профессиональный и социальный опыт по сравнению с их соотечественниками. Вторая связана с прямой интернационализацией, осуществляющейся путем введе-

ния главенства английского языка и «охотой» за лучшими иностранными профессорами и студентами.

Еще одна модель, формализующая идеи Барнетта, получает название «предпринимательского университета». На такой квалификации настаивает Б. Р. Кларк, одновременно указывая на родственность понятий «инновационный» и «предпринимательский» университет¹⁰. Кларк замечает, что «инновационность» университета – это показатель результатов его деятельности, в то время как его предпринимательский характер отражает процессы, проходящие внутри и подталкивающие к инновационным результатам. Эта модель также подразумевает гибкие границы университета, что достигается посредством появления новых структурных единиц, нацеленных на создание связей с внешними организациями. К таким единицам относятся, с одной стороны, профессионализированные подразделения по внешним связям, например, структуры, взаимодействующие с промышленностью. С другой стороны, это – междисциплинарные проектно-ориентированные научно-исследовательские центры, решающие теоретико-практические задачи в целях экономического и социального развития региона.

У «университета мирового класса» и «предпринимательского университета» есть несколько родственных черт. Среди них отношение к выработке собственной стратегии и к исполнителям этой задачи. Обе модели однозначно указывают на главенствующую роль лидеров университета в динамике его развития. При этом Д. Салми утверждает, что целеустремленность руководителей проявляется не только в умении обозначить четкую концепцию развития университета, но и сделать ее заманчивой для всех заинтересованных лиц, прежде всего для приглашаемых профессоров¹¹. Б. Р. Кларк одной из атрибутивных черт предпринимательского университета называет его «усиленное направляющее ядро», т. е. сильное проактивное руководство, стремящееся снизить зависимость от внешних политических решений. Таким образом, обе модели реализуют идею о коллективном самопознании и ангажированности трансформирующегося университета Р. Барнетта.

Конец XX в. окончательно поставил под сомнение автономию университетов. Современность характеризуется гораздо более высокой степенью прагматики, чем мир средневековья или Нового времени. Если М. Фуко, анализируя историю развития человеческой мысли, выделял три основные когнитивные матрицы извлечения информации: «мера» или «измерение» (античность), «опрос» или «дознание» (средние века), «осмотр» или «обследование» (Новое время), то современному этапу можно поставить в соответствие матричную структуру – «заказ». Такая когнитивно-телеологическая матрица определяет жесткую зависимость субъекта познания от его заказчика. Основной принцип матрицы «заказ» заключается в конструировании характеристик объекта в соответствии с потребностями заказчика. Свойства объекта не столько постигаются в опыте, сколько приписываются ему и закрепляются в нем различными технологическими способами как технического, так и со-

циального порядка. Матрица «заказ» весьма распространена в современных обществах. Ее механизм активно используется средствами массовой информации, политическими группами, бизнес-структурами, учебными учреждениями и т. д.

Доминирование данной когнитивно-телеологической матрицы обуславливает невозможность автономии современного университета. Государство, гарантируя университетам защиту от бизнеса, жестко детерминирует их функционирование и развитие и наоборот: бизнес помогает университетам избавиться от опеки государства, но при этом диктует свои условия существования. Особенно эта ситуация обостряется в условиях фактического дефицита финансирования высшего образования.

Любопытен взгляд на возможности выхода из этой проблемы Б. Ридингса – автора книги «Университет в руинах». Ридингс описывает современный университет как формируемый не национальным государством, а корпоративным капитализмом. Вместо национальной культуры университеты всего мира обнаруживают новую корпоративную идеологию «высокого качества», у которой нет внешнего референта. Ридингс полагает, что обращение к высокому качеству означает, что больше нет никакой идеи университета, или, скорее, что такая идея потеряла все свое содержание. В качестве нереферентной единицы ценности, целиком внутренней для системы, высокое качество обозначает не что иное, как момент саморефлексии технологии. Именно поэтому ученый называет университет «институтом в руинах»¹².

Альтернативной моделью университета, предлагаемой Ридингсом, является «сообщество несогласия». С точки зрения управления, новый университет представляет собой пространство конфликтов, которые нужно рассматривать в контексте конструктивистской перспективы новых институциональных возможностей. Применительно к преподаванию это означает, что оно должно быть чем-то большим, чем простая передача научного знания и воспроизводство системы мышления, а именно – диалогом, в котором «предпринимаются попытки осмыслить социальную связь без обращения за помощью к объединяющей идее, будь то культура или государство». Новые формы преподавания и обучения требуют от студентов, преподавателей и администрации пересмотра и смены ценностных ориентации, открытости идеям и действиям по качественно новым и предельно разнообразным направлениям¹³.

В завершении хотелось бы отметить, что зависимость идеи университета от социокультурных трансформаций обусловила широкие возможности для дифференциации институциональных моделей университета, и, хотя некоторые исследователи поспешили констатировать «смерть» этой культурной формы, представляется, что избавившись от добровольного подражания «флагманским» университетам, вузы увеличат собственную жизнеспособность и создадут условия для развития национальных и мировой системы высшего образования.

Примечания

- ¹ Верже Ж. Средневековый университет: учителя // *Alma mater*. 1997. № 2. С. 43–46; № 4. С. 33–36; № 5. С. 36–40.
- ² Хабермас Ю. Идея университета: процессы обучения // *Alma mater*. 1994. № 4. С. 10.
- ³ Захаров Н. В., Ляхович Е. С. Миссия университетов в европейской культуре. М.: Новое тысячелетие, 1994.
- ⁴ Bauman Z. *Universities: old, new and different* // Smith A., Webster F. *The Postmodern university?: contested visions of higher education in society*. Buckingham: Open Univ. Press, 1997.
- ⁵ Barnett R. *Realizing the university in an age of supercomplexity*. Buckingham: Open Univ. Press, 1999. P. 97.
- ⁶ *Ibid.* P. 99.
- ⁷ *Ibid.* P. 98.
- ⁸ *Ibid.* P. 101.
- ⁹ Дорога к академическому совершенству: становление исслед. ун-тов мирового класса / под ред. Ф. Альтбаха, Д. Салми. М.: Весь мир, 2012. С. 341.
- ¹⁰ Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов. М.: ВШЭ, 2011. С. 22–23.
- ¹¹ Дорога к академическому совершенству. С. 351.
- ¹² Гершунский Б. С. *Философия образования XXI в. М.: Совершенство, 1998. С. 67.*
- ¹³ Там же. С. 69.

Н. К. Гуркина, А. Б. Гуркин

Город и городская культура в формировании личности народного учителя

В статье рассматриваются особенности и условия процесса формирования педагогической интеллигенции в дореволюционной России, особое внимание уделяется осмыслению влияния городской культуры на развитие культурно-творческого и профессионального потенциала, личностных качеств будущих народных учителей.

Ключевые слова: педагогическое образование в дореволюционной России, народный учитель, формирование личности педагога, городская среда, культурная жизнь города

Nina K. Gurkina, Andrey B. Gurkin

The city and urban culture in the formation of a national teacher

The article discusses the features and conditions of the process of formation of pedagogical intelligentsia in pre-revolutionary Russia, special attention is given to understanding the influence of urban culture on the development of cultural and creative and professional potential, personal qualities of future folk teachers.

Keywords: teacher education in pre-revolutionary Russia, national teacher, the formation of the personality of the teacher, the urban environment, the cultural life of the city

Реформы Александра II привели к значительным преобразованиям в хозяйственно-экономическом строе России, к изменениям социального и духовного облика населения, росту культурных потребностей общества, что создавало новые условия для развития образования и просвещения в стране. Характер и темпы общественной модернизации, в свою очередь, в значительной мере зависели от состояния системы образования, его качества, доступности, эффективности. С принятием «Положения о начальных народных училищах» 1864 г. и специальной программы поддержки церковно-приходской школы 1884 г. начальная школа России получила новый импульс к развитию и на рубеже XIX–XX вв. стала массовой. Подготовка учителей для народной школы стала в пореформенный период первоочередной задачей просвещения, в ее решение включились государство, земства и сформировавшееся в 1860-е гг. широкое общественно-педагогическое движение. В подготовке проектов учительской семинарии, признававшейся наиболее приемлемой формой подготовки педагогов для начальной школы, участвовали Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Н. А. Корф и др. Теоретические основы педагогических образовательных учреждений разрабатывались выдающимися педагогами, государственными и общественными деятелями.

Проблема формирования личностных качеств будущего народного учителя волновала государство и общество не менее организационных и методико-педаго-

гических вопросов кадрового обеспечения начальной школы. Задачей народного учителя было не только обучать основам грамотности крестьянское население, но и просвещать, воспитывать, духовно наставлять. «Воспитатель, стоявший в уровень с современным ходом воспитания, – писал К. Д. Ушинский, – чувствует себя живым, деятельным членом великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, борющихся за истину и за благо»¹.

Сложившаяся в стране к началу XX в. система среднего педагогического образования включала специальные учебные заведения: учительские институты и семинарии, педагогические курсы, второклассные церковно-приходские (учительские) школы. Учительниц готовили в педагогических классах женских гимназий и епархиальных женских училищ, законоучителей – в духовных семинариях. В этих учебных заведениях, находящихся в губернских и уездных городах, учились в основном местные уроженцы, дети крестьян и духовенства, других демократических слоев населения. Обучение для большинства будущих народных учителей было бесплатным, пособия и стипендии они получали от государства, земства, благотворительных организаций.

Привлечение крестьянских детей в педагогические учебные заведения было частью школьной политики государства и земств. Подавляющая часть начальных школ России были сельскими. Народные учителя из крестьянства и духовенства были наиболее адаптированы к жизни на селе. Материальное обеспечение в период учебы, однако, не компенсировало в полной мере трудностей и тягот жизни сельского учителя, поэтому приходили в педагогические учебные заведения крестьянские дети, стремящиеся к знаниям и культуре. По отзывам педагогов, приходящие из крестьянской среды воспитанники очень быстро достигали уровня выпускников городских училищ и заметно продвигались в своем интеллектуальном развитии, поскольку не страдали «самомнением», а отличались «вниманием и прилежанием»². Добросовестность, трудолюбие, коллективизм, уважение к старшим были привиты у таких учащихся с детства. В процессе обучения и воспитания преподаватели педагогических учебных заведений стремились сохранить полезные практические навыки и несомненные духовные ценности сельского мира, развить и закрепить лучшие черты народного характера. Во многих семинариях, наряду с общеобразовательными и специальными дисциплинами, преподавались основы сельского хозяйства. Открывшаяся в 1903 г. образцовая Петрозаводская учительская семинария располагалась в специально построенном городке, куда входили не только учебные корпуса, общежития, квартиры для преподавателей, гимнастический зал, столовая, больница, домовая церковь, но и конюшня, пасека, огород, парники и оранжереи³.

Значительное влияние на формирование личности народного учителя оказывало знакомство с городской культурой, и в целом – городская среда. За годы учебы

(от 2 до 6 лет – в зависимости от типа образовательного учреждения) и жизни в губернском или уездном городе воспитанники педагогических учебных заведений значительно расширяли свой кругозор, повышали общекультурный уровень, общались к традициям и духовным богатствам русской и мировой культуры. «Впервые в жизни я ехал поездом и пароходом, увидел большие города и промышленные регионы, с провинциальной застенчивостью смотрел на разного типа городских жителей... – писал о своей поездке на учебу в учительскую семинарию П. А. Сорокин, – новое окружение, новые знакомства и особенно интенсивное чтение доселе незнакомых мне книг, журналов и газет быстро расширили и углубили мои взгляды»⁴.

Провинциальный город дореволюционной России предоставлял широкие возможности для культурного развития и самосовершенствования выходцев из сельской среды. Во многих губернских городах на рубеже веков появились электричество, водопровод, телефон и телеграф, кинематограф. В провинциальных городах развивалась местная пресса, открывались музеи и театры, публичные библиотеки, культурно-просветительские общества, развернувшие широкую лекционную, выставочную, издательскую и концертную деятельность. В Архангельске и Вологде, в частности, в начале века работали кружки любителей изящных искусств, занимавшиеся устройством лекций и выставок для населения. Члены Вологодского кружка издавали журнал «Временник», организовали 5 художественных выставок, участниками которых были вологодские и русские художники, в том числе из «Мира искусств» и т. п.⁵

Будущие педагоги стремились посещать музеи, выставки, городские театры и клубы, Народные дома (центры культурно-просветительской работы), любительские спектакли местных артистов, концерты и спектакли приезжих трупп. Воспитанники Петрозаводской учительской семинарии даже включили в свое заявление руководству в 1904 г. пункт о возможности постоянного посещения театров и вообще «учреждений, облагораживающих человека»⁶. Посещать театры, концерты, кино, городской каток разрешалось и учащимся духовных учебных заведений, но «с разбором», по выбору педагогов. На спектакли гастролировавших трупп иногда уходили самовольно. В журнале Архангельской духовной семинарии за 1912 г. отмечены воспитанники, убежавшие из общежития, «подложив под одеяло одежду», в коммерческое собрание на оперный спектакль и получившие за это «тройку» по поведению, и ученик 5 класса, которому был объявлен строгий выговор за уход «без разрешения на оперу «Жизнь за царя» (в журнале помечено – «не был отпущен, так как ходил дважды перед этим на оперу»)⁷.

Процесс обучения в педагогических учебных заведениях сопровождался многоплановой воспитательной работой, направленной на формирование личности народного учителя. Чтение художественной литературы, материалов прессы с последующим обсуждением, занятия музыкой и изобразительным искусством, подготовка музыкально-литературных вечеров осуществлялись в стенах учебных за-

ведений под руководством педагогов и способствовали интеллектуальному росту, эстетическому и патриотическому воспитанию учащихся. Обучение рисованию и музыке было частью профессиональной подготовки будущих учителей. Уроки музыки и пения включали не только изучение нотной грамоты, но и обучение учащихся игре на каком-то музыкальном инструменте. Во многих педагогических учебных заведениях существовали ученические хоры и оркестры, исполнявшие светскую и духовную музыку русских и зарубежных композиторов. В репертуаре оркестра Тотемской учительской семинарии, состоящего из 12 струнных и 8 духовых инструментов, были произведения Моцарта, Бетховена, Глинки, Верди, Вагнера. В Петрозаводской учительской семинарии был создан оркестр народных инструментов и т. д.⁸

Воспитательная работа в учебных заведениях была тесно связана с культурной жизнью города. Художественные выставки, литературно-музыкальные вечера становились своеобразными смотрами достижений городских учебных заведений, они проводились совместно некоторыми учебными заведениями, в качестве зрителей приглашались жители города, местная интеллигенция.

Объединенные хоры учащихся, ученические оркестры становились обязательными участниками общегородских мероприятий – юбилейных торжеств и праздников, благотворительных концертов. На таких торжествах выступали лучшие лекторы города, звучала духовная и светская музыка русских и зарубежных композиторов, ставились спектакли, устраивались народные гуляния с танцами. В ходе подготовки городских мероприятий публиковались книги и статьи соответствующей тематики, устраивались выставки, проходили народные чтения. Занимаясь вместе с городской общественностью подготовкой и проведением городских мероприятий, будущие учителя приобретали необходимый опыт культурно-просветительской и благотворительной деятельности, и готовились таким образом к роли «культуртрегеров» в широких народных массах.

Многие концерты в городах проводились с благотворительными целями. В годы русско-японской войны и Первой мировой войны учащиеся педагогических учебных заведений выступали с платными концертами в пользу раненых, в фонд сирот, бесплатно – перед отправляющимися на фронт и т. д. Благотворительной деятельностью в губернских городах активно занимались религиозные общества и организации. Учащиеся педагогических учебных заведений принимали участие во многих благотворительных мероприятиях Русской православной церкви, а также в православных праздниках и молебнах, пели в церковных хорах. Религиозное воспитание было особенностью не только духовных, но и светских педагогических учебных заведений.

Большое распространение в педагогических образовательных учреждениях получила в начале XX в. экскурсионная работа. Воспитанники под руководством педагогов осматривали местные достопримечательности, памятники культуры, музеи, монастыри. Экскурсии устраивались также на телефонные, электрические

и водопроводные станции, промышленные и сельскохозяйственные мероприятия, на железную дорогу, в порт и т. д. В 1904 г. Министерство народного просвещения выразило готовность материально помогать в организации экскурсий по стране с целью повышения культурного уровня народных учителей. Воспитанники провинциальных учебных заведений посещали Москву и Петербург, другие города страны, где осматривали музеи, храмы, памятники архитектуры, учреждения культуры, а также промышленные предприятия.

Воспитанники Тотемской учительской семинарии Вологодской губернии в начале XX в. посетили, кроме столиц, Ярославль, Нижний Новгород, Троице-Сергиеву лавру, архангельские епархиалки побывали в Киеве, Белгороде, Ялте, Севастополе и т. д. Программа пребывания в Москве тотемских семинаристов включала знакомство с соборами Василия Блаженного и Христа Спасителя, коллекциями Третьяковской галереи, Исторического и Румянцевского музеев, посещение Кремля и т. д. При поездках в Петербург учащиеся осматривали Эрмитаж, Петропавловскую крепость, Александро-Невскую лавру, Казанский собор, Александровский музей, храм Воскресения Христова, музеи Петергофа и Ораниенбаума. В июньской поездке 1913 г. будущие учителя слушали в Петербурге оперы «Жизнь за царя» и «Травиата». Тогда же посетили Ботанический сад, электростанцию, водокачку, сталелитейный завод, Кронштадтский порт и военные суда⁹.

Не всегда влияние города было благоприятным. В 1905 г. (и в другие годы начала века) волнения (в той или иной форме) затронули многие провинциальные педагогические учебные заведения. По мнению руководителей учебных заведений, значительную роль в возникновении «беспорядков» или других форм протеста играли «внешние влияния», к которым относили воздействие ссыльных и местной интеллигенции. «Если в последние годы некоторые из представителей интеллигенции и снисходили до общения с семинаристами, то это имело место только в эпоху освободительного движения, причем преследовались особые цели. Политические ссыльные стремились сблизиться с семинаристами и просвещали их по-своему», – писал ревизор Святейшего Синода в отчете о проверке Вологодской духовной семинарии в 1910 г.¹⁰

«В г. Тотме до 165 политических поднадзорных, есть и интеллигентная молодежь... поют революционные песни, устраивают демонстрации с флагами... публичное и массовое проявление их политических взглядов должно действовать в маленьком городке особенно вредно в нынешнее смутное время на молодых людей с неустановившимися взглядами», – сообщал губернатору и попечителю учебного округа в 1906 г. директор Тотемской учительской семинарии, ходатайствуя от имени педагогического совета об удалении ссыльных в другие местности¹¹. По мере сил педагоги старались противодействовать негативному (с их точки зрения) влиянию городской среды, проводя соответствующие разъяснения и беседы, признавая при этом, что именно социальное происхождение будущих пастырей

и народных учителей делало их восприимчивыми к революционной пропаганде в начале XX в.

Город таил также опасности и соблазны другого плана. В фонде Тотемской учительской семинарии сохранилось ходатайство директора о переводе двух местных чиновников в другие города, «что помогло бы восстановлению их служебного авторитета и дало бы уверенность, что воспитанники Тотемской учительской семинарии – будущие учителя будут избавлены от возможностей склонения со стороны семейств названных чиновников к употреблению спиртных напитков и от вовлечения в предосудительные отношения»¹².

Развитие культурно-творческого и профессионального потенциала учащихся педагогических учебных заведений посредством системы образования и воспитания с использованием возможностей городской культуры приводило к качественным сдвигам в сознании и поведении личности. Происходило не только профессиональное становление народных учителей, но и вершился сложный процесс включения их в состав русской интеллигенции. Формирование социокультурной идентичности провинциальной интеллигенции, прежде всего педагогической, базировалось при этом на органичном сочетании ценностей сельского мира России и духовных богатств и достижений высокой (городской) культуры. Во многом благодаря новым поколениям народных учителей российская школа, ставшая на рубеже веков значимым средством модернизации страны, сохраняла также роль хранителя традиционных ценностей российской цивилизации.

Примечания

¹ Цит. по: Латышина Д. И. История педагогики: воспитание и образование в России, X – начало XX в. М.: Форум, 1998. С. 391–392.

² Гуркина Н. К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. СПб.: Полторак, 2014. С. 57.

³ Там же. С. 58.

⁴ Сорокин П. А. Долгий путь: автобигр. роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР: Шипас, 1991. С. 35–36.

⁵ Гуркина Н. К. Культурно-просветительская деятельность в городах Европейского Севера России на рубеже XIX–XX вв. // Электронная культура: феномен неопросветительства. М., 2010. С. 17–24.

⁶ Нац. арх. Респ. Карелия. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2/6а. Л. 3.

⁷ Гос. арх. Архангел. обл. Ф. 73. Оп. 1. Д. 895. Л. 1–3.

⁸ Гуркина Н. К. Провинциальный учитель в дореволюционной России. С. 60–61.

⁹ Там же. С. 59–60.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 10, Д. 244. Л. 39.

¹¹ Гос. арх. Вологод. губ. Ф. 852. Оп. 1. Д. 126.

¹² Там же. Д. 140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баженов Анатолий Матвеевич
Тульский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент

Bajenov Anatoly Matveevich
Tula State University
PhD in history, associate professor
bajenov.anatol@yandex.ru

Баранов Николай Алексеевич
Балтийский государственный технический университет «Военмех», Санкт-Петербург
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры глобалистики и геополитики

Baranov Nikolay Alekseevich
Baltic State Technical University «Voenmeh», Saint Petersburg
doctor of political sciences, professor,
professor of Department of global studies and geopolitics
nicbar@mail.ru

Боенко Наталья Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат экономических наук, доцент

Boenko Natalya Ivanovna
Saint Petersburg State University
PhD in economic sciences, associate professor
boenko1@mail.ru

Бояркина Сания Исааковна
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальной работы

Boyarkina Saniya Isaakovna
Saint Petersburg State University of Economics
PhD in sociology, associate professor of Department of sociology and social work
s.boyarkina@mail.ru

Воробьева Ирина Владимировна,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории социологии

Vorobyova Irina Vladimirovna
Russian State University for Humanities, Moscow
PhD in sociology, associate professor,
associate professor of Department of theory and history of sociology
vorobyova. irina@list.ru

Гуркин Андрей Борисович
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
кандидат исторических наук, доцент

Gurkin Andrey Borisovich
Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»
PhD in historical sciences, associate professor
abgur313@mail.ru

Гуркина Нина Константиновна
Северо-Западный институт управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург
доктор исторических наук, профессор

Gurkina Nina Konstantinovna
North-Western Institute of Management of Russian Federation Presidential Academy of
National Economy and Public Administration, Saint Petersburg
doctor of historical sciences, professor
nina-gurkina@yandex.ru

Гуторов Владимир Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии
политики факультета политологии, руководитель Санкт-Петербургского отделения
Российской ассоциации политической науки (РАПН)

Gutorov Vladimir Aleksandrovich
Saint Petersburg State University
doctor of philosophy, professor, head of Department of theory and philosophy
of politics of Faculty of political science, head of Regional department
of Russian Association of Political Science (RAPS) in Saint Petersburg
gut-50@mail.ru

Домбровская Светлана Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
аспирантка, факультет социологии

Dombrovskaja Svetlana Sergeevna
Saint Petersburg State University
postgraduate student, Faculty of sociology
lana.noita@gmail.com

Дубенкова Марина Викторовна
Северный федеральный (Арктический) университет им. М. В. Ломоносова,
Архангельск
старший преподаватель

Dubenkova Marina Viktorovna
Lomonosov Northern Federal (Arctic) University, Arkhangelsk
senior lecturer
economassa@mail.ru

Карасева Катарина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет
аспирантка, факультет социологии

Karaseva Katarina Sergeevna
Saint Petersburg State University
postgraduate student, Faculty of sociology
petroval4@yandex.ru

Китайцева Ольга Вячеславовна
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии

Kitaitseva Olga Vyacheslavovna
Russian State University for Humanities, Moscow
PhD in sociology, associate professor of Department of applied sociology
olga_kitaitseva@mail.ru

Козлова Оксана Николаевна
Щецинский университет, Польша
доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии

Kozlova Oxana Nikolaevna
University of Szczecin, Poland
doctor of sociology, professor, director of Institute of sociology
ko-ok@mail.ru

Кутыкова Ирина Валентиновна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет)
кандидат философских наук, доцент
Kutykova Irina Valentinovna
Saint Petersburg State Technological Institute (Technical University)
PhD in philosophy, associate professor
irina.kutykova@gmail.com

Ласточкина Мария Александровна
Институт социально-экономического развития территорий РАН, Вологда
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Lastochkina Maria Alexandrovna
Institute of Social and Economic Development of Territories of RAS, Vologda
PhD in economy, senior researcher
mashkop@mail.ru

Максимова Ольга Александровна
Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А. Н. Туполева
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Maksimova Olga Aleksandrovna
Tupolev National Research Technical University, Kazan
PhD in sociology, associate professor of Department of sociology,
political science and management
olga_max@list.ru

Мартынов Егор Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
студент
Martynov Egor Jurevich
Saint Petersburg State Economic University
student
georgemail@rambler.ru

Мартынова Татьяна Михайловна
Тульский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент
Martynova Tatiana Mikhaylovna
Tula State University
PhD in historic science, associate professor
bajenov.anatol@yandex.ru

Матецкая Анастасия Витальевна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
доктор философских наук, профессор

Matetskaya Anastasia Vitalyevna
Southern Federal University, Rostov-on-Don
doctor of philosophy, professor
tojgar@mail.ru

Меньшикова Галина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат экономических наук, доцент кафедры социального управления
и планирования факультета социологии

Menshikova Galina Aleksandrovna
Saint Petersburg State University
PhD in economy, associate professor of Department
of social management and planning of Faculty of sociology
Menshikova. g. a@mail.ru

Милецкий Владимир Петрович
Санкт-Петербургский государственный университет
доктор политических наук, профессор, факультет социологии

Miletski Vladimir Petrovich
Saint Petersburg State University
doctor of political sciences, professor, Faculty of sociology
falesm@mail.ru

Михеева Людмила Даниловна
Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
НИИ комплексных социальных исследований факультета социологии

Mikheeva Ludmila Danilovna
Saint Petersburg State University
PhD in economy science, senior researcher, Faculty of sociology
mikheeva_ld@rambler.ru

Михеева Натэлла Аршаковна
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма

Mikheeva Natella Arshakovna

Saint Petersburg State University of Economics

doctor of sociology, associate professor, professor of Department
of socio-cultural service and tourism

nat1909@mail.ru

Петров Александр Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет

доктор социологических наук, профессор, факультет социологии

Petrov Alexander Victorovich

Saint Petersburg State University

doctor of sociology, professor, Faculty of sociology

petroval4@yandex.ru

Покровская Надежда Николаевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии

Pokrovskaja Nadezhda Nikolaevna

Saint Petersburg State University of Economics

doctor of sociology, associate professor, professor of Department of sociology

nnp@unecon.ru

Рассказов Сергей Вениаминович

Санкт-Петербургский государственный университет

кандидат физико-математических наук,

доцент кафедры социального управления и планирования

Rasskazov Sergey Veniaminovich

Saint Petersburg State University

PhD in physics and mathematics, associate professor

of Department of social management and planning

rasskazovs@rambler.ru

Росенко Светлана Ивановна

Национальный государственный университет физической культуры,

спорта и здоровья, Санкт-Петербург

доктор социологических наук, профессор,

декан социально-гуманитарного факультета

Rosenko Svetlana Ivanovna

National State University of Physical Culture, Sports and Health, Saint Petersburg

doctor of sociology, professor, dean of Social-Humanity department

rosenko1@mail.ru

Рочева Яна Сергеевна

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет
кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры социологии и социальной работы**

Rocheva Yana Sergeevna

Saint Petersburg State University of Economics

PhD in sociology, senior lecturer of Department of sociology and social work

rocheva_yana@mail.ru

Рысакова Полина Игоревна

**Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат социологических наук, ассистент, восточный факультет**

Rysakova Polina Igorevna

Saint Petersburg State University

PhD in sociology, assistant, Faculty of Oriental studies

vost5@yandex.ru

Самсонова Татьяна Ивановна

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы**

Samsonova Tatiana Ivanovna

Saint Petersburg State University of Economics

PhD in sociology, associate professor of Department of sociology and social work

tatyana_samsonov@mail.ru

Скок Наталья Сергеевна

**Донецкий государственный университет управления, Украина
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии управления**

Skok Natalya Sergeevna

Donetsk State University of Management, Ukraine

PhD in sociology, associate professor of Department of sociology of management

Nplast@bk.ru

Слободской Александр Львович

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры управления персоналом**

Slobodskoi Alexandre Lvovich

Saint Petersburg State University of Economics

doctor of sociology, professor, professor of Department
of human resources management

nnp@unecon.ru

Смирнов Петр Иванович

**Санкт-Петербургский государственный университет
почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор
философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии
факультета социологии, член Международной социологической ассоциации (МСА)**

Smirnov Petr Ivanovich

Saint Petersburg State University

honored figure in higher school of Russian Federation, doctor of philosophy, professor,
professor of Department of theory and history of sociology of Faculty of sociology,
member of International Sociological Association (ISA)

smirnovpi@mail.ru

Солдатов Александр Васильевич

**Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социологии**

Soldatov Alexander Vasilyevich

Saint Petersburg State Marine Technical University

honoured scientist of Russian Federation, doctor of sociology, professor, head of
Department of philosophy and sociology

soldatov@smtu.ru

Солдатов Андрей Александрович

**Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
старший преподаватель кафедры философии и социологии**

Soldatov Andrey Alexandrovich

Saint Petersburg State Marine Technical University

senior lecturer of Department of philosophy and sociology

soldatov2012@yandex.ru

Строгеецкая Елена Витальевна

**Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)
кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии и политологии**

Strogetskaia Elena Vitalevna

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

PhD in political science, associate professor,

head of Department of sociology and political science

avs1973@list.ru

Халлисте Ольга Владимировна

**Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет)**

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Khalliste Olga Vladimirovna

Saint Petersburg State Technological Institute (Technical University)

PhD in sociology, associate professor of Department of sociology
olgahalliste@mail.ru

Хренов Андрей Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой

философии и социологии, и. о. декана факультета мировой культуры

Khrenov Andrey Evgenievich

Saint Petersburg State University of Culture

PhD in philosophy, associate professor, head of Department
of philosophy and sociology, acting dean of Faculty of world culture
andrejkhrenov@yandex.ru

Черезов Дмитрий Николаевич

Санкт-Петербургский государственный университет

кандидат политических наук,

председатель правления Фонда развития конфликтологии

Cherezov Dmitry Nikolaevich

Saint Petersburg State University

PhD in political sciences, head of Fund of Development of Conflictology
peterpark@bcl.ru

Чурин Глеб Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры экологической

безопасности и устойчивого развития регионов факультета географии и геоэкологии

Churin Gleb Yuryevich

Saint Petersburg State University

PhD in sociology, senior lecturer of Department of ecological safety and sustainable
development of regions of Faculty of geography and geocology
gleb4444@rambler.ru

Шевцов Алексей Владимирович

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры социологии факультета социальных наук

Shevtsov Alexey Vladimirovich

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
doctor of philological sciences, associate professor,
professor of Department of sociology of Faculty of social science
monografia.schevtsov@yandex.ru

Шипунова Татьяна Владимировна

**Санкт-Петербургский государственный университет
доктор социологических наук, доцент, профессор, факультет социологии**

Shipunova Tatiana Vladimirovna
Saint Petersburg State University
doctor of sociological sciences, professor, Faculty of sociology
shtatspb@yandex.ru

Шишко Павел Михайлович

**Санкт-Петербургский государственный университет
кандидат философских наук, доцент, факультет политологии**

Shishko Pavel Mikhaylovich
Saint Petersburg State University
PhD in philosophy, associate professor, Faculty of political science
pavelsh52@gmail.com

Якимов Юрий Михайлович

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет
кандидат педагогических наук, доцент**

Yakimov Yury Mikhaylovich
Saint Petersburg State Economic University
doctor of pedagogical sciences, associate professor
uyakimov@mail.ru